

ТИМ
СЕВЕРИН

ПО СЛЕДАМ
МАРКО ПОЛО

ДОРОГАМИ
ЧИНГИСХАНА

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

Annotation

Путешествия Тима Северина продолжаются!

Тим Северин (род. 1940) — британский путешественник, ученый и писатель. Родился в Ассаме (Индия), в семье английского чайного плантатора.

В 1960 году окончил Оксфордский университет, где получил магистерскую степень по географии. По окончании университета Северин вместе с двумя товарищами совершил путешествие на мотоцикле по маршруту Марко Поло. Результатом этого путешествия стала книга «По следам Марко Поло» (1964). Всю свою жизнь ученый и писатель посвятил путешествиям, причем проверял ими различные научные теории. Он предпринял плавание на куррахе через Северную Атлантику в Америку, как святой Брендан. Создав копию древнегреческого судна, Тим Северин прошел по предполагаемому маршруту Ясона и аргонавтов, а также по следам Одиссея. В своем «китайском плавании» он искал подтверждения того, что 2000 лет назад азиатские моряки на бамбуковых плотках могли доплывать до Америки. Тим Северин — автор многих книг и создатель целого ряда документальных фильмов о своих путешествиях.

В 2005 году Тим Северин выпустил свою первую художественную книгу «Викинг: дитя Одина».

Книга знаменитого искателя приключений посвящена «открытию Востока». В первой части он рассказывает, как, будучи студентом Оксфордского университета, вместе с двумя друзьями они на мотоциклах повторили путь великого Марко Поло из Европы на Дальний Восток.

Вторая книга о Монголии — стране, некогда потрясшей до основания Европу и Ближний Восток, затем надолго укрывшейся в тени своих

могущественных соседей, а сегодня вспомнившей о своем героическом прошлом.

В каждом своем путешествии Тим Северин вел путевой дневник, из которого затем выростала книга. Эти книги — памятник отваге, предприимчивости и крепости человеческого духа. Они по праву входят в золотой фонд литературы о путешествиях.

- [Тим Северин](#)
  - [По следам Марко Поло](#)
    - [Вступление](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Благодарности](#)
    - [Глава 1. Приготовления](#)
    - [Глава 2. Венеция](#)
    - [Глава 3. Балканы и Стамбул](#)
    - [Глава 4. Малая Армения Марко Поло](#)
    - [Глава 5. Великая Армения Марко Поло](#)
    - [Глава 6. Долина ассасинов](#)
    - [Глава 7. Селение волхвов](#)
    - [Глава 8. Райские яблоки](#)
    - [Глава 9. Ормуз — Герат](#)
    - [Глава 10. Афганистан](#)
    - [Глава 11. Размышления](#)
    - [Фотографии](#)
  - [Дорогами Чингисхана](#)
    - [Благодарности](#)
    - [Глава 1. В год Лошади](#)
    - [Глава 2. Сердце материка](#)
    - [Глава 3. Сокровенное сказание](#)
    - [Глава 4. Арат](#)
    - [Глава 5. Гора Священного Духа](#)
    - [Глава 6. Три игрища мужей](#)
    - [Глава 7. Эрдени-Дзу](#)

- [Глава 8. Сотня запасных лошадей](#)
  - [Глава 9. Через горы Хангая](#)
  - [Глава 10. Скотоводы](#)
  - [Глава 11. Ламы Мандала](#)
  - [Глава 12. Мудрец](#)
  - [Глава 13. Охота с орлами](#)
  - [Глава 14. Черная Смерть](#)
  - [Глава 15. Шаманка](#)
  - [Глава 16. Вечный образ](#)
  - [Фотографии](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
-

Тим Северин
По следам Марко Поло
Дорогами Чингисхана

По следам Марко Поло

Вступление

Перед вами история проекта «Путь Марко Поло» — попытки еще раз проделать по суше тот же путь, которым, преодолев всю Азию, прошел Марко Поло. Добрая половина маршрута Поло проходит по территории нынешней Китайской Народной Республики, и границы этой страны оказались закрыты перед командой проекта, так что поставленная цель до сих пор полностью не достигнута. Надеюсь, однажды появится возможность совершить путешествие по китайской части древнего караванного пути, однако эта книга о странствии по следам Поло от Венеции до Гиндукуша. Три члена команды проекта старались следовать в точности тому же маршруту через Турцию, Иран и Афганистан, каким двигался караван Поло, хотели сравнить описания Марко со своими впечатлениями, стремились разгадать некоторые загадки, которые окружают его повествование, и попутно получить удовольствие от самого путешествия. Людям, незнакомым с регионом, может показаться, что, где бы мы ни путешествовали, со времен Средневековья там ничего не изменилось. Это не так. Почти повсюду произошли громадные перемены. Но нас больше интересовали оставшиеся неизменными черты азиатской жизни, и, если сосредоточиться исключительно на этих средневековых реликтах, легко создать у читателя ложное представление о странах, по которым пролегал наш путь. Вместе с тем я не могу утверждать, что мы взялись за решение проблем Азии эпохи Марко Поло во всеоружии академической науки. Наш подход был любительским. Мы располагали только элементарными познаниями, почерпнутыми из массы книг о Марко Поло и его странствиях. Единственное

наше преимущество заключалось в личных впечатлениях, вынесенных из путешествия по тем же самым дорогам и странам, которые Поло описывал почти семьсот лет назад. Но это, в конце концов, и было сущностью проекта «Путь Марко Поло».

От начала и до конца нашего путешествия идея о том, чтобы пройти по пути Марко Поло, никогда не обрела бы реального воплощения, если бы не помощь многих людей. Ниже приведен список организаций, которые предоставили нам необходимые средства для путешествия, и мне хотелось бы отметить, что мы глубоко признательны за их щедрость. Здесь же я хочу воспользоваться благоприятной возможностью и выразить нашу благодарность большой группе людей, которые великодушно уделили свое драгоценное время нашему делу и помогли нам советом, финансами и рекомендациями. Среди них — генерал сэра Александр Галлоуэй; Уорден А. Фаррер; профессор С. Хиншелвуд; профессор Дж. Нидэм; член парламента полковник сэра Тафтон Бимиш; Питер Рой, эсквайр; член парламента командер А. Кортни; Ф. Э. Хармер, эсквайр, кавалер ордена Св. Михаила и Св. Георгия; сэра Уильям Хэйтер; профессор Э. У. Гилберт; Ч. Г. Смит, эсквайр; Р. Саггарс и покойный Темпл.

Упомянутыми именами список ни в коей мере не ограничивается, ибо, помимо них, немало людей и в Англии, и во время самого путешествия приходили нам на помощь. Поэтому всем им — огромное спасибо.

Оксфорд, Т. С., февраль 1964 г.

Предисловие

От человека, который в дальнейшем стал редактором этой книги, пришло письмо, с просьбой встретиться с ним в Лондоне. В журнале он прочитал мою статью о том, как в южном Иране я искал следы Марко Поло, и ему захотелось обсудить возможность написания мною книги об этих путешествиях. Издательство находилось в ветхом здании, напомиавшем крольчатник: путаница узких лестниц, неровные полы, кое-где, чтобы расширить комнаты, снесены стены, и все окрашено тусклой кремово-коричневатой краской, а растревоженные обитатели, у которых я спрашивал дорогу в этом лабиринте, давали мне смутные указания, а затем исчезали, подобно рассеянными мышам, в своих тесных норках.

Встреча была назначена на 11 часов утра, и я успел не раз и не два постучаться не в те двери, пока наконец не отыскал нужный кабинет.

— Заходите!

Я толкнул дверь и остался стоять на пороге.

— Чем могу помочь? — спросил меня сидевший за столом мужчина, с виду похожий на кабинетного ученого.

Я замешкался, подумав, что опять ошибся дверью.

— Я ищу кабинет Колина Франклина.

— Колин Франклин — это я, — любезно откликнулся мужчина. — Зачем вы хотели меня видеть? — Казалось, он не имеет ни малейшего представления, с какой стати я тут появился.

— Вы просили меня прийти к одиннадцати, — объяснил я. — Это касается моей статьи в журнале.

Он посмотрел на меня в крайнем замешательстве.

— Но когда я прочитал статью и написал по оксфордскому адресу, то ожидал увидеть какого-нибудь отставного полковника индийской армии, — сказал он. — Полковника, который, по пути на родину, побывал в Персии.

Мне шел двадцать второй год, и я был студентом Оксфорда и изучал географию.

Вот так, с самого начала, книга «По следам Марко Поло» оказалась одновременно и старомодной, и студенческой. Когда через шесть месяцев рукопись приняли, она вдохновила меня продолжить обучение в аспирантуре, где я занялся исследованиями в области истории географических открытий, и попытаться зарабатывать на жизнь, публикуя книги по этой теме. Таким образом я надеялся, что смогу продолжить некое путешествие, которое составляло цель проекта «Путь Марко Поло» и которое доставило мне такое удовольствие.

Теперь, двадцать два года спустя, многое изменилось там, где мы со Стэнли и Майклом беспечно проносились на своих видавших виды мотоциклах, и тем не менее, я уверен, что все равно принял бы то же самое решение. Парадоксально, но те страны, посещение которых для нас не составляло трудностей — Иран и Афганистан, — ныне обычному путешественнику недоступны. А страна, где мы так страстно желали побывать, но никак не могли — Китай, — все больше и больше открывается для туристов. Турция же, между тем, быстро развивается и индустриализируется. Вместо проселков, где наши мотоциклы когда-то буксовали на галечнике и подсакивали на рытвинах, пролегли великолепные шоссе, и, кажется, в каждом провинциальном городке теперь горделиво тянутся вверх фабричные трубы; а прежде нас встречали как заморскую диковинку, и турецкие пастухи спускали на нас своих псов. Однажды какой-то особенно

агрессивный тип сорвал с головы большую грязную кепку и запустил ее, точно диск, в лицо проезжавшему мимо Майклу, что едва не стало причиной аварии.

В Стамбул, где я впервые побывал с командой проекта «Путь Марко Поло», я вернулся через шесть лет. Я сумел разыскать турка Аргуна, молодого и жизнерадостного предпринимателя, который подружился с нами и представил нас своей чудесной турецкой семье, жившей в самом бедном квартале Стамбула. Как я и ожидал, за это время Аргун преуспел. Уехав в Германию, он работал на заводе и скопил достаточно денег, чтобы после возвращения домой открыть сувенирную лавку — под боком у стамбульского отеля «Хилтон».

— Магази́чик — очень хороший бизнес, — радостно заявил он мне. — Здесь продается все, что хотят купить туристы.

Я указал на шкафчик в углу, где красовалась впечатляющая подборка монет, с виду старинных и относящихся чуть ли не к эпохе античных Греции и Рима.

— Это одного моего приятеля, — сказал Аргун. — Он арендует у меня часть лавки. Если хотите купить какие-нибудь монеты, сначала скажите мне.

— Почему? — спросил я.

— Я дам вам цену получше, — пообещал Аргун. — К тому же многие монеты — подделка. Мой друг специально их делает. На прошлой неделе в Стамбуле была какая-то конференция, с несколькими профессорами, и один зашел ко мне в магазинчик. У него с собой был большой справочник по монетам, и он трижды возвращался и тщательно рассматривал монеты, а потом купил пять штук. Для музея в той стране, откуда приехал.

— И монеты были настоящие?

— Две — да, — ответил с ухмылкой Аргун. — Но три другие — поддельные. Мой приятель сделал их всего месяц назад. Видите ли, он пользовался таким же справочником.

Один из моих товарищей по путешествию, Стэнли, после выпуска из Оксфорда был сперва поэтом, затем стажировался во Всемирном банке, стал чиновником в межгосударственной организации, потом — членом Европарламента. На Майкла же, очевидно, глубокое впечатление произвел беззаботный образ жизни двух его друзей-студентов, и он решил, что стоит самому попробовать на вкус университетскую жизнь. Оставив работу ассистента кинооператора, он поступил в дублинский Тринити-колледж, перевелся в Оксфорд, а в настоящее время является преуспевающим романистом. Поскольку Стэнли тоже нависал десять книг, выходит, что бывшие участники проекта «Путь Марко Поло» вместе выпустили в общей сложности больше двадцати пяти книг. Не приходится сомневаться, что помимо любви к странствиям, их также объединяло непреодолимое желание взяться за перо.

Для меня события экспедиции стали предзнаменованием многих будущих странствий. Перечитывая этот отчет о приключениях, неудачах и пронзительной радости от путешествия на мотоциклах по маршруту Марко Поло, я вижу многие черты и черточки, которые в будущем не раз повторялись. И в дальнейшем мои путешествия не обходились без суматошных сборов в последнюю минуту, хотя все заранее готовилось к отъезду без поразительно наивных ошибок, сделанных в спешке: как, бога ради, я умудрился присобачить коляски к мотоциклам на левую сторону, на английский манер, когда мне предстояло несколько тысяч миль дорог, где все ездят справа (а то и вообще посередине)? И, судя по всему, в моих

путешествиях мне всегда везло на спутников и на людей, которых мы встречали на своем пути.

Но, вероятно, наиболее примечательно в книге «По следам Марко Поло» то, что уже тогда я выказывал интерес к морским путям в обе Индии. А именно, в этой книге я упоминал арабских мореплавателей и их корабли и отмечал, что к последним Марко Поло относился с очень большим подозрением: поскольку они скреплялись веревками из кокосового волокна, а не были соединены гвоздями, он отказывался плыть на них. Откуда я мог знать в 1961 году, когда прыгал на костылях со сломанной ногой по пляжу в Бендер-Аббасе, на юге Ирана, и разглядывал традиционные для этих мест корабли с матросами в тюрбанах, и пот катился по деревянным ручкам костылей, что через двадцать лет мне предстоит организовывать строительство средневекового сшивного корабля, на котором я совершу плавание по пути Синдбада, за семь с половиной месяцев пройдя под парусом от Маската до Китая? Ибо даже тогда я всего лишь снова следовал за гением, впервые пробудившим во мне интерес к путешествиям по историческим маршрутам географических открытий, потому что Марко Поло совершил то же самое плавание, но в обратном направлении, когда возвращался на родину, в Венецию, дабы рассказать миру о чудесах Китая.

Графство Корк, Тим Северин сентябрь 1983 г.

Благодарности

Проекту «Путь Марко Поло» очень повезло — ему оказали безмерную поддержку многие компании и частные лица. Полученная от них помощь была крайне важна для нашего рискованного предприятия, и я надеюсь, что они с радостью разделят успех нашего путешествия. Вот кто поддержал нас:

Энн Браун, колледж королевы Елизаветы, Лондон;
«Би-эс-эй», Бирмингем;
«Брайант энд Мэй», Лондон;
«Д. Байфорд энд К?», Лестер;
«Бритиш Батиа шу К?», Тилбери;
«Куртоддс», Манчестер;
«Колибри Лайтерс», Лондон;
«Каселлоид», Бирмингем;
«Кэдбери — Фрай», Бирмингем;
«Чемпион спаркинг плаг», Фелтхэм;
«Ричард Костейн», Лондон;
«П. Б. Кау», Слау;
«Сигнет филм продакшн», Буши;
«Бенджамин Эджинтон», Лондон;
«Гаррард сайдкарс», Блечли;
«Хорн Браз.», Лондон;
«Хорликс», Слау;
Посольство Японии, Лондон;
«Лакриноид продактс», Эссекс;
«Джозеф Лукас», Бирмингем;
«Мэзер энд Краутер», Лондон;
«Мармайт», Лондон;
«Мидланд банк», Льюис;
«Морланде», Гластонбери;
«Ройал Мак-Би», Лондон;
«Э. Б. Мейровитц», Лондон;

«Оксо», Лондон;
«Пасколл», Митчам;
«Пи энд Оу-си-эн», Лондон;
«Р. энд Дж. Пуллман», Йовил;
«Риджуэйс», Лондон;
«Роллс-Ройс», Дерби;
«Стритли мануфакчуринг К?», Саттон
Колдфилд; «Скотт энд Баун», Лондон;
Х. Ф. Темпл, Оксфорд;
«Дж. Уолтер Томпсон К?», Лондон.

Глава 1. Приготовления

«Государя и императоры, короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и граждане и все, кому желательно узнать о разных народах, о разнообразии стран света, возьмите эту книгу и заставьте почитать ее себе; вы найдете тут необычайные всякие диковины и разные рассказы о Великой Армении, о Персии, о татарах, об Индии и о многих других странах; все это наша книга расскажет ясно и по порядку, точно так, как Марко Поло, умный и благородный гражданин Венеции, говорил о том, что видел своими глазами, и о том, чего сам не видел, но слышал от людей нелживых и верных. А чтобы книга наша была правдива, истинна, без всякой лжи, о виденном станет говориться в ней как о виденном, а слышанное расскажется как слышанное; всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда»^[1].

Так начинается одна из самых известных и увлекательных книг, впервые увидевшая свет в XIII веке под названием «О разнообразии мира», а сейчас известная как «Путешествия Марко Поло». Увлекательному повествованию Поло, кажется, суждена вечная популярность, и за сотни лет книга была переведена на множество языков, начиная с японского и заканчивая ирландским.

В XV столетии книгу «Золотой Сипанго» прочел Христофор Колумб, и на страницах ее списка в библиотеке Колумба в Севилье есть семьдесят пометок; полагают, что они сделаны рукой великого адмирала. В Англии издание Джона Фрэмптона времен Елизаветы, вероятно, прочли Фробишер, Дрейк и Рэли. В XIX веке отрывок с описанием летней резиденции великого хана монголов вдохновил Кольриджа написание

бессмертной строфы о дворцах, исполненных неги и лежащих в райской долине («Куб-ла-хан»), и даже в реактивном веке одна из крупнейших авиакомпаний в мире подчеркивает в своей рекламе то, что ее самолеты летают вдоль пути Марко Поло.

И эта удивительная книга с ее волшебными рассказами о птице Рух и сокровищах Голконды занимает совершенно особенное место в воображении юных читателей. Книга сохранила наивную, почти детскую веру средневекового человека в чудеса, и сегодня, с моей точки зрения, она преимущественно обращена к юной публике. Лично я впервые прочел историю путешествия Марко Поло в таинственный Китай тогда, когда учился в подготовительной школе, и до сих пор помню, как самозабвенно следовал за перипетиями великого путешествия и воображал себя идущим за караваном по Великому Шелковому пути на восток через всю Азию к каналам и пагодам Китая.

Через десять лет, слушая лекции в Оксфорде, я был удивлен, когда впервые в курсе этого почтенного заведения, курсе, расплывчато называвшемся историей географии, возникло имя Марко Поло. Тогда книга Поло упоминалась в связи с изучением европейских географических открытий в Азии в XIII веке. Но научный интерес к Марко Поло был весьма незначителен, ибо нам говорили, что описание путешествий знаменитого венецианца еще при его жизни вызывало великое недоверие и по этой причине не имело влияния на современников, и мы обращали большее внимание на труды великих арабских путешественников, на греческие и римские представления о географии и на сухие лекции об истории развития навигационных приборов. Но для меня краткое упоминание о Марко Поло оживило чудесные детские воспоминания, и остальная часть курса отодвинулась на задний план. По счастью, университетские библиотеки обеспечили меня

необходимыми материалами для ознакомления со всем тем, что было известно о великом путешественнике.

Несмотря на то что имя Марко Поло вписано в мировую историю, я обнаружил, что известно о нем немного, исключая научную дискуссию XIX века, сосредоточившуюся на подлинности тех или иных фрагментов текста книги. Удивительнее же всего было то, что я не нашел ни одной попытки проследить путь венецианца и сравнить настоящее положение дел с тем, что описано им семьюстами годами ранее. Правда, некоторые части его маршрута были пройдены в разное время разными людьми, но ни один человек, обладающий необходимыми познаниями в географии, хотя бы и не энциклопедическими, не пытался повторить путь Марко целиком — через Турцию, Персию, Афганистан, «крышу мира» и Китай. И я решил, что, если судьба будет ко мне благосклонна, моя мальчишеская мечта пройти по следам Марко Поло должна стать реальностью.

В то время я только начинал второй год моего трехлетнего курса в Оксфорде, и возможность отправиться в путешествие существовала лишь в период четырех месяцев будущих летних каникул (в 1961 году). Между июнем и сентябрем в пустынях Персии и Афганистана наступал самый жаркий сезон, и я ощущал в идее отправиться странствовать по ним в это время изрядную примесь безрассудства. К своему удивлению, я нашел компаньона всего за неделю. Весь колледж облетела весть, что я обдумываю поездку в Китай. После кто-то упомянул об одном студенте, которого звали Стэнли Джонсон и который услаждал себя этой же мыслью. С этими отрывочными сведениями я в одно октябрьское утро отправился в Эксетерский колледж и был препровожден в комнату Джонсона. Я постучал. За дверью чей-то голос рявкнул: «Войдите!» Я толкнул дверь и увидел дюжего малого с копной русых

растрепанных волос, сидевшего на полу рядом с разбитой чашкой, из которой он, по-видимому, только что пил чай.

— Вы Джонсон? — спросил я.

— Да, — проговорила медведеподобная фигура.

Удостоверившись, что это он, я вошел.

— Меня зовут Тим Северин, — представился я. — Я слышал, что вы мечтаете отправиться в Китай на летних каникулах. Ну, я тоже подумываю о том же, так что мы, возможно, могли бы объединить силы.

— Блестящая идея! Возьмите чашку, — последовал ответ, и путешествие по следам Марко Поло началось.

За чаем мы обменялись соображениями. Мы выяснили, что обладаем достаточными познаниями во всем, имеющем отношение к путешествиям, и что в одно и то же время работали ковбоями, Стэн — в Бразилии, а я — в Монтане. Стэн решил посвятить долгие летние каникулы продолжению своих поездок и в особенности желал повидать Азию. Для получения визы в Китай он хотел выдвинуть предлогом осмотр Великой Китайской стены. Я живописал Стэну идею о следовании по пути Марко Поло, его воображение незамедлительно оценило всю привлекательность проекта, и он вспылал энтузиазмом. К тому времени, когда я обычно возвращался в колледж к ужину, мы составили план начальных действий. Двумя наиболее существенными моментами были деньги и разрешение ехать через страны, по которым проходил маршрут Поло. Но прежде чем приступить к добыванию того и другого, нам нужно было составить более подробный план путешествия, с тем чтобы у нас была ясная программа к представлению в посольства и обращению к возможным спонсорам. Без детально разработанной программы мы не могли надеяться на получение виз и денег.

Стэн с головой ушел в подготовку к экзаменам, которые должны были состояться на Пасху, а я опять

неделями пропадал в библиотеках, исследуя, какие полезные разыскания мы могли бы сделать во время нашей поездки и как наилучшим образом преодолеть сложности путешествия на большое расстояние по сложно проходимой местности. В процессе моих штудий очень скоро стало ясно, что наилучшим способом пройти по маршруту Поло было взять его книгу в качестве руководства и следовать ее указаниям, то есть использовать ее как путеводитель. Так мы могли преодолеть разрыв во времени между нами и средневековым путешественником и, насколько возможно, увидеть описанные страны, как они есть сейчас, его глазами. Но для того чтобы выполнить все задуманное, казалось совершенно необходимым знать о человеке, по следам которого мы собирались пройти, как можно больше, ибо только так мы могли понять его точку зрения и постараться оценить должным образом и то, что изменилось с его путешествия, и то, что за более чем шесть столетий осталось неизменным. Одно несомненно: несмотря на то что нас отделяют от Поло века, безвременье Востока и политические изменения на карте мира, все же местные традиции, история и климат должны быть на нашей стороне и сохранить живые фрагменты истории.

В 1254 году, когда появился на свет Марко Поло, Европа находилась в глубоком Средневековье. Данте еще не стяжал славу, королем Франции являлся Людовик Святой. Европа была большей частью бедна и очень скудно заселена. Италия разделялась между городами-государствами, вздорившими друг с другом по любому поводу. Сильнейшие из этих государств, Генуя и Венеция, испытывали силы друг друга, не решаясь прежде известного времени раскрыть карты. Государства эти были могущественнейшими не только на итальянском полуострове, но и во всем христианском Средиземноморье. На Востоке крестоносцы и сарадины

оспаривали друг у друга права на Левант, куда крестоносцы прибыли на генуэзских и венецианских кораблях, и оба города с того времени сохраняли этот путь — как линию жизни — постоянно открытым, он был Источником постоянного дохода. Всякий купеческий город, от Лондона до Багдада, имел в Венеции и Генуе торговые представительства.

Но европейские проблемы, и даже исламское нашествие были несопоставимы с силами, дремлющими на Востоке. От Арктики до Гималаев и от Белого до Желтого морей весь изведанный мир, кроме четырех полуостровов, занимаемых Индией, Аравией, Европой и Индо-Китаем, находился во власти потомков монгольской орды. Об этом необъятном мире было тогда же сказано, что здесь «не пролетит и птица без дозволения монголов». Всего пятьюдесятью годами ранее из бурлящего котла Монголии восстал ее величайший завоеватель, Чингисхан, Повелитель Мира, объединивший монголов и задумавший, по свидетельству Марко Поло, «покорить вселенную». Во время владычества Угэдэя, сына и наследника Чингиса, армии двинулись из сердца степной конфедерации в Каракоруме, городе Черных Камней. Одна армия победоносно дошла почти до Берлина, остановившись всего в сотне миль от него. Другая воевала юго-запад, наводнила Персию и заняла Багдад. Не было войска, способного противостоять дикому натиску монгольских орд, этим лучникам-конникам, смелость, жестокость и стремительность которых вошли в предания. В Европе оккупанты сначала виделись угрозой для уstraшенных сарацин. Позже, в то время как христианский мир собирался приветствовать их как союзников против ислама, монгольские армии начали со зверской жестокостью мародерствовать в отдаленных христианских поселениях. Мир ужаснулся и, опираясь на смутные рассказы о монгольском племени татаро-

монголов, заключил, что грозные кочевники не кто иные, как татары, притом было сказано, что слово это происходит от слова «тартар», то есть преисподняя, а татары — черные, ужасающие демоны, живущие в ней.

Монгольские армии двигались во всех направлениях и везде одерживали победу. Но в 1260 году колоссальная империя монголов стала настолько неохватной, что начала распадаться на отдельные ханства, управлявшиеся разными ветвями рода Чингисхана. Каждая ветвь приносила лживые клятвы верности кагану, или верховному владыке, ставка которого находилась во вновь покоренных китайских землях. Каждое из вассальных княжеств было больше, чем любое европейское государство, а дороги в пределах этих ханств, ведущие на восток, находились под монгольской юрисдикцией. Безопасные торговые пути и богатые восточные владыки, жаждущие роскоши, были золотым дном, какого не видели предприимчивые торговцы со времен Римской империи, и неудивительно, что одно из первых торговых посольств, возжелавшее воспользоваться случаем и отправившееся в страну татар, было венецианским. Его возглавляли Никколо и Маттео Поло, отец и дядя Марко. Последний был совсем юн и остался в Венеции на попечении тетки.

После множества приключений венецианцы пришли ко двору великого хана и, снискав его покровительство, были отправлены обратно в Европу с тем, чтобы христианские дворы прислали свои посольства к верховному повелителю всех татар. Обратный путь занял у дяди и отца Марко три года. Когда братья в 1269 году прибыли в Венецию, жена Никколо умерла, а его сын Марко был уже пятнадцати лет, следовательно, по средневековым понятиям, на пороге зрелости.

Два года братья ожидали избрания нового папы, так как их возвращение на родину совпало с «междоусобицей», последовавшей после смерти

Климента IV. Без благословения Поло не отваживались возвращаться в Пекин, ибо каган, которым был в это время Кублай, строго наказал им привезти с собой в Пекин «сотню человек ученых, весьма осведомленных в тонкостях веры христианской, весьма сведущих в семи искусствах и искусных в наставлениях, которые они могли бы предложить идолопоклонникам и всем, кто поклоняется другим божествам, кроме христианского бога, дабы доказать, что верования и тех и других исполнены заблуждений и что все изображения богов, которые они хранят у себя и которым поклоняются, суть от дьявола; людей, которые могли бы явить несомненные и ясные доказательства, что христианская религия лучше их собственных верований». Сверх того, великий хан поручил братьям привезти ему «масла из лампы, которая горит на гробнице Бога в Иерусалиме».

Необходимо было, чтобы папа своей властью утвердил подобное посольство из Рима в Пекин, и, несмотря на величественность замысла, Поло знали, что проект осуществим. Ибо в Ватикане ходили настойчивые слухи о лежащем где-то на Востоке легендарном королевстве пресвитера Иоанна, христианские армии которого могли бы обрушиться на сарацин с тыла и выместить их из Святой Земли навсегда. Все, что было нужно христианскому миру, — это найти королевство Иоанна и изъяснить пресвитеру его обязанности.

Таков был исторический фон второго путешествия семьи Поло, путешествия, которое Марко столь живо описал в своей книге. Мы с легкостью находили множество параллелей между временем Марко и нашим. Опять большая часть Азии находится внутри единого политического блока; мы, путешественники XX столетия, были почти того же возраста, как Марко, и имели такие же склонности — мы тоже хотели идти по земле и видеть землю. В своих разысканиях в библиотеках я мало-помалу штопал прорехи в научном описании

путешествий Поло. Далее, на Рождество, вооруженный всеми приобретенными познаниями, я приехал к Стэну и остановился в его фермерском доме в Эксмуре. Шел снег, было холодно, и мы жались к огню и к концу недели составили наш манифест. В нем мы изложили цели путешествия и то, как намерены достигнуть этих целей. Потом, уже в новом году, мы разделили силы и начали долгое хождение по посольствам и благотворительным учреждениям. Мы ездили в Лондон, Кембридж, стучались в наши оксфордские колледжи, и скоро у нас был впечатляющий список влиятельных и известных людей, которые охотно склоняли ухо, чтобы выслушать наш план. Профессор Нидэм, в частности, давал нам советы, а командер Кортни, член парламента, и дальневосточный департамент министерства иностранных дел оказывали нам всевозможную помощь в бюрократическом царстве. Но все они без исключения считали в высшей степени маловероятным получение нами разрешения китайского правительства передвигаться по стране.

Стэн и я испробовали все, что смогли придумать с целью склонить китайские власти к выдаче виз. Мы посылали циркуляры в различные департаменты в Пекине. Мы создавали планы, подразумевающие приглашение в поездку китайских студентов. Мы упирали на то, что мы, как студенты, в высшей степени чужды политики. Китайское посольство на Портленд-сквер стало объектом бесчисленных визитов и телефонных звонков. Но ничто не помогало: виз не выдавали. Это не было для нас совершенной неожиданностью, и мы приложили усилия везде, где было можно. Мы легко получили Визы в Югославию, Болгарию и Иран, под вопросом оставался только Афганистан. В конце концов из Кабула пришло разрешение, и в одно мартовское утро мы с ликованием выехали из Оксфорда в посольство, чтобы забрать наши

паспорта. Стэн забрал меня из Кибл-колледжа на древней машине. С нами ехал один русский студент, учившийся по обмену, которому нужно было в Лондон. Я ехал со Стэном в первый раз, и нельзя сказать, что всю дорогу я сохранял полное присутствие духа. Между Оксфордом и районом Гайд-парка Стэн по меньшей мере трижды чуть не угодил в аварию, а после четвертого случая наш русский пассажир выглядел уже весьма потрясенным. Потом, поблизости от въезда в посольство Афганистана, Стэн не заметил бешеной жестикуляции дорожного полисмена, который деловито записал номер автомобиля. Пока я получал паспорта, Стэн, приняв все произошедшее во внимание, поехал к ближайшей конторе, где скупали металлический лом, и продал свой драндулет за цену железнодорожных билетов, по которым мы вернулись обратно в Оксфорд.

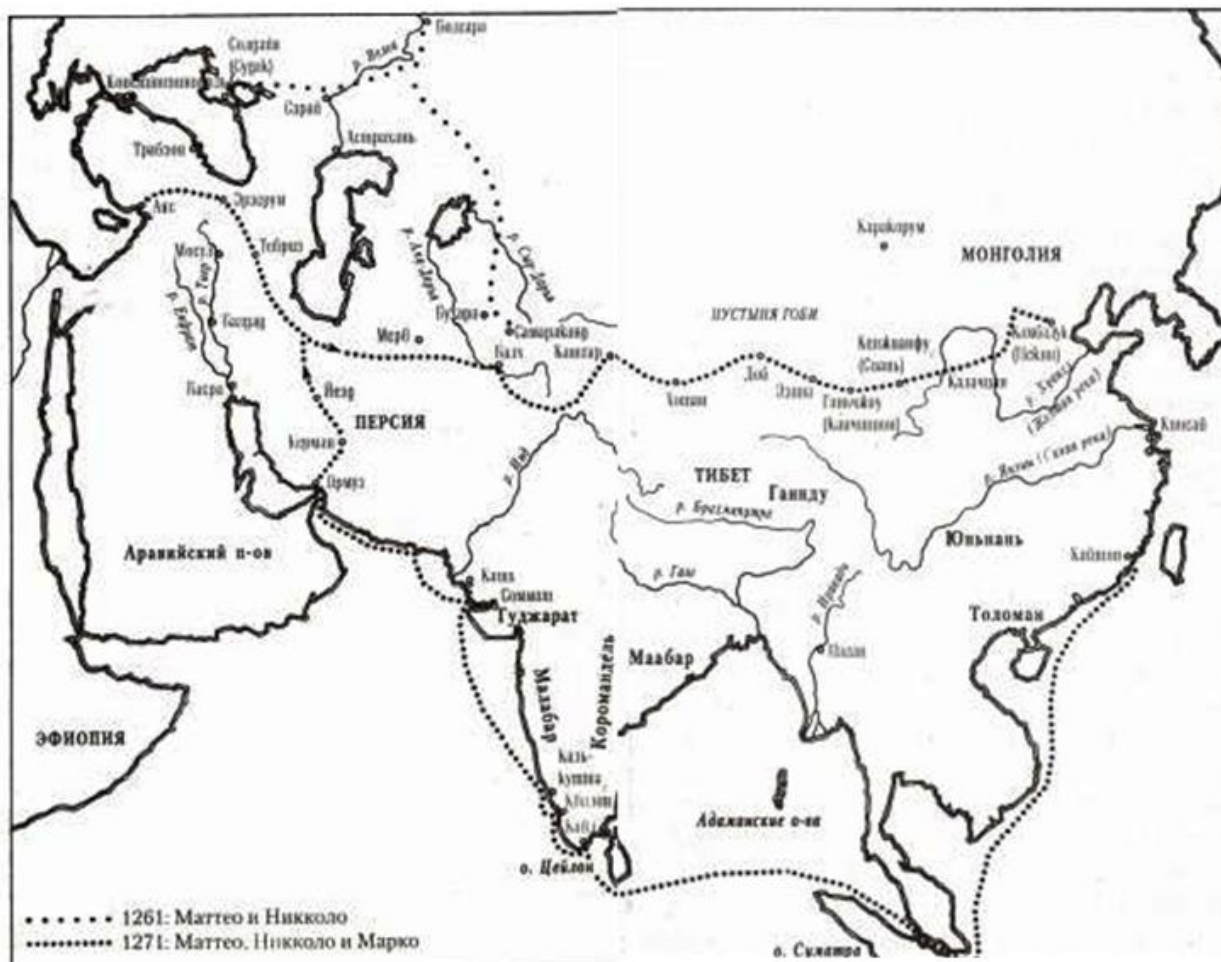
Все это время руководители наших групп в университете видели своих студентов реже и реже, из чего следует, что приготовления к поездке шли по нарастающей. Новым членом сообщества стал мой старший брат Брайан, который только что окончил Оксфорд и начинал карьеру в рекламном отделе большой строительной компании «Ричард Костейн». Несмотря на затруднения, являвшиеся следствием занятости по службе, он взял на себя тяжкую ношу нашего представителя в Лондоне. Находясь все время в столице, он оказывал нам большую помощь и, в частности, преодолел то чувство изоляции, которое преследовало нас в Оксфорде. Роль Брайана в проекте непрерывно возрастала. Как британский координатор он не мог разделить удовольствий и приключений своих более счастливых коллег, но путешественники почти целиком зависели от его находчивости и расторопности. Несомненно, что, несмотря на наше благоговение перед проектом «Путь Марко Поло», наши планы были так поверхностны и недоработаны, что мы оставили без

решения множество проблем, которые после нашего отбытия обрушились на Брайана. Но не меньше этих неразрешенных вопросов имел значение тот факт, что наш предполагаемый маршрут должен был уложиться в три с половиной месяца путешествия по Востоку и две недели возвращения домой к новому учебному году. Камнем преткновения было то, что мы не имели ни малейшего представления, где мы окажемся к концу этих трех с половиной месяцев, и еще хуже мы представляли, как будем возвращаться в Англию. Наш представитель должен был разрулить проблему, когда придет время, памятуя о том, что, каково бы ни было решение, это не должно нам стоить ни пенни, поскольку мы не располагали деньгами на обратную поездку.

Получая визы, мы одновременно обходили общества и организации, которые в прошлом финансировали экспедиции университета. Мы незамедлительно столкнулись с трудностями, так как слишком понадеялись на получение грантов. Но научные организации не могли и представить себе, что мы справимся с путешествием по ужасающим местам, через которые проходил путь Поло. Нам говорили, что джипы, на которых мы намеревались ехать, не так подвижны и выносливы, как мулы, верблюды и лошади, бывшие в караване Поло. Комитеты, ведающие вопросами экипировки различных экспедиций, глядя на наши методы подготовки к поездке, с ужасом воздевали руки. Члены этих комитетов указывали, что поездку совершенно невозможно организовать всего за шесть месяцев. Нам говорили, что мы не только не найдем ничего интересного или стоящего и имеющего отношение к путешествию Поло, но что наша крошечная группа неминуемо погибнет в восточных пустынях вследствие преступного небрежения к существенным деталям, касающимся подготовки экспедиции. Было бессмысленно отвечать на это, что Марко Поло сумел

справиться со своей задачей с ошеломляющим успехом и без каких-либо ухищрений современного планирования подобных поездок, которые столь энергично отстаивались. Проект «Путь Марко Поло» не получил ни денег, ни одобрения, и поэтому мы решили, что наш план выживет или умрет в зависимости от собственных наших усилий обеспечить финансирование и довести другие дела, сопровождающие его, до конца.

Первым решительным шагом был тот, что мы положили отказаться от надежды въехать в Китай и решили преодолеть древний караванный путь до Верхнего Памира. Действительно, на этой части маршрута Поло мы могли найти богатейший материал, который был необходим для работы над книгой. Во-вторых, мы изобрели совершенно новый способ передвижения экспедиции. Ранее стандартными средствами были «лендроверы» или армейские грузовики. Мы могли уменьшить наполовину наши расходы, путешествуя не на четырех колесах, а на двух, и вынесли резолюцию приобрести мотоциклы. Принимая это решение, мы исходили не только из финансовой точки зрения, но думали и о том, что мотоцикл пройдет по дороге, которая будет слишком узкой для более громоздкой машины, а мы не знали, что нас ожидает в пути. Мы не отрицали всей сложности подобного решения. Мотоциклы были для нас в новинку, и очень возможно, что они оказались бы слишком хрупким средством передвижения. С другой стороны, мы могли, путешествуя на них, с большей вероятностью попасть в аварию, нежели если бы мы путешествовали на грузовиках или на «лендроверах», и могли, кроме того, слишком устать и не закончить маршрут. Несмотря на мрачные прогнозы, Стэн и я решили воплотить в жизнь эту идею, которая заставляла большинство посвященных рассматривать ее как один из способов самоубийства.

За два месяца до поездки мы склонили компанию «Би-эс-эй» одолжить нам одну из ее больших двухцилиндровых машин марки «Фоллинг стар». Такая же машина была подарена нам фирмой «Ричард Костейн», в которой работал мой брат. Надо сказать, эта компания рассматривала проект с непредубежденной веселостью и великодушно поддерживала нашу авантюру. Мы со Стэном бросились в Бирмингем, имея в виду хотя бы отчасти изучить на тамошнем заводе, производящем мотоциклы, устройство двигателей. Но профессиональные механики говорили загадками, которые мы, любители, не могли понять, и мы оставили изучение двигателей и, возвратившись в Оксфорд, стали ждать мотоциклы.

Внезапно наше финансовое положение улучшилось. Кибл-колледж представил мне щедрый грант, и мы ухитрились получить деньги за будущие статьи о нашем путешествии, а также за права на издание книг. У проекта «Путь Марко Поло» появился счет в банке, и мы получили два мотоцикла. Один из этих мотоциклов несколько напоминал сухопутную баржу, другой более или менее походил на средство передвижения, назначение которого — возить людей.

Существовала еще одна незначительная деталь, о которой мы не имели смелости сказать открыто: дело в том, что я и Стэн ничего не понимали в мотоциклах. Действительно, ни один из нас никогда не имел прав на их вождение, и оба мы полагали, что мотоцикл как средство передвижения — нечто грязное, шумное и вонючее. Мы, однако, никому не говорили об этом, так как спонсоры, вполне естественно, узнав о том, что мы намереваемся отправиться по неизвестным путям в Азии, никогда прежде не держа между ногами мотоцикла, разумеется, незамедлительно оставили бы нас. Самое малое, что нужно было сделать, — это получить права на вождение, поэтому мы оба начали хлопотать о сдаче экзаменов в Оксфорде. Несмотря на то что испытания по вождению проводились на дороге, окружавшей мой собственный колледж, после небольшого представления, участниками которого были Стэн, я и взятый напрокат мотороллер, министерский экзаменатор, нимало не колеблясь, заявил, что нам со Стэном ни в коем случае не стоит ездить по английским дорогам.

В это время вышло несколько газетных публикаций о нашем путешествии, где сообщалось, что команда проекта «Путь Марко Поло» ищет оператора и фотографа. Среди писем, которые мы получали от жаждущих добровольцев, было одно, подписанное Майклом де Ларабейти. Имя ввело нас в заблуждение;

мы полагали, что автор письма, скорее всего, изнеженный, эстетствующий субъект, едва ли способный вынести тысячи миль бездорожья. Тем не менее мы пригласили его в Оксфорд для собеседования. Наш посетитель оказался примерно десятью годами старше нас, жилистый, лысеющий лондонец в очках с остроумием кокни и с глубоко укоренившейся охотой к перемене мест. Через несколько минут мы поняли, что поиски можно прекращать, так как Майкл был не только опытен, но еще и бродяжничал по миру за свой счет. В тот первый вечер он опоздал на последний поезд в Лондон, рассеянно проглотил ужин, состоявший из нескольких сырых яиц, и отправился соснуть несколько часов, остававшихся до утреннего поезда (спал он на полу). Самым впечатляющим было то, что он даже не моргнул глазом, когда мы объяснили ему, что у него всего неделя на все необходимые прививки и на поиски кинокомпании, которая могла бы предоставить нам камеру и пленку. Ночью, за несколько часов до нашего отбытия, Майкл вернулся в Оксфорд, успешно проделав все, что от него требовалось.

Последняя неделя была для каждого из нас полна лихорадочной деятельности. «Би-эс-эй» прислала мотоциклы в последнюю минуту, а мы между тем приобрели прекрасную экипировку для езды, состоявшую из черной униформы и высоких сапог. Наши шлемы были светло-голубого цвета с буквами П. М. П., то есть «Путь Марко Поло». Подобное украшательство имело серьезное основание, все мы поднаторели в такого рода путешествиях и знали, что в большинстве случаев полувоенная экипировка творит чудеса в отношении младших чинов государственной службы, и, во всяком случае, экипировка для мотоциклистов очень прочная. Высокие сапоги, которые мы в конце концов предпочли, были очень мудрым выбором. Они не только оказались крепкими, но и защищали наши ноги от травм,

фиксируя лодыжку, когда необходимо упереться ногой в землю, чтобы остановить падающий мотоцикл. В особенности шлемом и сапогами был доволен Майкл, популярно объяснивший нам, что голова и ноги — наиболее эффективное оружие в трактирных драках.

Вопрос, брать ли с собой огнестрельное оружие, никогда нас по-настоящему не заботил, потому что мы чувствовали, что оружие окажется скорее пассивом, чем активом. Мы не собирались охотиться (главным образом потому, что охотиться было, в сущности, не на кого), а в отдаленных частях Турции, Ирана и Афганистана оружие было бы скорее приманкой. Мы взяли с собой так мало вещей, что с нами не было почти ничего ценного, и именно это стало основным принципом проекта «Путь Марко Поло», потому что, как и Марко, мы стремились жить, насколько возможно, как обитатели той страны, которую пересекали. Именно в силу этого мы не взяли с собой никаких громоздких и тяжелых научных приспособлений, не желая отягощать себя, и не составили точного плана исследований, чтобы не стеснять себя. Наши мотоциклы не изолировали нас от окружающего мира, да и цель у нас была обратная. Всем тем мы очень отличались от обычных партий, путешествующих на «лендровегах», величественнодвигающихся на восток с запасами еды, медицинских препаратов, одежды, походных кроватей, шерстяных одеял и так далее. Наши возможности перевозки багажа были столь незначительны, что мы бесцеремонно ограничили себя тремя спальными мешками, одной маленькой палаткой, неприкосновенным запасом еды, крошечной плиткой, инструментами, кое-какими запасными частями для мотоциклов и оборудованием для камеры. Запасной одежды решено было не брать... Да что там — дозволялось взять один носовой платок на брата! В результате мы стали маленькой и чрезвычайно мобильной группой, находящейся много ближе к

местным условиям, чем наши прикованные к удобствам братья на четырех колесах, которые даже находят время кипятить питьевую воду.

Последние четыре дня мы провели, разбираясь с мотоциклами. Производители с большой любовью разработали модель, которую мы выбрали. Были добавлены очень сильные задние амортизаторы и малая передача, чтобы справляться с серьезным грузом. Специальные поршни и свечи зажигания должны были устранить проблему бензина низкого качества, который, мы были убеждены, встретится нам повсюду после Югославии и использование которого совершенно не предусмотрели конструкторы наших машин, проектировавшие их для скоростной езды по гладким асфальтовым дорогам. Для перевозки бензина и питьевой воды мы взяли с собой прекрасные легкие канистры из полиэтилена, а на борт пассажирской коляски навесили шины повышенной проходимости, чтобы они исполняли роль буфера, пока мы не станем увереннее водить мотоциклы. Внутренность пассажирской коляски, в которой должен был ехать Майкл, я обил пенорезиной, имея в виду уменьшить тряску, а под сиденьем мы устроили маленькое потайное отделение для камер, которые могли конфисковать на таможне.

Все эти подготовительные работы были сделаны в гараже Темпла в Оксфорде. Мистер Темпл поделился с нами своим обширным опытом. Он когда-то налаживал мотоциклы для фильма «Лоуренс Аравийский» и осыпал нас полезными советами, пока его механики отлаживали наши машины. Одна из его идей, выбивавшихся из общих правил и, однако, большей частью полезных, заключалась в том, что для того, чтобы избежать попадания песка в двигатели, следовало растянуть над воздухозаборником карбюратора дамский нейлоновый чулок.

Официальный отъезд был назначен на утро двадцать первого июня, и прежде, чем уехать, мы пригласили всех тех, кто помогал нам, на прощальную вечеринку. Последняя проводилась во дворе Эксетерского колледжа. Команда проекта блистала новой экспедиционной униформой и пила за успех предприятия под обширным тентом, оставшимся с прошлого вечера, когда здесь были танцы. Жужжали камеры, ревели мотоциклы, на которых мы позировали в разных позах перед камерами на большом парадном крыльце колледжа, как будто собирались прямо сейчас устремиться через Азию. Мы и правда устремились, но — обратно в гараж Темпла, где нам предстояло еще шесть часов тяжелой отладки мотоциклов.

Настоящее отправление следующим утром было много скромнее. Машины нагрузили до неузнаваемости, со свинцового неба упорно моросил дождь. Спасал положение только Майкл, весело и непринужденно представлявший в своих новых сапогах нацистского штурмовика. Аббревиатура на наших шлемах не выглядела победительной, казалась всего лишь скромным напоминанием о цели путешествия: нужно еще было избежать встречи с английскими полицейскими, в случае такой встречи произошла бы некоторая заминка, потому что у нас пока не было прав.

После нескольких неудачных попыток мы со Стэном пробудили свои машины к жизни, в высшей степени осторожно выехали и двинулись по направлению к Лондону. Во-первых, мы не могли превысить даже скорость тридцать пять миль в час, вообще едва достаточную, поскольку мотоциклы еще не были обкатаны, а сверх того, мы находили, что переключение передач параллельно с управлением нашими агрегатами — дело весьма нервное. Следовавшие за участниками проекта «Путь Марко Поло» по трассе А-40 могли с изумлением наблюдать два мотоцикла, выписывающих

неверные кривые. Мы должны были сами постичь, что для того, чтобы ехать по прямой, вернее, волочиться с тяжело нагруженной коляской, надо достигнуть неуловимого баланса между скоростью и управлением. Потому что, когда сбрасываешь газ, коляска продолжает двигаться по инерции с прежней скоростью, толкая мотоцикл вправо, то есть на встречную полосу. И наоборот: когда мотоциклист старается компенсировать инерцию коляски увеличением оборотов, он видит, что коляска теряет скорость, и заканчивает пируэтом вокруг нее, к ужасу пассажира, в нашем случае Майкла, который сначала видел себя на середине дороги, а в следующее мгновение наслаждался скрипом борта коляски о дорожный бордюр.

Одним из первых наших решений было распределение обязанностей. Так, Стэн вел полевой журнал, Майклу поручили все, связанное со съемкой фильма, а на меня была возложена научная сторона путешествия и вместе с тем роль экспедиционного механика. Поэтому я первые несколько миль внимательно прислушивался к пыхтению наших необкатанных, сверхперегруженных машин и, признаться, несколько трусил. Главнейшим источником беспокойства была прискорбная вялость двигателей, ибо они ни в малейшей степени не выказывали признаков пылкости и мощи, которых я от них ожидал. Это, разумеется, не предвещало ничего хорошего, принимая во внимание то, что нас ожидало в восточных пустынях, но предпринимать что-либо было уже поздно. Мы торопились в Лондон, остановившись только раз для покупки двух наборов «сверхпрочных» мотоциклетных контейнеров, в которых было даже меньше багажных отделений, чем мы ожидали. Из Лондона мы спустились к аэропорту Феррифилд в Лидде и здесь наблюдали за погрузкой наших драгоценных машин на лайнер, курсирующий через Ла-Манш.

Когда мы шли по бетону в самолет, я не мог не почувствовать удовлетворения: если бы наши свершения на этом и кончились, мы в конце концов привели в смущение ученых мужей, которые пророчили, что проект «Путь Марко Поло» никогда не выберется за пределы Англии.

Глава 2. Венеция

После короткого перелета через Ла-Манш наш воздушный паром коснулся земли в аэропорту Туке и изрыгнул нас в транзитное здание. Здесь мы были неприятно удивлены, обнаружив, что во время спешной упаковки вещей в последнюю минуту мы, по-видимому, позабыли очень важную папку, в которой были почти все документы, а в том числе бумаги на мотоциклы и сорокафунтовые талоны на бензин. Комизм положения заключался в том, что сейчас мы были во Франции и могли на законном основании управлять мотоциклами, потому что наши международные водительские права, выданные на основании английских прав на вождение автомобиля, это позволяли. Французские таможенные служащие, понятно, были весьма смущены тем, что люди, желавшие пересечь Азию, оказались так недалеко, что забыли дома элементарные документы, необходимые для проезда по Франции. В конце концов мы купили страховое свидетельство, и нам позволили продолжать путешествие, а потом, как это и должно было случиться, когда мы упаковали вещи и собирались уезжать, папка, столь злостно манкировавшая своей обязанностью, нашлась — далеко в носу коляски Майкла. Это был урок, который стоило запомнить: даже при ограниченной вместительности наших машин можно затерять что-нибудь из снаряжения или документов, а мы не могли позволить себе такого в будущем.

По-прежнему в приподнятом настроении, впрочем несколько опустившемся вследствие пережитого опыта, мы выехали из аэропорта, но почти сразу же были остановлены маленьким французом средних лет в потрепанном плаще и берете, который выбежал на дорогу перед нашими мотоциклами, возбужденно махая

руками. Он оказался репортером местной газеты «Голос севера» и был послан редактором написать материал о троих молодых англичанах, намеревавшихся следовать по пути Марко Поло. Он начал интервьюировать нас на ужасном английском языке и чрезвычайно обрадовался, когда мы втроем одновременно отвечали ему на французском. Но всех превзошел Майкл, он некоторое время жил во Франции, притом он закоренелый франкофил. Поэтому репортер проявил всего только легкий интерес, когда ему сообщили, что я и Стэн работали ковбоями, и пришел в восторг, узнав, что Майкл как-то был пастухом в Провансе и проделал длинный переход, перегоняя скот на летние пастбища в Альпах. Мы со Стэном выходили из себя, желая, чтобы интервью закончилось и можно было ехать в Париж, но Майкл и карикатурный французик с азартом болтали, и следствием этой приятной беседы была появившаяся следующим утром в «Голосе севера» лирическая статья — вся о «провансальском пастухе в голубом, как наше небо, шлеме».

Едва мы сели на мотоциклы, как у одной из машин закончилось горючее, и первую ночь путешествия члены экспедиции провели в песчаных дюнах рядом с аэропортом. При этом мы ухитрились нанести в наши спальные мешки больше песка, чем за все время путешествия через пустыни Ирана и Афганистана. На следующее утро мы, пыхтя двигателями, двинулись в Париж, мало-помалу приучаясь управляться с машинами, хотя они все еще казались недопустимо медлительными.

Именно на этом отрезке пути мы со Стэном начали понимать всю трудность создания фильма о путешествии. На Майкла были возложены обязанности оператора и режиссера фильма. Он должен был обдумать различные кадры и их порядок так, чтобы в конечном фильме сцены взаимно дополняли друг друга.

Майкл располагал для съемок двумя древними шестнадцатимиллиметровыми камерами, весьма жалкими по современным киностандартам, но компенсировал их недостатки убедительными речами. Опять и опять он повелевал мне и Стэну остановиться, устанавливал штатив и посылал нас обратно на дорогу, туда, где мы минуту назад проезжали. По его сигналу, когда через секунду он припадал к своей жужжащей камере, два мотоцикла должны были пронестись мимо.

Естественно, наилучшим изображением нашего въезда в Париж должен был стать полет на ревущих мотоциклах сквозь Триумфальную арку. К несчастью, мы подъехали к городу далеко за полдень, в самый разгар часа пик. Но Майкл хладнокровно смонтировал свою аппаратуру на середине дороги и с относительным риском для жизни и целостности своих конечностей снял меня и Стэна, когда мы прокладывали путь через множество ползущих автомобилей. Неудивительно, что эта деятельность очень быстро привлекла внимание полиции, и на нас обрушился ни много ни мало патруль моторизованной жандармерии, сияющий белыми галифе, алыми кантами, начищенными шлемами и безупречно белыми перчатками. Но даже намек на строгое полицейское взыскание испарился, когда наши следователи заметили марку мотоциклов. Патруль во главе с сержантом с жадным любопытством окружил машины, исследуя каждую деталь, так как модели, на которых мы ехали, еще не были известны во Франции, и скоро бойкое обсуждение переросло в дискуссию о достоинствах мотоциклов «Би-эс-эй» сравнительно с другими моделями, с тем окончательным вердиктом, что на высокой скорости по нерегулируемой дороге «Би-эс-эй» имеет серьезные преимущества.

Так как нам не удалось достать комнату в отеле, я и Майкл украдкой переночевали на траве в Булонском лесу, а Стэн нашел приют у приятелей. Утром команда

проекта «Путь Марко Поло» поехала в гараж, чтобы поменять масло, поскольку мотоциклы были уже отчасти обкатаны. Я попросил старшего механика осмотреть машины: мне хотелось знать причину, по которой они столь прискорбно вялы. Показывая всем своим видом, что он имеет дело с дураком, по случайности обладающим прекрасным и мощным мотоциклом, старший механик отвинтил крышку воздушного фильтра, выдрал прокладку и швырнул ее в дальний угол гаража. Последствия этого действия были удивительны, мы почувствовали, что у нас словно камень с души свалился, когда мы оставили Париж и повернули на юго-восток по направлению к Швейцарии и в конечном счете к Венеции.

Новообретенная мощь мотоциклов отчасти ударила в голову Стэну, и скоро он уже опережал мою более груженую машину, тащившую, сверх того, набитую всякой всячиной коляску. Сидевший в другой коляске Майкл не находил, что в сравнении с другими машинами и мотоциклами Стэн ехал достаточно медленно. Когда, утомившись, мы наконец остановились, чтобы выпить чая, Стэн несколько застенчиво сообщил, что перед отъездом из Англии потерял свои мотоциклетные очки. Но, так как кто-то оставил мотоциклетные очки в его комнате, он взял их с собой, «поскольку они такие же отличные».

Другой трудностью, которая возникла перед нами, было то, что коляски располагались с левой стороны мотоциклов. Это хорошо для английских дорог, но в континентальной Европе, принимая во внимание правостороннее движение, грозило опасностью. С увеличением скоростных возможностей Стэн, обгоняя машины на дороге, проезжал почти вплотную к ним. К несчастью, его обзор был всегда ограничен следовавшей впереди машиной; если он желал обогнать ее, ему нужно было знать, едет ли кто-нибудь навстречу,

поэтому он сначала выезжал на середину дороги. Если впереди шла машина, бедному Майклу первому выпадало ужасное зрелище приближающейся опасности, но даже встраиваясь обратно в линию, Стэн имел привычку оставлять коляску с Майклом выдвинутой навстречу машинам встречной полосы. Кричать, предупреждая о зловещей угрозе, было бессмысленно, потому что водитель Майкла находился выше воздушного потока, бьющего и коляску, и за ревом двигателя ничего бы не услышал. Поэтому в итоге я наслаждался захватывающим зрелищем, следуя за счастливой парочкой: Стэн упорно старался выдвинуть мотоцикл на середину дороги, до тех пор пока из коляски не взметывалась длинная и жилистая рука Майкла, держащая свернутую в трубку газету, и не начинала колотить водителя по голове, пока он не восстанавливал статус-кво.

В такой непревзойденной манере завершился блистательный пробег через Францию, и наконец мы въехали в Швейцарию, где турецкий посол в Берне был в отдаленном родстве с семьей Стэна и великодушно пригласил экспедицию навестить его. Но дороги к Берну были забиты длинными колоннами машин: воскресенье и уже за полдень, люди с отдыха возвращались домой. Поэтому, весело прокатившись по государственным магистралям Франш-Конте, мы обнаружили себя безвыходно зажатые в длинной веренице автомобилей, наполненных упитанными бернскими обывателями, отнюдь не торопившимися попасть домой, в то время как мы обещали нашему турецкому хозяину быть к ужину. Стараться выиграть время в этой пробке можно было с таким же успехом, как стараться пораньше попасть домой из Туикнема после международного матча; у каждого маленького перекрестка хвост останавливался, пропуская другие линии движения. Мы уже начали приходить в отчаяние, когда Майкла

посетила блестящая мысль. Выпрыгнув из коляски, он торжественно прошествовал вдоль колонны. Потом, у самого затора, его фигура, облеченная в черную униформу и высокие сапоги, остановилась и махнула одной рукой проекту «Путь Марко Поло», приглашая его проехать вперед, а другой — остальным машинам, приказывая им остановиться. Стэн и я дали газ и, выехав из хвоста, с непроницаемыми лицами направились к Майклу. С таким же невозмутимым видом он грациозно шагнул в свою коляску, и мы помчались вперед, чтобы повторить все это на следующем перекрестке. Так мы ухитрились приехать к турецкому посольству прямо к ужину, а после ужина были оставлены на ночь. На следующее утро мы достали банку оранжевой краски, и на мотоциклетных контейнерах появилась надпись «Оксфорд — Венеция — Китай».

Мы уже отставали от исходного оптимистического графика, поэтому, поблагодарив хозяев, поспешили по направлению к Италии.

Майкла (так как он не был занят управлением) произвели в штурманы, и, следуя его указаниям, мы запетляли по альпийским дорогам в направлении перевала Сен-Готард. Дороги были странно пусты, и скоро мы уже карабкались собственно в горы, где вид становился все более впечатляющим, со светло-зеленым и опаловым ледниками с одной стороны. Нагруженные машины с трудом продвигались по горным дорогам, и к вечеру стало ясно, что горную гряду мы сегодня не преодолеем. Однако Майкл заверил нас, что Сен-Готард лежит буквально перед нами, и потому мы упорно продолжали продвигаться вперед. Дорога ухудшалась, на ней появились снег, таячая вода, камни, обломки деревьев и прочее, принесенное сверху. Мы настойчиво катили вперед на пониженной передаче по внезапным изгибам дороги и, уже в сумерках, с огромным трудом достигли самой высокой точки перевала. Спустившись в

темноте к деревушке на другой стороне, мы остановились поужинать и обнаружили, что мы и правда пересекли перевал, но не Сен-Готард, а Фурка. Местные жители были изумлены не меньше нашего. Перевал Фурка (один из самых сложных в Швейцарии) в это время года официально закрыт, а мы фактически осуществили спуск при слабом свете фар. Экспедиционным голосованием с итогом 2 против 1 с Майкла была снята обязанность штурмана.

Скрепив сердце мы решили, что, поскольку чрезвычайно отстали от графика, мы должны ехать ночь напролет. Это решение не было удачным, потому что начался сильный дождь, и скоро дорога стала очень скользкой. Когда мы ползли вниз в долину Тичино, Стэн уверенно выбился в лидеры — только для того, чтобы встретиться с бедой. В одном месте, там, где дорога изгибалась в форме буквы S, он потерял управление, и машина на полной скорости врезалась в скалу. К счастью, Майкл и Стэн не пострадали, но, когда я объехал угол скалы, свет от фары моей машины осветил мотоцикл, лежавший на одной стороне дороги, а на другой обочине остановилась коляска, без колес, с Майклом, который все еще сидел в ней, как наполовину вылупившийся цыпленок. Мы раскинули палатку рядом с местом крушения и стоически дождались рассвета. Майкл чрезвычайно сдержанно намекнул Стэну, что в будущем тот мог бы ездить немного осторожнее.

— Отстань, — сказал Стэн.

— Мы вдвоем едем, приятель! — последовал незамедлительный ответ. — Вдвоем, и прошу помнить об этом.

Я потратил два дня тяжелой работы в мастерской местного кузнеца, устраняя повреждения. За это время мои спутники подружились с деревенскими ребятами. От них Майкл и Стэн узнали, что песенка «Salta Gigino, Salta Gigetto!» — итальянская версия

нашей песенки «Две маленькие птички», а если прочесть название фирмы «Би-эс-эй» слева направо и справа налево, это будет означать «Bisogne Sapere Angere Anche Senza Benzina», то есть «полезно знать, как ездить без бензина». Но, несмотря на мои усилия (а может быть, именно вследствие моих усилий), несчастливая пассажирская коляска никогда впоследствии не была по-настоящему исправна. С этого времени она всегда свисала, как подбитое крыло, а колеса шатались до такой степени, что Майкл всякое мгновение был готов вскочить на мотоцикл позади своего водителя. В таком искривленном положении мы достигли Венеции.

О днях ее славы, когда Марко Поло прогуливался среди хлопотливой, зажиточной толпы по площади Святого Марка, поэт сказал:

И Венеция предстала, где купцы как короли,
Где Сан-Марко, где невестой дожи море
нарекли^[2].

Но, как и лучшие дни Тира, дни расцвета Венецианской республики давно минули, потому что, кажется, единственные «купцы как короли» в настоящее время в Венеции — служащие туристических агентств. Когда юный Марко Поло гулял в портовом районе, сюда приплывали торговые суда из таких отдаленных областей, как Россия и Эфиопия. Сейчас большая площадь Святого Марка наполнена суетящимися толпами скандинавов, немцев из Западной Германии, американцев и японцев. Здесь много предпринимателей, впрочем, приехавших не по делам, а для того, чтобы поглазеть. Современная Венеция больше похожа на колоссальную ярмарку, переполненную поддельными сувенирами и блестящей рекламой, ярмарку, которая

едва ли может сравниться с карнавалами, когда-то бывшими несравненно более солидным основанием ее средневековой коммерческой доблести. За четыре года до того, как отправиться в свое путешествие, Марко должен был видеть великолепную цеховую процессию, устроенную по приказанию дожа Лоренцо Тьеполо. Процессия заняла полдня, шли кожевенники, корабельщики, стекольщики и золотых дел мастера. Каждый цех нес символ своего ремесла, глав цехов окружали слуги в богатых ливреях, и все это в честь Венеции, Светлейшей.

Марко Поло родился в одной из старейших венецианских семей, корни которой восходили к XI веку. Предками его были переселенцы из Далмации. Поло, как и прочие влиятельные венецианские семьи, составили себе положение торговлей. Флаги с тремя хохлатыми скворцами герба Поло развевались над конторами и складами в Венеции, Константинополе и даже в Солдаёе в далеком Крыму. Венеция была королевой морей, и в просторном Арсенале подневольный труд обращался в флотилии, поддерживающие честь королевы. Огромный Арсенал, гордость города, был сам, собственно, городом в государстве, его силы позволяли построить за сто дней сто судов. Мастера Арсенала поразили Генриха III, короля Франции, сделав за два часа из пришедшего в негодность корабельного корпуса полностью оснащенную боевую галеру. Адриатика была не чем иным, как венецианским озером, над которым владычествовали венецианские флотилии. Гребцами были специально обученные далматинские свободные граждане, каждой такой командой управлял представитель какой-либо купеческой фамилии, которые, между прочим, жертвовали Светлейшей прекрасные военные корабли.

В середине XIII века увеличившая морскую мощь Генуя бросила вызов венецианскому владычеству, и два

города-государства схватились в борьбе за превосходство на море. По странному капризу судьбы именно соперничество между Генуей и Венецией спасло от небытия знаменитое путешествие Марко Поло. Последний принимал в борьбе непосредственное участие, командуя венецианским военным кораблем, и был взят в плен в одной из битв; передают, что это случилось во время проведения блестящего арьергардного маневра. Генуэзский адмирал поклялся «взнуздать коней святого Марка», и захваченные галеры были с позором отбуксированы кормой вперед в порт Генуи, а их гордые вымпелы брошены в воду. Марко заключили вместе с другими пленными во дворец Сан-Джорджо, он содержался здесь до обмена пленными, состоявшегося 25 мая 1299 года во время перемирия, инициатором которого был капитан-миланец Маттео Висконти.

Через некоторое время после того, как Марко был водворен во дворец, по Генуе разнесся слух, что в одной из дворцовых камер сидит человек, которому удалось проникнуть далеко на загадочный Восток. Этот венецианец будто бы говорил, что Восток вовсе не неизмеримая пустыня, населенная чудищами, доедающими людей, а дивный рай, и в этом раю есть города в двенадцать раз больше Генуи или Венеции. Вокруг Марко всегда были люди, желающие услышать о его удивительных странствиях, и рассказы об этих странствиях пользовались чрезвычайной популярностью. К счастью, один из товарищей Марко по заключению, некто Рустичелло из Пизы, города-государства, сокрушенного Генуей, был профессиональным литератором. Желая избежать постоянного пересказа, Марко склонил его к сотрудничеству, в результате которого появилась книга. Марко позволили послать в Венецию к отцу за записками, которые он делал во время своего путешествия. Потом, с помощью этих

записок и феноменальной памяти Марко, типичной для средневекового человека, было составлено великое «Описание».

В 1298 году оно было окончено и незамедлительно стало популярным, хотя на него смотрели не как на действительный отчет о путешествии, а как на выдумку. Виной этому, в частности, была манера Рустичелло, но главной причиной была ограниченность европейского сознания того времени, которое не могло принять поразительные откровения Поло. До его возвращения из путешествия купцы, ездившие по восточным торговым путям, рассказывая о том, что видели, сгущали краски и преувеличивали, и сочиняли всяческие небылицы, желая не только поднять цену восточным товарам, но и отпугнуть возможных конкурентов. Потом Марко, как новый Улисс, возвратился домой со своими рассказами о цивилизованных людях, у которых есть бумажные деньги и которые жгут черные камни для отопления домов зимой. Асбест, по словам Марко, вовсе не являлся кожей огненной саламандры, а добывался из земли в виде камня. Все это было нелегко поверить, и люди вынесли мнение, что несчастный малый, верно, свихнулся, не вынеся великих трудностей своих странствий. Скоро Марко приобрел репутацию величайшего лжеца, его прозвали Миллионе, ибо он в книге оперировал сотнями и тысячами. Его рассказы были занимательны, но гораздо труднее воспринимались на веру, чем скудные фантазии сэра Джона Мандевиля, ибо этот мифический путешественник был осторожен в выборе предметов, которые могли захватить фанатично верующую европейскую аудиторию. Действительно, Марко столь далеко опередил свою эпоху, что лишь в конце XIX столетия были проверены некоторые части его маршрута, и современные путешественники начали понимать, что он говорил правду.

Даже сегодня кажется неожиданным, что в Венеции большинство знает Марко не по имени, а по прозвищу, а в современных городах, которые обычно посещают туристы, нет-нет да и мелькнет где-нибудь обрывок несуразной легенды, связанной с его именем. Не раз и не два мы слышали, что где-то в Corte del Millione, там, где стоял когда-то дом Марко, зарыто бесценное сокровище, огромный сундук, наполненный драгоценными камнями, которые Поло якобы привез из Китая. Удивительно то, что даже люди, которые, кажется, должны бы больше знать о первых великих путешествиях, — даже эти люди полагают, что многое из описанного было сказкой, а его книга не более чем искусная ложь. Быть может, этот современный скептицизм имеет корни в тех далеких днях, когда современники Поло считали его рассказы полетом фантазии. Но мы надеялись, что наше путешествие поможет по крайней мере уменьшить это недоверие.

Есть множество причин, почему Марко Поло должен считаться величайшим сыном Венеции, но его родной город забыл о нем и только сейчас, спохватившись, исправляет ошибку. Перед отъездом из Оксфорда мы написали мэру Венеции, осведомляя его о нашем приезде. Через некоторое время мы получили ответное письмо, адресованное синьорам Джонсону и Северину. В нем его превосходительство Фаворетто Фабрицци любезно приглашая команду проекта, когда она приедет в Венецию, навестить его во Дворце дождей. Поэтому одной из первых наших целей по приезде в Венецию была встреча с мэром. Мы планировали встретиться с ним на следующий день. В наши намерения входило особо подчеркнуть важность нашей миссии. Мы решили, что команда проекта «Путь Марко Поло» должна появиться перед мэром так торжественно, как только возможно, ибо этого требует честь несчастного и позабытого Марко Поло.

Мы задумали ни много ни мало ввести мотоциклы на площадь Святого Марка, вообще закрытую для движения и окруженную каналами. Стэну выпало разведать местность и нанять водный транспорт. К несчастью, языковой барьер между Стэном и необыкновенно хитрым гондольером заставил последнего думать, что его нанимают для перевозки к площади Святого Марка двух велосипедов, оборудованных моторами. В назначенный час проект «Путь Марко Поло» спустился к верфи и увидел, что нанятое судно было утлой скорлупкой, которая под весом наших машин пошла бы ко дну, как камень. Венецианский сообщник был отправлен за большой лодкой. Но элемент неожиданности пропал, и команду проекта обнаружила полиция. Нас окружили полицейские всех разновидностей — морская полиция, дорожная и даже туристская. Мы увещевали их, надеясь, что наш лодочник возвратится. Но он, по всей вероятности, удрал, а через некоторое время на сцену явился собственной персоной Il Colonello di Carabinieri, то есть начальник венецианских карабинеров. Он исследовал письмо, полученное нами от мэра, позвонил секретарю последнего и эскортировал нас в полицейский баркас. Вследствие чего мы отправились на свидание с Il Sindaco di Venezia в сопровождении вооруженных полицейских и без мотоциклов.

Встреча была короткой и непринужденной. Мэр приветствовал нас от лица города и подарил нам прекрасно иллюстрированный экземпляр книги Марко Поло. Стэн отвечал на ломаном итальянском языке, а потом мы пили за успех нашего путешествия. Когда мы уходили, помощник мэра втиснул мне в руку талон на сто литров бензина. Членов экспедиции несколько позабавила официальная реакция родного города Марко Поло на наш визит, состоявшая в том, чтобы дать нам денег и таким образом ускорить отъезд. Впрочем, к

честь мэра надо сказать, что он очень занятой человек, в особенности в туристский сезон, и мы оценили тот факт, что он нашел время встретиться с нами.

Далее мы занялись съемками Венеции времен Марко Поло. Внешне город изменился мало. Лагуны, гондолы и каналы по преимуществу имеют тот же вид, какой они имели во времена Поло. Но грустно думать, что город, зависящий от инъекций бетона, необходимых, чтобы не опуститься под воду, — та Светлейшая, где некогда во время осады защитники стреляли в осаждающих ядрами из хлеба. В то время Венеция удерживала власть над частью Ломбардской равнины, побережьем Далмации, множеством островов греческого архипелага и владела немалым числом территорий в Малой Азии. У ее дожа был странный, но гордый титул «повелителя половины и четвертой части Римской империи», и каждый год в городе проходила церемония «обручения с морем», называемая *la Sensa*. Венецианские флотилии владычествовали над Черным, Эгейским и Мраморным морями. Предметом устремлений Венеции была торговля, торговля и еще раз торговля. Здешние зеркала, изготовлявшиеся из полированной стали, составляли часть приданого в богатейших домах Персии. В Англию отправлялись караваны со специями и возвращались, нагруженные шерстью.

Торговля шелком, пряностями и драгоценными камнями поддерживала страсть к опасным путешествиям, но подобные экспедиции были не простым делом. Долгое время благосостояние купцов основывалось на торговле почти исключительно шерстью, солью, железом, рабами и пушниной. Более рискованная торговля предметами роскоши оставалась прерогативой людей, подобных братьям Поло, имевшим дело с ценным грузом, в частности с Шелком и драгоценными камнями: торговля таким товаром оправдывала затраты длинного путешествия, сверх

того, камни было легко спрятать в случае нападения на караван.

Одна из известнейших легенд, связанных с семейством Поло, посвящена возвращению Марко с дядей Маттео и отцом Никколо в Венецию после двадцатичетырехлетнего странствия. Трое путешественников, прибыв в фамильную casa, то есть в свой дом, увидели своих двоюродных и троюродных братьев, поселившихся здесь во время их отсутствия. Так как от Поло очень долго не было вестей, их сочли мертвыми, и, когда они приехали, было очень трудно наверняка утверждать, что это именно они, ибо все трое были в монгольской одежде и говорили по-венециански очень дурно, вставляя множество чужеземных слов. После пререканий с привратником всех троих наконец допустили в дом, где близкие родственники признали их. Путешественники явились без охраны, а их платье было грязное и потрепанное. Итак, говорит далее легенда, им дозволили временно остаться в доме и дали другую одежду. Но, когда дядя Маттео увидел, что жена отдала его старое платье нищему, он пришел в великую ярость и, схватив колесо от прялки, выбежал из дома и кинулся на площадь Святого Марка.

На площади он установил колесо и начать крутить, разумеется, без пряжи. Три дня Маттео сидел и ткал, окруженный толпой, с любопытством смотревшей на человека, вертевшего колесо без пряжи. Бездельники, покидающие игорные дома, насмехались над ним, говоря: вот несчастный простофиля, которого путешествие на восток ввергло в безумие. Но Маттео не реагировал, на мольбы же членов семьи вернуться домой отвечал презрительным отказом. На третий день к зубоскалившей толпе присоединился нищий, одетый в старое платье Маттео, и тогда последний вскочил и, схватив нищего, предложил ему обменяться одеждой еще раз. (Свидетели этой выходки впали в бурное

веселье, и девять дней история обсуждалась всем городом.

Но позже все знатные семьи Венеции получили приглашение в casa Поло на роскошный пир по случаю возвращения купцов. Гости, исполненные любопытства и ожидавшие забавных выходок, не замедлили явиться. Прием проходил в огромном зале. Обстановка впечатляла, столы, слуги, угощение и вино были отменными. Когда общество расселось, появились трое Поло, в великолепных платьях из малинового атласа, и уселись во главе стола. После первой перемены блюд они удалились и после явились в платьях из дамаста, тоже малинового, но эти платья были много роскошнее прежних. Одежды же, которые они сняли, были изрезаны и отданы слугам. Это поразило гостей, в средние века одним из способов продемонстрировать свое благосостояние было именно дорогое платье. Еще дважды случилось неслыханное, так как Поло переменили малиновый дамаст на малиновый бархат, и после явились в платье из золотой парчи. Во время последнего выхода, заключает автор хроники, три купца вынесли грубую и изорванную одежду, в которой они путешествовали, взяли острые ножи и разрезали складки и швы, и «оттуда посыпались огромные камни из драгоценнейших: рубины, сапфиры, алмазы, изумруды и гранаты, которые были зашиты в упомянутые платья так искусно, что никто и вообразить не мог, что они могут быть там. Ибо, когда они уезжали от великого хана, они обменяли все золото, которое досталось им, в такое множество рубинов, изумрудов и прочих драгоценных камней, хорошо зная, что им не удалось бы довести столько золота, сколько у них было, по такому длинному и трудному пути».

Летописец не знал, что в Китае в это время операции с золотом находились в исключительном ведении правительства. Но, во всяком случае, демонстрации

великого богатства было довольно для купцов, чтобы поверить, что трое путешественников именно Поло.

Все, что осталось от дома, в котором предположительно происходили эти события, — двойная арка дверного прохода в северо-восточной части Corte del Millione. Это — грустное место на стыке Сан-Джованни Кризостомо и Сан-Марино, двух второстепенных каналов, по которым редко проплывают туристские гондолы. Собственно дом сгорел дотла в Конце XVI века, и сейчас двор окружают грязные постройки в пять этажей, поэтому большая часть Corte в глубокой тени. Во двор ведут два прямоугольных прохода, один от моста Риальто, а другой от моста Марко Поло, над каналом вдоль восточной стороны двора.

Изначально семья Поло относилась к приходу Сан-Феличе, расположенному в некотором отдалении от Corte del Millione; последний же, вероятно, был приобретен после возвращения в Венецию. Для того, чтобы попасть в casa Поло, вы карабкаетесь по скользким ступенькам моста Марко Поло, оставив гондолу и ее скучающего владельца покачиваться на грязной цветущей воде. Перейдя мост Марко Поло, который сегодня сложен из кирпичей, и промозглый проход, вы оказываетесь в невзрачном дворе. В противоположном углу этого двора стоит арка, и вы подходите и осматриваете эту арку. Ее итальянско-византийский стиль XIII столетия кажется несообразным рядом с высокими кирпичными фасадами и продолговатыми окнами. Среди украшений арки есть грубое изображение птицы Рух, уносящей в когтях овцу. Возможно, Марко Поло сам приказал поместить здесь это изображение. Бармен из маленького кафе на углу прохода, в который вы заходили перед этим, гордо говорит, что он живет в том же доме, что и Миллионе, и так мало осталось памяти о Поло, что не хватает

мужества возразить ему. Когда будете возвращаться в гондолу, вам в глаза бросится табличка, прикрепленная к стене канала. На ней написано:

Qui Furono le Case
di
MARCO POLO
Che viaggio le piu lontane regioni dell' Asia
e le descrisse.
.....
per decreto del commune
MDCCCLXXXI^[3]

Табличка появилась после венецианского Международного географического конгресса, и это почти признание.

В городе есть и другие напоминания о великом путешественнике. За период от взятия Марко в плен и до его смерти 8 января 1324 года его имя по крайней мере трижды упоминается в Большой книге городского совета. Запись от 13 апреля 1302 года говорит, что некий Марко Поло был освобожден от уплаты штрафа, наложенного на него, «ибо он пренебрег... указом» относительно устройства у себя в доме акведука. В записи от 10 апреля 1305 года Марко значится поручителем за некоего Боночио из Местре, осужденного контрабандиста, перевозившего вино, который был оштрафован на 152 лиры с выплатой в четыре приема. В последнем упоминании о Поло в городских записях содержится намек на путешествие Марко, здесь говорится, что он возбудил иск против некоего Паоло Джирордо, агента-комиссионера, требуя уплаты денег за пол фунта мускуса, который комиссионер продал от его лица. Агент также отказался возвратить шестую часть непроданного товара. Дело было позже решено в пользу Поло, сверх того, агента

принудили оплатить все издержки. Справедливое решение в пользу человека, который в своей книге осведомил Европу об истинном происхождении мускуса.

Несмотря на слухи об огромном состоянии Поло, сухие факты его духовной свидетельствуют всего только о достатке. Это можно объяснить предположением, что Поло понес очень большие убытки при инвестициях в Трабзон (Трапезунд). Завещание Марко было составлено нотариусом Джустиниани, и в нем умирающий указывает, что Пьетро, его раб-татарин, должен быть отпущен на свободу и что его имущество должно быть разделено целиком между дочерьми после различных отчислений в пользу церкви и на содержание жены. Дети Марко со временем соединились браками с первыми фамилиями Венеции — Брагадинами, Кверини, Дольфинами и Градениго, но о самом Марко мы больше ничего не слышим. Его похоронили в портике старой церкви Сан-Лоренцо, которую позже разрушили, поэтому в настоящее время не осталось никаких следов от места захоронения. Но главный памятник ему неразрушим — это рассказ о случае, произошедшем, как свидетельствует Джакопо из Акви, в последние дни его жизни. Когда Марко уже лежал на смертном одре и венецианские купцы пришли проститься с ним, они просили его отречься по меньшей мере от части удивительных историй, которые он рассказывал.

— Я не поведал вам и половины произошедшего со мной, — таков был ответ великого путешественника.

Глава 3. Балканы и Стамбул

Когда проект «Путь Марко Поло» выехал из Венеции, мы отставали от графика уже на десять дней. В самом городе не было сделано никаких разысканий, потому что Венеция и городские общественные архивы прекрасно изучены превосходными специалистами по Поло. Нас привлекали именно те обширные участки пути Марко, которые были слишком далеки, чтобы их можно было с легкостью исследовать. По этой причине в Венеции мы удовольствовались съемкой мест, связанных с именем Поло, и потом повернули мотоциклы в сторону границы и отправились в длинный перегон до Турции — через Триест, Югославию и Болгарию. Наше исследование маршрута Поло должно было по-настоящему начаться на анатолийском плато в Турции. Марко, выехав в Китай, сначала направился в Иерусалим, чтобы получить от монахов святого масла из лампы, горевшей при Гробе Господнем. Привезти масла просил великий хан, подобные реликвии были в большой цене у средневекового человека. Это было время, когда византийский император мог серьезно оживить международную торговлю обширной распродажей таких вещей, как терновый венец, пеленки Иисуса, копье и губка, бывшие при распятии, трость Моисея и кости черепа Иоанна Крестителя. Получив флакон со святым маслом, Поло опять взошли на борт и поплыли в порт Лайас на южном побережье Турции. В Лайасе они простились с морем и далее двигались сушей, от города до города, лишь бы была возможность торговать с прибылью и сообразуясь с доступностью караванного пути.

На балканском перегоне мы совершенно не занимались исследованиями, и дорога через Югославию

явилась честным и откровенным отпуском. Заботы, предварявшие наше путешествие, были позади, и мы могли сказать, как Питер Флеминг, наш наставник, что успех путешествия зависит от душевного настроя, с каким в него отправляются. Это очень верно. Каким-то образом Майкл опять завладел экспедиционными картами, и в результате, вместо того, чтобы двигаться к Любляне, мы поехали по какой-то второстепенной дороге и оказались в Аджеке. На этот раз мы ничего не сказали Майклу относительно его штурманских способностей, потому что, вместо скучной автострады, ведущей из Любляны в Загреб, мы ехали вдоль прелестных холмов, смотревших на Адриатическое море. Эту ночь команда проекта провела в деревушке близ дороги и выехала следующим утром, рано-рано, на траве еще лежала роса. Во всей Югославии было время сенокоса, и мы с ревом неслись по длинным прямым дорогам к Белграду навстречу сенокосным мушкам и прочим крылатым насекомым, разбивавшимся о наши очки и пятнавшим их. Ослепительно сияло солнце, с обеих сторон дороги простиралась обширная равнина, разделенная на поля, по которым двигались ряды крестьян. Высокие, загорелые, сильные мужчины, обнаженные по пояс, двигались в едином ритме, взмахивая большими косами. За косцами шли, тоже цепями, уборщики с граблями, а рядом с каждой группой стояли повозки незатейливой конструкции, запряженные лошадьми. Вечером высокая нескошенная трава волновалась на широких полях, а там, где она уже была убрана и где торчали короткие жесткие стебли, паслись в облаках мошек вола и лошади.

В Белграде мы стали центром внимания огромных толп, выказывавших к нам неподдельный интерес. Где бы команда проекта «Путь Марко Поло» ни останавливалась, мотоциклы незамедлительно окружали человек двести-триста, одни бомбардировали

команду вопросами или предлагали сливовицу, другие внимательно рассматривали машины. Мотоцикл очень популярен в Югославии, и мы поминутно сталкивались с восторженными поклонниками, которые приходили в восторг, имея возможность исследовать одну из прославленных английских машин. В таких случаях Майкл весело болтал на своем псевдококни, бешено жестикулируя, дело оканчивалось полными карманами сигарет, а его глаза сияли все ярче с каждым стаканом сливовицы, и все это доставляло ему огромное удовольствие.

В первый вечер в Белграде мы расточительно поужинали в шикарном ресторане, устроенном на западный манер, с великолепной панорамой города. Пока мы ели, из мотоциклов, стоявших на охраняемой стоянке, украли чемодан, в котором находились почти все отснятые материалы. Это была катастрофа, и, несмотря на то, что вскоре вокруг ресторана кишели зловещие черные полицейские «мерседесы» с дизельными двигателями, вора не нашли. Мы провели ужасную ночь, а утром связались с нашим британским агентом, прося его прислать в Стамбул киноплёнку. Увы, снятые кадры не подлежали восстановлению.

Ругая себя за то, что оставили машины без присмотра, мы выехали из Белграда в южном направлении. Но наши несчастья еще не закончились. Майкл, которого учили водить мотоцикл, разбил машину, спускаясь по чрезвычайно извилистой горной дороге. Когда это произошло, мы отъехали от Бел фала всего на двадцать пять километров, и Стэн вернулся обратно в город на оставшемся мотоцикле за помощью. Мы были уверены в успехе его миссии, потому что знали, что Стэн всегда получает то, чего добивается. Такое происходило неоднократно, когда экспедиция нуждалась в запчастях для мотоциклов или чем-либо другом. Любимым развлечением было попросить Стэна добыть хлеба в

какой-нибудь жалкой деревушке, где не было видно хлебной лавки, притом мы не знали местного языка и не могли объясниться с жителями. Как огромный медведь, Стэн, бывало, вваливался в темные сени крестьянской хижины, и внутри слышалось сердитое ворчание. Потом всклоченная голова Стэна появлялась опять, и он шел к нам, прижимая к груди буханку, а часто и другую местную гастрономию. Притом Стэн ухитрялся никогда не оставлять хозяевам деньги. Через несколько часов он возвратился из Белграда на древнем грузовике в сопровождении сильно пьяной команды и прекрасной балерины. Последнюю подхватили в дороге, она просила ее подвезти, и была чрезвычайно декоративна, но бесполезна, а команда грузовика не была даже декоративна. Члены ее поддались на уговоры Стэна, и по пути грузовик останавливался при всякой возможности у известных заведений, чтобы поддержать дух. Сцена, когда мы пытались погрузить искалеченный мотоцикл и коляску в грузовик в поздних сумерках, была поистине списана из комической оперы. Одурманенные сербы приспособили к кузову две доски, чтобы возможно было втащить по ним мотоцикл. Когда наша драгоценная машина была на половине пути в кузов, доски соскользнули, и коляска с ужасающим грохотом упала на землю. Во время второй попытки мы уверились, что доски хорошо закреплены, но, когда мотоцикл был уже наполовину в кузове, грузовик тихо поехал вперед и стал спускаться с холма. Сквозь грохот нашей машины, пикирующей на дорогу, мы слушали страшные ругательства, которыми два серба, оставшихся в грузовике, осыпали друг друга, выясняя, кто забыл поставить грузовик на ручной тормоз. Они так и ругались до тех пор, пока далеко внизу их драгоценный грузовик не врезался в кирпичный забор.

Наконец мы втащили грузовик обратно на холм, погрузили наши машины на борт и отправились в

темноте по извивающейся горной дороге обратно в Белград. Сам путь был кошмаром, так как не только пригодность грузовика для езды оставалась под большим подозрением, но и его фары были эффективно уничтожены соприкосновением со стеной. Это ни в малейшей степени не устрашало наших сербских друзей, они не обращали внимания и на водителя, который был так пьян, что полулежал на руле, срезая повороты на полной скорости. Члены экспедиции, спасая свои жизни, льнули к разваливающемуся кузову, вместе предпринимая героические усилия, чтобы удержать мотоциклы, которые всякий раз, когда зад грузовика заносило и он нависал над каменистой обочиной, норовили вылететь. Мы, естественно, останавливались выпить еще сливовицы и, несмотря на это, целыми добрались до гаража на окраине Белграда.

Опять проект «Путь Марко Поло» был в Белграде, осужденный на досадное ничегонеделание, так как приходилось ожидать починки мотоцикла и коляски. Гараж, в котором мы оставили машины, обслуживал грузовики и автобусы, принадлежавшие государственным транспортным линиям. Однако работы здесь было не так много, чтобы нельзя было выделить одного способного механика. Единственная задержка состояла в том, что этот механик проводил каждое утро за мытьем и полировкой огромного лимузина, принадлежавшего какому-то партийному боссу. Маленького усатого механика звали Попович, а его сопровождала хмурая личность, никогда не открывавшая рта в нашем присутствии. Имя этого субъекта не называлось, но нам объяснили, что это важный коммунист, русской выучки, влиятельный в партии. Важный коммунист наблюдал за Поповичем, пока тот мыл машину партийного босса, а после приступал к исправлению избитой коляски. Особенность сербско-хорватской школы ремонта, по-видимому,

заключается в том, чтобы бить по ремонтируемому предмету со всего размаха кувалдой. Метод грубый, но действенный в известных ситуациях. Помимо прочего, это занимает немного времени, и Попович управился быстро, что следовало отпраздновать, прокатившись по главной улице. Я сел на один мотоцикл, Попович на другой, а вездесущий коммунист взгромоздился за спину, вероятно, для того, чтобы наблюдать за возможными отклонениями от коммунистического курса. Пока мы неслись по улице, я ухитрился выбиться в лидеры, но трамвай принудил меня внезапно затормозить, и Попович, естественно, врезался в меня сзади. Удар был силен. Я, предчувствуя недоброе, повернулся, и стало ясно, что нужна добавочная порция сербской кувалдовой техники. Единственным утешением было то, что наш молчаливый компаньон в конце концов нарушил обет молчания и, прыгая вокруг, разразился потоком проклятий в адрес капиталистической машины, о которую он сильно ударился коленной чашечкой.

Чтобы хоть отчасти утешиться, мы, все трое, отвезя машину в ремонт, сели на автобус и поехали на ярмарку в Авалу. Эта ярмарка находится в нескольких километрах от города, на вершине маленького холма, здесь же стоит памятник «неизвестному бойцу Сопротивления», или, как нам сказали, прелестно ошибившись, «дремучему партизану». С холма открывается вид на хорошо возделанные поля и на слияние Дуная и Савы, они встречаются возле древнего римского лагеря и, соединившись, устремляются к Черному морю. Сама ярмарка нас разочаровала. В ларьках продавали дешевый ширпотреб, который можно найти на любой ярмарке мира, а на мужчинах были однообразные некрасивые серые шляпы и нейлоновые рубахи, просвечивающие на груди. Все оживилось только тогда, когда заиграл оркестр и женщины в национальных белых блузках, широких юбках, вышитых

передниками и шаях начали танцевать, взяв друг друга за руки и составив большой хоровод. Люди прибывали и прибывали, скоро толпа разбилась на кружки танцоров, двигавшихся ритмическими скользящими шагами.

На следующее утро, желая как можно быстрее выехать, мы явились в гараж и пришли в смятение, потому что не нашли один из наших мотоциклов, а с ним и Поповича. Мы в ярости полетели его искать. Он жил в пыльном предместье. Дома мы обнаружили его жену, которая почти не могла говорить от рыданий и, чтобы объяснить нам, что случилось с ее супругом, вытягивала руку и поворачивала кисть, делая вид, будто она что-то запирает и открывает ключом. Не было сомнения, что Попович арестован в связи с каким-то серьезным обвинением. Мы отправились к огромным казарменного вида зданиям главного управления полиции, которые располагались на Ноябрьской улице и числились под номером 29. Нас проводили по длинным мрачным коридорам с дверями, на которых хлопьями висела отслаивающаяся краска, к начальнику третьего отдела. Это был отдел расследований. За настораживающе пустым столом под неизбежным портретом маршала Тито сидел чиновник с чрезвычайно бандитской физиономией. Переводчик изложил наше дело, затем состоялся телефонный звонок, а через несколько минут в кабинет под конвоем вошел Попович. Бедный малый выглядел совершенно растерянным и испуганным. Он отправился на нашем мотоцикле после работы домой, и его задержали по подозрению в краже мотоцикла. Он умолял нас подтвердить его показания и был так трогателен, что мы бросились на его защиту, не скупясь на весьма острые комментарии относительно серьезности содеянного. В конец концов Поповича отпустили, мы отвезли его домой, прощаясь, он буквально рыдал, целуя нас мокрыми губами, и мы

отправились в путь, предаваясь невеселым размышлениям о здешних полицейских обычаях.

Последние несколько миль до Болгарии мы ехали по ужасающим дорогам, покрытым чудовищными рытвинами, которые успешно разнесли на части так называемые сверхпрочные контейнеры, а в коляске образовались такие щели, что она выглядела, как перезревший банан, лопнувший по швам. Коляска в подобном жалком состоянии стала очень опасна, и третий человек был вынужден сесть на заднее сиденье машины, тащившей нагруженную коляску. Потом мы обнаружили, что кто-то из нас может в действительности передохнуть от изнурительного вождения, если верхнюю часть спины привязать к верху коляски, а ноги — к мотоциклу. Мы так уставали, что умудрялись урвать в этом странном вытянутом положении несколько часов сна, на время забывая о пыли, тряске и реве двигателей.

Едва мы въехали в Болгарию, дороги, к нашему удивлению, стали лучше, и мы быстро добрались до Софии, где наведались в издательство студенческой газеты. Отсюда нас повезли смотреть новые университетские здания, новый дворец спорта и студенческие общежития. Все было очень современно, ухоженно, порядок идеальный, но мы остро почувствовали, что предпочитаем старомодные комнаты наших оксфордских колледжей, из которых мы могли на каникулах отправиться по пути Марко Поло, а не на общественные работы. Тем не менее мы были под большим впечатлением от радушия наших хозяев и их стремления показать свою страну с самой лучшей стороны. Они кормили нас пловом в студенческой столовой и уверенно рассуждали о своем будущем. Мы нашли время посетить прелестную византийскую церковь Святой Софии, где исследователи открыли еще не все подземелья ранней христианской эпохи. Легенда

гласит, что император Константин влюбился в свою сестру Софью, преследовал ее, она добралась до холма, где сегодня стоит храм, и здесь исчезла в голубом тумане пропасти, разверзшейся в земле. И даже ныне в самый глухой час ночи ее иногда можно увидеть — голубое привидение перед местом, ставшим убежищем от императора-кровосмесителя.

Нашей последней остановкой в Софии стал торговый центр, исключительно уродливый, огромный ангар. На полках было много товаров, но такая существенная вещь, как сахар, оказалась очень дорогой. Стэн, однако, поразил даже закаленных продавцов, привыкших к незатейливым местным потребностям: он потребовал килограмм какой-то смеси из потрохов и отрубей, предназначенной для собак, и начал здесь же ее жевать. Мы с Майклом предпочли более привычный ассортимент болгарского кафе, состоящий из яиц и дешевого красного вина, закончив наш завтрак бесчисленным числом сигарет, набитых сеном.

Мы ехали через Болгарию недолго и вскоре миновали последние армейские пикеты, которые охраняют дороги, ведущие к границе с Турцией. Граница впечатляет. Надо всем доминирует контрольно-пропускной пункт в виде высокой смотровой вышки, похожей на водонапорную башню. Над пропускным пунктом развеваются звезда и полумесяц Турции, а под флагом стоит турецкий солдат в полной боевой выкладке. Он одет с ног до головы в американскую военную форму и со спокойной уверенностью держит американскую автоматическую винтовку. В Болгарии мы видели великое множество военных, но пугающая суровость турецкого пограничника, смотревшего на нас в бинокль, произвела огромное впечатление, и это впечатление в некотором смысле сохранялось все время нашего пребывания в стране.

Европейская часть Турции от границы до Эдирне и Стамбула скучна и пыльна. Это холмистая местность, безводная и скудная, и хотя время от времени вы проезжаете мимо бензозаправочных станций, они, однако, все заброшены. На дорогах, покрытых гравием, нет машин, только армейские грузовики, наполненные солдатами в пятнистой форме и довольно сурового вида. Вдоль дорог почти нет поселений, лишь время от времени встречаются стада овец, сопровождаемые стариками или детьми, с обязательными посохами и в чудовищных засаленных кепках, смахивающих на те, что так популярны в рабочих городках Северной Англии. Через каждые пятнадцать миль или около того у дороги — армейские лагеря с солдатами, бесконечно марширующими перед палатками, с одной стороны лагеря — огромные стоянки, на которых плотно стоят квадратами по сотне или более американские грузовики. Всего этого однообразия почти не нарушают минареты Эдирне, только одинокий указательный столб, стоящий на центральном перекрестке города, несколько оживляет местность. На его трех указателях написано «Стамбул», «Греция» и «Болгария».

Было утро, когда мы наконец добрались до Мраморного моря и, взобравшись на вершину последнего холма, увидели внизу Стамбул — город, который оказал такое влияние на жизнь множества людей и на существование различных империй; и именно здесь мы ощутили, что наше путешествие наконец началось. Кто-то назвал Стамбул столицей мира, а во времена Марко Поло этот город стал ценнейшим призом, когда Венеция начала борьбу с Генуей за контроль над великим мировым торговым центром, где Азия встречается с Европой.

На этих холмах над городом в 1204 году лукавый дож Дандоло уговорил вождей прерванного крестового похода повернуть на Константинополь, оставив

неверных в покое. Французские и венецианские войска штурмом взяли город, и множество трофеев было отправлено в Венецию. Некоторые из этих трофеев украсили ее площади, и ими можно любоваться и сегодня. Сам дож не мог оставить Венецию и принять управление над той частью Константинополя, которая находилась под протекторатом венецианцев, и вместо него назначили другого. Колония управлялась по венецианским законам, ее жителям были предоставлены торговые привилегии. Дож принял титул римского князя, а полвека спустя город сыграл решающую роль в истории путешествия Марко Поло, ибо в своей книге тот пишет, что «в Божие лето 1260 года, когда Балдуин был императором в Константинополе, а мессер Понте управлял городом именем дожа Венеции, мессер Никколо Поло, отец Марко, и мессер Маттео, брат Никколо, были в этом городе, явившись сюда из Венеции со свои ми товарами. Они были людьми хорошего происхождения, замечательными своей мудростью и предусмотрительностью. Рассмотрев разные предположения, они решили переплыть Черное море, надеясь на выгоднейшие предприятия. Потому они приобрели множество прекрасных и ценных драгоценностей и, отплыв из Константинополя, поплыли в Судак».

То, что стоит между строками сдержанного повествования Марко, имеет наиважнейшее значение. Ею отец и дядя, «замечательные своей мудростью и предусмотрительностью», нимало не заблуждались относительно недолговременной природы венецианского влияния на Константинополь после смерти волевого Дандоло. Балдуину II, графу Фландрскому и кузену короля Франции Людовика IX, оставался еще год управления Константинополем в качестве последнего латинского императора. Венецианский наместник Понте обладал очень

ограниченными силами для защиты интересов Венеции, а венецианская колония преувеличивала мощь и влияние своего государства. Следствием этого была нестабильность деловой общины, и едва ли этот вопрос был снят с повестки, когда Маттео и Никколо «рассматривали различные предположения». В лучших традициях предусмотрительных и умеющих считать деньги венецианцев они решили продать все, чем семья владела в Константинополе, а после обратить капитал в драгоценные камни, которыми были переполнены городские рынки, удрученные приближением политического шторма. Поло покинули Константинополь и пустились по Черному морю на север к Судаку, а из Судака отправились в свое первое пробное путешествие, которое привело их в отдаленнейшие области Востока и, между прочим, ко двору великого хана. После отъезда Поло венецианская торговая диаспора ввиду схватки Венеции и Константинополя обратилась в прах, а к тому времени, когда Маттео и Никколо возвратились из своих удивительных странствий, венецианские притязания ограничивались торговым представительством в греческом Негропонте. Следовательно, ситуация в Константинополе была среди главных побуждающих причин удивительных странствий Марко Поло.

В основных чертах город едва ли мог измениться со времени Поло, ибо никакие приливы и отливы политического счастья не могут устранить основную смесь его населения, делающую город таким особенным. Волнуясь, мы въехали в город через колоссальные ворота дворца Топкапи, эта стена наслала на нас видения осаждающих армий. Все-таки сами укрепления — только безжизненные памятники в сравнении с суетой множества национальностей в Галате у Золотого Рога. Смешение языков и калейдоскоп национальных одежд и физиономий, разумеется, видел и Марко Поло. Что же касается нас, то нет в моей памяти города, который

сразу производил бы такое волнующее впечатление на путешественника.

К этому времени у нас выработалась практика держать наличные средства в виде американских долларов, так как все трое во время предыдущих поездок достаточно поднаторели, чтобы не отдать должное сравнительной легкости, с которой можно обратить доллары в местную валюту там, где дорожные чеки и английские фунты почти не известны. В Софии мы были принуждены совершать валютные операции в величайшей тайне с участием дельцов черного рынка, настаивавших на заключении сделки в открытом поле в нескольких милях от города. Но в Стамбуле вопрос решился много проще. Мы сразу же поехали туда, где за площадью Таксим совершаются операции местного черного рынка и, припарковав мотоциклы, просто сели рядом на обочину и стали ждать, когда на нас обратит внимание та международная разновидность спекулянтов, которая кормится нуждами иностранных гостей.

— Могу я чем-нибудь помочь? — довольно уверенно произнес кто-то позади нас классическую фразу.

Мы обернулись и увидели молодого турка примерно нашего возраста, одетого скромно, но чисто. У него не было того таинственного вида, который свойственен большей части встречавшихся нам дельцов черного рынка. Мы представились и сказали, что хотим перевести часть наших денег в турецкие лиры. Аргун, так звали молодого человека, объяснил, что при новом военном правительстве больше не нужно обменивать деньги на черном рынке, так как в банках такой же курс. Но, добавил он, может быть, нам негде остановиться в Стамбуле, в таком случае, если нам угодно, мы можем остановиться у него. Предложение застало нас врасплох, и нам понадобилось некоторое время, чтобы победить известные подозрения. Но очень скоро мы

осознали, что в Аргуне обрели друга и помощника, который, вместе со своей семьей, сделал так, что слышанное нами о восточном гостеприимстве весьма поблекло в сравнении с настоящим положением дел. Сверх того, именно Аргун помог нам увидеть Стамбул, каков тот есть, а не его фасад, который обычно представляют туристам.

Сперва мы отправились к Аргуну домой (вот адрес: Стамбул, Феридиж, Мадирж Сокак, дом 4). Мы повернули мотоциклы от бульваров в центре города и скоро растворились в лабиринте крошечных переулков, сплетение которых составляет огромный, расползающийся во все стороны квартал города на склоне холма, спускающегося к Золотому Рогу. Здесь живут сотни тысяч турок, которые находятся на нижней ступени социальной лестницы — чистильщики обуви, продавцы сигарет, водители такси, базарные торговцы и т. д. Семья Аргуна торговала питьевой водой и владела маленькой подвальной лавкой близ площади Таксим. Они жили в четырех маленьких комнатах сдающегося в аренду многоквартирного дома в переулке таком крутом, что мы не отважились спуститься на мотоциклах и оставили их наверху. Мы, разумеется, беспокоились о них, однако Аргун заверил нас, что машины в полной безопасности. Это была совершеннейшая правда, ибо в ту минуту, когда по кварталу разнеслась весть, что мы явились в качестве гостей, наши машины оказались под таким же надежным присмотром, под каким они были бы в центральном полицейском управлении. Весь день тучи детей, копошившихся вокруг мотоциклов, обескураживали потенциальных воров, а ночью престарелая бабушка, сидевшая в полутемном дверном проходе, которую было видно отовсюду в переулке, неусыпно наблюдала за нашими драгоценными машинами, готовая, если бы кто-нибудь покусился на них, поднять тревогу.

Потом мы были представлены семье Аргуна, разумеется возглавляемой папашей, впечатляющей фигурой с голосом медведя и с сердцем из золота. Он владычествовал в семье как бог и царь. Один его хмурый взгляд заставлял детей бросаться исполнять то, что от них требовалось, и расшевеливал даже мамашу. Большая толстая мать семейства была удивительна, она растила собственных шестерых детей, а сейчас искала комнату, чтобы усыновить трех странствующих иностранцев. Она спросила у папаши дозволения освободить одну из двух комнат на первом этаже, и эта комната стала на следующие две недели нашим домом. Четыре сестры Аргуна возложили на себя задачу ухода за нами, задачу, которую они выполняли сотней разных способов, от мытья волос до заталкивания пищи нам в рот. У девочек были самые удивительные имена, например Айзель, что значит «луна и много дождей», и Айкон, или «кровь и луна». Нашей любимицей долго была самая младшая, ее звали Мокартез, что означает «тайна», но мы называли ее Микки Маус, ибо она покорила наши сердца своей веселостью и самоотверженностью, с какой ходила за нами. Я никогда не забуду, как она карабкалась вверх по переулку — худенькая маленькая фигурка с длинными волосами, падавшими на плечи, и пара длинных сапог, в которых мы приехали и которые она несла к чистильщику, была почти вровень с нею.

Мы так устали и были так грязны, когда приехали, что семья настояла, чтобы мы помылись. Это означало поход в общественные бани, и, естественно, так как мы были в Турции, это были всамделишные турецкие бани. Они имеют свои подобию в других странах, но для того, чтобы помыться в настоящих турецких банях, вы должны приехать в саму страну и заплатить немногим больше пенни у турникета на центральном входе в одну из общественных бань. Внутри вы поступаете в

распоряжение дежурного турка, одеянием которому служат два полотенца (зеленое и красное), обернутые вокруг талии, на ногах у него пара деревянных сандалий. Через несколько минут вы появляетесь из маленькой кабинки в таком же виде, вас сопровождают через две двери, которые представляют собой что-то вроде клапана, и вы ступаете в насыщенные паром банные комнаты. Здесь мы бродили в сумеречном пейзаже. Над головой крыша, изогнутая, как перевернутая чаша, и сделанная из стеклянных панелей, которые слегка рассеивают полумрак. Стены и полы из истершегося черного мрамора, везде горячая вода, она льется из фонтанов и резервуаров в стенах, струится поверх черных мраморных глыб, верхушки которых округло стесаны, чтобы на них было удобно сидеть, и наполняет глубокие бассейны в полу. Больше часа мы наслаждались, потом легли на черные мраморные глыбы, от которых поднимался пар, и нас мутузили массажисты. Наконец мы оделись и вышли из бань настолько освеженные и отдохнувшие, насколько мы были измотаны перед этим.

Приближалось время ужина, и Аргун повел команду проекта обратно домой. Здесь нас ждал первый из наших наиболее счастливых и экзотических столов. Семья рассаживалась под бдительным оком папаши. Трое гостей примкнули к нему с обеих сторон, а остальные приткнулись где только возможно, рассевшись вокруг единственного стола на старых стульях и на одной из кроватей. Каждому времени дня в семье Аргуна соответствовали традиционные блюда. На завтрак подавался турецкий сыр, хлеб, помидоры, сосиски, нарезанные на маленькие кусочки, и салями. Второй завтрак и обед составляло неисчислимое многообразие блюд — бобы, рис, свежие овощи, консервированные огурцы, перец и фрукты; в особенности фрукты, множество и множество персиков,

абрикосов, винограда, слив и орехов. Во всякое время за обедом, за завтраком или за ужином можно было ожидать, что сосед, выбрав какой-нибудь особенно лакомый кусочек со своей или с вашей тарелки, засунет его пальцами в ваш рот. Папаша довольно скоро познакомился с нами настолько, чтобы коварно брать перец, жгучий как огонь, и класть его в наши рты, когда мы менее всего ожидали этого. И когда получивший перчика силился его проглотить, папаша раздражался хохотом и хохотал, пока из его глаз не начинали литься слезы, такие же обильные, как и те, что стекали по щекам жертвы. Покупка продуктов и их приготовление целиком возлагались на старших дочерей, так же, как и мытье посуды, ибо это происходило в священное время кея. Турецкий чай, или кей — чудо, и железным правилом отца семейства, введенным в доме, предписывалось, что кей должен быть отменным. Чайные листья, кстати сказать, не индийские, а персидские, завариваются в медном чайнике — строго определенное время, и горячая золотистая жидкость разливается в тонкие стаканчики поверх двух или трех кусочков сахара. В итоге получается отличный напиток, и мы, люди, сидевшие вокруг стола, говорили часами, прихлебывая восхитительный кей папаши, стакан за стаканом, и наполняя воздух дымом местных дешевых сигарет.

Так как Аргун был временно без работы, семья жила исключительно доходом от маленькой лавки, в которой они продавали воду, близ площади Таксим. Водопроводная вода в Стамбуле нехороша, но вполне пригодна для питья. Многие турки, однако, предпочитают воду более высокого качества, которая добывается из местных источников, находящихся в собственности частных компаний. На рынок эта вода поступает в маленьких бутылках стоимостью в несколько пенсов. Многие турки в Стамбуле, правда,

имеют такой вкус к воде, что оценивают ее так же, как мы оцениваем вино, только турка интересуется не время сбора винограда, а название и характеристики источника, из которого получена вода.

Каждое утро папаша обычно облачался в белоголубую полосатую рубашку и красочные фланелевые брюки, которые он подворачивал, пока между обшлагами брюк и белыми с черным, отполированными до блеска туфлями итальянской кожи не показывались, во всей их элегантности, носки. Он затягивал ремень в предвкушении трудного дня и проверял, похлопывая себя по нагрудному карману рубашки, с ним ли пачка его любимых сигарет «Ени Харман». Последний хмурый взгляд на детей, чтобы не забыли, что им нужно сделать сегодня, и папаша топает из дверей мимо громадной кучи деревянных шлепанцев, которые мы все надевали дома, оставляя уличную обувь на циновке. Папаша неспешно взбирается по вымощенной булыжником улице к площади Таксим, где в кафе, напротив его лавки, уже выставлены столики. Здесь папаша здороваётся со своими друзьями и останавливается выпить стаканчик кея; один стаканчик следует за другим, в этом и заключается рабочий день. Только изредка, тяжело ступая, он переходит дорогу и заглядывает в дверь своей лавки. Внутри одна из его дочерей, Айзель, занята подметанием пола, который и без того идеально чист. Айзель управляет с покупателями, и весь день папаша сидит на противоположной стороне улицы со стоящим перед ним стаканчиком кея или прогуливается там и сям, проводя день с другим лавочником, который кажется тоже удовлетворенным неспешным ведением дел.

Семья Аргуна делала покупки большей частью на огромном крытом базаре на противоположной стороне моста Галата. Чтобы добраться туда, нужно или сесть в трамвай, который лязгал по рельсам вдоль узких

вымощенных улочек, или воспользоваться своеобразной стамбульской подземной транспортной системой. Эта необычная система состояла из двух поездов, курсирующих по двум крутым тоннелям, которые соединяли вершину и подножие холма, выходящего на Золотой Рог. Поезда были похожи на пару пауков. Когда один тащится вверх, поднимаясь по длинному кабелю, его коллега внезапно срывается вниз по склону холма, таща за собой свой кабель. Другой дешевый способ передвижения по городу — такси. Это разновидность путешествия автостопом. Аргун, который был, естественно, специалистом в этом деле, обычно шествовал по середине дороги, выкрикивая в сторону потока огромных старомодных американских машин, которые служили в Стамбуле такси, адрес, куда ему надо ехать. Если кто-нибудь из таксистов ехал в ту же сторону, он жал на тормоза, и пока его избитая машина визжала, останавливаясь, мы должны были быстро взгромоздиться сверх прежнего груза пассажиров. После чего такси, покачиваясь, продолжало двигаться далее, ныряя в самые незначительные дыры в пробке и решительно не замечая сотен полицейских из военной полиции, которые пытались управлять движением на всех возможных перекрестках. Время от времени наш водитель сворачивал на тротуар, чтобы выкрикнуть прилично выглядевшему пассажиру, куда едет такси, или для того, чтобы высадить одного из спрессованных клиентов. Когда последние высаживались, шофер производил приблизительную оценку участия клиента в поездке, и цена редко превышала один шиллинг или около того.

Большой базар — целый мир. В этой огромной, расползавшейся во все стороны сети переулков, наполненных теснящимися толпами, кажется, не было ничего, чего нельзя купить или продать. Множество кузенов Аргуна владели здесь лавками, и мы могли

сидеть в них часами, наблюдая яркую, текущую мимо толпу, говорившую на десятке языков и состоявшую из смеси всех национальностей и вероисповеданий. В особенности замечательны были базарные грузчики, одетые в рубища, толкавшие перед собой двухколесные тележки, на которых они перевозили товары от лавки к лавке. Всюду сновали продавцы воды с огромными медными флягами в мешках, державшие в одной руке крошечную чашечку, которую опускали в наполненные фляги, чтобы привлечь внимание, и потрясающие чистильщики обуви с подносами, на которых стояли остроконечные медные сосуды; каждый поднос был лавкой в миниатюре, здесь была вакса всех оттенков, были воск и масло, так что даже наши потрепанные и исцарапанные мотоциклетные сапоги через несколько минут упорного труда щеткой и полировальной тряпкой ровно и ослепительно сияли. Именно на базаре мы приобрели огромные сумки из толстой кожи, сделанные в мастерской кожевенника, в которых на верблюдах возят поклажу, заменив ими бесполезные современные мотоциклетные контейнеры из стеклоткани. Эти кожаные сумки были тяжелыми, восхитительно пахли наполовину высушенной кожей и выдержали все путешествие — и через реки, и через пустыни.

Еще в Стамбуле был цыганский квартал, в который после наступления темноты не осмеливалась являться полиция. Но Аргун брал нас туда с собой смотреть потрясающие воображение танцы, исполняемые детьми, моментально рассеивающимися при виде подозрительных взрослых. Как-то утром, когда мы проходили мимо цыганского района по пути к площади Таксим, нам посчастливилось встретить цыганскую свадьбу во всем ее своеобразии. Рассвело всего час назад или около того, но в переулке уже стояли длинные столы, заставленные фруктами и газированной водой разных видов в добавление к обычным бутылкам

со спиртным. Скоро за столами во всем доступном им блеске тесно сидели цыгане — с серьгами в ушах, цветами в волосах и, на сей раз, улыбчивые и приветливые. Два скрипача и человек с деревянным инструментом, довольно похожим на пастушью свирель, были оркестром, всюду носились дети с чумазыми физиономиями и темно-коричневыми вперемешку с золотым волосами. Тут и там кто-нибудь вскакивал с места и, схватив со стола или с головы кого-нибудь из гостей венки, танцуя, устремлялся к свадебной паре и короновал невесту или жениха.

За день до отъезда я сумел получить аудиенцию у губернатора стамбульской области. Он был одним из важнейших лиц в стране, перед которым благоговели и которого уважали, он не только управлял городом, но и являлся командующим турецкими войсками, во власти которых находились Стамбул и подходы к нему. Единственным аргументом для встречи, на который мы могли рассчитывать, чтобы получить аудиенцию у этого очень занятого человека, была передовая статья в местной престижной газете о проекте «Путь Марко Поло». Вооружившись ею, я настоял, чтобы Аргун сопровождал меня, ибо он так много для нас сделал, что я хотел отблагодарить его хотя бы этим. Мы вошли вместе в гигантский дворец губернатора, и нас провели через залы, комнаты и приемные, заполненные суетящимися секретарями и ожидавшими аудиенции с великим человеком генералами и старшинами города. После надлежащей процедуры и не без влияния драгоценной газеты меня и Аргуна проводили в гостиную губернатора. Здесь нас очень гостеприимно приветствовал сам губернатор, и мы провели за кофе и за разговором занятные полчаса. Наконец мы простились и отправились обратно между длинных очередей сановников, над которыми мы взяли первенство. Тогда и только тогда я доверительно

сообщил Аргуну, что от начала и до конца нашего пребывания во дворце он странным образом не обратил внимания на то, что его рубашка не заправлена в штаны.

Наконец настал день, когда мы должны были покинуть мамашу, папашу и семейство и отправиться на наших мотоциклах далее по пути Марко Поло. Мы переплыли Босфор на одном из паромов, которые ходят взад и вперед по узкой полосе воды, разделяющей Европу и Азию. На азиатской стороне мы простились с Аргуном, который по традиции переплыл с нами пролив, чтобы пройти часть пути отъезжающих гостей. Когда мы уезжали, в глазах Аргуна стояли слезы, и у нас не было сомнений, что мы еще вернемся в гости к этой удивительной турецкой семье.

Глава 4. Малая Армения Марко Поло

Равнинную возвышенность в азиатской Турции греки называли Анатолией. Для эллинов эта бесплодная гористая местность, которая возвышается над заселенной береговой линией, где процветали колонии греческих городов, была отдельной страной, Анатолией, или страной «к востоку». Даже сегодня хорошо чувствуется перепад, когда дорога идет по местности, довольно удаленной от моря, и начинает взбираться на суровое плоскогорье. Поселения вдоль дороги постепенно уменьшаются в размерах, расстояние между ними увеличивается, домишки жмутся друг к другу на возвышенностях, которые легко оборонять, и это верный знак сегодняшнего неустройства. Новая Турция только начинает цивилизовать дикие области, европейский образ жизни приметен вдоль главных транспортных артерий и расходится от больших городов. Анкара может служить примером такого движения. Во времена Поло то место, где сейчас стоит турецкая столица, было всего лишь поселением, вероятно восходившим к хеттским временам. Но случилось так, что Ататюрк, отец Турции, устроил здесь во время кампании против сил, ассоциировавшихся с упадком Стамбула, центр связи. И когда Ататюрк одержал победу, древняя хеттская деревня была объявлена столицей страны — искусственное образование, порождение политических комбинаций, и даже сейчас говорят, что «только ослы и депутаты уезжают из столицы Константина в столицу Ататюрка».

Не последней причиной непопулярности Анкары является суровый континентальный климат Анатолии, о котором Марко Поло сказал, что он «далеко не здоровый; правда, он очень обессиливает». Летом на

плато иссушающая жара, а зимой многие районы становятся непроходимыми из-за глубокого снега. Для этого негостеприимного климата типичны яростные летние грозы, следствием которых является влажность, представляющая для здешней сухой земли благодать лишь отчасти, потому что прежде, нежели вода будет поглощена растрескавшейся землей, затяжные дожди станут причиной мощных потоков, смывающих неглубокий пахотный слой и размывающих дороги, посыпанные гравием. Края плоскогорья в особенности подвержены этим грозам, многие из которых образуются над морем, и конденсируются, поднимаясь к оконечности плоскогорья. Одна из гроз застигла нас, и мы решили, что езда под проливным дождем очень напоминает путешествие под водой. Мотоциклы бодро бежали вперед, но водители и багаж скоро промокли насквозь. Когда ливень усиливался, видимость снижалась до нуля, и однажды Стэн на полном ходу въехал в хвост колонны солдат, стойко марширующих, как огромная брезентовая сороконожка.

К счастью, по пути в Анкару у нас появился шанс высохнуть, кромка плато была вне зоны грозы, и скоро мы ехали по пыльной дороге, облитые ярким солнцем. Мы еще не знали, разумеется, что за все наше путешествие, за одним исключением, мы ни разу не увидим дождя — до тех пор, пока в Индии не попадем в муссон, простирающийся на половину континента. От Анкары до перевала Хибер среди общих факторов, связывавших нас с временами Марко Поло и преобладавших в жизни персов, турок и афганцев, было и стабильное отсутствие дождя.

Время, которое мы провели в Анкаре, большей частью заняли визиты в британское посольство за почтой и скучное и долгое пребывание в аэропорту — нужно было проверить, в наличии ли киноплёнка, которую нам выслали из Англии. Чиновникам тамошни

пришла в голову довольно тревожная мысль относительно того, что единственным способом узнать, не экспонировались ли пленки, было открыть специальным образом запечатанные контейнеры и поддержать пленку на свету. Майкла охватило чрезвычайное волнение по поводу драгоценных пленок, и только Стэн спас положение, заявив о своих личных связях с турецким министром внутренних дел и с министром иностранных дел Великобритании. В конце концов вопрос был решен весьма дружелюбно за чашечкой кофе — следствием любезности турецкой таможни и акцизного управления — и у проекта «Путь Марко Поло» появилось достаточно кинопленки, сразу же спрятанной в контейнеры, чтобы ее хватило до Кабула.

Разумеется, к этому времени мы стали насквозь протурками, и нам доставляла удовольствие каждая минута, проведенная с турецким народом. Одним из наших счастливейших вечеров был вечер, который мы провели в Анкаре в Парке молодежи с группой молодых турок примерно нашего возраста. Мы обошли с ними все увеселительные заведения парка, а Стэн вызвал волну одобрения, когда едва не сломал машину, проверяя ее на прочность. Мы окончили вечер на берегу центрального искусственного озера, потягивая дым из больших и украшенных кисточками наргиле с их огромными порциями табака и углем; вдобавок булькал электрический самовар, очаровывая смесью современности и древности, и выдавал нам стакан за стаканом кей.

На следующее утро мы были опять в дороге, оставив столицу и устремившись в засушливые сельские пространства Анатолии. Наш путь лежал на юго-запад в деревню Топкали, что на главной дороге к Кайсери. Из суматохи и рева современной Анкары мы мгновенно оказались в нищете плато. Крошечная деревушка

Топкали почти не отличается от других здешних населенных мест — такие же дома из глины и плоские крыши, которых так много на этой территории. Люди поддерживают существование скудной пищей из бобов и овощей, разнообразя меню тушеным мясом жилистой и тощей рогатой овцы. Стада этих овец щиплют жидкий кустарник на склонах гор. Иногда видно листья табака, вывешенные на верандах больших домов, чтобы они сохли, как в печи. Но в беднейших районах исчезает и эта скудная роскошь, и все реже и реже встречаются стада овец.

В Топкали мы поужинали, разделив наши запасы с отчаянно оборванными деревенскими детьми, которые пугливо крутились рядом с нами. Чтобы противостоять ужасающей летней жаре, дома тут строятся по принципу духовок наоборот. У них чрезвычайно толстые глиняные крыши и стены, совсем нет окон и только одно маленькое отверстие для входа, цель таких построек — не впустить в жилище нагретый воздух. Полы этих лачуг выкопаны с наклоном, чтобы легко добывать глину и быть ближе к прохладе земли. В конструкции домов нельзя увидеть ни одного деревянного элемента, жители нагорья почти набожно относятся к дереву, пригодному для использования, и каждая щепка бережно сохраняется, с тем чтобы после употребить ее для создания простейшей мебели. Но даже в этой примитивной обстановке люди не только всегда готовы оказать всякую помощь, но и обладают природным достоинством, приобретенным в постоянной борьбе со всевозможными трудностями и лишениями. Что являлось воодушевляющим доказательством того, что, если правильно направить взгляд, мы найдем те же обстоятельства и условия жизни, которые семьями годами ранее описал Марко Поло и которые могли бы пролить свет на описанный великим путешественником мир XIII века.

Во времена Марко Поло гористая часть Турции была глухим закоулком Малой Азии. В эти области подвигались одна за другой волны народностей и племен, вытесненных со своих более богатых земель на востоке более сильными захватчиками. Полуостров Турция был землей, которая не принадлежала никому и на которой в тесной близости одна от другой жили незнакомые и не связанные общественным союзом группы. Последней волной захватчиков были татары Чингисхана, вытеснившие ранние племена, в особенности турок, на запад, против укреплений христианского мира, положив начало легенде об «ужасном турке». Поло называет западную оконечность Турции Караманом, но для изгнанных эта область все еще была Руми, Римской страной, хотя в действительности Византийская империя была слишком слаба, чтобы контролировать регион, где единственными значимыми силами были аванпосты тамплиеров. Центральная часть вокруг Сиваса была разделена на провинции, которые находились под властью династии Сельджуков, вынужденной хранить верность монголам. Для некоторых современных летописцев это была «страна туркоманов», устрашавшая средневековых европейцев, так как она лежала на сухопутном пути к Святой Земле, — в своих попытках пробиться через эти земли армии крестоносцев потеряли шестьсот тысяч человек, погибших на диком плато.

Географическое описание Турции, которое сделал Марко Поло, восходит к классическому описанию Птолемея, разделявшему большую часть Анатолии на две Армении, Великую и Малую. У последней, пишет Поло, «есть царь, который хорошо и справедливо правит в этой стране, находящейся под верховным владычеством татар». Правители Малой Армении были потомками первого государя из династии Сельджуков,

тюрка из Туркестана, бывшего в услужении у одного татарского князя, владения которого находились в нижнем течении Сыр-Дарьи. Оттуда он бежал и возвратился к семье, члены которой управляли маленьким царством в Хорасане, северо-восточной персидской провинции. Эта ветвь туркмен впоследствии, к концу XI века, продвинулась к западу и отняла Армению у греков, чтобы потом, в свою очередь, склониться перед монголами, которые прошли обе Армении, но никогда в действительности не занимали Малую (или Западную) Армению.

Потому Марко, описывая жителей Малой Армении, говорит, что они распались на три народности. «Собственно туркмены, которые поклоняются Магомету и хранят его закон, это примитивный народ, говорящий на варварском наречии. Они кочуют по горам и равнинам, везде, где есть хорошие пастбища, ибо они живут скотоводством. Одежда их из шкур, а жилища из шкур или из войлока. В стране водятся прекрасные туркменские кони, и тоже хорошие мулы, обладающие отличными качествами, за которых выручают хорошие деньги. Другие народы Армении — греки и армяне, которые живут, перемешавшись с туркменами, в городах и городищах и добывают себе средства к жизни торговлей и ремеслами. Они выделывают изысканнейшие и прекраснейшие ковры в мире. Они тоже ткут шелковые материи багрового и прочих цветов, великой красоты и богатства. Ткут они и другие материи. Известнейшие из их городов — Кония, Кайзерия и Сивас».

Это указание на приверженность торговле армян и греков в Турции соответствует истине даже в современную эпоху, несмотря на семь веков, прошедших со времени Марко Подо, хотя турки большей частью оставили кочевой образ жизни, преобладавший в эпоху Марко, и перешли к земледелию на постоянной основе.

Кроме того, этот отрывок из «Описания вселенной» содержит ряд особенных характеристик, которые ставят в тупик известных комментаторов и специалистов по Поло и которые мы хотели прояснить. Нас, в частности, занимали вопросы о «прекрасных туркменских конях», упоминание о которых приводит в недоумение, и вопросы о необыкновенно хороших мулах, коврах и шелке.

В Топкали мы находились на границе с Малой Арменией и недалеко от одного из самых необыкновенных памятников, характеризующих все многообразие средневековой Анатолии. Когда-то в самом центре этой мусульманской провинции, укрывшись от посторонних глаз, процветала замечательная христианская отшельническая секта. Члены ее жили в двух поселениях, Ургупе и Гореме. Сейчас Ургуп — крохотный, но оживленный городишко, центр местной торговли. Его глиняные, окрашенные в белый цвет домики карабкаются по склону холма, и городок странно напоминает марокканские поселения. Горем производит на гостя большее впечатление, здесь многое сохранилось в том виде, в каком было тогда, когда он был населен, между IX и XIII веками. В XIV столетии христиане бежали отсюда, оставив в мертвой долине свои причудливые памятники.

Собираясь в Горем, мы свернули с главной дороги и осторожно поехали по песчаной неширокой дороге, так как к югу, не очень далеко отсюда, лежит южная турецкая пустыня, и тропа, по которой мы следовали, напоминала северо-африканскую вади. Холмы вдоль высохшего русла реки подступили вплотную и приняли какой-то жуткий, сверхъестественный вид. Легионом искаженных муравейников выростали колоссальные конусообразные скалы, обработанные ветром и водой. Красные, желтые и коричневые пирамиды из известняка возвышались над нами, когда дорога, извиваясь,

прокладывала свой путь между ними. Слева от нас лежала гора Аржент, позади — древний вулкан Хассандаг, и в этом лунном ландшафте мы могли думать только о вечности и космосе.

Горем находится на дне большого кратера. Подъехав к его краю, мы увидели на дне нагромождения каменных пирамид довольно странной формы, чуть далее было видно поросшее травой высохшее русло реки. Дорога круто запетляла, спускаясь вниз, и на дне кратера мы оставили мотоциклы, чтобы исследовать прибежище, в котором в страшной отъединенности от мира отшельники предавались размышлениям о спасении души.

В известняковых скалах Горема предположительно триста шестьдесят пять святилищ; верхушка каждой скалы испещрена входами и похожа на гнилой зуб. Мы ползали от пещеры к пещере, поднимались по истершимся ступеням, ходили по бесчисленным переходам и гротам, пока наконец не вылезли на маленькую ровную площадку на самой вершине скалы. Кругом были другие скалы с такими же пещерами, надписями на греческом языке, глубоко врезанными, мы видели даже фрески, цветные, выцветшие и исчезающие. Все фрески были религиозного содержания. Пыль оседает на них и набивается в линии со времен таинственного исчезновения христиан из Горема, когда те бежали отсюда, оставив свои пещеры и святилища ящерицам и голубям под жарким белым ослепительным светом все уничтожающего солнца. Только в одной части кратера есть жизнь. Здесь живет крохотная мусульманская община, заняв оставленные пещеры и ведя существование троглодитов. У входа в каждую пещеру — аккуратный маленький почтовый номер.

Когда мы уезжали из Горема, навстречу нам по гладкой тропе спускался бородатый всадник. Он

восседал на небольшом, но пропорционально сложенном гнедом коне, который выглядел странно холеным и нарядным среди голой пустыни. Всадник хорошо управлялся с лошадей. Когда он поравнялся с нами, мы остановились и спросили его, какой породы лошадь. «Это, — гордо ответил он, — турецкая арабская лошадь, потому что я староста этого селения». Эти несколько слов с поразительной простотой установили тот факт, что мы идем по пути Марко Поло. Марко говорил о «прекрасных туркменских лошадях», и мы тоже сразу обратили внимание на величественность животного. Турецкие султаны любили добрых коней, и по всей стране специальные люди отыскивали лучших лошадей каппадокийской породы и приводили на конные заводы султана, где их скрещивали с привозившимися для этой цели отборнейшими арабскими скакунами, многих из которых дарили султанам иностранные правители. Недалеко от того места, где мы встретили гордого горемского старосту, в Султании, был один из упомянутых конных заводов, и мы начали понимать, почему после двадцати трех лет путешествия, томясь в заключении в генуэзском замке, Поло все еще помнил турецких лошадей.

После этой истории мы стали с пристрастием отыскивать и прекрасных мулов, которых, по словам Марко, можно было встретить в Малой Армении. Вдоль дороги в Кайсери мы видели превосходные образчики мулов, почти все белые, с гладкой глянцевитой шерстью. Потом, уже в Кайсери, нам посчастливилось встретить ветеринара, которых немного в провинции, и он рассказал кое-что о «прекрасных мулах, за которых выручают хорошие деньги». Мы узнали, что в этой части Турции никогда во множестве не держали мулов, животные же, которыми мы восхищались, были в действительности особенной породой ослов, которую называют кипрской. Эта порода ослов, которых легко

спутать с мулами, высоко ценится до сего дня по причине выносливости и силы вкупе с низкими затратами на корм и, конечно, вследствие способности давать приплод. Невозможно сказать, ошибся ли Поло, приняв, как и мы, кипрского осла за «прекрасного мула», но несомненно то, что кипрский осел с его длинными ногами, более подходящими пропорциями и тем, что прокормить его дешевле, чем мула, в течение веков был в этих местах самым ценным из животных, назначение которых — перевозить тяжести, и ценился гораздо более, чем мул или обычный маленький осел. К несчастью, распространение автотранспорта ведет к непрерывному уменьшению числа кипрских ослов, потому что те, кто в состоянии купить их, все больше и больше отдают предпочтение грузовикам, приобретаемым посредством ссуд и кооперативов. Но беднейшие крестьяне все еще держат обыкновенного коричневого осла, который стоит недорого и удовлетворяет их довольно ограниченные потребности, и мы часто видели огромные стада этих печальных маленьких животных. Торговцы возят их сотнями из деревни в деревню.

Кайсери был первым довольно крупным городом, к которому привела нас дорога с тех пор, как мы выехали из Анкары. От времен былой славы Кайсери, когда город был столицей империи Сельджуков (главными городами, кроме Кайсери, были тогда Сивас и Кония), остались только несколько мечетей и мавзолеев. Называвшийся ранее Мазака и потом, после захвата в семнадцатом году до н. э. Тиберием, переименованный в Кейсарию Каппадокийскую, Кайсери, когда Марко Поло приехал сюда, все еще сохранял свое торговое значение, как это видно из замечания относительно шелков и прочих тканей, выделявавшихся здесь армянами и греками. Мы, однако, не сумели отыскать никаких следов былой богатой текстильной промышленности, исключая

несколько туник в городском музее, пыльных, но все еще роскошных. Туники из парчового шелка, цвета богатые, но отделка чеканного золота оплечий и ременных пряжек относится к позднему времени, не к тому, когда путешествовал здесь Поло. Единственным утешением было то, что, по словам хранителя музея, выделка тканей демонстрировала искусство и тонкость, подразумевающие занятие местными жителями ткачеством и прядением задолго до времени создания нарядов.

Когда Поло остановились в Лайасе на северном побережье Малой Армении, к их каравану примкнули два святых брата, которые были отправлены папой Григорием X к великому хану в ответ на его несоразмерное требование прислать «сотню человек, знающих христианскую религию и искусных в семи искусствах». Этими последними в средние века были риторика, грамматика, арифметика, астрономия, музыка и геометрия. Марко отмечает, что монахи были братьями-доминиканцами: Николай из Виченцы и Вильям из Триполи, везли «несколько красивых шкатулок из кристалла в дар великому хану» и получили полномочия ставить священников и епископов, а кроме того, обладали правом отпускать грехи столь же тяжкие, какие мог отпускать папа. Брат Вильям был уже известен ученым трудом о магометанстве и о сарацинах, и, вероятно, поэтому Марко говорит об обоих братьях, что «они, несомненно, мудрейшие люди во всей этой провинции». Но, каковы бы они ни были, монахи, конечно, не обладали необходимым мужеством для совершения опасного путешествия по всей протяженности Азии. Здесь, в этом диком краю Армении, братья пали духом и, спасая свои жизни, возвратились в пределы христианского мира, оставив дары в обозе Поло, чтобы последние довели их до Пекина.

Причиной внезапного бегства братьев был слух относительно того, что Великий Шелковый путь перерезан диверсионными отрядами Бейбарса Бундукдари, султана египетских мамелюков. Этот храбрый воитель, выдающийся мусульманский вождь своего времени, вырвался из Египта, опустошительным ураганом прошел по Сирии и взял Иерусалим. Бейбарс, человек необыкновенно энергичный, о котором говорили, что он на одной неделе играет в теннис в Каире и в Дамаске, прежде уже завоевывал Армению (в 1266 году) и перед тем, как его армии потрясли христианский мир, рассеял войска Антиоха. В ту пору он опустошал города и веси на севере от своих сирийских лагерей, и то, что перед лицом этой угрозы Поло продолжали свой путь, много говорит об их храбрости и самоуверенности.

Современная дорога от Кайсери идет большей частью там же, где шел Великий Шелковый путь, и, как и караван Поло, проект «Путь Марко Поло», выехав из города, направился к Сивасу, когда-то называвшемуся Себастой. Это — Себастополь Птолемея. По пути мы хотели заехать в деревню Баньян, ибо на базаре в Кайсери нам говорили, что, если мы хотим увидеть производство ковров, мы должны ехать сюда. Мы отнеслись к сообщению с известной долей недоверия, так как полковник сэр Генри Йул, вероятно наиболее авторитетный из всех исследователей маршрута Марко Поло, уверял, что в этих местах ковры более не производятся. Тем не менее в поисках «прекраснейших и роскошнейших ковров в мире» мы свернули с главной дороги примерно в сорока километрах от Кайсери и ехали еще двенадцать километров по скверной дороге, посыпанной гравием, пока наконец не увидели деревню. Дома деревни, тоже глиняные, стоят на склоне холма. Мы не помнили, как по-турецки «ковер», так как уже потеряли наш турецкий словарь. В деревне не было

никаких признаков производства ковров, поэтому мы попытались объяснить жестами. Жестикулируя так, чтобы, по нашему мнению, нас могли понять, мы были очень рады, когда мужчины, обступившие через некоторое время после того, как мы приехали, наши мотоциклы, закричали «тамум, тамум», что означает «хорошо, отлично», и один из них, тоже жестами, показал нам, что укажет, куда ехать, и влез на заднее сиденье мотоцикла. Мы поехали прочь из деревни, дорога здесь была еще хуже, нежели та, по какой мы ехали перед этим. Через какое-то время эта дорога привела нас к потоку, весьма приятному на вид, и здесь наш проводник соскочил с мотоцикла и, широко размахивая руками, с энтузиазмом устремился в воду. Нам стало ясно, что наши превосходные ткаческие жесты были приняты за плавательные упражнения, а изящно представленные нити, основы и челноки были истолкованы как страстное желание искупаться, вкусив после жары прохлады и смыв с себя дорожную пыль. Опять наш дилетантизм сыграл с нами шутку, но, несколько не обескураженные, мы прекрасно искупались и возвратились в Баньян.

Когда мы приехали, нас пригласили в один из маленьких квадратных домов, и, зайдя внутрь, мы поняли, почему о производстве ковров в Баньяне известно столь немного. Всякий, приезжающий в деревню так, как приехали мы, мог проехать ее, ни на мгновение не заподозрив, что упустил редкостную удачу. Почти в каждом из домов, слепленных из глины, есть комната, больше обыкновенной, хорошо освещенная просторным окном, находившимся в верхней части стены. В комнате стоит тяжелый и громоздкий деревянный ткацкий станок с поднимающимися вертикально нитями основы, в нижней части вал, этот вал ограничивается специальной защелкой, и вокруг него наматывается вытканый ковер. Станок, сделанный

вручную, едва ли изменился за тысячи лет, ибо мы знали, что ковры производили в Баньяне задолго до Марко Поло. Промышленность маленькой деревни, несомненно, хорошо известна торговцам коврами в Смирне, Стамбуле и Кайсери, но мы, по крайней мере, сумели поместить «прекраснейшие и роскошнейшие ковры в мире» в контекст, который дал Поло, и поняли, что наша вера в повествование Марко и в неизменную природу Азии не была неуместной.

Баньян был живым памятником необыкновенной точности описания Марко Поло, и мы со все увеличивающимся возбуждением ходили из дома в дом, жадно изучая ковры и наблюдая древний способ их производства. Помимо затейливых конструкций из хитроумно придуманных деревянных соединений, брусков и поперечных частей в станках, сделанных без единого гвоздя, работа по выделыванию ковров исполнялась женщинами и детьми. Пока мужчины трудились в поле, остальная часть семьи сидела, скрестив ноги, на полу перед большим станком, и, покуда было довольно дневного света, проворные пальцы крутили пряжу и завязывали узелки. Рядом с каждым ткачом — крошечная кучка окрашенной шерсти, над каждым работником висит образец узора, нарисованный цветными карандашами на куске потрепанной и старой жесткой бумаги, хотя в действительности на образец глядят редко: рисунок давно и хорошо известен. Даже ковер средних размеров, всего семи футов площадью, занимает три месяца кропотливого труда, при условии, что женщина и две ее дочери работают над ним девять часов в день. Самый тонкий, искуснейший рисунок умеют делать только дети до двенадцати лет, по причине гибкости их пальцев, и мы не заметили, сколько ни приглядывались, искривленных пальцев у молодых женщин, глаза которых уже выцвели от непрерывного напряжения.

Некоторые из саманных построек служили складами для шерсти, свисающей с потолка тысячами мотков всех цветов, и удивителен контраст между радугой оттенков и бледно-желтыми и охряными цветами глины, покрывавшей стены. Все, имеющее отношение к производству ковров, находилось в ведении старосты и глав нескольких семейств, хотя в действительности продукция закуплена на несколько лет вперед продавцами ковров из больших городов. Несомненно, прообразом этих торговцев были те армянские и греческие купцы, которые, по словам Марко, «добывали себе средства к жизни торговлей и ремеслами». Стэн, эксперт экспедиции по коврам, был, в частности, поражен тем фактом, что рисунки на коврах являлись копиями прославленных исфаганских работ. Когда мы глубже исследовали вопрос, нам сказали, что чужеземный рисунок появился вследствие просьбы торговцев, которые надеялись выручать за такие ковры большую прибыль, нежели та, которую они получали от ковров с местным рисунком. Поэтому для того, чтобы ковры маленького Баньяна могли идти наравне с продукцией далекого Ирана, кто-нибудь из жителей время от времени совершает длинное паломничество в иранские центры производства ковров, где некоторое время изучает узоры, которые в настоящий момент популярны. Потом, крепко запомнив их, он проделывает долгий и тяжелый обратный путь. Явившись в Баньян, он должен на деревенском совете описать узоры, которые видел, и новые образцы зарисовываются и раздаются ткачихам.

Мы страстно желали купить ковер с баньянским рисунком, но наша отчаянная ограниченность в средствах не позволяла нам это сделать. Стэн, однако, преуспел, таинственно отделившись от нас с Майклом, а когда мы уже начали беспокоиться относительно его затянувшегося отсутствия, он появился с маленьким

ковриком. Коврик был не самого лучшего качества, но, бесспорно, был настоящим баньянским. Позади Стэна гордо шагал невысокий турок, одетый в зеленую фуфайку, из тех, которыми снабдил экспедицию один добросердечный фабрикант, выглядевшую на новом владельце несколько странно. В одной руке спутник Стэна нес маленький транзисторный приемник, пожертвование японского посольства, дар, который замолчал, потому что кончилась энергия батареек. Стэн торопливо объяснил нам, что обменял фуфайку и приемник на равноценный коврик, несколько застенчиво добавив, что, так как его фуфайка была слишком велика для маленького турка, пришлось обменять мою. Торговля ради торговли, обмен ради обмена, и дух Марко Поло, вероятно, издал сочувственное восклицание после семисот лет молчания.

На следующий день мы были в Сивасе, городе, в котором, по словам Марко Поло, прославленный мессер Блейс претерпел мученичество. Блейс был епископом в Себасте Каппадокийской в конце II века и был умерщвлен во время владычества Диоклетиана обезглавливанием после бичевания и скобления плоти железными когтями. Во времена Поло Сивас был одним из главнейших религиозных центров империи Сельджуков, богословские школы и мечети города славились во всем мусульманском мире. Быть может, это упоминание о Блейсе принадлежит перу одного из позднейших редакторов, имевшему в виду заместить им более вероятные слова Марко о магометанстве. Но редактору не нужно было трудиться, ибо после нашествия Тамерлана от былой славы Сиваса мало что осталось. Город просил мира, выслав к Тамерлану посольство, состоявшее из тысячи невинных отроков, каждый из них нес перед собой Коран. Когда же Тамерлан послал на этих детей отряд конницы и дети почти все погибли под копытами коней, защитники

поняли, что пощады не будет и что пришел последний час прославленного города. Взяв город штурмом, варвары оставили в живых только четыре тысячи солдат гарнизона. Это все, что осталось от фанатичной султанской гвардии, и, как и обещал Тамерлан, все они умерли, закопанные живьем.

Это теперь кажется диким, варварским, и тем не менее на анатолийском высокогорье образ жизни крестьян мало чем отличается от того образа жизни, какой вели их предки в упомянутое время или даже тогда, когда десять тысяч Ксенофонта жестоко страдали здесь. Новая автострада, протянувшаяся от Сиваса до Эрзинджана, идет по прямой линии через Анатолийское плато, но мы повернули наши мотоциклы на другую, старую дорогу, по которой когда-то между голых вершин и горных кряжей ползли караваны. Дорога была и правда запоминающейся, голые скалы, содержащие минералы, зимой закрытые снегом, а летом обжигаемые яростным солнцем, переливались красным, багряным, серым и коричневым. Дорога, в сущности, представляла собой каменистую тропу, на которой мы крутились и вертелись на своих мотоциклах, оставляя шлейфы пыли вдоль крутого подъема и огибая острые выступы скал. Время от времени мы неслись вниз в долины, и дорога внезапно устремлялась в бушующий поток.

Тогда мы влетали в этот поток под дикий рев двигателей, надеясь, что доедем по инерции до противоположного берега прежде, нежели вода целиком наполнит булькающие трубы.

Когда мы проезжали через уединенные деревни, крестьянки, веявшие зерно на плоских крышах, замирали, чтобы разглядеть нас, и мгновенно натягивали чадру на нижнюю часть лица. Маленькие дети бежали к нам. Их старшие братья смотрели на нас издали, сидя на маленьких санках, которые тащила

вокруг снопа зерна пара ослов и которые отделяли острыми полозьями колосья от стеблей. В углах дворов лежали большие груды кизяка, на нем вечером будут готовить пищу, и в чистом воздухе поплывет тонкий, вызывающий воспоминания о прошлом едкий дымок. В этих деревнях, но по преимуществу в поселениях еще более диких и отдаленных, наш приезд приводил в движение огромных полудиких мастифов, на которых были крепкие кожаные ошейники с торчащими из них длинными заржавленными гвоздями. Эти свирепые псы, приученные защищать стада не только от волка, но и от человека, устремлялись на нас и прыгали, в их глазах можно было прочесть наш приговор. Требовались серьезные усилия, чтобы увернуться от их зубов. В конце концов мы придумали возить в сапоге тяжелый рычаг, которым надеваются шины на колесо, и, когда в какой-нибудь деревне эти псы устремлялись на нас, мы одной рукой били по мордам самых свирепых, а другой управляли мотоциклом. Так, высоко в холодных горах, мы пересекли границу Великой Армении Марко Поло.

Глава 5. Великая Армения Марко Поло

«Великая Армения — очень большая провинция. У въезда в нее стоит город, называемый Эрзинджан, в котором вырабатывают лучший в мире бакрэм и в котором есть бесчисленное множество других ремесел. Здесь прекраснейшие горячие бани и натуральные источники, какие едва ли можно сыскать где-нибудь в другом месте».

Так Марко Поло открывает свое описание восточной оконечности Турции XIII века и, продолжая, замечает, что, когда он посетил Эрзинджан, это был великолепнейший из городов и городков провинции. Едва ли можно это сказать об Эрзинджане наших дней, хотя город все еще является столицей провинции и имеет некоторое значение; он развлекает путешественника чуть более, чем перекресток на утомительно однообразной главной дороге, которая ведет на восток, в Персию.

У главного перекрестка единственный знак близости города — некоторое улучшение дорожного полотна, справа длинный пыльный бульвар ведет к горстке белых домиков, перед которыми переливается море. Линия Великого Шелкового пути призывно манит в Персию, но проект «Путь Марко Поло» свернул, так как у нас была веская причина, чтобы посетить Эрзинджан.

Когда Марко Поло сказал, что Эрзинджан славится более всего «горячими банями» и «бакрэмом», он загадал две загадки, которые из всех вопросов, касающихся Марко, занимают более всего. Над этими загадками упражнялись изобретательность и воображение ведущие специалисты по путешествиям Поло. Но так и не могли решить, что привлекло внимание венецианца.

Бакрэм, пожалуй, самая интересная из этих двух загадок, потому что слово время от времени встречается в литературе средних веков, однако мы не знаем в точности, что оно означает. Некий брат Иоанн, францисканец, на которого ссылается Плано Карпини, отправленный в посольство к великому хану в 1245 году папой Иннокентием IV, замечает, говоря о головных уборах татарских женщин, что эти уборы делаются из деревянных решеток, «покрытых бакрэмом, бархатом или парчой». Другой средневековый путешественник, араб Ибн Батута, писал, что «в Эрзинджане вырабатывают прекрасную материю, называемую этим именем». Но в XV и в XVI веках этим словом называли набивной материал, использовавшийся для шитья камзолов. Сам Марко Поло употребляет слово «бакрэм» несколько раз, но совершенно невозможно понять, что он имеет в виду. Ясно только, что это слово значило не то, что оно означает сейчас. Сейчас оно указывает на грубый проклеенный материал, который часто изготавливается из пеньки и вставляется в детали платья как прокладка. Общее заключение, которое можно вывести из слов Поло, напротив, указывает на прекрасно выработанную материю самого высокого качества, и ясно, что эта материя пользовалась большим спросом. Целью нашего визита в Эрзинджан было исследовать, есть ли здесь или в окрестностях традиционное текстильное производство, которое, быть может, восходит ко времени Поло и которое, в свою очередь, прояснило хотя бы отчасти вопрос о загадочном бакрэме.

Никто из нас не знал турецкий язык так, чтобы объясниться без помощи переводчика, мы учли опыт в Баньяне и поэтому, въехав в Эрзинджан, спросили дом городского доктора. Здесь мы потерпели неудачу, доктор не мог нам помочь, ибо он полагался в медицинских изысканиях более на немецкий язык,

нежели на английский и на французский. Мы, однако, не утрашились и отправились на поиски школьных преподавателей Эрзинджана; последние, в конце концов, должны были сносно владеть французским, потому что турецкая система образования находится под известным французским влиянием.

Мы нашли преподавателей в учительской местной школы. Шли каникулы, у учителей не было работы, и они с пользой проводили время за бесчисленными стаканами чая и обсуждением новостей, выуженных из газет недельной давности. Школа была одноэтажным облезлым строением с глиняными стенами, а общая комната с испачканными столами и тяжелыми деревянными стульями имела вид запущенного кафе. Но, благодаря пониманию, которое, кажется, всегда возникает между людьми, стоящими на известной ступени развития, мы скоро завязали с учителями дружбу. Нам было в некотором смысле жаль преподавателей Эрзинджана, потому что в Турции выпускники высшей школы распределяются центральным правительством в разные районы страны, и для преподавателя быть отправленным на службу в высокогорную Анатолию означает изгнание из культурных центров и бесцветную жизнь в интеллектуальной пустыне. Тем не менее такие провинциальные школы — единственная возможность продвинуть дело образования в медвежьих углах.

Вероятно, учителям Эрзинджана, существующим на отчаянно мизерное жалование и тоскующим в пустой школе, было странно слышать, что кто-то проделал огромный путь из Англии для того, чтобы посетить их город в поисках необходимых сведений о неизвестном им Марко Поло. Во всяком случае, к тому моменту, когда мы в общих чертах обрисовали вопросы о горячих банях и о бакрэме, перед нами был отряд заинтересованных помощников. Воззвали к совету, мальчиков из числа

учеников послали возможно быстрее призвать к обсуждению наиболее осведомленных и заслуживающих доверия горожан и торговцев тканями.

Скоро в комнате собралось заинтересованное общество, члены которого, рассевшись, потягивали кей и обстоятельно обсуждали проблему неувовимого бакрэма.

Одним из главных затруднений было то, что старый Эрзинджан, о котором говорил Марко Поло, полностью разрушен ужасным землетрясением в 1939 году. После был построен новый город, на некотором расстоянии от старого. Члены собрания один за другим высказывали свои мнения относительно бакрэма, но почти во всех случаях предположения касались современной промышленности, которая, скорее всего, не могла навести нас на след. Никто из собравшихся не слышал о бакрэме, или о прекрасно выделанной роскошной ткани, которую мы отыскивали, однако через некоторое время один из преподавателей вспомнил, что, по слухам, мать одного из его учеников занимается дома ткачеством. Случайное упоминание вызвало интерес, и мы попытались расспросить подробнее. Но преподаватель больше ничем не мог помочь нам: до него дошли лишь неопределенные слухи, сам же он никогда не бывал в этой семье, поскольку последняя живет в пригороде, и к тому же это семья не турецкая, а армянская. Опять на сцену выступили анатолийские армяне, и мне сразу вспомнилось, что Марко все время отводил им роль ремесленников. Ремесленничество, разумеется, могло предполагать ткачество. Принимая это во внимание, мы спросили, возможно ли поговорить с мальчиком.

Через некоторое время перед нами возник угрюмый малыш восьми или девяти лет, решительно напуганный излишком учителей и тремя странными «инглези», которые так интересовались им. Мальчуган, запинаясь, отвечал на вопросы, которые по-турецки задавал ему

один из учителей, И мы дважды услышали слово «ахрэм».

Мы спросили, что означает это слово. Нам пояснили, что ахрэм — покров, в который закутываются турецкие женщины, выходя из дома, чтобы укрыться от чужих глаз. Мы, разумеется, видели повсюду в мусульманских общинах женщин, закутанных в бесформенный кокон, но ткань этих коконов обычно дешевая и, кажется, массового производства. Учителя заметили, что так оно и есть, однако мальчик, стоявший перед нами, сказал, что его мать и сестры ткут особенные ахрэмы, что эти ахрэмы — настоящие эрзинджанские ахрэмы и что о них когда-то говорили, что они «лучшие из всех ахрэмов».

После объяснения ученика торговец тканями, до этого молчавший, сказал, что его отец всегда выручал за эрзинджанские ахрэмы гораздо больше, нежели за какую бы то ни было из материй, продававшихся в лавке. Он прибавил, что эрзинджанские ахрэмы — единственные в своем роде, потому что они вырабатываются особым способом, который армяне, выделяющие их, держат в тайне, и потому что для их производства используется прекраснейшая и очень тонкая шерсть. Когда он кончил говорить, учителя добавили, что селяне, живущие вокруг города, веками выводили особенную породу овец, великолепная шерсть которых и сейчас составляет их гордость. Нигде в Анатолии не было и нет таких благословенных летних пастбищ, питаемых талой водой с вершин гор. У нас не возникло ни малейшего повода не поверить учителям, потому что — не сказал ли Марко Поло, что «в течение всего лета множество татар Леванта сходятся в эту провинцию, ибо здесь лучшие летние пастбища»?

Нам казалось, мы могли бы подвинуться ближе к разгадке тайны загадочных бакрэмов, если бы сумели взглянуть на материю, которую выделяют мать и сестры мальчика. Учителя еще раз помогли нам,

проводив команду проекта «Путь Марко Поло» к дому, где жила семья. По пути мы спросили, почему в Эрзинджане ныне так мало внимания уделяется ткачеству, и узнали, что почти все станки были уничтожены во время землетрясения. Сейчас в городе всего шесть станков, на которых делают ахрэмы, так как древним ремеслом владеют исключительно армяне, число которых неуклонно уменьшается с тех пор, как между ними и туркам были посеяны отвратительные семена расовой ненависти. Весьма вероятно, что, если бы мы приехали хотя бы несколькими годами позже, мы не нашли бы и следа древних ахрэмов Эрзинджана.

Нас привели в домик с маленьким двором, окруженный оградой, и здесь в одной из комнат мы собственными глазами увидели, как делается таинственная материя. Конструкция станков, на которых выделывают ахрэм, такая же древняя, как и конструкция ковровых станков Баньяна. Станки в Эрзинджане тоже помещаются в самой освещенной комнате, и работа тоже исключительно женская. Ткань, выделывавшаяся на станках, была в точности такой, каков был по предположениям исследователей путешествия Марко Поло бакрэм — мягкой, богатой, необыкновенно тонкой выработки. Ахрэм весьма напоминает тончайшее шерстяное покрывало. Края каждого ахрэма укрепляются хлопчатобумажной тесьмой, остальное пространство покрывала делается из местной шерсти самого высокого качества, до сих пор доставляемой с гор пастухами, которые обменивают эту шерсть на товары на местном рынке. Все ахрэмы — или белые с сероватым или желтоватым оттенком, или ровного темно-коричневого цвета. Единственное их украшение — рассыпанные крошечные красные или белые пятнышки очертаниями в виде снежного кристалла. Их называют «зонтичными цветами», и никто не может объяснить, каково происхождение этого

рисунка и что он означает, исключая то, что на протяжении всего времени, какие армянки выделывали ахрэмы, этому рисунку при выработке ткани отдавалось предпочтение перед прочими. Важнее же всего то, что, вследствие великого искусства ткачих и полупрозрачности тонко крученой шерсти, мусульманские женщины хорошо видят через ткань и вместе с тем их лица невидимы снаружи.

Надевание ахрэма — особенное искусство, которому девочки Анатолии учатся с раннего возраста. Покрывало особенным образом обматывается вокруг тела несколько раз, поднимаясь к плечам, потом оставшейся материей покрывают голову. Чтобы лицо не открылось, ахрэм закусывают зубами.

В средние века качество этой ткани, несомненно, выдвигало ее в особый ряд. Преобладали ткани грубой домашней выработки, тонкий эрзинджанский бакрэм должен был казаться большой роскошью, и для купца Марко Поло, конечно, был особенной статьей товара. Эта ткань некогда даже составила часть довольно двусмысленного дипломатического дара, который послал знатному крестоносцу шейх печально известных ассасинов («два дамасских кинжала и отрез бакрэма для савана»).

Сегодня, к сожалению, горстка эрзинджанских армян, знающая секрет изготовления этой прекрасной ткани, выделывает ее только ради куска хлеба. Фабричные ткани, получаемые из городов, вытесняют сделанный вручную и несравненно более красивый товар с прилавков деревенских базаров. Поэтому очень возможно, что мы отыскали в Эрзинджане умирающее искусство, которое скоро совсем исчезнет, и упоминания о нем можно будет найти только в средневековых летописях, так как женщины Анатолии оказывают все возрастающее предпочтение западному стилю одежды,

и, быть может, армянские семьи с течением времени потеряют секрет своего искусства.

Мы не могли уехать, не спросив, не позволят ли нам сфотографировать одну из женщин, одетую в ахрэм, как должно. Но строгость мусульманского закона в этих краях такова, что ни одна из женщин не пожелала сниматься. Взамен рой сестер, порхавших туда и сюда в развевающихся ахрэмах как духи, нарядил в ахрэм брата, приведшего нас, и мы сфотографировали его. Под конец нам удалось склонить хозяина дома продать один эрзинджанский ахрэм, и проект «Путь Марко Поло» присоединил к баньянскому ковру образчик бакрэма.

Потом мы сосредоточились на вопросе о «горячих банях и натуральных источниках, какие едва ли можно сыскать где-нибудь в другом месте». Относительно второй загадки, к сожалению, никто из наших друзей не сумел дать дельного совета, так как, несмотря на то, что горячие минеральные источники встречаются на западе Турции повсеместно, в районе Эрзинджана о них никто не слышал. Некоторые специалисты по Поло полагают, что последний, по всей вероятности, перепутал Эрзинджан с Эрзурумом, который располагается несколько дальше по Великому Шелковому пути и который был известен своими горячими источниками и банями. Мы, пожалуй, согласились бы, если бы не отыскивали доказательства точности описаний повествования Марко. Приняв это во внимание, мы решили проверить любые, самые неопределенные слухи относительно возможного существования горячих источников по дороге в Эрзурум, неподалеку от того места, где ранее был Эрзинджан.

Простившись со всеми нашими друзьями и помощниками в Эрзинджане, мы направили мотоциклы по Великому Шелковому пути. Примерно через восемь миль дорога пересекала заболоченную местность между двумя плоскими холмами. Обогнув бок первого холма,

мы почувствовали тяжелый, характерный запах серы. Это было явно не случайное стечение обстоятельств, потому что там, где из земли поднимаются пары серы, мы вполне могли найти «горячие бани и натуральные источники, какие едва ли можно отыскать где-нибудь в другом месте». Остановив мотоциклы, мы отправились к болоту.

Когда мы начали прочесывать камыши, был уже поздний вечер, и вокруг нас тучами вилась мошкара, поднявшаяся из дневных убежищ в осоке. Земля была, как губка, везде сочилась и текла вода. Мы прыгали в высоких сапогах по дрожащим кочкам, и по мере того как продвигались в глубь болота, запах серы становился все сильнее. Время от времени мы наталкивались на подземный ключ, земля над которым провалилась, вокруг шипели пузырящиеся лужи. Мы опускали в воду руки и пробовали на вкус капли, стекавшие с наших пальцев. Вода была горькой и холодной.

Потом, совершенно неожиданно, мы натолкнулись на небольшую возвышенность, на которой стоял саманный хлев. Рядом с лачугой мы увидели странных обитателей этого болота — крестьянина и трех водных буйволов. Мы сказали ему: «Экши су» (горькая вода), и он кивнул, показывая, что воду из серных источников его животные пьют с неохотой. Мы спросили: «Сежак су?» (горячая вода), и, так как он непонимающе посмотрел на нас, мы повторили вопрос. Он медленно повернулся и поднял руку, показывая куда-то. Мы посмотрели туда, куда он показывал, и невдалеке на протянувшихся цепью холмах на фоне темного синего неба увидели силуэт разрушенного строения.

Поблагодарив крестьянина, мы возвратились к мотоциклам и, отыскав едва заметную дорогу, которая вела через болото, поехали по ней, освещая путь светом мотоциклетных фар. Наконец мы достигли здания,

похожего на маленький заброшенный храм. Здесь мы выключили фонари и в темноте дошли до постройки.

Внутри серой пахло не так сильно, как прежде, и мы слышали доносившиеся откуда-то звуки мириад проходивших через воду и лопавшихся пузырьков. Дыра, зиявшая в крыше над нашими головами, пропускала довольно света звезд, чтобы мы сумели разглядеть квадратный бассейн с черной водой в центре здания. Мы легли на поднимающиеся над полом края бассейна и погрузили в него руки. К нашему восторгу, вода была теплой и наполненной газом, пузырьки приятно щекотали руки. Уже ночью мы счастливо раскинули нашу палатку с подветренной стороны фрагмента «прекраснейших бань» Поло, а на следующее утро, когда солнце разбудило нас, пошли исследовать бассейн и купаться в нем, как это сделал бы Марко Поло.

Вода в бассейне была отталкивающего желтовато-коричневого цвета, и мы несколько секунд стояли в нерешительности, но все же разделись и погрузились в нее и обнаружили, что вода отличная. Наслаждаясь нашей первой после Стамбула ванной, мы ступали по ровному дну, покрытому галькой, утопая в теплой, шипящей воде, когда крошечные пузырьки, вырывавшиеся из гальки, щекотали пальцы ног. Бассейн был весьма мудро устроен прямо над источником, очень минерализованным, и вода уходила из него по каналу, пробитому ниже уровня в одном из углов. Следствием этого устройства было то, что, хотя баню давно забросили, вода была вполне чистой и свежей, потому что она постоянно менялась, и строитель бани искусно уложил каменную кладку так, чтобы всякий мусор автоматически смывался. Мы убедились в этом, бросая в разные части бассейна куски спичек и наблюдая, как они медленно, но неуклонно уносятся очистительными потоками.

Собственно здание бани, несомненно, современной постройки, так как старое развалилось бы во время страшного землетрясения, разрушившего Эрзинджан, но каменная кладка и ровное покрытие дна бассейна были гораздо старше. Отдыхая то в тени, то под солнцем, струившим лучи вдоль гладких деревянных колонн, поддерживавших крышу, мы чувствовали себя римскими сенаторами, наслаждающимися в роскоши своих прославленных бань, и понимали, как живо мог Марко помнить такие места после долгих утомительных дней пути.

Проект «Путь Марко Поло» провел в бассейне почти все утро, и было уже далеко за полдень, когда мы выехали в Эрзурум. Несколько часов пути — и мы опять среди диких вершин и ущелий высокогорья. Езда на перегруженных мотоциклах требовала большого искусства и чрезвычайной сосредоточенности, так как дорога, следовавшая рельефу горных склонов, выделяла ужасающие зигзаги. Неудивительно, что в экстремальных условиях пассажирская коляска наконец не выдержала неравной борьбы. С душераздирающим скрежетом она наполовину отвалилась от мотоцикла, развернувшись поперек дороги в сторону пропасти. Это было чревато неприятными последствиями, хотя несчастливая пассажирская коляска уже прослужила нам гораздо долее, нежели мы могли ожидать. Она стойко пережила столкновения с итальянской скалой, сербскими кувалдами, болгарскими бордюрными камнями и турецкими солдатами. Последние несколько сотен миль по самой разрушительной части дороги были преодолены только с помощью сложной сети из проволоки и цепей, которыми утомленная коляска была привязана к мотоциклу. Нам ничего не оставалось, кроме как оставить первого павшего механического бойца, и с этого времени использовать одну из машин как одноместный мотоцикл.

Этот вечер — один из самых скверных эпизодов путешествия. Резкий ветер, от которого нигде нельзя было укрыться, дул с ледяных вершин и пробирал до костей. Невзирая на подвижный гравий (живые камни) под колесами и на близость обрыва, мы должны были приспособиться к езде без коляски, дающей опору. Надо сказать, что мы только сейчас начали учиться тому, как ездить без коляски. Раз за разом машина падала, вываливая седока на камни, пока Стэн наконец не овладел азами езды. Он отправился вперед за продуктами, а мы с Майклом разбивали палатку, борясь с хлопающей и летящей по ветру парусиной и собирая тяжелые булыжники, чтобы придавить края, на открытом ветру склоне. К тому времени, когда Стэн вернулся, дело было сделано, и все трое, измотанные, устроились под брезентом, ковыряя в невытом шлеме Стэна застывший жирный рис, который он привез из ближайшего караван-сарая. Мы слишком устали, чтобы заботиться о чем бы то ни было, и жались друг к другу, чтобы согреться, в то время как ветер завывал в скалах и пытался опрокинуть палатку. Не слишком серьезным утешением стала мысль о том, что это, быть может, совершеннейший пустяк в сравнении с непрерывными лишениями, которые венецианский караван переносил в течение трех с половиной лет своего путешествия.

На следующий день ветер стих, и большие кожаные сумки, купленные на стамбульском базаре, были приторочены к мотоциклу без коляски, на котором ехал Стэн и на который позади него сел Майкл. Мы уже выбросили весь несущественный багаж, в том числе запасные части, но и после мощный мотоцикл с объемом двигателя 500 кубических сантиметров выглядел столь же гротескно, как выглядели миниатюрные ослики, которых мы часто видели в Турции и которые задумчиво рысят по дорогам под горами фуража. Так мы доехали до Эрзурума, стратегического поста из-за близости к

границе между Турцией и СССР и, конечно, полного армейской суеты. Но и этот город едва ли изменился за целую вечность, так как на протяжении всей истории он играл ключевую роль, и, были ли противниками коммунисты, курды, мусульмане или персы, гарнизон Эрзурума всегда на передовой. Впрочем, об этом говорит и название города, ибо во времена Византийской империи он был последним форпостом ромеев^[4].

С противоположной стороны города дорога шла по приграничной зоне, и нам дали строгие инструкции: не останавливаться и не съезжать с трассы. Мы уже спускались с плато, и, хотя местность по преимуществу была еще ровной, появились долины без признаков жизни и маленькие закрытые водоемы, а в отдалении различались отдельные горные хребты. Мы искали вершину горы Арарат, ибо, как гласит легенда, именно к ней пристал ковчег Ноя.

Когда наконец Арарат оказался в пределах видимости, мы его сразу же узнали. Покрытый снегом гребень примерно в семнадцать тысяч футов высотой со странном поднимающимся вверх плечом выделялся на сухой заросшей низким кустарником низменности. Марко Поло описал Арарат со свойственной ему обстоятельностью. «В сердце, — говорит он, — Великой Армении есть очень высокая гора, в форме куба, к которой, как говорят, пристал ковчег Ноя, отсюда ее название — гора Ноева ковчега. Она так протяженна, что надо больше двух дней, чтобы объехать ее. На вершине весь год лежит такой глубокий снег, что никто и никогда не поднимался на нее; снег этот никогда до конца не тает, но новый снег всегда ложится на старый, поэтому уровень его растет. Но на нижних склонах благодаря влаге, прибывающей сверху вследствие таяния снега, травы так богаты и пышны, что летом

сюда пригоняют весь скот, и из дальних мест, и из ближних, и травы всегда хватает всем».

Едва ли возможно было надеяться, что так обстоят дела и сейчас, когда Арарат является запретной приграничной зоной, откуда можно увидеть Россию, Иран и Турцию. Однако в предгорьях, ниже темного пятна неопределенной формы, которое, как полагают, представляет собой останки Ноева ковчега, мы случайно встретили маленькое племя кочевников, существование и образ жизни которых так же стары, как история самого Ноя. Каждый год в течение сотен лет, в полном соответствии с упомянутыми словами Поло, племя приходит сюда, привлекаемое прекрасной летней травой, которую питает талая вода с вершин. Границы Турции и Ирана постепенно делаются непроницаемыми для кочевников, Россия давно уже закрыла границу, тем не менее вековая привычка совершать это паломничество в поисках свежих пастбищ заставляет племя, численность которого, кстати сказать, уменьшается, преодолевать все запреты.

Группа кочевников, которых мы встретили, относилась к курдам, некогда очень распространенной народности, тем курдам, относительно которых Марко Поло уверял, быть может исходя из своего горького опыта, что это «люди сильные и беззаконные и весьма любят грабить купцов». Но мы не столкнулись ни с чем, что подтвердило бы эти слова, и очень хорошо провели время с членами племени. На их головах были гигантских размеров кепки, последние — едва ли не фирменный знак турецких пастухов. Но вместо широких халатов, обычной одежды пастухов, на них были узкие жилеты из превосходного бархата всех оттенков, украшенные вытканными серебряными узорами в виде завитков. Члены племени сгрудились вокруг, изучая нас с таким же любопытством, с каким мы изучали их. В такой ситуации, когда одна диковинка встречается с

другой, кажется, появляется некоторая разновидность понимания, и, хотя они не знали ни слова на английском, а мы не знали ни слова на их языке, очень скоро все сидели вокруг кипящего экспедиционного котелка с чаем, угощая соседей сигаретами и стараясь превзойти друг друга радушием.

Вождя племени признать несложно по властному облику. Когда он начинал говорить, другие члены племени сразу смолкали. Больше всего кочевников пленила наша маленькая бензиновая плитка, что неудивительно, так как это был единственный предмет нашего снаряжения, который принес бы пользу в их удивительном образе жизни. Когда чай быстро вскипел, послышался одобрителный шепот. Потом мы разделили между всеми нами содержимое котелка. Каждый сделал по крошечному глотку, нас было немало, но это скорее жест, нежели сущность, жест, который был зачтен, потому что кочевникам стало ясно, что мы предложили им все, что у нас было, и они, в свою очередь, ответили нам гостеприимством. Глава племени отправил к палаткам одного из пастухов, чтобы он озаботился приготовлением угощения, и велел случившейся неподалеку женщине подоить корову. И скоро, с удовольствием растянувшись на растрескавшейся земле, мы пили чудесное парное молоко из мисочек и ели хлеб и виноград.

Восхитительно библейская сцена. Все пожитки племени, беспорядочно разбросанные, окружала изгородь из тростника. Телята лежали группами у палаток и были привязаны, но другие животные передвигались свободно. Лошади были великолепны, они представляли благосостояние и высшую роскошь своих владельцев. Скакуны прекрасных форм бродили с путами и с недоуздками, однако шли на зов хозяев. Между палаток носились псы и дети, мелькали женщины. Последние не прятали лиц, но скромно

всматривались в чужаков карими глазами. Они были красивы, на головах — прекрасной и тонкой выработки разноцветные шарфы и шали — красные, оранжевые, пурпурные и желтые. На запястьях, шеях и ушах — в изобилии серебряные украшения, а некоторые даже носили звеневшие гирлянды монет, соединенных затейливо выделанными серебряными цепочками. Таков образ жизни кочевника, который наблюдал Марко, когда шел по Великому Шелковому пути, и который мы увидели мельком: их богатство — лошади и украшения женщин, их дом — палатка, а родина — там, где во всякий данный момент отлично коням и коровам.

К счастью, способность Поло выхватывать прекраснейшую картинку из того, что он видел перед собой, способность, которой он был в чрезвычайной степени наделен, не ограничивалась наблюдениями за образом жизни. Его повествование отчасти столь притягательно потому, что он не ограничивается какой-либо отдельной областью знания. Его живой ум действует, как кисть художника, набрасывая здесь особенность местного обычая, там — географическую черту. Да средневековый человек и не знал принципа разделения знания, поэтому художник мог быть одновременно священником, воителем или государственным человеком. Этот же размах был, кажется, свойствен Марко Поло. Сейчас он описывает гору Арарат, а в следующем предложении его интерес возбуждают нефтяные источники. «Здесь есть источник, — замечает он, — из которого бьет струя масла^[5] такая мощная, что в луже могут улечься зараз тысяча верблюдов. Масло это есть нельзя, его можно жечь, и можно лечить им болячки у верблюдов и у людей».

Эта широта охвата говорит в пользу Поло, а кроме того, это и удача для историков. О средневековой Азии было бы известно гораздо менее, если бы Марко заносил

в дневник только то, что касалось торговых дел. Его повествование — своего рода энциклопедия, ибо он записывал все, что видел во время путешествия, а с другой стороны, то, что находил возможным записать из слышанного — истории, легенды и прочее. Однако существует сложность определения тех мест, какие Марко посетил сам, и тех, о которых он слышал. Различие принципиально, так как мы гораздо более склонны верить сведениям Поло, нежели сведениям, которые он получил из вторых рук. Несомненно, единственным верным методом узнать, каким путем ехал Поло, было посетить упоминаемые места и проверить точность описания. Эта проверка и составляла цель проекта «Путь Марко Поло», но прежде, чем выбрать маршрут, мы тщательно просеивали доказательства. Главной проблемой была дорога, которой шел караван Поло от Арарата к Персидскому заливу.

Долгое время было принято считать, что, оставив Великую Армению, Поло направились на юго-восток к низине между Тигром и Евфратом и к Багдаду. Здесь, утверждают приверженцы традиционной точки зрения, семья села на корабль и поплыла по реке Шатт-аль-Араб к Персидскому Заливу. Эта версия основывается на описаниях Багдада и Мосула, которые сделал Марко Поло. У Марко, в частности, есть весьма фантастическое место, где он говорит о взятии Багдада Хулагу-ханом. Он пишет, что скупой Мустасим, последний халиф из рода Аббасидов, был заточен в башню, полную сокровищ, и через четыре дня умер от голода, потому что Хулагу сказал ему: «Теперь, халиф, ешь свои сокровища, ибо ты любил их превыше всего. Чего тебе еще надо?» С другой стороны, он совершенно верно говорит, что Багдад славился своими богословскими школами, прекрасными шелками и был местом, где «делают отверстия в большей части того жемчуга,

который отправляют из Индии в пределы христианского мира».

На первый взгляд, это подробное описание Багдада кажется достаточным доказательством того, что Марко Поло действительно посетил город. Однако в последующие годы появилась другая версия, указывавшая, что скорее всего караван Поло пошел по другому маршруту, а именно, к востоку, в Тебриз в Армении, и после повернул на юго-запад и двигался по краю Центральной Персидской пустыни. Сторонники последнего предположения указывают, что Марко лишь обозначил направление на Багдад и Мосул словами «теперь повернемся к странам, лежащим к югу и к западу от нее» (то есть от Армении), и рассказал о том, что было хорошо известно левантийским комиссионерам, связав истории воедино. С другой стороны, его описание Тебриза и Персии носит личный отпечаток и более оригинально.

Эта дискуссия принципиальна, потому что два упомянутых пути местами расходятся на несколько сотен миль. С течением времени взяла верх последняя теория, но, пока не будет доказано, что Марко Поло посетил Тебриз, всегда будут оставаться сомнения в ее подлинности. Описывая Тебриз, Марко упоминал о большом рынке, на котором приезжие и местные купцы продавали драгоценные камни, и отмечал, что «город окружен манящими фруктовыми садами». Существование упомянутого рынка было подтверждено Ибн Батутой, великим арабским путешественником XIV века: «В Тебризе я прошел по базару, где торгуют драгоценностями, и мои глаза были ослеплены многообразием камней, которые я видел. Красивые невольники, одетые в великолепные одежды и подпоясанные шелковыми поясами, предлагали наперебой свои камни татарским знатным женщинам, которые и покупали их в большом количестве».

Оставался вопрос о «манящих фруктовых садах», о которых известно немного. Проект «Путь Марко Поло» решил разобраться подробнее.

Как оказалось, мы едва не упустили шанс отыскать таинственные фруктовые сады, ибо, приехав в Тебриз, обнаружили серый от пыли городок, и садов нигде не было видно. Скрепя сердце, мы решили оставить наши поиски и двинуться по направлению к Тегерану.

Когда мы выехали из Тебриза, у одного из мотоциклов отвалился глушитель, и, пока я ставил его на место, Майкл, бродя поблизости, увидел дыру в саманной стене, тянувшейся вдоль дороги. Забравшись внутрь, он был весьма изумлен, так как оказался в прохладном, зеленом саду, где под деревом, гнувшемся под тяжестью абрикосов, сидела за столом персидская семья. Майкла пригласили разделить сельское пиршество, и скоро мы все трое наслаждались прелестными сливочными йогуртами и крошечными огурчиками. Последние мы, когда ели, макали в особенно пахнувший и сваренный с какими-то ароматическими травами сироп. Здешние огурцы, как и огурцы далекого Абадана, славятся своим отменным качеством, и мы не могли оторваться от них, пока не наелись до отвала. После пиршества мы лежали навзничь на траве и восхищенно любовались абрикосами, низко нависающими над нами. Мы чувствовали себя в земном раю, и не приходится особенно удивляться, что все великие путешественники — Поло, Шарден и Абу аль-Фида — писали о манящих садах Тебриза, и они, конечно, казались им вдвойне прекрасными после лишений долгой дороги. Счастье могло сопутствовать городу, могло изменять ему, но, был ли он столицей античной Мидии, монгольского Ирана времен Поло или, как в настоящее время, столицей Азербайджана^[6], его фруктовые сады,

конечно, гораздо более устойчивая черта, нежели переменное счастье политической истории.

«От Тебриза до Персии, — говорит Марко, — двенадцать дней пути». В его время Тебриз не входил в состав Персии, последняя была землей фарсов, или собственно Персией, начинавшейся у Казвина на Великом Шелковом пути. Проект «Путь Марко Поло» преодолел это расстояние за три дня, но не без приключений, ибо передняя ось одного из мотоциклов переломилась на полной скорости, так что Майкл, бесшабашно летевший на нем, едва не разбился. Мы умолили подвезти водителя одного из грузовиков, курсирующих по персидским дорогам. Погрузив избитую машину на борт, мы загрохотали к Казвину с угнетающей скоростью двадцать миль в час.

После долгих часов скуки мы добрались наконец до Казвина и здесь с удовольствием увидели первую приличную после Анкары дорогу. Примерно в ста милях впереди лежал Тегеран. Стэн поехал на грузовике с искалеченным мотоциклом в столицу, а мы с Майклом на единственной годной машине решили нанести быстрый визит в легендарную Долину ассасинов.

Глава 6. Долина ассасинов

Взлет и падение могущества ассасинов — одно из самых удивительных явлений средних веков. Всего за несколько лет фанатичные последователи «Горного старца» добились того, что слово «ассасин» стало произноситься с почтительным страхом во всем изведенном мире. При этом государство ассасинов просуществовало сто с небольшим лет и пало под ударами сметавших все на своем пути татарских орд. У истоков организации, положившей начало государству, стоял Хассан ибн Саббах, искатель приключений, который примерно в 1090 году во время владычества Мелика Джелаль-ад-Дина, третьего правителя сельджукской династии, был удален от его двора. После он был приговорен к смерти, бежал и нашел себе убежище в мрачных пустынях Эльбурских гор, протянувшихся большим полукругом у южного побережья Каспийского моря.

Скитаясь с кучкой вассалов в этих негостеприимных горах, Хассан случайно забрел в Долину ассасинов, огромный плодородный разрез в самом сердце горных цепей, которые окружают эту долину, как зазубренные мощные крепостные стены. В тайное убежище ведут три узких прохода, и эти три тропы могли удержать против целой армии несколько человек. Случай даровал ему каприз природы, который он смог превратить в крошечное и отлично укрепленное королевство и поднять здесь знамя восстания против имперской мощи. Скоро лагерь Хассана привлек множество людей, стоявших вне закона, которые поклялись следовать за Хассаном повсюду. Когда его силы увеличились, он принял титул Шейх аль-Джабаль, Горный Старец, объявив, что избран Аллахом и что ему назначено

возвратить народ на благословенный путь истинной веры.

Эта разновидность бунта не была чем-то необычным для бурных средних веков, и очень возможно, что шайка продолжала бы грабить и мародерствовать в обычной манере горных банд, пока большая правительственная экспедиция не положила бы этому конец. Но Хассан был незаурядной личностью, и его проповеди заставили последователей поверить в то, что он вправду один из божьих пророков, обладающих властью даровать бессмертие правоверным. Саббах сплотил религиозных фанатиков в самую эффективную организацию политических убийц, какую когда-либо знал мир, и, искусно пользуясь новоизобретенным смертоносным орудием, мог дотянуться до головы любого правителя, который осмелился бы противостоят ему. В Азии и в Европе всякому государю довелось узнать, что его жизнь может быть прервана ядом, удавкой или кинжалом. Скоро ассасины исполняли поручения не только Горного Старца, но и других правителей, интриговавших против своих венценосных братьев. Принц Эдуард Английский, император Священной Римской империи Фридрих II и король Франции Людовик IX едва избежали смерти от рук посланников ассасинов. Князя Хомса и Мосула были убиты в собственных мечетях, и даже в далекой Монголии хакан Мангу, окруженный вооруженной стражей из пятисот человек, не выходил из палатки, когда распространился слух, что на стоянку явились ассасины, которым поручено его убить.

Хотя организация увеличилась и ее ячейки имелись в других странах Среднего Востока (все в диких горах), долина в Эльбурских горах оставалась оплотом ассасинов, и отсюда их влияние распространялось на прилегающие земли, в том числе на Казвин, стоявший у подножия горной цепи. Они грабили богатые города на

равнине и устраивали засады на караваны. Персидские правители то и дело посылали против них экспедиции, но неприступные крепости ассасинов, расположенные на вершинах гор, как орлиные гнезда, выдерживали самые длительные осады, в то время как атакующие постоянно находились под страхом насильственной смерти их вождей.

Фанатичная преданность ассасинов своему владыке вошла в легенды. Рассказывают, что Генрих Шампанский, носивший титул короля Иерусалимского и участвовавший в одном из крестовых походов, был приглашен к ассасинам в их крепость в Сирии. Когда хозяин показывал ему укрепления крепости, у властвующих особ зашел разговор о том, как важна преданность подданных. Желая продемонстрировать абсолютность повиновения, шейх ассасинов подошел к группе «фидаинов», или преданных, которые празднично стояли на одной из башен, и махнул рукой, повелевая им прыгнуть вниз. Молодые люди в ту же секунду прыгнули и разбились об острые скалы.

Таково было их могущество, что великий хан монголов послал одного из китайских командующих выведать слабые места укреплений. Когда хан Хулагу занял Персию, одним из его первых мероприятий было уничтожение секты, которая к тому времени обладала армией, состоявшей из крепких молодых людей, и владела тремястами шестьюдесятью укреплениями только в Эльбурских горах. Ассасины понимали, что их дни сочтены, и «великий магистр» ордена направил послание к европейским дворам, прося помощи против общего врага. Но Европа только радовалась разгрому, и ответом были слова епископа Винчестера, который сказал: «Пускай псы пожрут друг друга».

В 1256 году ассасины наконец были уничтожены стремительным походом татар, обладавших абсолютным превосходством в силах. Хулагу, командовавший

огромной армией, сопровождаемый прославленными командирами Байду и Китбуке-нойоном (последний был несторианином из Монголии), приливной волной прошел через Эльбурские горы. Татарские орды затопили предгорья и брали одну за другой крепости. Хулагу возвратился в Багдад, оставив в горах небольшое число отрядов, собиравшихся взять несколько отдаленных крепостей. Одна такая крепость выдержала четырнадцать лет осады и сдалась не из-за нехватки съестных припасов, а по причине того, что осажденным было уже не во что одеваться.

Когда караван Марко Поло проходил через Казвин и шел извилистыми тропами вдоль склонов страшных Эльбурских гор, мощь ассасинов была уже сломлена, и со специальным разрешением монгольского хана караваны могли путешествовать безопасно. Но память об ужасных ассасинах была еще жива, и вокруг костров вечером на привалах рассказывались всевозможные истории. Слово «ассасин», по-видимому, происходит от слова «гашишин», то есть гашиш, которым обычно одурманивали новообращенных, и в XIII столетии, когда Марко был в Персии, память о владычестве ассасинов была так свежа, что, хотя Марко никогда не бывал в таинственной долине, он оставил самое известное и, пожалуй, прекраснейшее ее описание.

«Он (то есть Горный Старец) устроил в долине между двумя горами самый большой и самый прекрасный сад, какой когда-либо видели, украсив его сокровищами и подобиями всего самого лучшего на земле. Он тоже устроил каналы, в одних текло вино, в других мед, в третьих — молоко, в четвертых — вода. Там были красивейшие жены и девы, непревзойденные в игре на всяческих инструментах и в песнях и в плясках. Сад этот, толковал старец своим людям, есть рай. Развел он его таким точно, как Мухаммед описывал сарацинам рай: кто в рай попадет, у того будет

красивых женщин столько, сколько он пожелает, и он найдет здесь реки молока и вина, воды и меда. Потому-то Старец развел сад точно так, как Мухаммед описывал рай сарацинам, и тамошние сарацины веровали, что этот сад — рай. И никто никогда не входил в этот сад, кроме тех, кого он хотел сделать ассасинами. У входа стояла крепость такая сильная, что совершенно невозможно было овладеть ею, а другого входа в сад не было. При дворе шейха были все тамошние юноши от двенадцати до двадцати лет, и были они как бы его стражей. Эти юноши знали понаслышке, каков рай, описанный Мухаммедом, их пророком, и потому веровали, что сад, устроенный шейхом, есть рай. Что вам еще сказать? Приказывал Старец вводить в этот сад своих юношей, по своему желанию, по четыре, по десять, по двадцать. И вот как он делал это. Их напоявали, так что они немедленно засыпали. Потом их брали и вводили в сад. Здесь их будили. Когда они просыпались и видели все, что я вам описывал, они веровали, что они, правда, в раю. И девы и жены все время были с ними, и пели и играли, услаждая их, и угождали всякому их желанию. И все у них было, чего бы они ни захотели, так что они не желали ничего больше, а только оставаться в этом раю.

Двор свой шейх держал с великой роскошью и великолепием, жил прекрасно и уверил простых горцев, окружавших его, что он пророк; и они веровали, что это правда. А когда хотел послать кого из своих, чтобы убить кого-нибудь, приказывал напоить столько юношей, сколько пожелает, и, пока они спали, переносил их во дворец. Когда юноши просыпались и видели, что они во дворце, они изумлялись, но не радовались, ибо из рая они по своей воле никогда не вышли бы. Идут они к шейху и кланяются, почитая его за великого пророка. Когда он спрашивал, откуда пришли юноши, те отвечали, что пришли из рая и что это был поистине тот рай, о котором Мухаммед рассказывал

сарацинам; и говорили тем, кто их слушал, все, что они видели там. А слушавшие, не бывшие еще в раю, исполнялись великим желанием попасть в этот рай, хотя бы даже и пришлось умереть, и не могли дожидаться того дня, когда окажутся в этом раю.

Когда шейх желал смерти кого-нибудь из важных, он сперва испытывал своих ассасинов и выбирал лучших. Посылает он многих из них в недалекие страны с приказом убить того-то и того-то. Они идут и исполняют повеление. После, убив, возвращаются ко двору — те, кто сумел скрыться, ибо некоторых ловили и предавали смерти. Когда возвратятся и скажут своему владыке, что верно исполнили его повеление, шейх устраивает в их честь великое пиршество. И он отлично знал, какой из его ассасинов выказал наибольшее рвение, потому что за каждым посылал еще человека, шпионившего за ним и докладывавшего ему о храбрейших и самых умелых. Тогда, желая умертвить какого-нибудь владыку или кого другого, он брал некоторых из этих ассасинов и посылал туда, куда желал, говоря, что позаботится о том, чтобы они попали в рай. И они шли и умерщвляли того-то и того-то, и тем охотнее шли, чем больше было вероятия, что они умрут, исполняя повеление. Потому-то и не было никого, кто избежал бы смерти, если этого желал Старец Горы».

Знаменитая долина, спрятавшаяся в горах, никогда не была частью маршрута проекта «Путь Марко Поло». Но описание Марко так соблазнительно, что я и Майкл решили воспользоваться случаем и, пока сломанный мотоцикл ремонтируется в Тегеране, исследовать долину. Но мы не сознавали значительности предприятия. Мы не знали, что гость, нарушающий покой этой долины, отправляется сюда только после тщательной подготовки, уверившись в наличии отличных карт и необходимой провизии, потому что горы здесь дикие, пустынные и весьма неприветливы к

неподготовленным путешественникам. Когда мы выехали, все, что у нас с собой было, — экземпляр книги Марко Поло, камера и оборудование для камеры. Мы беспечно полагали, что путешествие затянется самое большее до вечера и потому взяли с собой лишь несколько шиллингов на персидские деньги.

Нашим первым шагом было спросить в Казвине, как найти дорогу в тайную долину. Марко Поло называет долину «мулехет», от «мелахида» — во множественном числе персидское слово «еретик». Нам сказали, что убежище еретиков находится в долине Аламут (сокращение персидского «мулихидед-ульмаут», то есть «смертоносные еретики»). Чтобы добраться до долины, нужно выбрать соответствующую дорогу из тех, что ответвляются от главного шоссе, ведущего к Тегерану. Мы несколько часов катались туда и обратно, выпрашивая в караван-сараях путь в долину. К тому времени, когда мы нашли его, был уже поздний вечер, поэтому мы провели ночь в маленьком и довольно скверном караван-сараяе, где, опасаясь воров, втащили мотоцикл в комнату. На следующее утро мы двинулись по ухабистой и пыльной дороге, держа путь к поднимающимся вдали предгорьям.

Сейчас Эльбурские горы так же мрачны и опасны, как, вероятно, и тогда, когда Хассан нашел себе здесь убежище. Нелегко было добраться до него по узкой дороге, по которой обычно ходили мулы, а в довершение всех трудностей я очень плохо умел управлять мотоциклом без коляски.

Замечателен внезапный переход от равнины к скалистым горным склонам. Минуту назад мы преодолевали рытвины и сухие канавы, и вот мы уже едем на пониженной передаче, пробираясь между утесами. Местность абсолютно глухая, все замерло, не слышно ни звука; только отражается от серых скал эхо рева карабкающегося все выше и выше мотоцикла.

Подъем на мотоцикле был ужасающим, ничем не проще подъема на спине мула. Майкл хранил восхищенное молчание, как бы ни вихлял мотоцикл по узкой тропе. Последняя была сплошь покрыта обломками скал, трещавшими и скользившими под изношенными шинами. Дорога большей частью шла между скалами и обрывом в тысячу футов высотой. В одном месте мы заметили остов сгоревшего джипа, по-видимому соскользнувшего с обрыва и сейчас лежавшего, как смятая игрушка, перевернувшись днищем кверху.

То тут, то там мы останавливались, чтобы отдохнуть перед следующим отрезком пути, уверяя, что вот-вот, на следующем повороте, появится Аламут. Однако, преодолев очередной изгиб, мы видели только новую высоту. Через несколько часов подъема по извилистой тропе, идя то вверх, то вниз, мы уже ехали в облаках. Движение становилось опасным: туман снижал видимость до нескольких ярдов, оседал каплями на тропе, и та была похожа на черную блестящую ленту. Дорога одной стороной заметно опускалась к пропасти, и всякий раз, когда мотоцикл наклонялся, мы скользили с опасностью для жизни к обрыву. Когда это происходило, мы судорожно пытались прижаться к боку горы, чтобы не свалиться, а камни, которые мы задевали, со стуком катились в туман, затем следовали долгие мгновения тишины, и после слышался отдаленный удар о скалы.

Далеко за полдень наконец начался спуск. А потом вдруг мы выехали из-под облаков и остановились, изумленные видом, раскинувшимся перед нами. Уходя вниз почти отвесно, у наших ног лежала и сверкала, купаясь в лучах солнца, глубокая расщелина речной долины. В расщелине крошечной серебряной ниткой бежала река, прорезая себе путь в сердце гор. С другой стороны реки поднималась почти отвесная стена

огромного кряжа, с острой, как бритва, верхушкой. Этот барьер стоял поперек тропы, как гигантский бастион, колоссальный каменный риф. С высоты мы любовались на море белых облаков, висевших ниже нас между горами, опоясывающими долину. Эти облака образовывали над тайной долиной балдахин, и увидеть ее с других вершин было невозможно. Позже мы поняли, что облака приносят в долину ежедневный дождь, поэтому она и выглядит среди угрюмых голых гор райским садом.

Лоб последнего заградительного кряжа внушал благоговейный страх. В сравнении с этой колоссальной скалой река Аламут, бежавшая вниз, казалось ручейком. Поверхность камня поражала многообразием цветов. Скала горела всеми оттенками зеленого, красного, серого, коричневого и голубого. В силу какой-то причуды стратиграфии^[7] разные слои породы под влиянием дождя и ветра приобрели тысячу оттенков, все они перемешивались и образовывали полосы и пятна, и казалось, что краски, как на палитре, смешал гениальный художник-великан.

Мы, не теряя времени, направились к реке. Тропа вилась вниз по ухабистому и круто спускающемуся склону, потом побежала вдоль берега реки, стремительного, чистого и холодного горного потока. Четвертью мили ниже по течению тропа внезапно закончилась у идиллического караван-сарая, вокруг которого стояло с дюжину привязанных мулов. На берегу раскинулось великолепное дерево, в тени его гигантских ветвей был устроен земляной стол, и за ним, развалившись, лежали погонщики мулов, поглощающие пресные лепешки, которые они обмакивали в посудинки со сливочным йогуртом. Владелец караван-сарая вышел навстречу с приветствием, и мы с наслаждением упали на коврики, которые он расстелил на земле. После дорожных приключений мы какое-то время просто

сидели, с признательностью наслаждаясь прохладным покоем нашего временного пристанища.

Потом обратились к одному из погонщиков:

— Как доехать до Аламута и до замка Хассана ибн Саббаха?

Погонщик показал рукой через реку.

— Вон дорога к Аламуту, но ваша машина не одолеет брод, в это время года река глубокая и опасная.

— Как тогда нам добраться до замка ассасинов?

— Лучше всего взять мулов — для вас и для багажа.

— Это для нас слишком дорого, а кроме того, мы не возьмем с собой вещи. Мы пойдем одни и пешком.

Посоветовавшись с погонщиками, мы простились. Сначала с хозяином, не принявшим платы за провизию, которой он нас снабдил. Он обещал, сверх того, присмотреть в наше отсутствие за мотоциклом. После, провожаемые изумленными взглядами погонщиков, которые не могли поверить, чтобы мы действительно намерены идти в долину ассасинов одни, мы оставили караван-сарай и пошли вниз по течению, до поворота, где река исчезала между двух скал, в этом месте близко подходивших одна к другой. На противоположном берегу в Аламут впадал меньший поток, струившийся перпендикулярно разноцветной стене кряжа. Ручей прорезал себе путь через узкое извилистое ущелье, которое отсюда казалось прорезанным в боке горы огромным ножом. Здесь был вход в запертый рай. Со всей аккуратностью мы зашли в реку и начали продвигаться дюйм за дюймом через стремительный и закручивающийся водоворотами поток. На переправу указывали высывавшиеся наполовину из воды большие камни, и мы осторожно нащупывали путь между этими маяками, держа камеру и оборудование в поднятых вверх руках. Когда мы подошли к противоположной стороне ущелья, стало еще труднее, потому что ручей, впадавший в Аламут, устремлялся из

него мощным потоком. Мы едва удерживались на ногах, заставляя себя шаг за шагом, по грудь в пенящейся воде, идти к ущелью. Скоро над нашим головами уже поднимались на необозримую высоту желтые известняковые стены, а впереди река, устремляясь навстречу, кипела вокруг каменных выступов стен, в мучениях прокладывая себе путь через преграду.

В одном месте шедшего впереди меня в нескольких ярдах Майкл захватил водоворот, и он проплыл вниз по течению пятнадцать ярдов, делая изящные, но бессмысленные пируэты, как пловец водного балета, и держа высоко над головой драгоценную камеру. Чуть позже мы дошли до отмели, где можно было стоять без усилий, и Майкл попросил меня войти в реку, где поглубже, чтобы он снял эпизод относительно трудностей путешествия в долину ассасинов. Я храбро согласился и сразу же ступил в добрые шесть футов бешено несущейся воды, совершенно исчезнув в ней самым реалистическим образом, так что, вероятно, удовлетворил бы и наиболее взыскательного оператора.

Принимая во внимание усилия, с какими мы шли в ущелье, было легко представить, как трудно отыскать тайную долину и как хорошо было защищено логово ассасинов. Войти в бешеный поток на первый взгляд казалось безумием, приняв же во внимание то, что в ущелье могут быть защитники, решиться на это было почти невозможно. Однако на другой стороне расщелины совершенно неожиданно выходишь в роскошную долину. Ее склоны ровно поднимаются вверх, и то, что лежит посередине, кажется потаенным раем. С другой стороны ущелья скалы стоят голые и суровые, здесь же, в Аламуте, мы слышали плеск и журчание множества небольших потоков, о которых упоминал Марко Поло. Неудивительно, что в краю, изуродованном недостатком воды, несчастные горные племена, влачившие жалкое существование на безводных

склонах, передавали друг другу слухи о рае, который укрыт где-то в горах и течет молоком и медом. В воздухе стоял шум мириад ручейков, сливавшихся и разбегавшихся по земле. На русло больших потоков указывали ивы, камыш и осока, везде роскошная трава и посевы риса, и то здесь, то там — группы деревьев.

На полях не было людей, не видно домов, и мы пошли в глубь долины. Не имея проводника и не находя лучшего пути, мы опять переходили вброд потоки и чавкали по колено в грязи на рисовых плантациях. Переезд на мотоцикле и переправа через реку лишили нас последних сил, и мы были счастливы, встретив погонщика мулов, довольно мрачного вида, поившего своих животных в одном из потоков. Поставив камеру и оборудование на землю, мы присели рядом на корточках и начали длинный торг относительно цены за переезд.

— Салам алейкум! Вы можете довезти нас до замка Аламут? — спросили мы.

— До него два дня езды, а я иду в ущелье, — сказал погонщик.

— Однако сколько будет стоить, если вы довезете нас к замку Хассана ибн Саббаха?

— Самое меньшее сорок туманов за одного и цена за ночевку для животных и меня, — ответил погонщик.

— Это слишком, мы очень бедны.

— Никто из тех, кто вашего цвета кожи и вашей расы, не беден, — последовал уверенный ответ.

Через некоторое время мы сбили цену до трех туманов за одного, плюс ночевка, хотя это и потребовало часа торга и даже некоторого представления, хотя я и Майкл так устали, что не могли бы идти пешком. Погрузив камеры в сумы, висевшие по бокам животных, мы вскарабкались на последних и, сопровождаемые шагавшим позади погонщиком, двинулись в глубь таинственной долины ассасинов,

направляясь к знаменитой аламутской скале, на которой Горный Старец построил замок Орлиное Гнездо.

На мулах мы продвигались гораздо быстрее, чем пешком; примечательно, что погонщик не отставал от нас. Майкл начал обретать хорошее расположение духа и опять завел свою обычную клоунаду. Параллель между долиной ассасинов и эффектными голливудскими вестернами была для него очевидна, и скоро равнины огласились обветшалыми киноцитатами о «месте, где можно перевести дыхание, месте, достаточно большом, чтобы жить здесь, пригодном для того, чтобы построить здесь школы, церкви и перевезти родителей». В конце концов многотерпимый мул не вынес и внезапно рванул вперед, так что голливудский герой был вынужден судорожно схватиться за его шею, сопровождая свои действия приглушенным потоком выражений, характерных для Ист-Энда. После энергичного преследования погонщик поймал своего подопечного и настоял на том, чтобы вести животное за повод, невзирая на льстивые просьбы Майкла «дать ему поводья, ибо он обещал быть в деревне до заката».

Мы ехали всю вторую половину дня, чавкая по пропитанной водой земле, следуя тропой, взбиравшейся по склону, так что скоро нас опять окутали облака. Всякий раз, когда туман подступал вплотную, погонщик начинал заунывную песню, чтобы успокоить животных, мелко семенящих в холодной и влажной белизне. Время от времени мы слышали впереди песни других погонщиков, внезапно из тумана появлялась вереница мулов, и мы должны были в высшей степени осторожно разойтись на узкой тропе. Погонщики засыпали нашего проводника вопросами относительно двух чужеземных гостей, которые сами прошли через ущелье, а любопытные мулы поглядывали на нас из-под бахромы приносящих счастье голубых бус, украшавших их уздечки.

Когда наступили сумерки, стало ясно, что наш маленький отряд не доберется этой ночью до Орлиного Гнезда. Поэтому мы ощупью двинулись в полной тьме туда, где на дне долины мерцали огни маленькой деревни. После спуска по склону мулы очень устали и поминутно спотыкались, а мрачный погонщик, шедший в темноте позади, начал требовать дополнительную плату. Мы с Майклом, ссутулившись, сидели в своих седлах и думали, что нас ждет впереди.

В деревне мы ездили от дома к дому, отыскивая ночлег для нас и стойбище для мулов. Почти потеряв надежду, мы наконец нашли место, где нас приняли, и, прежде чем признательно проковылять в теплоту общей комнаты, отвели мулов на ночлег в кедровник. В доме нам дали пищу и коврики для ночлега. Проводник дулся на нас и ел один, угрюмо молча. Хозяин был не так недружелюбен, и скоро на нас обрушилась целая лавина вопросов относительно нас самих и пути, которым мы пришли, так как в долине очень немногие проходили через ущелье и видели мир за пределами долины.

Наконец селяне утомились, исчезла кучка хихикающих женщин у противоположной стены, и мы улеглись на полу, чтобы немного отдохнуть. Но нам с Майклом удалось заснуть не сразу. Ковриками, на которые мы легли, покрывали мулов, и эти коврики кишели паразитами всех видов. Влажность дождливой долины породила мириады прожорливых насекомых, а рисовые поля были отличной питательной средой для малярийных москитов. Всю ночь мы металась и переворачивались под непрерывным огнем укусов. Пол общей комнаты буквально кишел жуками, которые вылезали из трещин в земляном полу.

После завтрака мы хотели как можно быстрее отправиться в путь, но наш погонщик отказался идти дальше и потребовал свои деньги. Мы настояли на том, чтобы сперва заплатить хозяину за ночлег. Но, платя

хозяину, мы обнаружили, что ночлег стоит всех наших денег. Это, однако, оказалось нелегко объяснить погонщику, который с утра был сердит. Он не желал верить, что какой-либо европеец может воистину оказаться без денег. Он бушевал и раздражался тирадами, и мы ничем не могли успокоить его. Мы обещали выслать деньги из Тегерана, но он не хотел и слышать об этом. Мы предлагали заплатить натурой, он может взять, говорили мы, ножны для ножей, темные очки и т. д. Эти вещи стоили гораздо больше оплаты путешествия на мулах, однако он отказывался. Охваченный яростью, он уверял, что не стоит даже и пытаться отыскать нас, чтобы взыскать полагающиеся деньги. Затем он внезапно кинулся к драгоценной кинокамере Майкла и, схватив ее, устремился к выходу. Это переполнило чашу нашего терпения. Не говоря ни слова, мы в ярости бросились за ним. Последовавшая борьба была очень короткой, ибо наш противник, очевидно, никак не ожидал, что европейцы не откажут себе в удовольствии предаться тому, что Майкл любовно называл маленькой свалочкой. Несколько нецивилизованных ударов, и дело кончено. Погонщик мулов лежал в грязи, а Майкл опять стал обладателем камеры.

К несчастью, невиданное представление, устроенное двумя бедными европейцами, создало в деревне взрывную атмосферу. Положение требовало быстрых действий, поэтому мы обратились к деревенскому старосте и попросили его разрешить спор. Староста, в свою очередь, созвал на совет местных старцев, которые явились на площадь, чтобы составить суд. Через какое-то время начались прения. Мы, со своей стороны, по преимуществу хранили молчание вследствие скудных познаний в персидском языке. К полудню суд был в полном разгаре; впрочем, когда судьи удостоверились, что у нас действительно не осталось денег после

расчета с хозяином ночлега, показалось, что дело начинает клониться в нашу сторону. Суд принял к сведению и то, что мы приложили все усилия, чтобы склонить противную сторону к принятию возмещения натурой. Потом начали держать речи, направленные против нашего сердитого погонщика, так что в конце концов нам с Майклом стало его жаль. Выяснилось, во-первых, что вообще погонщики мулов стоят весьма низко во мнении жителей деревни. Сверх того, настоящий погонщик был родом из другой деревни и имел плохую репутацию. В довершение было доказано, что, когда мы встретили нашего погонщика, он направлялся именно той дорогой, которой ехали мы, поэтому вообще платить ему за двух его жалких скотов было актом милосердия.

Когда предмет истощился, староста вынес приговор. Погонщику было предписано незамедлительно оставить деревню и благодарить небо за то, что его бесплатно накормили ночью и предоставили ему загон для мулов. Потом староста обратился к нам и извинился за прискорбный случай, который произошел в его деревне. С этого момента мы рассматривались как гости и, следовательно, были под его покровительством.

Мы оставили деревню, чтобы покрыть оставшийся путь до замка Хассана пешком, сопровождаемые эскортом старейшин. Довольно часто процессия останавливалась, кто-нибудь церемонно обнимал нас, прощаясь (колючий процесс, по причине кустистых бород прощающихся), и отправлялся обратно в деревню. В конце концов остались только староста и его младший сын, которые настояли на том, чтобы нести наше снаряжение. Нас привели к рахитичному мосту, устроенному из грубых досок и лежавшему над стремительно бегущими водами реки, и здесь старик снял свою поношенную ермолку, окунул ее в поток и предложил нам испить из нее — последняя любезность,

предлагаемая отъезжающему путешественнику. У реки, сказал нам староста, кончается его власть и земли деревни, но на противоположном берегу нас встретят люди из другой деревни и проводят далее. Так нас провожали от деревни до деревни, со всей благожелательностью и со множеством церемониальных чашек чая, пока наконец мы не достигли селения, лежащего под скалой Аламут, на которой был построен замок Орлиное Гнездо.

Когда мы взбирались по ровному склону, ведущему к последней деревне, появился маленький мальчик, прибежавший, чтобы сообщить нам, что в доме старосты остановился какой-то «американец». Мы с любопытством последовали за ним в большой дом в центре деревни и нашли здесь таинственного американца, блистающего военной формой и окруженного гигиеническими контейнерами с едой и водой, привезенными из Тегерана. Его великолепно экипированный мул стоял в конюшне близ дома под охраной двух телохранителей, а переводчик американца нежно поглаживал дробовик, выглядевший весьма устрашающе. Лицом к лицу с демонстрацией подавляющего профессионализма мы не могли удержаться, чтобы не выказать некоторое пренебрежение по отношению к этому профессионализму. Отвечая на вопросы американца, мы мимоходом упомянули о том, что пришли в долину ассасинов, имея в виду приятную прогулку, так сказать, туристическая блажь, и пошли до конца, стараясь внимать с беспечным равнодушием его рассказам о свирепых волках, которые ночью забредают в деревню. Одержав так недобросовестно верх, было очень легко одолжить у нашего знакомца капельку донельзя нужных денег, прежде, нежели староста направил нас на тропу, ведущую к Орлиному Гнезду, в сопровождении двух помощников.

Последнее восхождение к замку было самой изнуряющей фазой путешествия. Замок построен на ровной поверхности гигантского известнякового выступа, который нависает над долиной, как нос колоссального судна. Единственный путь на вершину скалы Аламут — узкая тропа, которая змеится по скале, проходя прежде через расселину между скалой и горой. С трудом поднимаясь по этой тропинке, мы были похожи на крошечных муравьев, а скала угрожающе нависала над нам, как бы обдумывая способ, каким лучше расправиться с дерзкими, осмелившимися приблизиться к ней.

Немногое осталось от укреплений на вершине скалы Аламут. Все, что можно увидеть, — несколько довольно разочаровывающих фрагментов крепостной стены, которая была сложена способом сухой кладки, ибо, когда монголы взяли крепость, хан Хулагу приказал разрушить все укрепления до основания, чтобы свирепая секта никогда более не расцвела в долине. Но в толще скалы Аламут сохранились две маленькие пещеры, высеченные зубилами, а в этих пещерах — причуда геологии — находятся маленькие колодцы пригодной для питья воды. Без этих колодцев скалу было бы невозможно оборонять, но, поскольку бесценная вода имелась в наличии, крепость оказалась в состоянии выдержать четыре долгих года осады татарами, когда атакующие и защитники дрались в рукопашную под градом ассасинских камней и монгольских стрел.

Несмотря на то что от замка почти ничего не осталось, местность вокруг печально известного Орлиного Гнезда не могла сильно измениться. Со всех сторон скала отвесно спускается вниз, и, стоя здесь, как бы вися в пространстве, смотришь вокруг, точно так же, как некогда смотрели ассасинские вожди. Далеко внизу расстилается зеленое изобилие потаенной долины, тут и

там рассыпаны купы деревьев, которые окружают миниатюрные ассасинские деревни. Тени от облаков гонятся друг за другом по полям, усеянному сетью блестящих на солнце ручейков, и везде, куда ни посмотри, над долиной поднимаются серые горные вершины, наполовину спрятанные в облаках, вершины, на которых некогда ассасинские сторожевые посты неусыпно стерегли тайну долины, укрывшейся в пустыне Эльбурских гор.

Сейчас на этих вершинах можно встретить только мальчишек-пастухов, пасущих стада овец и коз. С того места, где стояли, мы заметили одного такого пастуха на утесе недалеко от нас. В удивительно прозрачном воздухе можно было рассмотреть каждую деталь его одежды, и мы ясно слышали звон посоха о камни. Один из наших проводников поманил его, и подросток, оставив свое стадо, стремглав побежал вниз по крутому склону, покрытому сланцем. Скользящая фигурка, казалось, несется навстречу неминуемой гибели, тем не менее мальчик ухитрился поддерживать равновесие и, проворно сбегав к подножию, начал карабкаться по Аламуту. В невероятно короткий промежуток времени он взобрался и встал перед нами, переводя дух после подъема, который был преодолен Майклом и мною за добрый час непрерывных усилий. В одной руке мальчик держал посох, который использовал, когда бежал, как баланс, и, в отличие от босоногих детей в деревнях, был обут в крепкие кожаные сандалии на толстых подошвах с прибитыми к ним железными подковками, облегчавшими ходьбу по горам. Нетрудно было распознать в нем выносливого и гордого потомка неистовых ассасинских фидаинов, сумевших убить Ахмеда, принца Мараги, в Багдаде, в присутствии всемогущего Мухаммеда, султана Персии.

Мы с Майклом провели следующую ночь в деревне у подножия скалы и на рассвете начали обратный путь в

долину. Там мы встретили небольшой караван из мулов, направлявшийся к ущелью, и приехали с ним к милому караван-сараяю на другой стороне. По странному стечению обстоятельств у ущелья мы встретили нашего первого проводника и заплатили ему из денег, которые одолжили у нашего американского приятеля. Несчастливый погонщик едва мог поверить своим глазам, когда мы втиснули ему в руку банкноты, и мы не осведомили его о тайне нашего новообетенного богатства. Это, решили мы, должно стать еще одним секретом удивительной долины.

Взяв мотоцикл из караван-сарая, я и Майкл отправились в обратный, долгий и трудный путь по горам. За прошедшие три дня никто из нас вдоволь не спал и не ел. Мы были так обессилены, что первые пять миль мотоцикл валялся больше тридцати раз. Потом, во время особенно резкого падения, машина придавила мне ногу и раздробила несколько костей ступни. К счастью, тяжелые мотоциклетные сапоги спасли от худшего, но наше положение было незавидным, так как Майкл еще не освоил управление мотоциклом без коляски, а я был порядком искалечен. Майкл со свойственной ему ловкостью договорился с жителями маленького ассасинского поселения относительно того, чтобы за нашей машиной присмотрели, и мы приготвились ковылять через горы. Но наше счастье еще не совершенно оставило нас, и, пройдя немного, мы услышали позади шум двигателя джипа. Наши спасители оказались маленькой компанией геологов, отыскивавших медные залежи и случайно заглянувших в эти места. Они очень любезно доставили нас к главной трассе, и мы сумели автостопом добраться до дешевого отеля в Тегеране, прибыв рано утром.

Глава 7. Селение волхвов

Моя травма совершенно разрушила планы проекта «Путь Марко Поло». Вымытый, выбритый, уколотый, просвеченный рентгеном, дезинфицированный и с ногой, закованной в гипс, я радушно привечал навещавших меня в роскошном санатории нефтяной компании, где лежал, прикованный к постели. Силы Стэна и Майкла восстановились с помощью частного плавательного бассейна и джина, явившихся следствием великодушного гостеприимства тегеранского управляющего компании «Ричард Костейн». Вторую коляску пришлось бросить, так как она тоже выказывала признаки переутомления, но два мотоцикла опять были пригодны для езды. Проект «Путь Марко Поло» держал военный совет, и мы решили, что нам следует разделить силы. Доктор заверил меня, что нога выбыла из строя по меньшей мере на два месяца, следовательно, вести я не мог. Поэтому Стэн и Майкл должны взять мотоциклы и поспешить на великие просторы Востока, продвигаясь по длинной кривой к Кабулу — через Исфаган, Керман и Кандагар. Я собирался продолжить путь через некоторое время по мере сил, моя задача — исследовать весьма спорный маршрут Поло в южной Персии и в северном Афганистане.

Когда этот вопрос был разрешен, Майкл и Стэн, не медля, отправились в путь. Первой их целью была маленькая деревушка Авех, которая лежит примерно в ста милях к юго-западу от Тегерана. Окрестные жители не усматривают ничего особенного в Авехе. Просто еще одно поселение, затерявшееся на бесплодном плато. Но Марко Поло со всей решительностью утверждал, что Авех был ни много ни мало родиной одного из трех библейских волхвов и что именно из этого уголка

Большой Соляной пустыни волхвы отправились в путь в далекий Вифлеем. Марко писал: «Есть в Персии город, называемый Савех, из которого держали свой путь трое волхвов, пришедших поклониться Иисусу Христу. Здесь же они лежат, похороненные в трех гробницах великой величины и красоты. Над каждой гробницей четырехугольное здание с куполообразной крышей чудесной, отменной работы. Один праведный покоится рядом с другим. Их тела сохранились целыми, есть волосы и бороды. Один звался Бальтазар, другой Гаспар и третий Мельхиор. Мессер Марко спросил у нескольких местных жителей, кто были эти волхвы; но никто не сумел ничего ответить ему, и сказали только, что это трое царей, которых погребли здесь в минувшие времена. Но наконец он узнал то, о чем я поведу речь далее.

Тремя днями позднее мессер Марко обнаружил небольшой город, называвшийся Кала Атишпарастан, жители которого признают за истину, что во время оно трое царей этой земли пошли поклониться новорожденному пророку и несли с собой три подношения — золото, ладан и смирну, чтобы узнать, был ли этот пророк богом, или земнородным царем, или исцелителем. Ибо они сказали: если возьмет золото, это земнородный царь; если ладан, бог; если смирну, исцелитель. Когда они пришли в место, где родился пророк, младший царь вошел в дом один, чтобы посмотреть на дитя. Он увидел, что дитя было таково, каков был сам царь, именно, его возраста и облика. И царь удалился, исполненный удивления. Тогда вошел другой, который был человеком средних лет. И на него походило дитя, так же, как оно походило на первого царя, и было одних со вторым царем лет и одного облика. И царь удалился, и был поражен. Тогда вошел третий царь, который летами был преклоннее обоих первых царей; и с ним было то же, что и с двумя

другими. И он удалился, исполненный великой задумчивости. Соединившись, цари поведали друг другу, что они видели. И были весьма изумлены и решили войти вместе. Так они вошли, все трое, и предстали пред дитя, и увидели его в его настоящем образе, и было дитя всего тринадцати дней от роду. Волхвы преклонились пред ним и поднесли ему дары, бывшие с ними — золото, ладан и смирну. Дитя взяло и золото, и ладан, и смирну, и взамен дало царям закрытый ларец. И трое царей отправились в обратный путь... В довершение должно сказать, что один из этих трех волхвов был из Савеха, один — из Авеха и один из Калы Атишпарастан».

Из трех поселений для визита экспедиции был избран Авех, поскольку эта деревушка уединеннее остальных, и не встречается никаких упоминаний о том, чтобы ее посещал кто-нибудь, интересующийся происхождением волхвов. Действительно, об Авехе известно так мало, что из двоих ученых авторитетов один поместил деревню в шестнадцать миль к юго-юго-западу от Савеха, а другой специалист настаивал, что на самом деле Авех лежит в шестидесяти милях в противоположном направлении. Во всей этой путанице Майкл и Стэн не ожидали найти какое-либо убедительное доказательство того, что один из волхвов действительно был родом из Авеха; принимая во внимание, что едва ли существует на Востоке древний город, который не заявлял бы со страстью своего права на исключительность, надеяться обрести доказательство было бы слишком оптимистично. Целью их визита было найти какие-нибудь свидетельства, которые могли бы тем не менее связать настоящее поселение в Авехе со временем Великого Шелкового пути и подтвердить повествование Поло.

Выехав из Тегерана по главной южной трассе, ведущей к Куму, священному городу, Майкл и Стэн

свернули с нее у Бакилабада. Так как точное местоположение Авеха не было отмечено на картах, они всецело зависели от сведений, которые могли им сообщить по дороге. К Авеху, говорили им, не торили дорогу, и для того, чтобы добраться до деревни, нужно пересечь десять или пятнадцать миль голой пустыни. На гладкой гудронке Майкл сносно управлялся с одиночным мотоциклом, но теперь начиналась пересеченная местность, поэтому было решено оставить одну машину в караван-сарае.

Езда по песку оказалась легче, чем они ожидали, под воздействием иссушающей жары на коричнево-красной земле запеклась твердая корка, и мотоцикл ехал быстро даже с двойной ношей. Сложные моменты случались только тогда, когда шины пробивали твердый верхний слой, и колеса беспомощно проворачивались в мягком песке. Но такие случаи были редки, и у путешественников было время поразмыслить над громадной разницей между традиционным остролистом, рождественским снегом, дивными волхвами и этим покрытым соленой коркой холмистым плато, где на горизонте переливались поднимающиеся волны марева. Через некоторое время исчезли последние признаки дорог, и без того едва заметные, и два путешественника ощутили все одиночество необитаемой пустыни. В их памяти был свеж рассказ о горящем источнике, и, за неимением более надежного ориентира в этом заброшенном краю, они направились туда, где вдали виднелся высокий столб дыма. Пока они ехали, темный столб начал, качаясь из стороны в сторону, двигаться им навстречу, и через несколько мгновений небо заволочло крутящимся потоком летящего песка. Но песчаный смерч привел их в Авех. Преодолев еще одну вади^[8], мотоцикл въехал на возвышенность, и с этой возвышенности они увидели внизу оазис и три деревни, которые лежали в нем, вытянувшись в линию.

На центральной площади Авеха путешественники прополоскали рты, избавившись от коричневой грязи в горле, и легли, истомленные, в тень главного источника, который в каждой персидской деревне является жизненным центром. Мимо них непрерывной чередой семенили женщины, закутанные с ног до головы, с кувшинами на головах, желающие набрать воды для хозяйства. Качались верблюды; трусцой бежали ишаки, на которых с обеих сторон висели гигантские мешки, полные дынь, а когда мгновенно стемнело, как это обычно в низких широтах, в неопрятные гнезда на верху крыш с шумом и хлопаньем больших крыльев возвратились аисты.

Вокруг чужеземцев с неизбежностью стали собираться люди, окружающие всякого гостя, приезжающего в отдаленные поселения. Когда Майкл и Стэн немного отдохнули, их пригласили в дом старосты Авеха, где, пока они расспрашивали на смеси языков о трех волхвах, их радушно потчевали чаем, дынями и похлебкой. Неудивительно, что никто толком не понял, что они имеют в виду, не поняли даже староста и его сын, который учился в школе. По этой причине староста сказал, что будет лучше, если ребята предложат свои вопросы завтра утром здешнему мудрецу.

Они провели ночь, скрючившись на ковриках на плоской квадратной крыше глиняного домика. Здесь путешественники разделили с аистами чудесную прохладу вечернего ветерка и величественное зрелище ночи в пустыне, когда звезды сверкают низко над землей. Не в таком ли небе волхвы первыми увидели звезду, которая вела их в Вифлеем? А после, как гласит легенда, из этого же созвездия сошел священный огонь, упавший в колодец, где его до сих пор может увидеть всякий истинно верующий.

Рано утром староста проводил гостей обратно на главную площадь, где в углу, в тени, сидел деревенский

мудрец. Таких мафусаилов, уже слишком старых, чтобы работать, но пользующихся уважением вследствие преклонных лет и знаний, часто можно встретить в маленьких деревнях, спокойно сидящими на корточках и погруженными в собственный маленький мир прошлого. Пищу и кров дают им правнуки или те, кто с уважением относится к преклонному возрасту.

Староста очень выразительно изъяснил старику положение вещей, и, хотя истинная причина визита еще не была названа, старик медленно поднялся. По его мнению, посетитель в Авех мог приехать только за одним, ибо Авех может предложить приезжему только одно, достойное внимания. Старик заковылял, опираясь на палку, в боковой переулок, а Майкл и Стэн пошли за ним. Деревня кончилась, они достигли подножия большой пятиугольной горы, которая своей срезанной вершиной напоминала пирамиду. На вершину вели искрошившиеся ступеньки, и, с трудом поднявшись по ним, старик остановился и показал палкой. Здесь была полусасыпанная песком и полустершаяся надпись, что почти невероятно, на английском: «Только для зороастрийцев».

Рядом валялись фрагменты ножовки. Перед ними находились вполне узнаваемые остатки храма, построенного зороастрийцами, или зартушти, религия которых на тысячу лет старше ислама. Этот древний храм был доказательством того, что история селения Авех захватывала времена Марко Поло; поэтому имелись основания соотнести современный Авех и поселение времен Поло и нанести его на карту Персии XIII века в связи с маршрутами Великого Шелкового пути. Но это было не все. Зороастрийский храм в Авехе стал ключом к одному из наиболее любопытных рассказов Поло, а именно к рассказу о горящем источнике. Марко Поло описывает, как трое царей, оставив младенца Иисуса, отправились домой.

«После нескольких дней пути они решили посмотреть, что младенец дал им (то есть закрытый ларец). Они открыли ларец и увидели внутри него камень. Волхвы чрезвычайно удивились этому дару. Дитя дало им камень как знак того, что они должны быть крепки в вере, которую они приняли, как камень. Ибо, увидев, что дитя приняло все три подношения, волхвы заключили, что дитя было вместе земнородным царем, исцелителем и богом. А как младенец знал, что они уверовали в это, он дал им этот камень, означавший, что они должны быть крепки и постоянны в этой вере. Тогда трое царей, не зная, для чего им был дан камень, взяли его и швырнули в колодец. Но камень не коснулся еще дна, как с небес сошел пылающий огонь, который упал прямо в колодец. Увидев чудо, цари раскаялись в том, что выбросили камень; ибо они ясно увидели, что его значение было велико и прекрасно. Они незамедлительно взяли от этого огня и понесли с свою страну и поместили в прекраснейшем и богатом храме. Огонь этот они хранят постоянно горящим и поклоняются ему как Богу. И всякое всесожжение и жертвоприношение делают в этом огне. И, если случается, что огонь гаснет, они обходят прочих поклоняющихся огню и придерживающихся этой же веры, и им дают от огня, который горит в их храмах. Его они приносят и разжигают свой. Огонь их никогда не разжигается иначе, как огнем, о котором я говорю. Чтобы добыть его, они ходят часто по десяти дней.

Так-то здешние люди молятся огню, и я уверяю вас, что их число весьма велико. Все это было рассказано мессеру Марко Поло жителями города, и все это совершенная правда».

Остатки зороастрийского храма в Авехе являлись молчаливым доказательством того, что история, рассказанная Марко Поло, не была перепевом вздорных слухов, а имела истинное основание, которое

предполагало смешение двух религий, христианства и зороастризма. Гебры, или последователи Зороастра, поклонялись огню как источнику жизни и материальному выражению божества Ахура Мазда, который считался Владыкой Разума. Так или иначе Марко услышал об их обрядах, в которых поклонение огню занимает одно из важнейших мест. Отсюда один только шаг, короткий и логический, к тому, чтобы заместить священный зороастрийский огонь собственно христианским чудом горящего источника. Несомненно, было очень легко впасть в эту ошибку, но на счет Поло надо занести точность, с которой он поместил центры поклонения огню в Авехе, Савехе и Кале Атишпарастан. Название последнего поселения означает на персидском «место, где поклоняются огню».

Во тьме папства XIII века, полного предрассудков, эти диковинные сведения о культуре огня должны были казаться достойными доверия не более, чем ныне — послания из космоса. Счастье, что Поло сумел придать своим откровениям христианскую окраску, в противном случае его рассказы могли быть объявлены еретическими, ибо, как однажды сказал Мейсфилд, «за всю человеческую историю действительно путешествовали и видели чудеса Птолемея, Мельхиор, Каспар, Бальтазар и Марко Поло». К сожалению, песок времени не позволяет рассмотреть многие из чудес, которые так потрясли христианский мир, а влияние самого зороастризма чрезвычайно упало и продолжает падать. Большинство старых гебрских центров разрушены во время арабского вторжения в Персию в VII столетии, и верующие подвергались жестоким наказаниям. Множество зороастрийцев бежали в Индию, и здесь, в согласии со своей верой, воскресили знаменитые обители молчания, где коршуны клевали кости мертвецов, чтобы тела не оскверняли землю и священный огонь. Остатки зороастрийского культа еще

можно увидеть в Иране, и в последнее время здесь появилось несколько зороастрийских храмов, один из которых, это довольно любопытно, сооружен на деньги какого-то английского баронета. Главным центром религии сегодня является городок Йезд, до которого один день пути от Авеха, и здесь, как некогда, на вершине культовой горы, в квадратных гебрских храмах горит огонь, питаемый древесиной сандалового дерева.

Но Майкл и Стэн на этом не покончили с Авехом, а Авех не покончил с ними. Спустившись с горы и возвратившись в селение, они быстро перенеслись в XX век. У мотоцикла стоял шеф авехской полиции. Он видел, как Майкл снимал на камеру женщин, полощущих белье в ручье, который течет с одной стороны центральной площади. Его мусульманское чувство благопристойности было возмущено. Он настаивал на том, что гости — шпионы.

Конечно вежливое объяснение разрешило бы проблему, но Стэн и Майкл сделали грубую ошибку, оставив для сохранности свои паспорта в Бакилабаде. «Паспорт! Паспорт!» — вскрикивал усатый сержант. Но паспортов не было, объяснения не принимались, и в конце концов пару шпионов заперли в полицейском участке, который служил и тюрьмой.

Через дверную скважину заключенные могли видеть, как начальник участка писал длинный доклад. После долгих поисков сержант нашел ручку, которая столь скверно писала, что ему приходилось ее встряхивать время от времени довольно энергично. С трудом собирая мысли и медленно водя ручкой, он час писал свое сочинение. Когда то было закончено, пленников вывели и осведомили о том, что доклад отправят в полицейское управление в соседней деревне в сорока милях западнее, где он в надлежащий срок будет прочитан непосредственным начальником сержанта, и последнего уведомят, как поступить с задержанными.

Майкл, памятуя об изматывающей медлительности полицейских процедур во всем мире, спросил, как скоро доклад достигнет управления. Не ранее, чем кто-нибудь поедет этой дорогой, весело ответили ему. Стэн незамедлительно воспользовался благоприятной возможностью. Указав на мотоцикл, он предложил ускорить движение законодательства, мол, он может отвезти доклад сам. На деле подразумевалось, что когда Стэн двинется от полицейского участка, Майкл вспрыгнет позади него на мотоцикл, и два легкомысленных субъекта исчезнут из Авеха навсегда. Майкл, однако, был в некотором затруднении, учитывая тяжелое вооружение полиции и то, что пассажир, сидевший сзади, принял бы на себя, по всей вероятности, большую часть огня. Но, как бы то ни было, у сержанта имелись на этот счет собственные соображения. Он согласился отправить Стэна в качестве курьера, но — с вооруженным сопровождением.

Старшему капралу было приказано ехать вместе со Стэном. Отправление миссии надо описать отдельно. Стэн, нервничая, переборщил с газом; мотоцикл, как жеребец, встал на дыбы, и несчастливый капрал тяжело шлепнулся на твердую землю. Майкл усугубил положение: верный профессии, он каким-то образом получил обратно камеру и сумел снять этот анекдот. Сержант, взревев от гнева, приказал двум подчиненным отнести Майкла за руки и за ноги, лицом вниз, обратно в камеру, а незадачливый капрал улизнул, предоставив занять место более молодому и более ловкому жандарму. Этот страж порядка принес интересы собственной безопасности в жертву достоинству всего участка и, с застывшим на лице испугом, закинув через плечо винтовку, обхватил широкую спину Стэна медвежьей хваткой. На сей раз мотоцикл послушно тронулся, выехал за ворота и покати к песчаным холмам.

Езда в качестве дополнительного пассажира на видавшем виды мотоцикле по ухабам и рытвинам голой пустыни — трудное упражнение. Это почти невозможно перенести тому, кто не имеет опыта. А если водитель вроде Стэна, езда превышает человеческие силы. Ибо Стэн пламенно привержен идее, что наилучший способ передвижения по пересеченной местности — максимальная скорость. Суть заключается в том, что так машина пролетает поверх рытвин. Простая механика этого процесса предполагает предельные заносы, прыжки, удары и крен. Когда мотоцикл прыгает по колдобинам, тяжелый двигатель и туловище Стэна придавливают переднюю часть машины. Поэтому самое неприятное остается на долю задней части, которая скачет вверх и вниз, напоминая прыжки необъезженного мустанга. Сначала пассажир впадает в панику, потом, если он непреклонен и решает ехать далее, тело выколачивается до тех пор, пока человек не впадает в состояние изумленного столбняка, как терьер, висящий на носу у разъяренного бульдога.

Так случилось и с несчастным полицейским, который очень скоро почувствовал себя слишком избитым, чтобы действовать логично. В какой-то миг, который всегда наступал, Стэн потерял контроль над машиной и упал, а так как он привык падать и знал, как это делается, через секунду встал, целый и невредимый. Жандарм был далеко не так искушен в этом искусстве и лежал в пыли, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег камбала. Стэн нашел и положил с ним рядом древнюю винтовку. Потом сел на мотоцикл и поехал за паспортами.

Майкл не скучал в Авехе. Следствием его дара находить общий язык с детьми был очень быстро организованный кругооборот маленьких коричневых рук, просовывавших через решетку тюрьмы еду и сигареты. Так как местные полицейские, как и вообще персы, очень любят детей, они были вынуждены сменить гаев

на милость, и Майклу позволили устроить на обнесенном стеной крошечном дворе детскую площадку. Через несколько мгновений он был окружен толпой большеглазых маленьких обожателей, которые сновали туда-сюда, принося дыни, виноград, чай, яйца и рис. Каждое приношение вознаграждалось крохотным комедийным представлением, и дворик наполнился детским смехом. К тому времени когда Стэн возвратился в Авех, Майкл был уже почти потоплен волной народной любви и лежал, развалившись, на ковре и подушках, которые были украдены маленькими заговорщиками из кабинета сержанта. Единственным обитателем камеры был жандарм, который сопровождал Стэна и который к этому времени уже возвратился.

Паспорта были представлены, их внимательно рассмотрели. Стэн присоединился к празднику во дворе, и была объявлена общая амнистия. Пакт скрепили множеством чашек чая и множеством сигарет, а потом, провожаемые улыбками, двое путешественников оставили селение волхвов.

Вновь обретенный второй мотоцикл стал помехой. Дорога к Исфагану была ужасна, и Майкл, начинавший страдать от дизентерии, не был достаточно опытен, чтобы рисковать длинным перегонем до Кабула. Решили отослать поездом второй мотоцикл из Кума в Тегеран и ехать далее на одном мотоцикле, вести который должен был Стэн.

Проехав через очаровательный Исфаган с его мечетями и ковровой промышленностью, где новые ковры вымачивают в реке и оставляют на улицах, чтобы по ним ходили, пока они не приобретут такой вид, что их можно продавать как древние, Майкл и Стэн достигли Йезда, о котором Марко Поло сказал: «Между персидских городов есть город, называемый Йезд, очень красивый город, центр торговли. Здесь в большом количестве вырабатывается шелковая материя,

называемая йезди, после отправляемая с выгодой на множество рынков».

Во времена Марко Поло торговое значение Йезда, самого восточного из городов собственно Персии, было так велико, что город во время владычества Атабегов добился золотого века самоуправления. Самоуправление существовало в Йезде с середины XI века до конца тринадцатого. Дорог в области с течением времени становилось все меньше, и, после потери городом независимости, торговля шла довольно вяло из-за налогов, таможенных сборов, тарифов и даней, которые непрерывным потоком исходили из канцелярий новых правителей. Однако падение Йезда произошло не сразу, а растянулось на столетия. Даже в 1810 году британский путешественник, некий капитан Кристи, нашел возможным отметить, что это город «весьма обширный и населенный, расположенный на краю песчаной пустыни, рядом с горным хребтом, который протягивается с запада на восток. Он славится между купцами по причине всяческих льгот, которые здесь предоставляются, и безопасности. Это огромный рынок, на котором обменивают свои товары Индостан, Багдад, Хорасан и Персия, и говорят, что во время последней империи здесь всегда была самая оживленная торговля». Сейчас Йезд все еще один из главных городов Ирана, но от него веет безнадежностью, и пустыня все ближе подползает к его стенам.

Где в Йезде Майкл и Стэн могли обнаружить остатки прославленной древней шелковой промышленности, о которой писал Поло? В Тегеране нам сразу же сказали, что в современном Йезде все еще производят ковры, хлопковые и газовые ткани. С другой стороны, никто не мог ничего сказать относительно знаменитых йездских шелков. Между прочим, отрезки этих шелков длиной в двадцать пять футов когда-то были посланы среди прочего шахом Надиром в дар правителю Бухары.

Оставив Майкла в чайхане страдать от болей в желудке, Стэн нашел старый квартал города. И опять самую большую помощь оказали дети, стайки которых носились тут и там. Они потащили Стэна в лачуги, где их матери и сестры работали за станками. К его разочарованию, все, что он видел, оказывалось дешевыми хлопковыми тканями или довольно скучными коврами. Потом, проходя мимо длинной линии низких домов с куполообразными глиняными крышами, Стэн услышал странный хлопающий звук. Решив последний раз попытаться счастья, он постучал в деревянную дверь. Звук прекратился, дверь открылась, и перед Стэном появился молодой человек примерно шестнадцати лет. Позади него была единственная комната, длинная, низкая и темная. Из конца в конец висела сеть шелковых нитей. Несмотря на полумрак, нельзя было не заметить, что все помещение представляло собой, в сущности, огромный станок, на котором вырабатывали шелковую материю. Сверху одной стены свисали нити шелка-сырца, которые оставались туго натянутыми благодаря тому, что их удерживали мешочки с песком; отсюда нити протягивались к разделительному стану и перекручивались, а после спускались вниз, к челночному отделу станка, составлявшему нижний уровень последнего, и тут, для работы с челноком, молодой человек поставил сундук, врыв его глубоко в землю. Таинственный хлопающий звук исходил от рубашки ткача, он прикрепил ее к челноку, чтобы она обвевала разгоряченное тело.

Ткань, выработанная из необработанных шелковых нитей, была восхитительно мягкой и тонкой; это была именно легендарная йездская ткань, но без роскошных узоров той поры, когда она славилась по всему Востоку по причине необыкновенно искусной вышивки. Сегодня работа вышивальщиц стоит слишком дорого, и предпочтение отдается тканям массового производства.

Несколько станков Йезда, таких же, как и тот станок, который видел Стэн в полумраке глиняной лачуги, — все, что осталось от промышленности, которая была уже стара ко времени проезда Поло, ко времени, когда масса европейцев все еще держалась мнения, что роскошную ткань прядут духи лесов из коры, листьев и воды лесных ручьев.

От Йезда путь Марко Поло лежал на юго-восток. «Оставив этот город (Йезд), путник едет семь дней по равнине, на которой есть только три поселка, где можно остановиться. По пути видишь много финиковых пальм, растущих рощами, через которые приятно ехать и в которых изобилие дичи, в числе прочего здесь куропатки и перепела, большое благо для купцов, путешествующих этой дорогой... В конце лежит царство, называемое Керманом».

Поло не мог сворачивать в сторону и тратить время на всякие безделки, так как расстояние от Йезды до Кермана примерно сто шестьдесят миль, и двадцать три мили в день — хороший дневной переход для разношерстного каравана. Современная дорога идет точно по тому же пути, по краю керманской пустыни, только сегодня «прекрасных рощ финиковых пальм» очень немного, и они отстоят одна от другой на довольно большом расстоянии. Гравиевая дорога почти везде покрыта толстым слоем пыли, единственная растительность — разновидность низкого кустарника, характерного для пустыни, дребезжащего ветвями под редкими порывами горячего ветра. Эта местность медленно умирает от истощения водных ресурсов с XIII века, когда Поло проезжал среди «изобилия дичи». В наши дни единственные обитатели пустыни — жалкие человеческие существа, ютящиеся в немногочисленных домах маленьких деревень. Судьба жестоко обошлась с несчастными жителями этой сельской местности. В течение веков количество осадков, каждый год

выпадающих здесь, непреклонно уменьшается, и пустыня дюйм за дюймом захватывает поля и источники воды.

Везде следы отчаянной борьбы человека с природой. Поверхность земли покрыта ямами и рубцами и похожа на лунный пейзаж; кажется, что земля истерзана упорными бомбардировками. Эти линии выбоин, часто протягивающихся на мили, отмечают направление подводных каналов, или канаатов, которые рыли мотыгой, воротом и черпаком. Канааты — отчаянная реакция общин, осужденных жить в виду постепенного исчезновения водных ресурсов. На отдаленных холмах крестьяне отыскивают маленькие источники и роют подземные тоннели, чтобы провести на поля драгоценную влагу. Каждый источник окружен земляным валом. Земля пронизана целой сетью подземных галерей, проведенных на разных уровнях много футов ниже поверхности. Принимая во внимание человеческие усилия, цена каждой тоненькой подземной струйки огромна, ибо песчаная почва легко приходит в запустение. Такова, однако, цена выживания, и не будет неуместным заметить, что повсюду в Иране обитатели Йезда и Кермана славятся своими успехами в рытье канаатов. Весьма вероятно, что старшины бригад, которые занимаются каналами, обладают большим опытом, почерпнутым в собственных деревнях, задыхающихся в тисках засухи.

Быть может, принимая во внимание климатические изменения, крестьяне времен Поло были счастливее по сравнению с современными земледельцами. Примечательно, что Марко упоминает о канаатах только раз и коротко описывает канаат как диковинку. Это «поток чистой воды, который течет под землей. В известных местах есть провалы, сделанные потоком, в которые можно видеть бегущую воду, после она опять внезапно исчезает».

Марко Поло наблюдал такой странный поток в течение ровно трех дней, выехав из Кермана и направляясь к северу. Сейчас, когда едешь из города в этом направлении, нет ничего, только выжженная солнцем поверхность Деште-Лут, Великой Соляной пустыни. Там, где когда-то шел караван Поло, сегодня во все стороны простирается пустыня. Последний караван верблюдов вышел из Кермана к северу очень, очень давно, и немногие помнят о караванных путях к Табасу и в области Хорасана.

Ввиду такого положения вещей Стэн и Майкл, приехав в Керман, весьма основательно решили, что ехать через ужасную Деште-Лут на утомленном мотоцикле было бы глупо. Сверх того, Майкл страдал желудком, вероятно, из-за скверной воды, которая, по словам Поло, «была так горька и противна, что, если вы выпьете хоть каплю ее, вас десять раз прослабит». Вместо этого они нанесли визит директору керманских рудников, чтобы узнать, не может ли он что-нибудь сказать относительно древнего керманского железного промысла, который описывал Поло. Директор охотно встретился с ними, но визит прошел впустую. В современном Кермане, увы, не было никаких следов знаменитых кузниц, где ковались великолепные клинки, которые, даже незаточенные, могли рассечь европейский шлем.

Оставив путь каравана, чтобы возвратиться к современной дороге, Стэн и Майкл поехали к юго-востоку, захватив участок белуджистанской пустыни, где мотоцикл гнали без остановок, так как боялись, что горючее в баке от ужасающей жары испарится. Проехав тысячу миль через Кветту и перевал Болан и вытерпев жару, песок, всевозможные лишения, прокалывая шины, они достигли Афганистана и в Кабуле остались ждать прибытия третьего участника проекта «Путь Марко Поло».

Глава 8. Райские яблоки

После отъезда Стэна и Майкла я провел еще несколько дней в Тегеране, занимаясь ногой и приготовлениями к поездке к Ормузскому проливу на самом юге страны. Это было все равно что организовывать новую экспедицию. Сейчас я всецело зависел от местного транспорта, ибо мои передвижения были жестко ограничены грубыми деревянными костылями, приобретенными на базаре. Купив рюкзак, я уложил в него спальный мешок, запасной свитер, новые носки и мой драгоценный экземпляр книги Марко Поло. Я также приобрел флягу для воды и устрашающий охотничий нож, который засунул его за голенище моего левого сапога. Другой сапог я положил на дно рюкзака в ожидании того дня, когда сниму гипс и пойду на обеих ногах.

Подготовившись таким образом, я заковылял к центральному тегеранскому автовокзалу и сел в автобус междугороднего сообщения. Следующие два месяца я был обречен проводить большую часть времени в автобусах всех разновидностей и классов, начиная от больших «мерседесов» и заканчивая переоборудованными грузовиками. Из транспорта в Иране и Афганистане преобладают автобусы, потому что вне главных городов есть всего несколько железных дорог и частные машины. Бывают американские автобусы, германские, британские и русские. Каждая марка оценивается в известную сумму и имеет соответствующую репутацию. Доехать из Тегерана в Исфаган стоит примерно 18 шиллингов, хотя этот же путь на переделанном в автобус грузовике вы можете преодолеть всего за 3 шиллинга. У больших автобусных компаний с крупным парком фиксированная цена на

билет, но маленькие фирмы, иногда обладающие одним автобусом, назначают цену по обстоятельствам. Если вы выглядите небогато и этим маршрутом сегодня едет немного пассажиров, билет будет стоит дешево; если пассажиров много и вид у вас процветающий, тогда вы можете заплатить вдвое и втрое больше. Сцена у центрального автобусного вокзала напоминает описание станций XIX века. Водители прогуливаются здесь и там с небрежно профессиональным видом, в это время подручные рекламируют достоинства их машин. Пока важный носильщик перевязывает и поднимает на борт ваш багаж, уличные мальчишки пристают к вам, прося бакшиш. Ошеломленного пассажира треплют, теснят, он продирается сквозь лес протянутых рук, оглушенный какофонией криков, которые возрастают в безумном крещендо, когда какой-нибудь автобус отправляется в путь.

Большинство водителей выезжают в пять утра, чтобы проехать возможно больше прежде, чем настанет самое жаркое время дня. Но перед тем как автобус отправится в путь, следует собрать плату с бедных пассажиров, прикрепить к багажнику на крыше багаж и всем сесть. Из рук в руки в проходе между сиденьями передают овец, кур, детей и козлов. В самом проходе тоже едут. Дороже всего стоит проезд в передней части автобуса, на втором месте — центр, самый дешевый проезд в проходе. Поднаторевшие пассажиры отходят на пару миль от города, за пределы полицейских постов, и здесь голосуют на обочине дороги. В таком случае пассажир платит водителю два или три шиллинга за незаконный проезд до другого городка или деревни и, не доезжая до полицейских постов, сходит. Водители охотно идут на это, ибо деньги, получаемые с таких пассажиров, они кладут себе в карман.

Профессия водителя пользуется уважением. У них должны быть специальные водительские права, за

первым номером, которые выдаются только после трудного экзамена в полиции, теоретического и практического, включая умение ремонтировать автомобиль. Это неудивительно, принимая во внимание то, что водитель в этих пустынных областях больше напоминает капитана корабля. Его слово — закон, а его искусство может означать жизнь или смерть, если машина застрянет где-нибудь на полпути через пустыню. Эта профессия хорошо оплачивается, шоферы могут зарабатывать три-четыре фунта в день плюс проценты от тех денег, которые пассажиры оставляют в придорожных закусовых. Автобусные компании платят водителям в соответствии с их умением и опытом, а кроме того, за расстояние, которое они покрывают. Езда на дряхлых машинах по пустыне, по дорогам, покрытым гравием, оплачивается дороже, чем езда на новых дизельных автомашинах по гудрону. Каждый водитель берет с собой помощника и мальчишку, назначение которых — помогать ему и охранять автобус, и в этом нет ничего удивительного, потому что за восемнадцать часов пути водитель, конечно, чрезвычайно устает. Проколы, аварии, бандиты, наводнения, песчаные бури и вздорные пассажиры требуют, чтобы всякий водитель автобуса совмещал в себе механика, дипломата и психиатра.

Быть пассажиром в таком автобусе — особенный опыт. Начать с того, что автобусные компании хитроумно переделывают автобусы и ставят в них еще столько же дополнительных сидений, сколько было, когда приобретали машину. Это не значит, что местные жители щедры, просто так вмещается больше пассажиров, следовательно, прибыль больше. Принимая данное обстоятельство во внимание, ехать с ногой, закованной в гипс, не слишком удобно. Всякое ваше движение принуждает ближайшего соседа, со своей стороны, тоже двигаться, и он кончает обычно тем, что

тяжело наступает на ваши босые пальцы, высовывающиеся из-под жесткого края гипса. Это продолжается бесконечно, так как автобус ползет с постоянными тридцатью пятью милями в час по бесконечной сельской местности. Через каждые два часа — остановка, чтобы выпить чая. Автобус останавливается у караван-сарая, и все карабкаются через головы друг друга, чтобы освежиться. После, перед отходом автобуса, каждое живое существо втискивается обратно на свое место, часто с распрями, если прежнее сиденье уже занято. Иногда ваш транспорт нагоняет другой автобус, принадлежащий конкурирующей компании. Тогда, как древние рыцари, водители начинают битву за проезд, и ваш водитель яростно летит миля за милей почти вплотную к автобусу врага. Одной рукой он жмет на хриплый сигнал, требуя пропустить, и, кажется, совершенно не замечает потока пыли, который льется во все окна и слепит и душит пассажиров. В другом случае водитель оказывается добрым знакомым, и содержимое двух автобусов изнемогает от жары, пока их водители обнимаются, как братья, не выдавшие друг друга десять лет, даже если они встречались сегодня утром на автобусной станции.

Но путешествие автобусом дает и некоторые преимущества. Это может быть пыльно и очень, очень неудобно. Сквозь грязные окна виден маленький кусочек пейзажа, но путешествие автобусом — сравнительно дешевое, и вы общаетесь с людьми. Действительно, никто не может укрыться от доброжелательного внимания, в том числе и вы. Всех объединяют неудобства и удовольствие от путешествия. Одиноким европейцем — естественный центр всеобщего любопытства и непрекращающегося потока сладостей, тыквенных семечек и других лакомств, которые выглядят в высшей степени подозрительно, когда их передают двадцатые руки. Однако нужно съесть

угощение, ибо оскорбленные чувства заслуживают внимания гораздо больше, нежели расстроенный желудок, а с другой стороны, это делает путешествие не таким монотонным.

Монотонность, несомненно, главный враг. От Тегерана до Кермана ехать автобусом два дня, и вид из окна не меняется. Когда мы выехали из Тегерана, автобус был, мягко говоря, переполнен, но водитель совершенно не принимал этого во внимание и все время останавливался, чтобы взять еще пассажиров. Все время пути от Тегерана до Исфагана моя загипсованная нога весело прыгала по трясущемуся стальному полу автобуса, который с грохотом мчался по дороге, посыпанной гравием, и единственным утешением стало соображение, что вторая часть пути, от Исфагана до Кермана, должна быть еще хуже; впрочем, я с трудом верил себе. Все оказалось именно так. На следующий день температура поднялась, а дорога становилась хуже и хуже. Мы пять раз прокололи шины, прежде чем после полуночи приехали в Керман, и, слишком уставший, чтобы идти в гостиницу, я спал до рассвета на багажнике автобуса, в обнимку с костылями и прочим скарбом.

Мой визит в Керман был связан с тем фактом, что шестьсот восемьдесят девять лет назад трое Поло тоже прошли через этот город. Здесь они присоединились к каравану, направлявшемуся на юг, в древний порт Ормуз, который находится в Ормузском проливе напротив Омана. План Поло заключался в том, чтобы погрузиться в Ормузе на одно из арабских дау, которые под муссонами ходили из Аравийского моря к Индии. Оттуда венецианцы могли направиться в Малайзию, а потом, на борту какого-нибудь китайского торгового судна, которые время от времени приходили к юго-восточному побережью Азии, плыть в Пекин. Однако, достигнув Ормуза, трое путешественников увидели, что

суда в порту были «очень скверные, и многие из них тонут... а это делает путешествие на них рискованным предприятием». Очень может быть, что Поло, как венецианцы, предъявляли слишком высокие требования к кораблям. Но, как бы то ни было, они предпочли неизвестные опасности сухопутного путешествия известному риску морского, поэтому караван повернул обратно в Керман, другой дорогой, и начал свое фантастическое трансконтинентальное путешествие через Персию, Афганистан и пустыню Гоби в Китай.

Я намеревался исследовать, по какому пути Марко ехал от Кермана через горы к Ормузу и какой дорогой возвращался обратно к Керману. Через горы вели три дороги, одну из которых никто и никогда не исследовал в связи с путешествием Марко Поло. Полковник Йул, величайший авторитет по Поло, писал, что «до тех пор, пока не пройден прямой путь через Бафт, всегда будут оставаться сомнения относительно точного пути в Ормуз». Я намеревался не только сам проехать по этой дороге, но хотел также узнать все, что возможно, о других путях через горы, чтобы после сравнить их с отчетом Марко. Теоретически, тема благодарная, потому что описание пути из Кермана в Ормуз — одно из самых подробных в книге. Марко особенно подчеркивает, что караван шел двумя разными дорогами: одной — в Ормуз, а другой — возвращаясь после решения идти в Китай сухопутным путем. Относительно внешней стороны путешествия Марко замечает, что караван шел обратно семь дней по приятному плато, упоминает о горном перевале, на котором очень холодно зимой, и об обширной плодородной равнине, где в изобилии растут пшеница, фисташки, финики и ягоды и где путник встречает ястребов, франколинов и диких голубей. Он, кроме того, видел здесь крупный рогатый скот и курдючных овец. Но, предупреждает Марко, путник должен остерегаться, ибо эти места кишат «ужасными

бандами грабителей, и эти грабители, сверх того, головорезы».

Отчет Марко об этом участке пути достаточно детализирован, чтобы составить схему движения от деревни к деревне. Однако есть и трудности. Некоторые замечания Марко ставят в тупик, например он пишет, что видел «райские яблоки». Дело в том, что местность между Ормузом и Керманом — одна из самых скверных в Персии. Это страна гор, которые называются «сард», или «холодные горы», эту местность тоже называют «рудбар», или «плато вод»^[9]. Местами горы поднимаются на высоту четырнадцати тысяч футов, то есть примерно на высоту Маттерхорна, в других местах — беспорядочное каменистое плато. Область, в сущности, необитаема и составляет один из самых заброшенных углов современного Ирана. Несмотря на это, моей задачей было преодолеть ее в обоих направлениях, как это некогда сделал Поло.

Лучшим местом для начала изысканий казался базар в Кермане. Поэтому я отправился туда и ковылял между лавками, спрашивая, может ли кто-нибудь мне что-то сказать о местности, лежащей к югу. Все советовали обратиться к старому Резе, крупному землевладельцу, которому принадлежит много земель в этих местах. Я отыскал Резу во дворе величественного дома на окраине Кермана. Учтивый и старомодный, принадлежащий к старому поколению, которое никуда не торопится и наслаждается естественным ходом событий, Реза любезно пригласил меня в прелестный сад, огороженный стенами, где в прохладной тени деревьев ворковали голуби. За чашкой чудесного чая мы говорили по-английски о великом караванном прошлом юности Резы. Он отлично помнил свое путешествие к Ормузу через перевал Сарвизан с большим караваном, состоявшим из двухсот мулов, верблюдов и лошадей, нагруженных фисташками, виноградом, миндалем и

коврами и хлопчатобумажным полотном. Это был едва ли не последний крупный караван на побережье, и Реза прочел мне то, что записал в своем дневнике об этом путешествии. Повествование, которое я услышал, было так похоже на текст Поло, что у меня не осталось сомнений, что я знаю, где лежит первая часть пути Марко. Старый Реза описывал, как путь через Сарвизан идет по холодному горному перевалу и по плодородной равнине Марко Поло. Он даже упомянул о диких голубях, ястребах и франколинах. Чтобы покрыть этот путь, караваны, хотя их и разделяло более шестисот лет, шли семнадцать дней. Старый Реза вырос в этих горах и, не колеблясь, заявил, что описанию Поло соответствует только одна горная дорога. Мы вместе проложили на карте путь, которым венецианский караван должен был идти к югу.

К тому же, эти сведения совершенно совпадали с описанием Р. М. Смита, майора королевских инженерных войск, проехавшего этой дорогой в 1866 году. Давно было признано, что Поло поехал на юг через Сарвизан. Поэтому я всего лишь получил подтверждение тем сведениям, которые у меня уже были. Тем самым мне оставалось исследовать обратный путь Марко — от Ормуза в Керман. Здесь Реза мог только сказать, что есть два возможных пути. Первый идет вдоль западной оконечности Холодных гор через Саидабад. Здесь проложена современная автомагистраль. Вторая и более привлекательная дорога проходит по перевалу Дех Бакри через Бафт в самом сердце нагорья. Я решил, что должен проехать по обоим маршрутам и сравнить, какой из них более соответствует дороге, описанной Поло. Старый Реза пришел в ужас. Он сообщил, что не может ручаться за мою жизнь, если я поеду через горы, магистраль же, напротив, совершенно безопасна. Никто из жителей города не ходит в горы, ведь последние служат пристанищем диким кочевникам, которые сами

себе закон, и среди них немало преступников. Несколькими месяцами ранее полицейский патруль, разыскивавший беглого нарушителя, подвергся нападению из засады и был уничтожен. Резе пришлось раздать винтовки своим арендаторам, живущим на холмах у подножия гор, для безопасности. Вообще же через перевал Дех Бакри сегодня путешествуют только темные личности, желающие избежать встречи с полицейскими постами на магистрали.

Но я решил воздать должное Поло, писания которого часто критикуют за недостаток точности. Если только это окажется в человеческих силах, я должен пересечь перевал Дех Бакри и постараться еще раз доказать замечательную точность повествования Марко. Сердечно поблагодарив Резу, я возвратился на базар и, поторговавшись, достал место на очень древний, состоящий из одних заплаток грузовик, который ехал в направлении Дех Бакри. Я взобрался на груз сахарных голов в компании восемнадцати крестьян, дюжины кур и пары рогатых овец, и машина загрохотала по скверным дорогам плато. Загипсованная нога вызвала пристальное внимание и в конце концов стала очень удобным сидением для маленького мальчика. Мое безголосое пение как средство сблизиться с попутчиками устранило первоначальную сдержанность спутников, и скоро мы уже хором исполняли итонскую песенку, которую поют на соревнованиях по гребле, на псевдоанглийском языке. Аккомпанементом служило хлопанье на ветру подолов рубашек моих коллег, вцепившихся одной рукой в прыгающий грузовик, а другой держащих свои черные головные уборы, достойные Дерби. Они были совершенно уверены, что я сумасшедший, душа, отмеченная Аллахом, и радостно сообщали эту новость в каждой придорожной деревушке.

Когда грузовик остановился в конечной точке маршрута в последней деревне на холмах предгорья, я остался единственным пассажиром. На следующее утро, едва встало солнце, я счастливо заковылял по деревне, сняв почти венецианский пейзаж из саманных домиков, выстроившихся вдоль чудесного водного потока, и сидящих в тени на корточках крестьян, слушающих странствующих певцов, которые сопровождали себе на лютнях. К несчастью, камера опять навлекла на меня неприятности. Местный полицейский увел меня в тюрьму. С каждой стороны двери был поставлен солдат с винтовкой, но, когда стало очевидно, что я не намерен бежать, прыгая на одной ноге, оба караульных разумно впали в крепкий сон. Сержант, представлявший местное начальство, закончив завтракать, вызвал меня на допрос. Есть ли у меня разрешение, спросил он, на отъезд из Кермана? Нет, я никогда даже не слышал о таком документе, а мой паспорт, визы и другие бумаги не произвели на сержанта никакого впечатления. Потом, к счастью, я откопал на дне рюкзака тисненую бумагу, которая удостоверяла мое оплаченное членство в Королевском географическом обществе. Вообще-то, это была расписка в получении денег обществом, которая, с другой стороны, подтверждала мое участие. Однако расписка произвела удивительное действие. Сержант благоговейно взял бумагу и, держа вверх ногами, так что герб стал печатью, просмотрел ее с великим почтением. Потом он отсалютовал мне и выпалил беглым огнем несколько команд. Полицейскому А. было приказано носить мой рюкзак, а полицейский Б. был проинструктирован относительно того, что его жена должна приготовить мне завтрак.

Через какое-то время, благодаря усилиям моих синемундирных сообщников, я уютно устроился на сиденье другого грузовика, на сей раз направлявшегося дальше в предгорья. Мы упорно продвигались, часто

задним ходом, перемалывая поверхность вади, которые служат здесь дорогами для автомобилей. Потом водитель что-то не просчитал, и машина неожиданно, но не очень резко, величественно сползла вниз с крутого берега. Когда я выбрался из кабины в пыль среди потоков воды, масла и бензина, моей первой реакцией было проверить, все ли кости целы. К счастью, падение было сравнительно мягким, и ни водитель, ни грузовик, ни я не пострадали. Водитель стоически выполз обратно на дорогу, по которой мы ехали. Я покорно устроился в тени перевернутого грузовика и стал ждать появления крестьян, которые могли помочь поставить грузовик обратно на потрепанные шины.

Созерцая скучный средний план, я совершенно неожиданно увидел фигуру белуджа, едущего на верблюде по краю вади. Не знаю, кто был больше удивлен — белудж в своем мешковатом одеянии и неопрятном тюрбане или искалеченный англичанин, спокойно сидящий в пустыне. Как бы то ни было, нельзя было не воспользоваться благоприятной возможностью. Через минуту я взгромоздился на горб животного, с костылями, надежно засунутыми под подпругу, а белудж пошел впереди, ведя верблюда за повод.

Когда солнце уже заходило, мы увидели собравшихся в уединенном месте нескольких белуджей с приблизительно двадцатью верблюдами. После долгого торга на ломаном персидском, сопровождаемого жестами и проходившего в окружении надувающих пузыри и стонущих животных, я заплатил белуджам за переезд через перевал Дех Бакри. Я был так доволен тем, как счастливо нашел способ перебраться через перевал, что воздержался от вопросов относительно дела, которое понудило белуджей ехать этими уединенными тропами. На верблюдах были мешки, возможно полные зерна, но, памятуя о предупреждении Резы, я заключил, что

белуджи подрабатывали контрабандой и, вероятно, везли гашиш из Хорасана к кораблям в порту Бендер-Аббаса.

Ночью температура стремительно упала и, как писал Марко Поло, холод был такой, что, «сколько бы ни было у вас одежды и меха, едва ли это поможет», и в этих обстоятельствах мой спальный мешок был сущей находкой и произвел сенсацию среди белуджей. Когда на следующее утро солнце согрело нас, верблюды поднялись и наша маленькая банда отправилась в путь медленным, размеренным шагом погонщиков. Равномерное покачивание на горбе, со сломанной ногой, торчавшей с одной стороны, было чрезвычайно беспокойным занятием, в особенности когда верблюд вдруг опускался на колени. Кренясь, я чувствовал, что могу бесславно сползти на землю в любой момент, поэтому изо всех сил цеплялся, даже тогда, когда караван останавливался, чтобы дать верблюдам пощипать кустарники, пока их владельцы, усевшись рядом, ели грубые лепешки и сыр. Последний выдавливали из бесформенного мешка, сделанного из шкуры козленка, которую не вялили, и мешок отвратительно выглядел и пах, но сыр в ужасающей жаре оставался влажным и мягким.

Новизна путешествия на верблюдах скоро приелась. Белуджи не спешили, и покрытые струпьями животные продолжали размеренно идти горделивой поступью. Движение их шей очень напоминало движение змеи, поднимающейся с земли, и мало удовольствия смотреть весь день на эту шею и на неуклюжую заднюю часть предыдущего верблюда с крысиным хвостом. Не было никаких причин завидовать такому же путешествию Марко, продолжавшемуся три с половиной года.

Весь день мы поднимались по извилистому ущелью, которое привело нас к седловине перевала Дех Бакри. На середине перевала дорога спускалась вниз через

несколько ущелий в виде больших ступеней, связанных между собой узкими проходами со стенами из известняка. Дно ущелий было сухим и неровным и состояло из камней и обломков скал, оставленных стремительными потоками после ужасных гроз, приносящих в эти места влагу один раз в год. Это была угрюмая пустынная местность с чрезвычайно редкими селениями; единственными живыми душами были случайные группы кочевников, дрейфующие со своими верблюдами на север во время перехода на летние пастбища.

Вторую ночь наш маленький караван провел на дне одного из ущелий. Наш ужин составляли две курицы, которые провели день, обреченно махая крыльями и свисая с седла вниз головами. Когда наступили сумерки, кочевники сели в кружок, передавая один другому сигарету. В пламени костра, сложенного из валежника, на их ястребиных лицах перебегали тени, а за кругом света сливались во что-то темное и неопределенное горбатые силуэты отдыхающих верблюдов и колючий кустарник. К месту, где я лежал, неудобно положив на камень перед собой ногу, подошел Али, который представился начальником каравана.

— Цена за твой переезд была недостаточной, — сообщил он.

Я сразу же вспомнил эпизод в долине ассасинов, и у меня появилось неприятное предчувствие.

— Мы договорились, — был мой ответ.

— Но сейчас ты должен доплатить: я не включил в цену еду, а нам нужно купить еще кур, — без всякого выражения проговорил он.

— Сколько я должен доплатить? — спросил я.

— Триста туманов.

— Но у меня нет с собой таких денег.

— Триста туманов, — повторил Али, — или мы завтра оставим тебя одного.

Я понимал, что означает эта угроза. Со сломанной ногой и на расстоянии миль и миль от воды, я, по всей вероятности, умру от жажды прежде, нежели какой-нибудь странствующий кочевник набредет на наш бивуак. Мне следовало бы принять во внимание слова Поло относительно того, что «среди людей этих царств много жестоких и кровожадных... если купцы не вооружены надлежащим образом, и тоже не имеют луков, они убивают и ограбляют их безжалостно». Поразмыслив, я предложил Али нагнуться ко мне. Он сел на корточки рядом, и я, резко подтянувшись, схватил его за жилет и потянул к себе. Одновременно я выхватил тяжелый нож, засунутый в сапог, и приставил его ниже подбородка Али. В этом было много бравады, я мог двигаться только на одной ноге, а с другой стороны, противник превосходил меня численностью. Я, по правде говоря, имел весьма смутное представление о том, что буду делать дальше, после того как приставлю нож к шее, и мои руки тряслись от страха. Али, вероятно, полагал, что мои руки дрожат от гнева, и демонстрация силы произвела желаемый эффект. Отчасти от неожиданности, но более вероятно, в силу моей мнимой храбрости, он уступил. Последовали слова извинения, и он ушел.

Единственное, что оставалось делать, — ждать, пока положение вещей окончательно не прояснится. Если бы контрабандисты очень захотели, им до смешного легко было бы избавиться от меня. Я не спал всю ночь и был готов всякую минуту к обороне. Но не было нужды беспокоиться. Белуджи, несомненно, решили, что я сумасшедший, окончательно и бесповоротно, и оставили меня в покое. Когда мы отправились в путь, их обращение стало более любезным, что же касается Али, последний выказывал странную заботливость, принес мне мех, наполненный водой, и помог усесться в седло.

Однако я в любом случае решил оставить белуджей при первой же возможности.

Такая возможность представилась, когда мы пришли в первую после перевала деревню. К этому времени белуджи уже освоились с моим присутствием, и наши отношения были вполне дружескими. Прежде чем покинуть караван, я сказал, к их очевидному облегчению, что не сообщу никому об их присутствии, и с этим спустился в деревню, чтобы найти менее рискованное средство передвижения.

Чтобы доказать, что Марко Поло шел той же дорогой, которой я ехал с караваном белуджей, мне нужны были факты. Пока ожидал в деревне подходящего транспорта, я строил самые различные предположения относительно пути, который пролегает там, «где земля изобилует минеральными источниками, излечивающими болезни кожи. А хлеб так горек, что никто не может есть его, пока не приобретет привычки. Причина того, что здешний хлеб горек — в воде». Али говорил мне, что неподалеку в горах есть серные источники, в которых кочевники купают своих верблюдов, чтобы излечить болячки, но для того, чтобы быть вполне уверенным, нужны были доказательства несомненные. Когда я сел за неизбежный ужин из маета, то есть йогурта, и нана, то есть хлеба, первый же кусок, который я откусил, явил мне с несомненностью, что я следую по пути Марко Поло. Грубая лепешка была так остра, что ее было почти невозможно проглотить, не запивая чем-нибудь. Вяжущий эффект каждого куска связывал гортань, этот хлеб был горек, как хинин, и острый долгий привкус было трудно устранить водой. Неудивительно, что Поло помнил противный хлеб высокогорного плато, который «так горек, что никто не может есть его, пока не приобретет привычки». Даже это не изменилось за столетия, отделявшие путешествие Поло от моего. Много позже я говорил о

феномене горького хлеба с ученым, возглавлявшим исследования в области сельского хозяйства на юге Ирана. От специалиста я узнал, что причиной того, что хлеб горек, является не вода, как предполагал Марко, а пораженные болезнью зерна. И — во всем Иране всего один крошечный район, где найдена эта болезнь.

Через некоторое время в деревню горького хлеба заехал маленький грузовик, который направлялся с грузом арбузов на хромовые рудники. Последние находились ближе к побережью. Я попросил меня подвезти и отправился на грузовике через повторяющиеся полосы каменистых развалов; каждая из этих полос была больше предшествующей, со временем в них появилась растительность, и, по мере приближения к побережью, зелени становилось все больше. Местность сделалась заметно обильнее или, по словам Марко Поло, «изобиловала прекрасными деревьями и финиковыми пальмами и провизией». Перед колесами нашего грузовика взлетали стаи маленьких черных куропаток и исчезали в кустах на обочине. Однажды мы встретили представителя какого-то местного племени, шедшего по пыльной дороге и несшего клетку с заключенным в ней ястребом. Мне было очень приятно увидеть подтверждение словам Поло относительно ястребов, которые «летают так быстро, что в воздухе от них не может уйти ни одна птица».

В нескольких милях от хромовых рудников стоял самый дикий из всех караван-сараев, какие мне доводилось видеть, — грубое первобытное убежище из верблюжьей колючки, покрытое полусгнившими шкурами. Когда мы с водителем ожидали в этом «вигваме» обед, который нам готовила хозяйка, вполз хозяин, гордо держа в вытянутой корявой руке маленький сморщенный фрукт, очень похожий на дикое яблоко. Я принял дар только после нескольких горячих

жестов, объяснявших, что это деликатес. Ожидая самого худшего, я откусил кусочек. Фрукт, к моему удивлению, был чудный. У него был приятный вкус яблока и сливы, и немного персика. Я с жадностью истребил остатки фрукта и только потом понял, что наткнулся на решение загадки Поло о таинственных райских яблоках. Никто из ученых авторитетов, исследовавших путешествие Марко, не мог в точности сказать, что именно он подразумевал, говоря, что среди прочего по пути видел «райские яблоки». Некоторые ученые предполагали, что он говорил о бананах, кто-то рассуждал об ананасах. Но, насладившись «райским яблоком» сам, я сразу же понял, почему Поло дал этой разновидности нектарина, которую персы называют «шелали», название «райских яблок».

Через несколько миль показались хромовые рудники, управлявшиеся англичанином, который, чрезвычайно удивившись моему неожиданному прибытию через горы, принял меня в высшей степени гостеприимно. Он был так мил, что я с неохотой покинул его, чтобы покрыть оставшийся участок дороги до Бендер-Аббаса, этого современного эквивалента Ормуза. Я был счастлив, что мой путь в точности соответствовал пути венецианского каравана, и безоговорочно верил словам Марко, с удовольствием предвкушая следующие живые примеры его исторического описания.

Когда побережье залива приблизилось, температура стремительно повысилась. До горизонта расстилались знакомые белые солончаки, чье безмолвие нарушалось лишь тонкими песчаными вихрями. По склонам холмов на фоне зеленой травы и выступающих прожилок белых скал двигались рассыпавшимися пятнышками группки кочевников. Из-за жары местные караван-сарай строились как шалаши, плетеные из прутьев, стоящие на платформе из сучьев над маленьким потоком, чтобы прохладный ветерок мог проникать в шалаш со всех

сторон, ибо «летом они все умерли бы от жары... поэтому они строят плетеные беседки, частью стоящие на земле, частью — на куче древесины, наваленной над водой, и покрывают эти беседки зеленью, чтобы защититься от солнца».

Побережье замечательно тем, что здесь наблюдаешь то, чего нигде в Иране больше не увидишь. Работорговцы, купцы и колонисты, приплывавшие сюда, повлияли на состав населения и образ жизни. В некоторых деревушках темная кожа и почти негроидные черты крестьян выдают африканскую кровь, которая дала основание Марко Поло сказать, что «цвет кожи здесь у народа черный, и этот народ поклоняется Магомету». Арабское влияние представлено кое-где встречающимися бурнусами и арабскими гончими, а индийский образ жизни оставил свой след в деревнях, где под деревянными седлами, предназначенными для перевозки грузов и прикрепленными ремнями к горбам, брюху и задней части, спокойно стоят быки зебу. Об этих животных Марко писал: «Животные тоже различны. Позвольте мне сперва сказать вам о быках. Они огромны и белы, как снег. Их шерсть коротка и гладка по причине жары. Рога толстые и короткие, не заостренные. Между лопатками у них круглый горб в две ладони высотой. Это самые милые животные в мире. Если вы желаете положить на них груз, они ложатся, как верблюды; когда груз уложен, они встают и несут поклажу очень хорошо, ибо они бесконечно сильны».

На протяжении всей истории маленькая гавань на берегу Ормузского пролива влияла на прибрежную равнину. Отсюда в деревни в глубине страны лучами расходилась торговля, культура и управление. Порт — центр, сердцевина и ядро внутренних областей, где все дороги в конце концов ведут к пристани. Дорога с рудников, по которой я ехал, естественно, тоже вела к верфи, и с течением времени мы увидели миниатюрный

порт Бендер-Аббаса. Здесь, в виду тропического голубого моря, я слез с грузовика и заковылял исследовать наследника «прекрасного города, называемого Ормузом».

Глава 9. Ормуз — Герат

«Через два дня пути он (путешественник) достигает океана. Здесь на берегу стоит город, называемый Ормузом, в котором есть отличный порт. Купцы приплывают сюда на кораблях из Индии, привозя разнообразнейшие пряности, драгоценные камни, жемчуг, шелковые материи, золото, слоновый зуб и множество других товаров. В этом городе они продают их другим купцам, которые, в свою очередь, продают их покупателям по всему свету. Ормуз — большой центр торговли и столица королевства, ему подчинено много городов и городков. Король носит имя Румедана Ахмета. Климат жаркий и нездоровый. Если иноземный купец умирает здесь, все его имущество отходит королю... Местные жители не едят нашей пищи, ибо от белого хлеба и мяса они болеют. Они употребляют в пищу фрукты и соленую рыбу, именно тунца, и тоже лук; и эта еда совершенно удовлетворяет их... Они сеют в этой области свою пшеницу, ячмень и прочие злаки в ноябре и собирают весь урожай до конца марта. То же касается фруктов: к марту они поспевают и собираются. После вы вовсе не увидите растительности, кроме финиковых пальм, которые стоят до мая. Причина этому — великая жара, от которой растительность засыхает... Летом местные жители не остаются в городах, иначе они все умерли бы от жары».

Было нетрудно понять, почему в описании Ормуза доминирует ужасающая жара. В середине лета местные жители, которые обладают известными средствами, покупают место на кораблях и уплывают в Кувейт и Бахрейн, где, как они утверждают, в это время в сравнении с их климатом освежающая прохлада. Когда я ковылял по городу почти сразу после рассвета

августовским утром, было уже так жарко, что по моим деревянным костылям текли ручейки пота, оставляя в пыли темные пятна. Еще раньше этим утром вода в резервуаре на крыше автобусной станции была достаточно теплой, чтобы с удобством побриться.

В последние несколько десятков лет численность населения в Бендер-Аббасе неуклонно снижается, так как со времен Марко значение порта, к сожалению, упало. Тогда город был естественным перевалочным пунктом на Великом Шелковом пути. Караваны из внутренних областей были связаны с дау, плывшими по торговым маршрутам едва не на край света, в частности на Яву и Занзибар. Из описания Поло ясно, что Ормуз являлся жизненно важным звеном в торговой цепи, и через порт перевозили большую часть богатств известного мира. Почти все народы, занимающиеся торговлей, держали здесь своих агентов. С точки зрения торговли город конкурировал с Константинополем, на который Ормуз во многом походил.

Ормуз не всегда находился на одном месте. Сперва город строился на береговой полосе, недалеко от него высадились часть войск Александра Македонского за тысячу лет до Марко Поло. После — на скалистом острове, недалеко от побережья; перемена местоположения была вызвана, вероятно, все возраставшей дерзостью разбойников, приходивших с гор. Во все времена существования Ормуза его благосостояние было напрямую связано с политикой Персии, в особенности с политикой Керманского царства, для которого он составлял естественный рынок сбыта. В 1507 году Ормуз был взят Альфонсо Альбукерком и отошел к Португалии. С этого времени, казалось, город окончательно обосновался на острове. Но последовавшая затем торговая конкуренция с европейскими нациями и упорядочение движения судов в Индийском океане в муссонный сезон лишили Ормуз

выигрышной позиции и сделали его «довеском», ибо отныне суда плыли на Восток другим, более коротким путем, через мыс Доброй Надежды. С этого времени главным достоинством Ормуза оставалось то, что он был воротами, через которые в Персию поставлялись товары из обеих Индий, а в последние отправлялись персидские товары. Смертельный удар был нанесен в 1622 году экспедицией шаха Аббаса, которому помогала британская эскадра, посланная Ост-Индской компанией. Остров был взят, португальский гарнизон изгнан. Все укрепления и правительственные здания срыли, а порт перенесли обратно на материк, в деревню Гамбрун, последнюю переименовали в Бендер-Аббас. «Бендер» значит «порт». Великий век открытий пребывал в наивысшей точке, вся система мировой торговли радикально изменилась, и новый порт так и не оправился от переноса на другое место. Бендер-Аббас медленно погружался на дно и сегодня именно там и находится.

Сейчас «центр богатства, роскоши и великолепия в восточном мире», как его некогда называли в ранних исторических трудах, является сонным провинциальным городком, мечтающим о широких восстановительных работах, но в то же время полностью зависимым от единственной деревянной пристани, построенной для нужд британских экспедиционных войск. Тем не менее, несмотря на жару и застой, Бендер-Аббас обладает неподдельным и особенным очарованием. В домах торговцев продолжается жизнь, правда, эта жизнь едва течет; движение почти всего товара обеспечивается десятком кораблей — деревянными судами (курсируют вдоль побережья) и большими парходами; последние, правда, посещают порт очень редко.

В узких переулках вокруг пристани арабская атмосфера. Между судами и складами вереницами носят груз полуобнаженные и обливающиеся потом грузчики,

взваливающие мешки на спину с ритмическим и ясным «ек,дох,сех...о,Аллах!»^[10] С каждой стороны пирса по три-четыре корабля. Широкие и тяжелые, они сонно поднимаются и опускаются на глянцевой соленой и теплой воде, тихо скрипя огромными рулями в полуклюзах. На каждом судне короткая приземистая мачта и толстый гик, чтобы при случае воспользоваться свежим ветром, вообще же эти суда, пыхтящие вдоль побережья от гавани к гавани, зависят от старых, изношенных дизельных двигателей. Груз, самый разнообразный, помещается в единственный центральный трюм, а на юте возвышается квадратная надстройка. Здесь под навесом, выцветшим от солнца, висит провизия, которую употребляют в пути: темно-коричневые связки фиников, половины копченых туш и глиняные кувшины с водой. Эти суда напоминают крепких работяг и резко контрастируют с тонкими маленькими и оснащенными треугольным парусом дау, стройно скользящими по морю; корма и бока у них разукрашены синими и белыми завитками.

Как много местные суда, курсирующие вдоль побережья, заимствовали в отношении формы у судов европейских, трудно сказать. Во всяком случае, они не могут серьезно отличаться от кораблей, которые видел Марко; «их суда, — писал он, — очень дурны, и много их тонет, потому что части этих кораблей не скрепляются железными гвоздями, а скрепляются веревками из коры кокосовых орехов. Кору эту они бьют до тех пор, пока она не станет тонкой, как конский волос; потом делают из него канаты и прошивают корабли. Канаты не портятся от соленой воды и сохраняются замечательно долго. На судах одна мачта, одно весло, и нет палубы; когда их нагружают, груз покрывают шкурами, а на эти шкуры грузят лошадей, которых они возят в Индию для продажи. У местных жителей нет железа для гвоздей, поэтому здесь используют деревянные клинья и

прошивку канатами. Другая особенность этих кораблей та, что их не конопатят смолой, а мажут рыбьим жиром».

Сравнительно с европейскими достижениям в области мореплавания критика Марко относительно ормузского судоходства излишне строга. Суда в заливе, даже в его время, обладали отличными мореходными свойствами, были достаточно надежны, а дело перевозок было хорошо поставлено. Вне сомнения, арабы были такими же хорошими моряками, как и европейцы. Можно принять во внимание замечания Поло относительно методов строительства судов и относительно их деталей и частей; арабские доки никак нельзя сравнивать со знаменитым венецианским Арсеналом, где части дубового киля вымачивали в воде двенадцать лет, прежде чем поставить их на боевую галеру.

Методы постройки судов, которые видел Марко в Ормузском проливе, в сущности, не изменились. Действительно, мало что могло измениться, принимая во внимание то, что функции маленьких судов, курсирующих вдоль побережья в этих местах, и материалы, из которых они делаются, оставались на протяжении столетий теми же самыми. В двух или трех милях по побережью от Бендер-Аббаса есть маленькая колония строителей кораблей.

Здесь безмятежно живут шесть семейств, всецело посвятивших себя сооружению судов в манере, какую описал Поло. Из необработанного лесоматериала с помощью топора, огня, тесла и пилы они выделывают, с немалыми затратами сил, остов судна. Мужчины, сидя в ряд на корточках под узкой полосой парусины, тщательно обрабатывают длинное бревно, лежащее перед ними. Каждый работает на своем участке: выжигает, выдалбливает, обтесывает, сверлит и скоблит. Они трудятся удивительно слаженно, не мешая

друг другу. Веревки из коры кокосовых орехов больше не используются для прошивки, как не используется для пропитывания дерева рыбий жир. Корабль конопатят массой, полученной вследствие растирания волокна кокосовой пальмы. Железные гвозди все еще почти не применяются, части судна скрепляют деревянными нагелями. Фрагмент за фрагментом собирается корабль, и вот наконец строители выглядят рядом с длинным, возвышающимся над ними корпусом лилипутами. Семьи рабочих живут и работают под сенью ковчега на манер Ноя и его домочадцев. Их хлипкие домики рядом с судном кажутся ласточкиными гнездами. Когда корабль готов, его спускают вниз, на берег, к кромке воды на круглых бревнах. Скоро на берегу появится еще один остров, который станет основой существования рабочих на следующие два или три года.

После визита в колонию строителей кораблей я возвратился в торговый квартал Бендер-Аббаса, чтобы отыскать еще что-нибудь, связывающее современный порт со старым. Как и всякий, желающий больше узнать о городе, я был притянут к складу господина Билучи, служащему вместе конторой и универсальным магазином. Господин Билучи был головой здешнего купеческого общества. Старик в плетеной ермолке сидел на почетном месте за древним столом, украшенным пыльными потрепанными гроссбухами. В темных нишах и углах возвышались таинственные, набитые до отказа кули и свернутые в аккуратные трубы ткани. Воздух был предельно насыщен острым ароматом пряностей, хранившихся на складе, и запахом фруктов, которыми торговали в лавках на улице, он плыл через двери, всегда распахнутые. Повсюду сидели или лежали персы, кувейтцы, арабы и индусы, потягивая кей и куря сигарету за сигаретой. Рядом с несколькими избранными стоял кальян, и мундштук неторопливо передавался из рук в руки. Разговор шел о ценах на товары и на фрахт

корабля, о ставках обмена валют и о ценных бумагах, о займах, корице, сахаре, дереве, перце и горчице. Время от времени господин Билучи вставлял короткое замечание в один из своих гроссбухов, и какой-нибудь счастливчик устремлялся наружу, чтобы осуществить на практике сделку, которую он только что заключил; другой торговец всегда был готов занять его место. Каждый приводил с собой слуг или учеников, стоявших снаружи у стены и готовых бежать за гроссбухом, мухой или коробкой спичек. Это неспешное течение жизни позволяло торговцам обсуждать все что угодно, например достоинства отдельно взятого капитана или цену пяти мешков фисташек. В Бендер-Аббасе купцы вели дела в неторопливой манере пращуров.

Когда я появился в собрании, для меня нашелся стул, и господин Билучи ответил на мои вопросы, так как мое присутствие внесло приятное разнообразие.

Никто в этом собрании не слышал о Марко Поло, но все слушали с вежливым вниманием описание средневекового Ормуза. Меня, в частности, занимало то место в повествовании Поло, где он говорит о сжигающем ветре. «Это правда, — писал он, — что несколько раз в течение лета из пустынь, окружающих эту равнину, начинает дуть такой неодолимо горячий ветер, что он нес бы с собой смерть, если бы не случилось, что, как только люди узнают о нем, они погружаются по шею в воду, и так спасаются от жары. Чтобы показать, как бывает горяч этот ветер, мессер Марко приводит следующий рассказ о том, что случилось, когда он был в этих местах. Царь Кермана, не получив дани от повелителя Ормуза, послал войско из тысячи шестисот пеших воинов и пяти тысяч конных, чтобы войско внезапно напало на жителей города, когда они находятся за его стенами. Вечером войско расположилось лагерем в лесу недалеко от Ормуза.

Наутро, когда они собирались уже сниматься, подул горячий ветер, и все они задохнулись, так что не осталось никого, кто принес бы весть своему владыке. Жители Ормуза, услышав об этом, пошли похоронить тела, чтобы те не заражали воздух. Тела, однако, под действием ужасающей жары уже совершенно разложились, так что, когда они брали трупы за руки и за ноги, чтобы нести к могилам, вырытым неподалеку, руки и ноги отваливались, и ничего не оставалось, как вырыть могилы рядом и положить их туда».

Когда я закончил читать, собравшиеся с минуту посовещались, потом Билучи сказал, что он в первый раз слышит эту историю. Но, хотя собственно история нова, смертельный ветер известен очень хорошо. Человеку, живущему в Бендер-Аббасе, рано или поздно приходится испытать, что такое юло, или огонь, иногда называемый «дыханием Кабула». Это печально знаменитый палящий ветер, который дует из внутренних областей Ирана в известные дни мая, июня и июля. Когда юло начинает дуть из Белуджистана, продолжал господин Билучи, всякое живое существо стремится укрыться и переждать, пока ветер стихнет, и в эти дни не спасают и охлаждающие вышки.

Охлаждающие вышки, о которых упомянул господин Билучи, — любопытная черта прибрежной архитектуры. Каждая вышка похожа на большую полую дымовую трубу примерно восьми футов в объеме. Она выходит прямо в крышу во всех жилых комнатах, которые имеют какое-нибудь значение. Принцип действия этих вышек тот же, что и принцип действия обыкновенных дымовых труб, разве что здесь не нужен огонь. Воздух, которым уже дышали, следовательно лишенный кислорода, поднимается через трубу и уходит из комнаты, а в дверь, замещая его, входит воздух свежий и более прохладный. Это простое, но действенное средство

вентиляции, делающее пребывание дома в здешней жаре сносным.

Я продолжал расспрашивать господина Билучи и задал вопрос о прославленном ормузском финиковом вине («в этой стране делают вино из фиников, добавляя в него разные пряности, и оно славное, славное»). Вместо ответа господин Билучи послал принести бутылку этого вина и несколько стаканов. Пока мы ждали слугу, он объяснил мне разницу между пальмовым тодди, делаемым из сока свежесрубленной пальмы, и настоящим пальмовым вином, которое изготавливают посредством замачивания фиников, изюма и пряностей в воде и последующего брожения в течение месяца в жаркий сезон. Производство этого алкогольного напитка в настоящее время находится в исключительном ведении правительства, употребление его в больших количествах во время жары может быть опасно, хотя Марко настойчиво утверждает, что, «когда это вино пьют люди, не привыкшие к нему, оно действует как слабительное; но после оно идет на пользу, и даже полнит».

Когда дела господина Билучи были закончены, он пригласил меня провести ночь у него дома. Так как после захода солнца крыша — самое прохладное место, я удовлетворенно свернулся калачиком на свежем воздухе на древнем исфаганском ковре, которое, вне сомнения, стоило небольшое состояние. Утром меня разбудили слуги, взобравшиеся на крышу для утренних молитв. После расстелили ковер, который был больше и, очевидно, дороже. Принесли подушки, и появился господин Билучи, с ним был еще один гость, оба в элегантно ниспадавших мантиях, которые в заливе носят вместо скучных пижамных брюк и рубашек центрального Ирана. Мы втроем сели друг напротив друга, пока слуги неслышно бегали в дом и обратно, принося чашки с йогуртом и блюда с финиками и

благоухающим манго. В первый раз в Иране мой завтрак составляло такое восхитительное сочетание ингредиентов: хлеб с завернутыми в него мятными листьями, его надо было есть, макая в соус цвета горчицы, сделанный из мускатных орехов, гвоздики и разных пряностей и разведенный в лимонном соке. Когда мы закончили завтракать и слуги унесли небольшие чаши для ополаскивания пальцев, господин Билучи и его гость занялись кальяном, а рядом с моим локтем появилась пачка сигарет и великолепная перламутровая пепельница. Лениво развалившись на подушках и потягивая кей из торжественно поднесенного в серебряном подстаканнике чудесной работы стакана, я удовлетворенно слушал бульканье кальяна. Второй гость был капитаном в великолепной чалме: очень живописный, с проколотыми ушами, обладающий самыми разнообразными познаниями, в нем текла негритянская и арабская кровь, причем первой больше. Его дау уходила от пристани с вечерним бризом в Бомбей. Я был приглашен совершить путешествие. В этой сцене из «Арабских ночей» я на мгновение почти забыл о Марко Поло и едва не принял предложение.

Но вместо этого я пошел к автобусной станции, сопровождаемый одним из слуг господина Билучи. Благодаря влиянию последнего мне предоставили в автобусе, который каждый день уходит в Керман, самое почетное место, рядом с дверью. Автобус поехал по той самой дороге, которая была третьим возможным маршрутом Поло и по которой он шел из Ормуза в Керман или, напротив, из Кермана в Ормуз. Дорога змеилась по изменности у подошвы горного хребта через Саидабад. Но скоро мне стало ясно, что эту равнинную дорогу следует вычеркнуть, ибо то, что я видел, не соответствовало решительно ничему из описания Марко. Поездка до Кермана была ужасающе однообразной, мы продвигались через иссушенную

равнину, единственными объектами, вносящими оживление, были время от времени встречавшиеся покрытые булыжником земляные пирамиды и редкая цепь глиняных укреплений, построенных единственно для демонстрации влияния. Над ними развевался зелено-бело-красный иранский флаг.

В Кермане я предусмотрительно навестил больницу австрийской миссии, чтобы узнать о состоянии моей сломанной ноги, которая подвергалась гораздо большему количеству вредных воздействий, чем было прописано. Доктор, долго управляющий больницей, очень заинтересовался вопросами, связанными с пребыванием Поло в этих местах, и охотно сообщил мне некоторые сведения относительно «чудесных диких ослов», которыми, по словам Поло, изобилует местность между Йездом и Керманом. Эти дикие ослы (или онагры) чрезвычайно похожи на желтых зебр, у них такие же толстые шеи, и эти ослы все еще существуют, как существовали в то время, когда здесь в IV веке до Рождества Христова прошла армия Александра Македонского. Дикие ослы, несмотря на недостаток корма, каким-то образом ухитряются плодиться и множиться на краю пустыни, хотя сейчас их главные враги — партии охотников, вооруженных американскими автоматами; эти партии охотятся на них с мощных американских джипов, способных преодолевать низкую растительность. Принимая во внимание эту бойню, сомнительно, чтобы онагры просуществовали долго, ибо их чрезвычайно трудно содержать в неволе. Доктор рассказал мне о случае, когда дикий молодой осел был пойман и помещен на ночь в кораль, в котором находились несколько домашних мулов. Онагр убил мулов и на следующее утро сбежал, разломав стену.

Из Кермана я поехал на восток к Захедану, близ пакистанской границы, и здесь повернул на север, чтобы сделать длинный перегон до Мешхеда. Из Мешхеда я

ехал через границу. Марко срезал путь, пройдя по диагонали через Великую Соляную пустыню, но автобусные компании вынуждены ездить по ее восточной оконечности. Но даже и так дорога — одна из худших в Иране. Летом большую часть пути проезжают, когда начинается вечереть, из-за жары, и мы очень редко ехали в середине дня. Обычно, когда солнце приближалось к зениту, пассажиры отправлялись спать в гостиницу, чтобы переждать самое жаркое время дня. Однажды мне показалось, что наш автобус наконец застигнут пустыней. Солнце ползло к высшей точке, и скоро должно было начаться самое жаркое время дня. В центре равнины кругом не было ни одного дома, автобус остановился, как неподвижная точка на блестящем белом просторе. Кузов был так горяч, что до него невозможно было дотронуться, а в радиаторе угрожающе булькала вода. Шофер осторожно ступил на соляную корку, и мы последовали за ним в узкий колодец, вырытый в земле. Один за другим пассажиры пролезли в колодец и оказались в пещере. Здесь находились земляные скамьи и столы. Этот мрачный караван-сарай сравним с катакомбами. Через крошечную дырку в потолке опускался сплошной тонкий луч, казалось, он проходил через гигантскую лупу. Хозяин, одинокий пустынный, полуслепой от постоянного пребывания в подземелье, зарабатывал себе на жизнь продажей воды редким посетителям. Трудно вообразить более рискованное существование на границе между жизнью и смертью, уже погребенным, с миром, лишенным жизни, над головой.

Автобус, который к тому времени проехал тяжелейший отрезок пути, был самой большой и самой изношенной машиной, на какой я когда-нибудь ездил. Такой кузов давным-давно не выпускали, а двигатель закрывал только мешок, прикрученный проволокой. На крыше лежало не менее четырнадцати шин и множество

запасных частей, изготовленных вручную. Он казался решительно неспособным ехать по пустыне. Когда я вошел в него, мой взгляд упал на скромную табличку на перегородке, и я прочел объявление, вызвавшее во мне воспоминания о родине: «Кузов сделан компанией „Метрополитен-кеммел“, специализирующейся на выпуске кузовов и фургонов. Бирмингем, Англия».

Вопреки моим ожиданиям, автобус оказался живучее всех машин, какие мы встретили по пути. Мы проносились мимо джипов и легковых автомобилей. Наш шофер был гением водительского искусства и хладнокровия, бросал машину на изгибах дороги, покрытой гравием, как гоночный автомобиль. В ту минуту, когда я гордо указывал своим спутникам на достоинства английского производства, послышался глухой удар и долгий скрежет — у нас отвалилась задняя ось.

К счастью, это случилось далеко после полудня, поэтому все пассажиры выбрались наружу и легли на песок, чтобы соснуть, пока не появится транспорт, на котором можно ехать дальше. Следуя общему примеру, я присвоил все задние сиденья и быстро погрузился в сон. Проснувшись через несколько часов, я был весьма смущен, так как в автобусе и вокруг него никого не было. Все таинственно исчезли вместе с багажом. Я не знал, что случилось, и, что еще важнее, не знал, когда на пустынной дороге появится какая-нибудь машина, и мне не улыбалась перспектива нескольких бесконечных дней в море песка со скудным запасом воды, который имелся в радиаторе. Выбравшись из автобуса, я с надеждой стал вглядываться в даль. С первым лучом солнца на следующее утро я услышал долгожданный звук двигателя, и вдалеке запрыгал джип. Я энергично заковылял к дороге. Но появление жуткого долговязого Джона Сильвера, вероятно, чрезвычайно потрясло пассажиров джипа. С испугом на физиономиях они

пронесли мимо меня на полной скорости, будто бы увидели мираж. Отказ стал явным вызовом моей изобретательности, поэтому я забрался обратно в автобус и отвинтил полдюжины сидений. Сиденья я расположил поперек дороги в виде хилого контрольно-пропускного пункта и сел поджидать жертву. Как и следовало ожидать, второй за этот день джип (и, как я убедился позже, последний) на всем ходу сделал эффектный привал в хаосе материи. После этого я без всяких трудностей воссоединился со своими попутчиками и узнал, что они уехали на попутном и полупустом автобусе, не разбудили же меня потому, что сочли ненужным тревожить безумного инглези, когда он отдыхает.

Мои спутники и вправду вчера, во время инцидента, сомневались в моих умственных способностях. С наступлением темноты мы остановились в маленьком караван-сараяе, и для меня наконец пришло время снять гипс. Доктор прописал мне делать теплые соляные ванны. Призвав владельца караван-сарая, я попросил его согреть немного воды. Когда вода согрелась, я спросил «немека», или соли. Никто не двинулся, но на лицах у всех появилось удивление. Думая, что никто не понимает, для чего мне надо так много соли, я потребовал мой «немек» решительно и даже с некоторой суровостью. Мой ближайший сосед по автобусу нагнулся и поднял два камня с земли. Протянув их мне, он показал, что для того, чтобы удовлетворить мое страстное желание обладать «немеком», я должен потереть один камень о другой. И только тогда до меня дошло, что, сидя в чайхане, находящейся в пустыне, мы окружены несколькими миллионами тонн этого вещества.

Весьма примечательная черта на иранских дорогах близ границы — военные контрольно-пропускные пункты. Они устраиваются для того, чтобы уменьшить

контрабанду радио, сигарет, алкоголя, чая и предметов роскоши. Охрана контрольно-пропускных пунктов немногочисленна — скучающий лейтенант и группка солдат, опекающих маленькое и утыканное гвоздями бревно, лежащее поперек дороги. Главный недостаток этих пунктов — скука и трата времени. Сержант забирается в салон и предаётся бессистемным поискам. В это время все европейские путешественники должны расписаться, так сказать, в книге для проезжающих. Некоторые водители автобусов весьма настойчиво протестуют против потери времени, и тогда на контрольно-пропускном пункте начинается представление, которое ужасно забавляет всех, кроме потеющих солдат. Пока водитель решительно противится тому, чтобы хоть один солдат прикоснулся к его драгоценному автобусу, пассажиры высыпают наружу и окружают бранящимися кучками каждого пограничника. Почтальон, для которого в автобусах отведено специальное сиденье и который всегда находится среди пассажиров и ездит от деревни к деревне, тоже выпрыгивает из салона, махая своей холщовой сумкой с нашитыми на ней полосками цвета национального иранского флага, и вопит, что почта должна проезжать беспрепятственно. Иногда лейтенант повинует этой тираде, и солдаты убирают бревно. Автобус приходит в движение, а потом, в самый последний миг, из окна высовывается какой-нибудь чумазый сорванец и, выражая удовлетворение, кукарекает солдатам, которые, разумеется, приходят в ярость. Сержант злобно вопит и приказывает солдатам снова положить бревно под колеса. Все повторяется опять и опять, пока солдаты наконец не устают так, что отказываются носить бревно.

С такими развлечениями, рассеивавшими скуку поездки, иранский автобус привез меня в область, лежащую на северо-восток от Великой Соляной пустыни.

Это Тонокаин Марко Поло, здесь растет сказочное древо сол, которое «велико и очень толсто. Его листья с одной стороны зеленые, с другой белые. На нем растут плоды, похожие на плоды каштана, но внутри их ничего нет. Его древесина жесткая и желтая, как у буксового дерева. Здесь нет никаких деревьев в округности ста миль, кроме как в одном направлении, где в десяти милях есть деревья. Именно здесь, как говорят местные жители, была битва между Дарием и Александром».

Предполагают, кроме того, что под деревом сол Александр задал богам знаменитый вопрос — станет ли он царем мира и возвратится ли в Македонию целым и невредимым. Позднейшее предание, которое ближе ко времени Поло, говорит, что, когда «папа поведет христиан на борьбу с татарами и всеми идолопоклонниками и все они будут истреблены на этом месте», древо сол расцветет.

Сомнительно, чтобы до перехода границы с Афганистаном Марко Поло дошел до Мешхеда, но он описывает места, в которые пришел, оставив пустыню, как край, где «города и деревни наслаждаются самыми разнообразными лакомствами, ибо здесь климат восхитительно уравновешен, здесь ни слишком жарко, ни слишком холодно». Это описание совпадает с плодородной холмистой местностью, лежащей к югу от Мешхеда, веселым деревенским простором, который после ужасающей Деште-Лут выглядит подлинной землей обетованной. Она и называется садом Ирана, и от ее щедрых даров — нектаринов, персиков, яблок, слив и прочего ломаются лавки Мешхеда. В самой дрянной гостинице можно с удовольствием съесть великолепный кебаб, политый яичным желтком — неслыханная роскошь на далеком юге.

Мешхед — последний большой центр перед афганской границей, между тем через границу почти никто не ездит, кроме почтовых автобусов и, самое

большее два раза в неделю, цистерн с нефтью. Перед тем как уехать из Мешхеда, я посетил переулок на центральном базаре, где находятся лавки ювелиров, и обменял мои туманы на золотые соверены. Предприняв этот шаг, имеющий в виду крайне недобросовестные «официальные» ставки обмена валюты, я поспешил к автобусу, который ездил раз в неделю до Герата в Афганистане. К несчастью, я не успел на него и был вынужден поймать пыльную служебную машину, везущую какого-то офицера в гарнизон, расположенный на границе. Пока мы прыгали на ухабах, офицер осведомил меня о беззакониях контрабандного канала между Афганистаном и Ираном — о всадниках, которые отлично ездят на конях и пробираются через холмы, провозя в Иран гашиш для обмена на золото, ревниво накапливаемое афганцами. Приговор контрабандистам — смерть, и оказалось кстати, что спутник не обратил внимания на звон золотых монет в моем кармане. Когда мы достигли границы, мое знакомство с офицером сослужило службу при проходе через посты, и я с чувством облегчения сел на машину с нефтяной цистерной, направляющуюся к Герату.

Глава 10. Афганистан

Точный маршрут Марко Поло на севере Афганистана можно установить только в том случае, если будут найдены новые данные относительно его путешествия, с которыми можно было бы нарисовать более достоверную картину. Главное затруднение — чрезвычайная неопределенность отчета, который Поло дает о своих передвижениях на этом отрезке пути.

Причиной этому, возможно, то, что Марко был в это время слишком болен, чтобы описывать окружающий его мир, ибо один из вариантов «Описания мира» констатирует: «Мессер Марко болел в этих местах год». Но дыры в повествовании могут быть заполнены точными и обоснованными данными.

Несомненно, что всякий караван, поднимающийся из солончаков Деште-Лут, рано или поздно должен прийти к водам Герируд. Там, где эта река течет к западу от отрогов Гиндукуша, ее долина расширяется, образуя естественный коридор. Крупнейшим населенным пунктом этого коридора, протягивающегося с запада на восток, является Герат, расположенный там, где Герируд выходит из гор. Из Герата караванные пути на Восток идут вверх по течению Герируд до Кабула, на северо-восток — через перевалы Паропамиза к Балху и к Самарканду, на запад — в Иран и на север — к пустыне Каракум. Уже в IV веке до рождения Христа Александр Великий понял ключевое местоположение Герата и, прежде чем отправиться в бесславный поход в Дрангиану, основал здесь город Александрию Арианскую. Марко Поло должен был пройти в нескольких милях от Александрии, известной всему миру. Однако он ни разу не упоминает о ее существовании. Причиной этого странного умолчания

следует считать ужасающее опустошение, следствие нашествия Чингисидов. За сорок лет перед тем, как Поло проходил в этих местах, армия в восемьдесят тысяч человек под предводительством Чингисхана перешла Оке и обложила Герат. Город сопротивлялся шесть месяцев, но наконец озлобленная монгольская орда сделала пролом в стене и ворвалась внутрь, предавая все на своем пути огню и мечу. Когда все было кончено, из полутора миллионов жителей города остались в живых самое большее сорок человек. Армия Чингиса разлилась по Персии, а целая провинция лежала разграбленной и полумертвой. Поэтому здесь не могло быть ничего, что стоило бы занести в путевой дневник, когда семья Поло мирно путешествовала по караванному пути в долине, исключая горстку запуганных и жалких крестьян, старающихся вернуть те условия существования, какие были у них до прихода монгольского войска.

Путь, которым двигался Александр, все еще существует, и в самую знойную пору лета долина Герируд вьется, как лента изобилия. Дорога, покрытая гравием, которая идет из Ирана, змеится вокруг невысоких утесов, увенчанных маленькими деревушками. Низкие берега реки усеяны огромными стадами верблюдов, пасущихся по брюхо в высокой траве. Время от времени река сворачивает в сторону, и дорога мчится по равнине, похожей на степь, а рокот мотора заставляет взлетать стремительно махающих крыльями соловьев. В одном месте главная дорога пересекает реку по горбтому древнему мосту с несколькими забитыми всякой дрянью и высушенными солнцем арками, старыми, как мир. В этих местах Афганистана путника, путешествующего по древним дорогам, не может не посетить мысль, что здесь история как бы остановилась.

Но в самом Герате магия сельской местности исчезает. Современный город может похвастаться немногим. Он находится между днями былой славы и современным прогрессом. С одной стороны, видишь чудесные старые обнесенные стенами дворики, с другой — грохочут русские грузовики, обгоняя такси, запряженные конями, гривы коней украшены пластиковыми цветами. Даже яркие тюрбаны горцев с ястребиными хищными чертами сделаны из нейлона. Везде легко узнаешь русских специалистов, ибо это их сфера влияния, а иностранцы ходят в официальных костюмах, состоящих из панамы и хлопчатобумажной двойки. На базаре русские женщины, совершенно одинаково одетые в совершенно одинаковые платья и шарфы, повязанные на головах, торгуются с неумолимой непреклонностью, бегло говоря на афганском. Эти жены — источник большого огорчения местных лавочников, ибо трудно переспорить стокилограммовую жену инженера, которая имеет весьма четкое представление о своем еженедельном бюджете.

Всякий иностранец при въезде в Герат должен незамедлительно зарегистрироваться в главном полицейском управлении. Здесь полицейский чиновник в штатском листает ваши бумаги и говорит, что обыкновенное туристское разрешение действует две недели. На его столе стоят ровными высокими прямоугольниками блестящие, незапятнанные русские паспорта, их непорочное тиснение резко контрастирует с потускневшими голубыми обложками очень редких британских документов. Русские, впрочем, не обязаны являться в управление, чтобы доказать свою личность.

Полицейский, кажется, с трудом поверил тому, что я не имел никаких планов в Афганистане, кроме воссоединения с Майклом и Стэном с последующим следованием по пути давно умершего путешественника. К туристам относились в Афганистане

недоброжелательно, полицейский департамент был завален делами, и туристов считали дополнительной нагрузкой. Но хуже всего то, что мне незамедлительно запретили ехать в Кабул по северной автомагистрали. Это был сильный удар: северная дорога проходит ближе всего к пути Поло. С точки зрения официальных властей самым безопасным способом отношений с нежелательными гостями было сбывать их как можно скорее в столицу, для которой такие паразиты были своими. В целях пущей безопасности полицейский капитан приставил ко мне «переводчика», английский язык которого был так же дурен, как мой местный, и который был гораздо более озабочен тем, чтобы следить за мной, нежели моими языковыми проблемами.

Полицейский надзор за независимым путешественником — вещь совершенно естественная, и, конечно, полиция только исполняла свой долг. Тем не менее непрерывное внимание эскорта чрезвычайно раздражало. Прежде всего, невозможно избавиться от золота, которое я привез из Ирана. Еще неприятнее было представление, которое мой страж устроил с конными такси. Так как нога все еще беспокоила меня, я не мог ходить на большие расстояния, и всякий раз, когда я подзывал какую-нибудь из многочисленных двуколок, у моего локтя появлялась верная тень. Когда я садился в двуколку, мой сопровождающий вспрыгивал за мной, а когда я указывал извозчику, куда ехать, мои указания тотчас же перенаправлялись, и мы, грохоча по мостовой, отправлялись в более уместные районы, определенные профессиональным выбором моего стража. Маршрут нескольких наших коротких увеселительных прогулок всякий раз делал петлю и оканчивался, как бы случайно, у недостроенного корпуса гостиницы «Герат». И здесь всякий раз мой спутник вкрадчиво предлагал отдохнуть, указывая, что мне нужен долгий отдых.

После этой детской комедии, сыгранной три или четыре раза, я был сыт по горло нечестными правилами игры, а больше всего мне надоело платить за нежелательного попутчика. Последний круг оказался самым длинным и обошелся мне дорого, поэтому, когда мы опять приехали к гостинице, я воспользовался благоприятной возможностью и скользнул внутрь, оставив моего путника расплачиваться с алчным извозчиком. Пока он пытался сбить цену, я улизнул из гостиницы черным ходом и отправился наслаждаться более привлекательными и менее официальными сторонами Герата.

Сердцем города был базар, и в этом смысле Герат все еще оставался великим рынком. Вокруг базара были открытые стоянки для караванов, здесь между грудями поклажи надменно стояли верблюды, ожидая владельцев, сбивавших цену на товары, которые они потом повезут в горные деревушки. Центр базара составляла паутина узеньких переулков, в каждом из них продавали конкретную разновидность товара. Грохот, стоявший в переулке медников, и запах кебабов, жарившихся на тонких вертелах над жаровнями, наполненными углем, — все это было такое же, как и на центральных базарах Стамбула и Исфагана. Особая черта гератского базара, которая делает его именно афганским, — десятки и десятки торговцев каракулем. Двери их лавок сплошь завешаны связками наполовину высушенного руна молоденьких барашков. Внутри на полках рядами стояли афганские шапки из коротко стриженной кудрявой овечьей шерсти, окрашенные в серебристый, коричневый или черный цвет. На центральном прилавке тоже шапки, здесь они натянуты на деревянные формы, так как лучше всего смотрится шапка, когда она точно по размеру подходит владельцу.

В переулках, где продавали свой товар торговцы каракулем, находились и лавки торговцев шкурами.

Двери их лавок украшали шкуры горных леопардов, но предмет главного спроса — великолепные шкуры взрослых афганских овец. Роскошная шерсть этого руна свисала мягкими белыми шелковистыми прядями от трех до четырех дюймов длиной. Из этих кож делают рукавицы, коврики, жилетки, мягкие туфли с загнутыми носами и прочее.

Кроме того, из руна самого высокого качества жители высокогорья, где температура никогда не поднимается выше нуля, шьют великолепные зимние куртки. Толстый слой шерсти защищает в самую ужасную погоду. Рукава закрывают руки до кончиков пальцев, а подол опускается до колен. В более изысканных вариантах кожа окрашивается в яркие цвета и после украшается серебряными галунами и вышивкой.

Бродя по извилистым переулкам базара, я очень скоро почувствовал, что что-то не так. Этот базар чем-то отличался от базаров Турции и Ирана, и я некоторое время не мог понять, чем именно. Потом я внезапно осознал, что не был центром внимания. На этот раз толпа не останавливалась, чтобы поглазеть с праздным любопытством на странного чужеземца. Афганцы не проявляли заметного интереса, не толкали меня и не хлопали одобрительно по плечу. На гератском рынке встречные бросали на меня один-единственный взгляд и после с достоинством проходили мимо. После месяцев утомительного внимания, которое выказывали мне толпы местных жителей, это казалось отчасти необыкновенным.

Было странно сидеть в местной чайхане, в которой воздух сильно пах гашишем, и видеть кругом безразличных людей. В гостинице, в которой находилась чайхана, присутствие путешественника иностранца прошло незамеченным, и жизнь шла своим чередом. Еще оставалось время для приготовления ужина для

постояльцев, и повар резал овцу — из породы тех знаменитых курдючных афганских овец, о которых Марко писал, что они «велики, как ослы, и у них курдюки такие толстые и пухлые, что весят, верно, добрых тридцать фунтов. Это прекрасные, чрезвычайно откормленные животные, и их мясо очень вкусно». Курдюки, свисавшие с зада овец, казались, разумеется, странными европейскому глазу и напоминали средневековые басни об овцах, курдюки которых так жирны и тяжелы, что, прежде чем погнать овец на пастбище, к ним привязывали сзади специальные тележки.

Техника превращения вопящей и испуганной овцы в жирный ужин доведена до совершенства. Нож вонзается в шейную артерию, незамедлительно отправляя животное на тот свет. После, совершенно не обращая внимания на мое присутствие, повар сделал над копытом животного маленький надрез и начал дуть в него. Постепенно тело начало надуваться, как баллон, а затем в рану над копытом стал дуть помощник повара. Когда решили, что дуть довольно, повар вонзил в брюхо овцы нож и выпустил внутренности одним движением. Вслед за этим сняли шкуру — как перчатку, свободно держащуюся на руке, так как воздух отделил кожу от плоти. Большая часть внутренностей осторожно вынули и положили рядом для дальнейшего использования, а тело было мгновенно изрублено на куски, которые опустили в котел. Весь процесс занял не более десяти минут.

К несчастью, власти не были расположены к тому, чтобы позволить мне наслаждаться свободными прогулками по Герату, и, когда я в конце концов возвратился в свою гостиницу, меня уведомили, что я должен улететь ближайшим самолетом в Кабул. У меня оставалось время, чтобы послать телеграмму в британское посольство в Кабуле, для передачи Стэну и

Майклу, чтобы уведомить их о моем стремительном прибытии, хотя я не имел ни малейшего представления, в какой точке Евразии они сейчас находятся. К счастью, хотя дороги в Афганистане дурны, а железных дорог вовсе нет, телефонный сервис здесь прекрасный. Телефонный провод соединяет все города, он тут своего рода жизненный нерв. Сперва меня поминутно удивляла хорошая осведомленность местной полиции относительно туристов, но позже я узнал, что почти во всех случаях главные сведения получают из прослушивания телефонных разговоров.

На почте я столкнулся с тремя американскими инспекторами, работающими в рамках программы иностранной помощи Афганистану, которые приехали с севера в русскую зону, чтобы получить жалование и почту. После обычных приветствий я был ошеломлен, узнав о том, что тремя днями ранее и пятьюстами милями южнее эти самые американцы встретили двух других англичан, одетых в мотоциклетные куртки и сапоги. Я не сомневался, что они видели Стэна и Майкла и, благодаря этому подарку судьбы, узнал точное местоположение моих коллег — в первый раз с тех пор, как они оставили меня в Тегеране.

Но таинственная восточная система передачи слухов, о которой я не знал, работала и в обратном направлении, обеспечивая Стэна и Майкла устойчивым потоком сведений о моих передвижениях. В Кермане и везде где бы то ни было местные крестьяне с благоговейным страхом сообщали им, что видели безумного одинокого инглези, уезжающего в горы на верблюде; некоторые говорили, что инглези ехал на осле. Инглези был хром, говорили крестьяне, а за спиной висели костыли. Они были удивительны, эти слухи, обросшие небывалыми подробностями от постоянного повторения, и я тоже вспомнил одну встречу со смятенным искателем нефтяных месторождений. Никто

не верил его рассказу о том, что однажды, когда он ехал на своем джипе по пустыне, на вершину песчаной дюны внезапно вылетели две сверхъестественные фигуры, сидящие на избитом мотоцикле, с ревом пронеслись мимо него на убийственной скорости и исчезли так же таинственно, как и появились. У меня не хватило духа разрушить красивую историю прозаическим объяснением.

В некоторых случаях на Востоке слухи, кажется, летят быстрее самолетов и оказываются вернее, чем расписание их движения. Три дня я ожидал в тени джипа рядом с гератской взлетно-посадочной полосой, пока водитель с надеждой крутил колесики радиосистемы «земля-воздух», или, что было более умно, прислушивался к звуку приближающихся самолетных двигателей. Даже мой верный полицейский сторожевой пес начал выказывать признаки раздражения и скуки, в то время как я, со своей стороны, по преимуществу предавался новоприобретенному хобби контролируемого сна.

Едва ли есть более необходимая особенность психики из тех, что требуются путешественнику, направляющемуся на Восток, чем способность по своей воле засыпать и просыпаться. Однажды приобретенная, эта способность становится бездонным источником развлечения и отдыха. Это искусство приходит совершенно неожиданно после долгого и трудного обучения томительной скукой. Между тем как европеец сожалеет об одном потерянном часе, перс или афганец может спокойно перенести скучный и лишенный каких бы то ни было выдающихся событий год. Иногда западный гость не имеет средств ускорить медленное восточное течение времени. Если самолет опаздывает на неделю, или машина сломалась в горах на расстоянии многих миль от ближайшего жилья, нет ничего более укрепляющего, чем повернуться и пойти спать, ожидая,

пока положение дел не переменится. Хотя подобное отношение граничит с фатализмом, это форма фатализма, имеющая рациональное зерно. Когда не нужны ни подушки, ни тюфяки, скала или узел с вещами служат удобной подушкой, а потрепанный ковер — большая роскошь, чем мягкое и пышное ложе. С течением времени соня постепенно возвращается к первобытному состоянию. Он приучается засыпать мгновенно и просыпаться с ясной головой после десяти минут или после двадцати часов сна, как животное. В лучшем случае этот метод контролируемого сна становится волшебным фонарем, превращающим скучнейшее окружение в приятное убежище для отдыха.

Афганистан может подвергнуть испытанию искусство контролируемого сна в гораздо большей степени, нежели другие восточные страны. Сама страна спит уже очень давно и не хочет просыпаться. Остатки старого образа жизни сохраняются, и никакой уроженец Запада не может на законном основании требовать, чтобы расписание соответствовало действительности. Напряженный темп жизни — в Кабуле, в столице, но в провинциях жизнь более ленива и размеренна. Никто не ожидает самолета, который прилетает один раз в неделю, пока в небе не послышится жужжание двигателей. Самолет остается в Герате только четверть часа, а что такое пятнадцать минут в сравнении со всей историей Герата?

В конце концов долгожданный самолет прибыл, и я взошел на борт вместе с группкой афганских старейшин с торжественными физиономиями, одетых в мешковатую одежду, и уселся в ободранное сиденье потрепанной «Дакоты», принадлежавшей государственной компании «Ариана». С коротенькой остановкой в Кандагаре для дозаправки мы пролетели над внутренними районами страны, над желтыми извивами известняковых гор, уныло отодвигавшихся назад под крыльями самолета.

Время от времени «Дакота» попадала в турбулентные потоки, поднимавшиеся от горячей пустыни, и самолет эффектно болтало, качало и швыряло. В такие минуты некоторые из моих важных спутников величаво снимали тюрбаны и, нимало не теряя достоинства, изливали в них содержимое своих желудков.

Наконец наш самолет опустился, и мы, виляя из стороны в сторону, помчались по сомнительной взлетно-посадочной полосе между склонами гор, окружающих Кабул. С унылого летного поля я поехал в город на чудесном немецком автобусе, и в турецком посольстве нашел Стэна и Майкла, раскинувших палатку позади здания канцелярии. Мы отпраздновали наше воссоединение в чайхане близ базара, а после, обменявшись сведениями относительно странствий, критически оценили положение группы.

В настоящее время у нас в Кабуле была база, так как турецкий посол в Афганистане, с которым мы познакомились в Стамбуле, пригласил остановиться у него. Вероятно, он, как дипломат, не ожидал ни того, что мы поймем его на слове, ни того, что наша сумасбродная авантюра увенчается хотя бы частичным успехом и мы достигнем Кабула. К несчастью для посла, мы прибыли как раз вовремя, чтобы воспользоваться его гостеприимством.

Нашей главной целью было посетить заповедный коридор Вахан, который составляет узкий северо-восточный отросток Афганистана, вытягивающийся тонким, длинным языком между Россией, Китаем и Пакистаном. К несчастью, перед нами стояла почти неразрешимая проблема получения разрешения посетить этот коридор, въезд в который для иностранцев был строго запрещен. Наши хлипкие шансы на получение разрешения еще больше уменьшались вследствие напряжения в отношениях между Пакистаном и Афганистаном, возникшего к этому

времени, напряжения, причиной которого были трения относительно границы, пролежавшей по землям патанских племен. Другим вопросом, который стоял перед нами, было то, что мы до сих пор не имели ни малейшего представления, как проект «Путь Марко Поло» собирается возвращаться в Англию. Учебный год начинался через три недели, а у нас на троих было сорок фунтов стерлингов и один измученный мотоцикл.

Эта несчастная машина пребывала в состоянии, близком к гибели. Фары были давно разбиты; передний тормоз работал едва-едва, задний не работал вовсе; рычаг управления коробкой передач отломился; оба колеса, как и руль, разбалансировались, а амортизаторы почти стерлись. Гордость «Би-си-эй» превратилась в грязную путаницу пыли, вмятин и разнообразных веревок из растительного волокна, удерживающих эту массу, чтобы она не развалилась на куски. Для переключения скоростей проворный водитель должен был наклоняться вперед и шарить возле своей правой ноги, имея в виду отыскать огрызок рычага переключения скоростей, а через трещины в рычагах управления на любой скорости брызгало масло. Единственное утешение доставляла мысль, что на машину в столь прискорбном состоянии едва ли кто-нибудь позарится, поскольку Стэн был единственным человеком на Земле, который обладал силой, опытом и безрассудной храбростью, необходимыми для приведения данного обломка в движение.

Критически оценив наше положение, мы решили, что Майкл и Стэн должны ехать на мотоцикле и посетить озера Банд-и-Эмира и Великих Будд в Бамьяне, примерно в девяносто милях западнее Кабула. Между тем моя нога должна была укрепиться, чтобы я мог дальше ехать на мотоцикле. Пока Стэн и Майкл ездили к Буддам и озерам, я должен был постараться выхлопотать у афганских властей разрешение на

посещение коридора Вахан и телеграфировать своему брату в Англию, чтобы узнать, сумеет ли он устроить наше возвращение до начала университетских занятий.

Относительно первой задачи было ясно: что бы мы ни предпринимали, мы не получим разрешения. Спор о границах между Афганистаном и Пакистаном слишком далеко зашел. Однако, даже приняв это во внимание, я провел несколько дней ожидания в правительственных учреждениях. Разрешение на посещение Вахана могли дать только король или первый министр, но с обоими было невозможно встретиться по причине политического кризиса. Моим единственным утешением было то, что американский посол, только что возвратившийся с охоты в Вахане, сумел описать сказочного *ovis poli*, великолепную рогатую овцу Верхнего Памира. Эту изумительную разновидность овец после того, как Поло описал их первым из европейцев в путевом дневнике, никто не видел шесть столетий, потом они были опять обнаружены в отдаленнейших горных цитаделях, и эту разновидность овец назвали в честь прославленного венецианца. Сегодня внушающий страх поток рогов, которыми бараны дерутся в весенних битвах и обороняются от медведей и волков, является главным охотничьим трофеем, но наилучшим описанием остается до сих пор описание Марко. «Здесь огромное число овец колоссальных размеров. Рога у них вырастают в длину на шесть ладоней, и никогда не бывают меньше трех или четырех. Из этих рогов пастухи делают большие миски, из которых они едят, и изгороди, где содержится стадо. Здесь тоже неисчислимо много волков, которые часто пожирают диких баранов. Рога и кости их находят в таком количестве, что местные жители наваливают их груды вдоль дорог, чтобы зимой, когда выпадет снег, они служили вехами для путешественников».

Мысль относительно того, что мы, после того как зашли так далеко по следам Поло, не увидим этих удивительных созданий, была очень тяжела. Я, однако, не оставлял надежды, что афганские власти все-таки дадут нам разрешение въехать в запрещенный коридор, где «не видать ни одной' птицы по причине высоты и холода. А по причине страшного холода огонь здесь не так ярок, и пища, приготовленная на нем, не так хороша».

Между тем Стэн и Майкл по крайней мере увидели часть «богатой провинции Бадахшан», в которой, как далее писал Марко, лошади происходят от Буцефала Александра Великого и стоят три горы, одна рубиновая, другая сапфировая, а третья лазуритовая. Горы эти принадлежали царю, и «никто не мог пользоваться ими, дерзкого же ожидала незамедлительная смерть, а сверх того, запрещено было вывозить драгоценные камни, найденные в пределах этих гор и добытые в них, за пределы царства, и виновных казнили и отбирали все, чем они владели».

По пути в Бамьян через южную часть Бадахшана Стэн и Майкл ехали к северу к Чарикару, а после, свернув с шоссейной дороги, поехали по направлению к долине Чардах. Это одно из прекраснейших мест Афганистана. Величественные горы, обрамляющие ее, носят магическое имя Гиндукуш. В долине течет река. Марко писал об этих местах: «Здесь горы очень велики, чтобы вскарабкаться от подошвы до вершины, человеку надо целый день, от рассвета до сумерек. На вершинах широкие плато, изобилующие роскошной травой, деревьями и источниками с чистой водой, которая льется по склонам в долину в виде небольших рек. В этих потоках водится форель и прочая редкая рыба. На горных вершинах воздух так чист и здоров, что, если человек, живущий в городах или в домах, построенных в окрестных долинах, заболит лихорадкой, малярией или

чахоткой, ему нужно только поехать в горы, и несколько дней отдыха прогонят болезнь и восстановят его здоровье».

Когда Стэн и Майкл углубились в долину Чардах, перед ними стал открываться настоящий Афганистан: тихие маленькие деревни, лежащие близ небольших лугов, и рассеянные стада овец на каменистых склонах. На сенокосных лугах крестьяне убирают траву вручную, подвигаясь на корточках рядами и срезая траву серпами. Сзади идут женщины, увязывая траву в тонкие снопики и складывая те в стога, которые оставляют на поле, чтобы ветер и солнце высушили траву. Трава становится сеном, которое перевозят домой большими копнами на крошечных ишаках, и, когда смотришь на это, кажется, что стога сами двигаются в деревенские амбары.

Это страна племен кочи, коренных афганских кочевников, которые бродят по этим местам небольшими группами, каждая из групп принадлежит к одному племени. Они перегоняют скот от пастбища к пастбищу. Группы кочи странствуют по своему усмотрению, подчиняясь только обычаям естественного права и установлениям племени. Они часто переходят границу с Пакистаном и проводят зиму на склонах тамошних гор, в это время года там теплее. Каждый член племени возит с собой снаряжение, состоящее из изогнутого кинжала, патронташа, который они носят, перекрещивая на спине и на груди, и винтовки, к которой относятся с чрезвычайным вниманием и которая всегда свисает с одного плеча. Кредо этих племен — независимость, и, по словам Марко Поло, «они — исключительно воинственные люди», а их жены «для одной пары штанов, или шаровар, с бесчисленным числом складок, используют сотни локтей хлопчатой материи. Это делается для того, чтобы создать

впечатление, что они полны, ибо их мужчины тяготеют к полным женщинам».

Продвигаясь по дороге, покрытой гравием, которая ведет через долину Чардах, Стэн и Майкл все время встречали группы воинственных кочевников, идущие вдоль обрывистых берегов со стадами верблюдов. Впереди и на определенном расстоянии вдоль колонны, расстоянии, обусловленном тактическими соображениями, шествовали воины. Женщины вели нагруженных верблюдов, а все дети шли пешком, даже самые крошечные. Этот караван можно было смело поместить в «Описание вселенной» или на картинку средневековой рукописи, повествующей о всяких восточных небылицах.

Майкл, разумеется, не мог удержаться, чтобы не снять красочную процессию, и в один прекрасный момент, когда они проехали мимо такого каравана, он попросил Стэна остановиться. Вскрабкавшись на гору и отыскав самое лучшее место для съемок, он крикнул Стэну, чтобы тот ехал обратно и, обогнув утес, эффектно проехал между верблюдами. Стэн исполнил его приказание с большим размахом, так что испуганные верблюды разбежались по холмам, таща на уздечках своих владельцев. Но Майкл был недоволен. Он крикнул Стэну, что тот появился слишком рано. Стэн опять уехал за утес, но кочевники уже знали, чего им ожидать. Когда он показался из-за поворота, его приветствовали градом камней и палок. Сопровождаемый этими снарядами, свистевшими вокруг его избитого шлема, Стэн быстро пронесся сквозь ряды врагов. Кажется, чего еще требовать, но Майкл был взбешен. Его обязанностью было снять хороший фильм о путешествии, и он очень дурно думал о тех, кто мешал ему это делать.

Сбежав на дорогу, где Стэн ждал на мотоцикле, нервно газуя, готовый немедленно уезжать, Майкл пренебрег идеей отступления. Проществовав мимо

Стэна, который не сомневался, что незамедлительное отступление — наилучший выход, Майкл засунул камеру под мышку и, широко шагая, пошел к передовому отряду тяжело вооруженных кочевников, которые выглядели, как рой разозленных пчел. Одинокая фигура Майкла двигалась им навстречу, четко печатая шаг. Невероятно, но, когда Майкл приблизился, авангард замялся. Предусмотрительно положив руки на кинжалы, кочевники сомкнулись вокруг одинокого европейца. Совершенно не замечая опасности, Майкл выбрал главаря группы и схватил его за патронташ. Потом, сунув камеру под крючковатый нос ошеломленной жертвы, он произнес горячую речь о невозможности вмешательства в работу оператора, исполняющего свои обязанности. Кочевники удивленно шептались, слушая эту невразумительную инвективу, впрочем сопровождаемую гримасами, которые были достаточно убедительными, чтобы главная мысль стала ясна даже самому непросвещенному уму. Резкими выразительными жестами Майкл объяснил, что может снимать, где хочет, что хочет и когда хочет. Потом, к изумлению Стэна, Майкл приказал мотоциклисту проехать через караван опять и начал расставлять ошеломленных кочевников так, чтобы снять сцену наилучшим образом.

После этого эпизода с кочевниками Майкл и Стэн достигли селения Бамьян. Здесь, вырезанные в отвесной скале из красного известняка с одной стороны долины, высятся две огромные статуи Будды. Двух колоссов разделяют огромные ниши в скале, самая большая статуя высотой сто семьдесят четыре фута. Любопытный посетитель может вскарабкаться по длинной цепочке ступенек, выбитых в камне, и окажется на макушке самого высокого Будды. На своде арки над нишей — осыпающиеся фрески. Впереди и со всех сторон перед незрячими глазами гигантских фигур расстилается панорама, ничуть не изменившаяся с VI века по

рождеству Христову, когда колония благочестивых отшельников-буддистов работала здесь, воспроизводя доминирующую тему своего существования.

Этой ночью путешественники наконец достигли последней цели своей поездки — радужных озер Банд-и-Эмира. Эти несколько озер принадлежат к числу самых высокогорных озер мира. Когда смотришь на них сверху, кажется, что это длинный узор на крыльях колоссальной тропической бабочки, запутавшейся на земле. Воздух здесь чист и прозрачен. Скалы, окружающие озера, то подступают вплотную, то отдаляются от берега, и в чистой холодной воде отражаются их странные и прекрасные очертания. С одного конца цепи втекает тонкий ручеек, питающий все озера. На другом конце этаже струйка появляется опять, тихо переливаясь через естественную плотину, которую образует скала. Там, где вода стекает по скале, последняя покрыта сплошным слоем минеральных отложений — красных, черных и белых. В пьянящем воздухе высокогорного плато с покрытыми снегом пиками, романтически белеющими вдалеке, прозрачная чистота озер Банд-и-Эмира с их многоцветным сиянием заключает в себе непорочное святилище красоты.

Наслаждаясь этим чарующим пейзажем, Стэн и Майкл вышли из графика. С восходом солнца на следующий день они отправились обратно в Кабул. Ударным броском в тот день они покрыли большую часть обратного пути и прибыли рано утром.

Тем временем я энергично действовал в Кабуле, подготавливая следующие шаги проекта «Путь Марко Поло». Мы приняли, что в настоящее время путешествие по следу Марко Поло приостановлено. Наше стремление проникнуть в ваханский коридор и в Китай невозможно было удовлетворить до тех пор, пока соответствующие власти не найдут возможным выдать нам разрешения. Сейчас наш путь из Кабула лежал через перевал Хибер в

Пакистан и на индийский субконтинент. После отъезда из Кабула путешествие становилась не более чем туристской поездкой, ибо мы оставляли путь Поло позади. Главнейшей проблемой было то, что даже получение разрешения ехать через Хибер было сопряжено с большими трудностями. Пуштунский кризис постепенно вел к обострению дипломатических отношений между Афганистаном и Пакистаном, и в одно прекрасное утро все Пакистанское посольство было эвакуировано из Кабула с помощью целого парка грузовиков. В эти дни, пока Стэн и Майкл были в Бамьяне и у Великих Будд, я сновал между посольствами, дешевыми гостиницами и полицейским управлением, стараясь не упустить ни детали дипломатических событий и наблюдая за движением наших виз.

Эти короткие путешествия оказались разорительно дорогими, так как нога все еще беспокоила меня и я должен был нанимать конное такси. Очень скоро я был вынужден нанести визит базарным ростовщикам, чтобы обменять золото, привезенное из Ирана, на афгани. Когда я торговался относительно цены на мое золото, явился, имея в виду узнать условия ссуды, какой-то удрученный полицейский. Ростовщик объявил фантастический процент, и полицейский сделался еще более удрученным. Ухватившись за этот дар, посланный мне небом, я указал на казенный велосипед полицейского, стоявший у стены лавки, и предложил ссудить ему деньги без процента. В обмен он мог одолжить мне велосипед на неделю. Через минуту я весело крутил педали моего нового боевого коня, а его владелец удовлетворенно пересчитывал неожиданно доставшееся богатство. С этого времени, встречая владельца велосипеда, исполняющего свой долг на перекрестке, я останавливался, он экзаменовал

состояние собственности, и я ехал дальше, а в это время позади меня ругались и сигналили.

Когда Стэн и Майкл возвратились в Кабул, я мог сообщить им, что наше путешествие обратно в Англию устроено. Усилия моего брата и великодушные компании «Пи энд Оу» увенчались тремя билетами на одном из пароходов компании, который возвращался в Англию. У нас было больше трех недель до отправления парохода. Последний отходил из Бомбея.

Мы провели несколько беззаботных дней во время празднования Дня независимости в Кабуле. Это один из тех случаев, когда можно увидеть бок о бок древние и современные традиции здешней жизни. Дикие кочевники из малонаселенных областей, которые являются в город, чтобы принять участие в празднествах, исполняют на главной сценической площадке, где по вечерам можно увидеть все население города, традиционные песни и танцы. В национальных широких рубахах, рейтузах, тюрбанах и вышитых жилетах они приседают и кружатся под неистовый грохот традиционных барабанов. Барабаны бьют сильнее и чаще, перерастая в безумное крещендо, на площадке наконец остается один танцор, самый лучший, который может поддерживать этот безумный ритм, но в конце концов и он падает в изнеможении.

Рядом можно наблюдать новый Афганистан. С одной стороны ярмарочной площади тянулись павильоны, устроенные правительством и странами, оказывающими помощь Афганистану. Великобритания не была представлена в Кабуле, и борьбу за сердца посетителей вели СССР и США. Весы явно клонились в пользу СССР. В своем павильоне советские организаторы умело соединили все, что могло представлять интерес для афганца. Здесь были сельскохозяйственные машины и оборудование вперемешку с великолепными коврами, вытканными в Советском Союзе, и, для увеселения

толпы, исполнители народных песен из центрально-азиатских республик. Все это и многое другое, представленное в советском павильоне, рядовому афганцу было понятно, близко и интересно. Наконец, на колоссальном фасаде павильона было изображение гигантской ракеты, летящей к звездам мимо улыбающихся лиц Хрущева и Гагарина, и это изображение производило большой эффект.

Этот праздник с его запахами, толпами и оживлением был последним нашим впечатлением от Афганистана, и, когда он закончился, мы покинули Кабул и поехали к перевалу Хибер. Мы погрузили на нашего железного инвалида три свитера, одну зубную щетку, камеру и оборудование для камеры — все уцелевшее имущество. Стэн сел на бензобак и должен был управлять мотоциклом. Майкл поместился на пассажирском сиденье, а я взобрался на багажник над задним колесом. Задние амортизаторы прогнулись, и я положил под себя запасную камеру, чтобы сидеть было мягче. Стэн крутанул ручку газа, выжал сцепление, и, вильнув раз или два передним колесом, проект «Путь Марко Поло» выехал из Кабула, втроем на одном мотоцикле.

Наш путь лежал мимо живописных глиняных фортов, которые охраняют западные подступы к Хиберу, и к тому времени, когда очутились в Пешаваре, мы приноровились к новому, эксцентрическому способу передвижения. Мы лихо начали наше путешествие в Оксфорде и решили завершить его не хуже. По общему мнению, ездить втроем на одном потрепанном мотоцикле не рекомендуется, даже если путешествие предстоит короткое. Тем не менее мы вынесли путь от Кабула до Калькутты, промчавшись по главной магистральной дороге через Равалпинди, Дели и Бенарес. Мы счастливо глазели на Тадж Махал и на Золотой храм Амритсара. В Пешаваре бригадир

полицейских на границе устроил для нас великолепное представление племенных танцев, и, вообще, мы везде наслаждались новой ролью туристов.

По пути Стэн лавировал между буйволами, такси, джипами, грузовиками, велосипедистами и пешеходами. Когда оглядывались на дорогу, мы видели три черных фигуры и три пары ног на подножках, а впереди Стэна бежала жуткая тень какого-то местного бога с шестью руками, отходящими от туловища в разных направлениях. При встречах с дорожной полицией Майкл и я прятались за широкой спиной Стэна. Когда мотоцикл отъезжал подальше и мы переставали бояться, что нас остановят, лишние головы опять появлялись, и мы хохотали, глядя на изумленную физиономию полицейского.

Отступление муссона в этом году задерживалось, и, собираясь выезжать из Дели, мы узнали, что магистральная дорога в некоторых местах перерезана сильными наводнениями. Но для того чтобы остановить нас, нужно было кое-что побольше, чем наводнения. Когда машина погружалась в воду так, что невозможно было ехать дальше, мы поворачивали к железной дороге, которая шла параллельно магистрали. Здесь, над насыпью, выше мутной воды, завивающейся водоворотами, мы продолжали наш путь по шпалам. Стэн сосредоточивался на управлении, а средний и задний пассажиры смотрели вперед и назад, чтобы вовремя углядеть за сплошной пеленой дождя приближающийся поезд. Увидев его, мы кричали Стэну, тот переезжал через рельсы, и мы кувыркались к подножию насыпи, как трое подстреленных кроликов.

Проект «Путь Марко Поло» проехал по индийскому субконтиненту три тысячи миль. Наше путешествие было почти закончено, и мы доказали, что наша дикая эскапада — пройти по следам Марко Поло — практически осуществима. Правда, нам не удалось

попасть ни в Ваханский коридор, ни в Китай, но это могло подождать. Мы покидали Оксфорд с двумя мотоциклами и двумя колясками, а возвращались в Европу с кучей никуда не годного скобяного товара на колесах, который едва ли принял бы из наших рук скупщик металлолома. Мы в великом долгу перед множеством людей, которые оказывали нам самую разную помощь, но мы, по крайней мере, хоть отчасти заплатили за доверие, которое они выказывали к нашей инициативе.

Наибольший же наш долг — перед самим Марко Поло. Без его примера мы не имели бы удовольствия пережить и четверти тех приключений, которые пережили, путешествуя по Евразии. Стоя у причала в Бомбее, пока на борт корабля грузили мотоцикл, из которого тонкой скорбной струйкой лилось масло, мы надеялись, что сыграли свою роль и хоть отчасти доказали безупречную точность средневекового повествования Марко и воздали справедливость духу великого венецианца.

Глава 11. Размышления

Морское путешествие обратно в Англию предоставило возможность трем членам проекта «Путь Марко Поло» проанализировать свершившееся. У нас было время оценить наш опыт и решить, что следует учесть в организации подобных поездок в будущем. Наши мнения разошлись вследствие различия характеров и интересов; поэтому то, что один считал несущественным, для другого оказывалось принципиальным, и наоборот. Но одно было несомненно: если бы нам предложили совершить путешествие заново, мы ухватились бы за этот шанс без всяких колебаний.

Очень трудно выделить те черты характера, которые более всего помогают в экспедиции, подобной нашему евразийскому переходу. Начать с того, что каждое путешествие ставит свои проблемы и предполагает особенные обстоятельства, которые, в свою очередь, требуют особых решений. Быть может, по-настоящему секрет человеческого поведения перед лицом трудностей лежит много глубже, чем обычно отстаиваемые предприимчивость и решительность. По существу, проблемы путешествия в диких краях столь разнообразны, что универсальное решение должно быть основано на основополагающем принятии любых опасностей как простых отклонений от естественного порядка вещей. При этом надо провести четкое разграничение между европейскими экспедициями, безопасно устраивающимися в четырехколесном автомобиле, который движется по земле, как по облаку, и одним или двумя европейцами, путешествующими автостопом или на мотоциклах среди повседневной жизни исследуемого мира. Для отрядов на

«лендровежах», которые продвигаются от караван-сарая к караван-сарая, проблема принятия окружающей действительности не встает, так как местные трудности смягчаются товариществом и материальными удобствами.

Напротив, одинокий путешественник может выжить только в том случае, если избегает контактов с встречающимися людьми или, сталкиваясь с окружающим миром, прежде чем вынести приговор, тщательно изучает его. Первая вероятность — трагедия, так как полная изоляция лишает драгоценной возможности наслаждаться познанием. Вторая, подразумевающая взвешенную оценку, — более тонкая и приятная. Она требует осторожного балансирования между полным критическим отчуждением и полным погружением во временную среду. В чем секрет компромисса? Надо, чтобы ум всегда был свободен. Если это возможно, тогда нет и речи о предубеждении. В то же время имеется небольшой риск, что вам наскучат новые явления и восприятие притупится.

Всякому путешественнику более всего необходим некий врожденный талант оказываться в нужном месте, когда случается что-нибудь необыкновенное, или обладать способностью самому заставлять случаться это необыкновенное. В самом деле, двое людей могут пересечь одну и ту же местность в отдельно взятой стране и вынести совершенно различные впечатления; два путешественника могут проехать по одному и тому же пути, и с одним решительно ничего не происходит, а другой участвует во всевозможных восхитительных и рискованных приключениях. В этом отношении проект «Путь Марко Поло» был в высшей степени удачлив, основной предмет нашего путешествия вырвал нас из торной колеи и бросил в море непредвиденных событий и неожиданных обстоятельств. Сверх того, у нас была не одна, а две точки зрения. С одной стороны, мы

исследовали глухие места, по которым проходил наш путь, и были вознаграждены свежими картинками и неправдоподобными событиями. Однако, с другой стороны, мы более глубоко оценивали окружающее, когда сравнивали наши наблюдения и путевой дневник Марко Поло.

Результатом постоянного общения с Поло, усиленным не только неизменяющейся географией, но и лишениями, которые мы в некоторой степени разделяли с ним, было более глубокое и тонкое понимание самого Марко. Хотя большая часть книги посвящена Китаю и его культуре, в отчете о евразийской части путешествия довольно материала, чтобы составить известное представление о самом авторе. Следуя повествованию Марко по дорогам, которые он описал, невозможно было не увидеть его в новом свете, довольно отличающемся от взгляда академических ученых, погруженных в испещренные комментариями средневековые рукописи. Начать с того, что мы легко поняли, почему Марко Поло не описывал более детально повседневную жизнь стран, через которые он проезжал. Причина отчасти в том, что жизнь афганского или персидского крестьянина в основных чертах немного отличалась от жизни европейского крепостного. Индустриализация не внесла еще современных различий между жизнью Востока и Запада, и Марко по преимуществу умалчивал об этом потому, что азиатская жизнь — однообразна. От Босфора до Верхнего Памира общими факторами, которые всегда направляли жизнь обывателя, были климат и особенности местности. Эти особенности изменяются от региона к региону очень медленно, поэтому на всем пространстве Среднего Востока черты повседневной жизни по необходимости весьма схожи.

И напротив: детали, о которых Марко Поло нашел необходимым сказать, — именно те, которые запоминали и мы: высокий горный перевал, манера

одеваться, местные диковинки, например ослы и дикий фрукт — все это яркие особенности, которые остаются в памяти путешественника. Точно так же восточные сказания, например о Горном Старце, были вставлены словно по заказу, чтобы поразить легковерную аудиторию. Несомненно, торговые интересы Марко тоже имеют место в повествовании, например в рассказах о бакрэме и о торговле Ормуза, но и здесь он по преимуществу говорит об экзотических новинках — о фисташках и лазурите, оставляя почти целиком в стороне банальную совокупность зерна и тканей, которые составляли основную массу товаров, встречавшихся на караванных путях.

Проехав по пути Марко, мы ныне с пониманием относимся к пробелам в повествовании и к время от времени случающимся ошибкам в названиях местностей и городов. В отношении незначительных поселений, у которых не только названия звучат почти одинаково, но в которых почти одинаково выглядят улицы, в которых почти одинаково пахнет и в которых слышишь почти то же, что слышишь в других местах, — ошибки очень извинительны. К счастью, всякий раз, когда широкий поток повествования Марко уменьшается до мутной, неопределенной струйки, последователь внезапно одушевляется интригующим упоминанием о райских яблоках или горьком хлебе; загадка становится задачей, и дело за знаниями, которыми должен обладать всякий путешественник.

В истории Марко Поло еще много неизученного. Большая часть его труда касается Китая, и, для того, чтобы воздать должное Марко, эту часть его путевого журнала следует подвергнуть тщательному сравнительному анализу. После нашей поездки, по крайней мере, можно заключить, что его описание средневековой Азии стоит близкого изучения. Проект «Путь Марко Поло» доказал, что фантастические

рассказы «Описания мира» — не затейливая сказка. Это отчет, основанный на фактах, отчет, тщательность и точность которого даже через шестьсот лет кажется замечательной. Увеличившееся доверие к правдивости повествования Поло может быть только благом. Мы имеем источник данных, которые подтверждаются другими исследователями, путешествовавшими в XIII веке. Хотя описание Марко собственно путешествия наверняка не достигло бы никогда такого же признания, как его отчет о Китае, история пути на Восток по караванным дорогам тоже должна занять свое место как важный документ.

Слишком часто имя прославленного венецианца было предметом для сносок, подразумевавших, что его путевой журнал чрезвычайно подозрителен. Сейчас несомненно, что детали повествования заслуживают более пристального внимания. Упоминаемые им горячие бани близ Эрзинджана в Турции и йездский шелк призывают провести дополнительную проверку работ других средневековых путешественников, например арабских. К фактам, которые можно почерпнуть в книге Марко Поло и которые имеют отношение к Афганистану, Персии и Турции средних веков, должно относиться так же беспристрастно и с таким же вниманием, как и к фактам, черпаемым из любого другого соответствующего средневекового источника. Станным образом средневековый скептицизм Европы относительно восточных чудес формирует неправильное представление о Марко Поло сегодня. Этот скептицизм пережил первоначальные сомнения относительно отдельных мест в путевом дневнике, которые, как доказали современные ученые, верны во всех отношениях.

Если бы результатом проекта «Путь Марко Поло» было исчезновение последних отголосков этого распространенного ложного представления о великом

путешественнике, мы могли бы считать, что проект удался. От начала и до конца экспедиция была жертвой и вместе вознаграждением. Для всех нас подготовка к поездке, всегда недостаточная, означала тяжелую работу, ради которой мы пожертвовали нашими занятиями. Время, положенное на приготовления, можно было бы считать потраченным самым глупым образом, если бы наше путешествие не состоялось бы. Мы с самого начала приняли во внимание этот риск и, однажды отправившись, не собирались возвращаться не достигнув своих целей.

Экспедиция могла не удалиться по множеству причин: мы почти ничего не знали о том, как ремонтировать мотоциклы, готовились чрезвычайно поспешно, у нас почти не было медицинских препаратов и проч. и проч. В конце концов, оглядываясь назад, я вижу, что мы были в высшей степени удачливы. Даже моя сломанная нога служила этой нашей удаче, ибо стала причиной того, что разысканий было проведено в два раза больше. Наша беззаботная вера в удачу, какие бы трудности нам ни встречались, была признаком уверенности в себе, тогда как родители, спонсоры и критики выказывали беспокойство из-за нашей любви к ненужному риску. С течением времени мы благополучно выплыли, потому что никогда не заботились о будущем.

С самого начала механики, видя наше полное невежество в ремонте и вождении мотоциклов, пророчили нам худшее. Как оказалось, умение уговорить старую машину вкуче с припарками из скрученной проволоки и изоляционной ленты гораздо действеннее в пустыне, чем теоретическая механика, изучаемая за партой, где нейлоновые чулки в большинстве случаев не предлагаются в качестве воздушных фильтров. Чтобы сохранить нам здоровье, доброжелательные специалисты составляли перечни необходимых продуктов и вменяли в обязанность придерживаться

рациона, заключая, что необходимо наблюдать за тем, чтобы пища была чистой, регулярно принимать известные лекарственные препараты и, кроме того, пить очищенную воду. К концу путешествия мы, все трое, полностью отказались от подобного образа действий. Мы пили неочищенную воду и с удовольствием ели любую пищу. И, несмотря на все это, мы, оставляя в стороне неминуемое расстройство желудка, в конце поездки были в отличной форме.

Езда на мотоцикле по пересеченной местности доказала, что это гораздо более успешный способ сохранить форму, чем дурацкое пребывание под москитной сеткой. Этот способ, в свою очередь, стал причиной близкого знакомства с людьми и местами, через которые мы проезжали. Везде в Азии европейские посольства в широко раскинувшихся столицах дрожат от страха перед прибытием попрошайничающих путешественников, которые налетают, как саранча, ожидая хотя бы даровым столом возместить себе расходы на странствия по чужой стране. Для нас было источником гордости то, что мы пользовались этим ресурсом только в случае крайней необходимости. Вследствие этого мы были полны решимости избавиться от европейского образа жизни. Когда мы приезжали в какой-нибудь город, то разыскивали маленькую местную гостиницу и останавливались здесь на манер обычных торговцев и путешественников.

Путешествие на мотоциклах в этих местах имеет следствием особенное чувство самоуверенной гордости. На мотоцикле испытываешь на себе все трудности местности. Это ощущение влияет и на отношения с людьми. Например, если нас атаковал в какой-нибудь деревне по какому-нибудь случаю местный забияка, мы были способны потеснить его, к явному удивлению обидчика. По этой же причине мы нисколько не чувствовали себя чужаками среди местного населения.

Если пыхтишь по пыльной тропе мимо крестьян, лелеющих свои стада и поля, местная деревня является естественной и предполагаемой целью. Слезая с мотоцикла на центральной площади, словно это самая обычная вещь в мире. Чайхана, полицейский участок или пекарня — все так знакомо, словно вы всю жизнь жили в этой деревне. По этой причине мы никогда не чувствовали себя упавшими с другой планеты, с уверенностью брались за разрешение любого затруднения и держались во всякой обстановке совершенно Непринужденно. Между прочим, к концу путешествия эта непринужденность так укоренилась в нас, что избавиться от нее было очень трудно. Например, ужиная в первый раз на борту судна, шедшего из Бомбея, мы настолько забылись, что подняли тарелки и подозрительно нюхали еду!

Анализируя нашу поездку, я вижу единственную ошибку. Нет никакого сомнения, что в начале путешествия мы взяли с собой слишком много вещей, которые негодились. Это может показаться удивительным в виду того факта, что грузовая способность была ограничена двумя мотоциклами и колясками. Тем не менее наш путь к восточной границе Турции был усеян вещами, выброшенными за ненадобностью. Надо сказать, что эти выброшенные предметы, например солнцезащитные очки и столовые приборы, способствовали нашему постепенному приближению к суровой простой жизни. Ключ к проблеме — составление короткого списка действительно необходимых вещей (и удивительно, как мало вещей на деле нужно!), а после нужно проверить финансы и решить, имеете ли вы возможность взять второстепенные предметы, например спальные мешки и носовые платки.

Было еще одно, о чем мы, все трое, самым прискорбным образом позабыли и что невозможно было

приобрести по пути: книги. Казалось, в нашем мозгу развился какой-то мускул, отвечающий за чтение, и, когда не было никаких книг, мускул стискивали спазмы. Нам, разумеется, не нужны были книги как форма бегства от окружающей среды, которая, впрочем, иногда была в высшей степени неприятна. Скорее, мы чувствовали, что наш запас умственной пищи истощился и требует возобновления, как жир в горбе верблюда. И я не решусь сказать, чего мы больше желали через месяц трудного путешествия — бани и чистых простынь или хорошей книги. Потрепанный роман, однажды подаренный нам случайно встретившимся репатриантом, был, конечно, счастливейшей находкой.

Одним из наиболее частых вопросов, которые нам задавали относительно нашей экспедиции, был вопрос — сколько стоит такая поездка. Очень трудно с точностью ответить на этот вопрос. Прежде всего, невозможно знать наверняка, во сколько она вам обойдется. Нельзя предвидеть, что с вами случится, положим, в горах Гиндукуша. С другой стороны, вы не можете знать минимум ваших путевых затрат, пока нужда не принудит вас покупать продукты и прочее у беднейших слоев населения. Наше положение было таково. У двоих из нас было по сто фунтов, которые мы могли потратить на поездку, и мы занесли их в общий фонд. Все остальное зависело от щедрости спонсоров, наконец мы получили деньги от нескольких журналов и газет за статьи, которые обещали написать для них после поездки. Когда мы подсчитывали, во сколько обойдется экспедиция, в том числе обратный путь в Англию, у нас вышло примерно две тысячи фунтов. Кроме исходных двухсот, у нас не было ничего; мы сумели выполнить нашу задачу благодаря ни с чем не сравнимому великодушию спонсоров, которые не упускали нас из виду на протяжении всей поездки.

Проект «Путь Марко Поло» — отчасти неоконченное путешествие. Перед нами все еще лежит запретный Ваханский коридор и, на другой стороне Верхнего Памира, восхитительная магия Китая. Но, в конце концов, мы первые отправились по следам Марко Поло Миллионе, вооружившись его путевым дневником, как гидом. Мы прошли, сколько смогли, не жалея сил, тем самым доказав правду эпилога «Описания вселенной»: «Не было на свете человека, христианина или сарацина, татарина или язычника, который видел бы так много, как мессер Марко, сын мессера Никколо Поло, знаменитый и почетный гражданин города Венеции. Слава Богу за все. Аминь».

Фотографии

Отъезд из северного Оксфорда

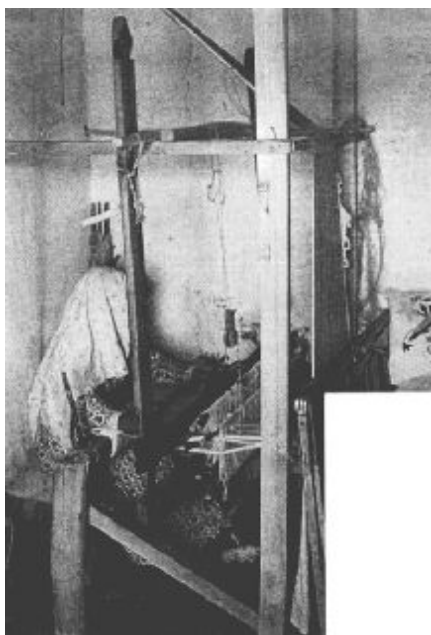
Переговоры относительно ремонта мотоциклов в Белграде

Стамбул. Обед с семьей Аргуна

Турция. Отделение утомленной коляски

Эрзинджан. Станок, на котором выделывается ахрэм

Фигура, закутанная в ахрэм

Стэн и Тим в «прекраснейших банях, какие едва ли можно сыскать где-нибудь в другом месте»

Староста Горема

Авех. Деревенский мудрец

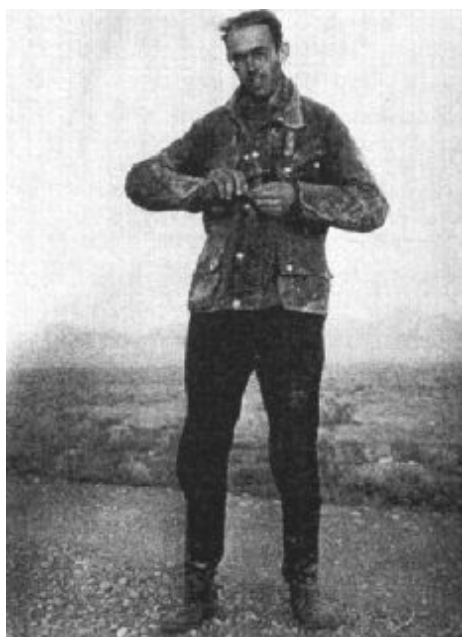
Погонщик верблюдов из племени белуджей

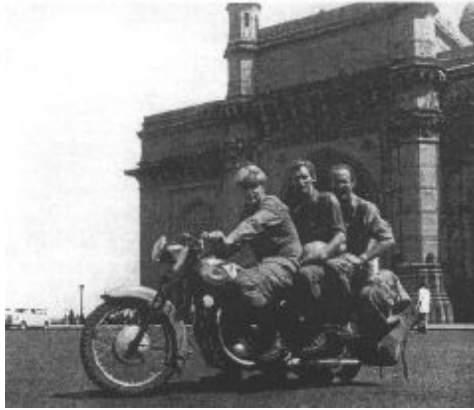
Караван-сарай из шкур и верблюжьей колючки, где Тима угостили райским яблоком

***Омнибус пустыни. Фото Сары Эррингтон,
библиотека имени Алана Хатчинсона***

Майкл

Трое на одном мотоцикле

Дорогами Чингисхана

Путешествия Тима Северина продолжают! Книга знаменитого искателя приключений посвящена «открытию Востока». Это книга о Монголии — стране, некогда потрясшей до основания Европу и Ближний Восток, затем надолго укrywшейся в тени своих могущественных соседей, а сегодня вспомнившей о своем героическом прошлом. В каждом своем путешествии Тим Северин вел путевой дневник, из которого затем выростала книга. Эти книги — памятник отваге, предприимчивости и крепости человеческого духа. Они по праву входят в золотой фонд литературы о путешествиях.

Благодарности

Мне хотелось бы выразить признательность всем, благодаря кому стали возможными мои путешествия по Монголии. В первую очередь, следует отметить заместителя министра иностранных дел Х. Олзвоя (ныне посол Монголии в Пекине). Являясь председателем Монгольского национального комитета по реализации проекта «Шелковый путь», он облегчил сложности моего путешествия и предлагал помощь всегда, когда она нам требовалась. Его коллега, посол в Лондоне Ишецогиян Очирбал, и его сотрудники направляли меня по верному пути, а в парижской штаб-квартире ЮНЕСКО меня с энтузиазмом поддержали Дуду Дин, Эйжи Хаттори и их бюро по программе «Изучение Шелкового пути».

Сирин Акинер из Школы африканистики и востоковедения щедро поделился со мной контактами по всей Центральной Азии. Николас Волферз, групповой консультант международного отдела банка «Мидленд», познакомил меня с другим банковским сотрудником, Дугерсуренгином Сухердене, а затем свел с Государственным банком Монголии, благодаря чему я смог организовать свое первоначальное пребывание в Улан-Баторе. Его сестра Оэлун выступила в качестве переводчика. Хэмиш Гамильтон из компании «Буффало» обеспечил меня теплой одеждой и спальными мешками, подходящими для путешествий по Монголии в начале мая, а компания «Тимберленд» любезно предоставила обувь и куртки.

В Москве мне помогали представители посольства Монголии, в особенности общительный советник по культуре Буанделгэрэн Борхондой; а без помощи переводчицы, Тани Рахмановой, я не справился бы ни с чем.

Среди тех, кто помогал мне в Монголии, следует назвать академика Бира; Чулунны Ганболда из общества дружбы; господина Даваа из Монгольской ассоциации коневодства; господина Чимидоржа, господина Ганбата и господина Гансуха из министерства иностранных дел; Бумбина Ганбаатара, Дамдинсурена Йундендоржа, оператора звукозаписи Церенджава и госпожу Ишханд — все эти сотрудники монгольской студии телевизионных фильмов помогали осуществлять документальные съемки. И, конечно же, следует упомянуть десятки аратов, выступавших во время похода в качестве проводников и наставников. Им в особенности мне хочется сказать большое спасибо за то, что они показали мне свое «Золотое наследие» — алтанов.

Особого упоминания заслуживает семья доктора Бошижа, щедро и гостеприимно принимавшая меня и Пола Харриса в Улан-Баторе. Также мне хочется выразить большую благодарность Дэвиду Аллену из компании DHL, предоставившему щедрую финансовую поддержку и подошедшему к вопросу творчески: он увидел связь между глобальной деятельностью DHL и поразительными достижениями средневековой сети монгольских гонцов.

Два ведущих западных специалиста, занимающихся историей Монгольской империи, доктор Питер Джексон и доктор Дэвид Морган оказали мне любезность внимательно прочитать текст и указать на наиболее серьезные ошибки. Те неточности, которые все же остались в этой книге, на моей совести, хотя меня успокаивает то, что не один я высказал предположение, будто именно монголы привезли в Европу Черную Смерть.

Тим Северин, графство Корк, Ирландия

Глава 1. В год Лошади

В час Серебряной Лошади, в день Черной Лошади, в месяц Лошади и в год Белой Лошади мы — шесть монголов, Пол и я — отправились в путь. Западный житель сказал бы, что это произошло между 2 и 3 часами дня по центральному монгольскому времени 16 июля 1990 года, и было бы логично предположить, что дата выбрана научными методами. В обычной ситуации следовало бы, например, учесть, хватило ли нам времени на подготовительном этапе, чтобы выбрать лошадей, приручить их и привести в хорошую форму, а также на то, чтобы испытать в полевых условиях снаряжение, например новую палатку и особые старинные седла, и при этом в путь следовало бы отправиться достаточно рано, чтобы завершить путешествие до зимних снегопадов.

Но вовсе не так сделали свой выбор мои монгольские спутники. «Когда мы отправимся?» — спросил я шестью месяцами ранее в Улан-Баторе, столице Монголии. Ариунболд, монгольский журналист, чье имя означает «честная сталь», открыл свой ежедневник. Я обратил внимание, что там стояли даты как римского, так и китайского календаря. Он полистал страницы, а потом указал пальцем на день, выбрав, судя по всему, случайным образом. «Вот, — объявил он. — Подходящий день, шестнадцатого июля». Я не решился высказать сомнения по поводу такого способа выбора дат. На Ариунболда было возложено планирование хронометража нашего предприятия; теперь у меня была конкретная дата, к которой я мог готовиться, — по крайней мере, мне так казалось.

«Значит, с этим мы определились, — осторожно уточнил я через переводчика, чтобы исключить какое-

либо непонимание. — Наше путешествие начнется шестнадцатого июля. Я снова приеду в Монголию заблаговременно, чтобы помочь с последними приготовлениями». Пока мои слова переводили, я понял, что сказал что-то не то. Ариунболд неловко поерзал на месте. «Что ж, — смущенно ответил он. — Скажем так: мы, возможно, отправимся в путь шестнадцатого июля». Он заметил раздражение на моем лице и прибавил: «Понимаете, монголы полагают, что тому, кто собирается совершить большое путешествие верхом, не следует назначать точную дату отправления, поскольку это сулит крупные неприятности. Слишком большая точность может навлечь беду».

Я понял, что эта экспедиция будет отличаться от всех моих прежних странствий.

В прошлом мне довелось проехать по маршруту Марко Поло на мотоцикле; пересечь Северную Атлантику на копии средневековой лодки из кожи, чтобы проверить, могли ли ирландские монахи, скажем святой Брендан Мореплаватель, добраться до берегов Северной Америки за 1000 лет до Колумба; построить копию арабского парусника восьмого века и проделать на нем путь из Маската в Китай, чтобы уточнить происхождение легенд о Синдбаде-мореходе; руководить воссозданием двадцативесельной галеры бронзового века, на которой мы отправились по Эгейскому и Черному морям, следуя путями Ясона, аргонавтов и Одиссея. Одно из моих последних путешествий перед поездкой в Монголию я совершил верхом, так что оно, по крайней мере, на первый взгляд, было в чем-то сходно с планируемым монгольским маршрутом. Тогда, двумя годами ранее, я отправился по следам участников первого крестового похода, рыцарей, простолюдинов, женщин и детей, проделавших путь из замка в Бельгии к Гробу Господню в Иерусалиме. Мы преодолели верхом более 2500 миль (свыше 4000 км), а

в пути провели восемь месяцев. Но путешествие по следам крестоносцев и все другие мои походы я заранее планировал до мелочей, насколько позволяли обстоятельства и финансовые возможности. Я рассчитывал расстояние, преодолеваемое за день, и уточнял метеорологическую ситуацию, отводил дни для отдыха и приведения снаряжения в порядок, при всякой возможности проводил пробные поездки и разведку местности. Никогда прежде я не обращал ни малейшего внимания на счастливые дни китайского календаря и уж никак не полагался на них, принимая окончательное решение насчет даты отправления.

Но я не стал возражать Ариунболду. Если монголы хотят организовать начало экспедиции таким образом, пусть так и будет. Я просто был не вполне уверен, что Ариунболд и его монгольские товарищи осознавали все те сложности, с которыми связано успешное путешествие на большое расстояние. За последние два месяца они дали множество интервью монгольским газетам и телевидению, а также сделали массу заявлений, в которых поспешили сообщить, что собираются чествовать необычайное достижение предков — самую быструю и обширную систему наземных коммуникаций из всех, существовавших до появления железной дороги. Эта система заслуживала того, чтобы ей воздали должное. В средние века монгольские всадники на своих жилистых лошадках доставляли депеши и сопровождали иностранных послов по маршрутам, охватывавшим две трети известного тогда мира. Эти выносливые всадники с огромной скоростью преодолевали поразительные расстояния, а пути их простирались от берегов Дуная до Желтого моря. Еще более примечательным было то, что скакали они по землям, которые эти великолепные всадники и завоевали, создав самую крупную из известных в мире империй с неразрывной территорией.

Теперь же Ариунболд и его товарищи заявили монголам, что последуют примеру предков и проделают верхом путь из Монголии во Францию. Планы были чрезвычайно амбициозными. Намеченный путь по длине равнялся расстоянию от Гонконга до Лондона, и они обратились ко мне за помощью.

От такого предложения я не смог отказаться, поскольку у меня появлялась возможность реализовать план, которому, как мне казалось, никогда не суждено сбыться. Двадцатью пятью годами ранее я написал работу на соискание ученой степени в Оксфордском университете, посвященную первым европейцам, оказавшимся в сердце Центральной Азии во времена Великой Монгольской империи, в XIII и XIV веках. Это были храбрые и проникательные люди — как правило, монахи из нищенствующих орденов, — отправившиеся навстречу неизвестному с той же решимостью, что и Марко Поло или Колумб, и они заслуживают признания, тогда как в наши дни о них почти забыли. В сопровождении монгольских всадников эти бесстрашные пионеры, направленные в качестве послов, миссионеров или разведчиков, приезжали ко двору великих степных полководцев. Это было подобно, как писал один из них, «вхождению в другой мир».

Они возвращались и сообщали об увиденном такие странные подробности, что в них европейцам было трудно поверить: пьяные правители, возглавляющие сборища варварских племен, живущие в роскошных переносных шатрах, где могли поместиться до 2000 придворных; дикие кочевники, питающиеся сырым мясом; христианские священники-еретики, яростно спорящие со знахарями; а еще — профессиональная конница, по снаряжению и подготовке превосходящая самые честолюбивые помыслы любого западного полководца. Эти наводящие ужас всадники одевались в доспехи из вываренной кожи, говорили на гортанном

наречии, никому, кроме них, не понятном, и, о чем сразу же по возвращении спешили предостеречь побывавшие в Монголии европейцы, представляли собой ужасную угрозу цивилизованному миру. Европе следует прекратить распри, вооружиться и объединить свои силы, иначе она рискует быть повержена монгольской ордой.

В шестидесятые годы, когда я писал диссертацию, у меня не было ни малейшей возможности самому посмотреть эту страну, и я часто задумывался о том, в какой степени сохранился тот невероятный образ жизни, о котором писали изучаемые мной средневековые авторы. Но Монголия была закрытой территорией. Самая старая после СССР коммунистическая страна, Монгольская Народная Республика находилась в изоляции, между подозрительно настроенным Советским Союзом и осмотровым Китаем. В течение полувека иностранцы, интересовавшиеся уникальными культурно-историческими достижениями Монголии, не имели доступа в эту страну. Ее правительство намеренно проводило соответствующую политику. Визы могли получить только путешественники из социалистических стран и члены официальных делегаций, и то после строгого и чрезвычайно длительного рассмотрения заявлений. Когда западные визитеры оказывались в Монголии, их знакомство со страной в большой степени ограничивалось посещением единственного в Монголии города Улан-Батор, название которого означает «Красный богатырь», — объявленный 26 ноября 1924 года столицей нового социалистического государства, он отличается унылой и безликой современной застройкой.

Поездки за пределы города не одобрялись. Даже монгольским гражданам для выезда из города требовалось получать разрешение, а на всех дорогах из

Улан-Батора действовали контрольно-пропускные пункты. Организовать это было несложно, поскольку асфальтовых дорог в стране было всего две. Коммунисты, то есть Монгольская народно-революционная партия, установили в стране по-сталински жесткий режим, проявлявший порой чудовищную жестокость. Членам кабинета министров выдвигались сфабрикованные обвинения, после чего их забирали с открытых заседаний и расстреливали. Выражение «показательный процесс» приобрело буквальный смысл, когда публичные перекрестные допросы стали проводить на сцене Национального театра. Одному политику, являвшемуся также фельдмаршалом и, к собственному несчастью, обладавшему слишком большой властью, подали отравленное блюдо в транссибирском экспрессе — в те времена железная дорога была наиболее надежным способом добраться до Монголии, хотя ветка, подходящая к самому Улан-Батору, открылась только двенадцать лет спустя, в 1949 году. Был и другой вариант попасть туда из Москвы: сначала унылый семичасовой перелет до сибирского города Иркутск, неподалеку от озера Байкал, а оттуда — в примитивный аэропорт Улан-Батора. Более короткий путь в монгольскую столицу лежал из Пекина, через пустыню Гоби, расположенную во Внутренней Монголии, — Улан-Батор находится практически на одной долготе с Ханоем. Но этот путь открывался лишь время от времени. Официально считавшаяся независимым государством, имеющим свое представительство в ООН, Монголия по сути была государством-сателлитом, находящимся под жестким контролем советских властей, которые открыто использовали Монголию в качестве буфера, ограждавшего СССР от огромного Китая. Когда между Советским Союзом и Китаем отношения были хорошими, Монголии позволялось

открыть границу с Китаем. Когда отношения ухудшались — как чаще всего и бывало, — граница закрывалась.

Постепенно ситуация изменилась к лучшему. В 1952 году умер Чойбалсан, правивший страной тринадцать лет диктатор-сталинист, и хотя его преемник Цэдэнбал также руководил в крайне авторитарном духе, Монголия начала, очень осторожно, допускать больше посетителей с Запада. Но старый уклад и подозрительное отношение сохранялись долго: прошло тридцать лет, а посещение страны все еще осуществлялось под официальным контролем. Туристы могли приезжать только группами, которые затем направлялись по заранее составленным маршрутам, где за посетителями неотступно присматривали экскурсоводы. Исключение составляли в основном богатые иностранные охотники, приносившие стране столь необходимую ей твердую валюту; их везли в горы, где в изобилии водятся дикие животные, и они отстреливали оленей, лосей, азиатских медведей, а также самого крупного в мире дикого барана — архара (барана Марко Поло), украшенного роскошными закрученными рогами. А возможности путешествовать по стране в частном порядке, самостоятельно выбирая маршруты, по-прежнему не было.

В 1987 году у меня появился шанс. ЮНЕСКО, комиссия ООН по вопросам образования, науки и культуры, объявила о начале масштабного международного проекта по изучению исторических шелковых путей, соединявших Восток и Запад. Замысел состоял в том, чтобы поддерживаемые ЮНЕСКО экспедиции прошли через весь континент. Северные маршруты шелковых путей проходили через Монголию, поэтому я начал готовить планы путешествия по следам средневекового китайского мудреца по имени Чан Чунь, которого в 1221 году из дома (жил он недалеко от

Пекина) призвали предстать перед Чингисханом, единственным монголом, известным всему миру. Пешком, верхом и на повозках Чан Чунь проделал путь через всю Монголию, а затем до Самарканда и Гиндукуша.

Я представил мой проект в представительстве ЮНЕСКО в Париже, и он был одобрен, после чего я отослал документы в Улан-Батор и Пекин, чтобы получить разрешение китайских и монгольских властей... Но никакого ответа не последовало.

Через несколько месяцев меня совершенно неожиданно пригласили в качестве лектора для работы с небольшой группой туристов, отправлявшихся в культурно-ознакомительное путешествие из Лондона по Сибири, Монголии и Северному Китаю. Первоначально назначенный лектор заболел, и в последний момент в качестве замены выбрали меня, благодаря тому, что я, написав диссертацию на соответствующую тему в Оксфорде, владел историческим материалом. Для меня важно было то, что мне не нужно заниматься получением визы в Монголию, поскольку ее сделали для меня вместе со всей группой. Я поскорее отправил телеграмму в Монгольский национальный комитет по реализации проекта ЮНЕСКО «Шелковый путь» в Улан-Баторе, в которой сообщил о времени своего прибытия и отметил, что мне хотелось бы обсудить мой проект с уполномоченными лицами. И снова я не получил никакого ответа. И вот 11 сентября 1989 года, когда за нашей туристической группой в аэропорт Улан-Батора прибыл автобус Национальной туристической компании, я представился молодой переводчице, которая с нами работала, и, почти ни на что не надеясь, спросил, нет ли случайно каких-либо сообщений для меня. «Да, — ответила она, — завтра в десять утра вы придете на автобусе на главную площадь, и там вас встретят».

Нельзя сказать, что все прояснилось. Я совершенно не представлял, с кем мне предстоит встретиться и где, не знал даже, получили ли монголы мое обращение по поводу путешествия по пути Чан Чуня. Зато мне удалось заметить, что на приборной панели автобуса прикреплена безвкусно оформленная открытка, изображавшая Чингисхана верхом на боевом коне, во главе победоносного войска. А ведь последние тридцать лет, насколько мне было известно, никому в Монголии не дозволялось упоминать имя Чингисхана, чтобы не оскорбить этим советских товарищей. Было бы бестактно со стороны монголов напоминать своим русским наставникам о том, что в XIII веке войска Чингисхана и его преемников одержали победу над русскими в бою, разграбили Киев и почти триста лет владели обширной частью российских земель. Я знал, что все школьники в России многократно слышали о монгольском иге, периоде порабощения их страны, и что некоторые советские экономисты даже видят причины экономических неурядиц СССР в столетиях монгольского ига. Ходили слухи, что в Национальном музее Монголии наиболее славному периоду истории страны — эпохе возвышения Чингисхана — посвящен всего один маленький зал и что эту экспозицию показывают только иностранцам, а не монголам.

Как и другие слухи о Монголии, этот также оказался не совсем соответствующим действительности; как я обнаружил, все зависело от того, с кем общаешься и насколько собеседник предпочитает умалчивать какие-либо факты или раскрывать их не полностью. Мне предстояло встретиться с выдающимися монгольскими учеными, рассказавшими, что даже во времена, когда советское влияние ощущалось наиболее сильно, они тихо продолжали изучать историю Чингисхана, писали и защищали научные труды об эпохе империи. Опасно было, как они объяснили, слишком открыто сообщать о

теме своего исследования. У тех, кто был осмотрителен, больших проблем не возникало. Но во времена, когда партийные идеологи искали «козлов отпущения», которых можно обвинить в отказе от идеалов и антисоциалистических взглядах, власти могли наброситься на всякого видного ученого или политика, осмелившегося почитать память Чингисхана.

Мне рассказали о широко известных в стране событиях 1962 года, когда в Монголии попытались реабилитировать Чингисхана, — слишком рано, как оказалось. На том месте, где, как принято считать, за 800 лет до того родился Чингисхан, был воздвигнут достаточно некрасивый памятник — белая стела высотой 36 футов (11 м) с нанесенным на нее грубым контурным портретом императора. Один весьма заслуженный член партии, входивший в состав Политбюро и являвшийся секретарем Центрального Комитета, по имени Томор-Очир, посетил церемонию открытия, что с его стороны было неблагоразумно. Вскоре после этого он был обвинен в инакомыслии, подвергся жесткой критике на страницах «Правды», исключен из Политбюро, смещен с должности и поставлен на незначительный пост вдали от столицы, а в конце концов вообще исключен из Монгольской коммунистической партии. Набор памятных марок, выпущенный к восьмисотой годовщине со дня рождения Чингисхана, был поспешно изъят из продажи (несколько экземпляров все же попали за границу и были скуплены коллекционерами). Сейчас, по прошествии двадцати восьми лет, так называемые ошибки Томор-Очира подверглись переоценке, он был реабилитирован и восстановлен в партии. Но реабилитация была посмертной — в начале 1980-х годов Томор-Очир был зарублен топором в собственной квартире, при невыясненных обстоятельствах.

Пасмурным и весьма прохладным сентябрьским утром, ровно в десять часов, экскурсионный автобус доставил меня на центральную площадь Улан-Батора, увековечивающую память исторических деятелей страны, и повез туристов дальше — в тот день им пришлось обойтись без лектора. На тротуаре меня встретил и приветствовал хорошо одетый мужчина лет сорока пяти, в очках, подтянутый, с буйной шевелюрой стального оттенка, — мне он показался как раз тем, кем и был: хорошо устроившимся лощеным бюрократом из центральной администрации. Он представился, изъясняясь по-английски неуверенно (как я — по-русски), — его звали Ариунболд, и он был секретарем Монгольского Национального комитета по реализации проекта ЮНЕСКО «Шелковый путь». Вместе мы прошли по восточной стороне огромной пустынной площади, в центре которой возвышался памятник Сухэ-Батору, «Топор-Богатырю», изображенному верхом на встающем на дыбы коне. Сухэ-Батора сделали новым символом Монголии, который, по расчетам коммунистов, должен был потеснить образ Чингисхана. Сухэ-Батор был сыном бедного арата, то есть крестьянина; в 1920 году он передал советским властям важное послание с просьбой о помощи, которое тайно перевез, спрятав в рукояти хлыста. Его останки были перенесены в мавзолей, где покоится и Чойбалсан, — это мрачное мраморное сооружение представляет собой уменьшенную копию мавзолея Ленина на Красной площади в Москве, и его создатели никак не проявили собственной фантазии.

Ариунболд провел меня с задней стороны Государственной оперы — я решил, что это именно она, по псевдоклассическому портику, — и мы пришли в самое высокое здание в центре Улан-Батора — деловой центр, где находились представительства нескольких международных культурных организаций. Там, на восьмом этаже, располагался его кабинет в

Международном центре изучения Монголии. На столе лежала тонкая папка. Это, как он сказал, было составленное монгольской стороной предложение об экспедиции по Шелковому пути при поддержке ЮНЕСКО. Я пролистал документ. Он представлял собой несколько измененное изложение, совпадающее абзац к абзацу, того самого предложения об экспедиции по следам Чан Чуня, которое я отослал в Улан-Батор пятью месяцами ранее. Имена были изменены, маршрут — тоже: в этой заявке предлагалось не следовать по пути китайского мыслителя из Пекина к Гиндукушу, а направить группу монгольских всадников из центральной Монголии по маршруту средневековых гонцов во Францию.

Факт вопиющего плагиата не слишком меня беспокоил. Намного важнее было то, что в проведении верховой экспедиции по стране заинтересованы и в самой Монголии. Но я все же не знал, с кем работает Ариунболд, и не особенно верил в возможность проехать верхом 6000 миль через всю Евразию. Планируемое расстояние на 40 процентов превышало даже то, что предлагал я в своем проекте для экспедиции по следам Чан Чуня. Но все это не имело значения. Я получал великолепную возможность свободно путешествовать по Монголии, не по программе для иностранцев, а вместе с монголами, стремящимися вновь открыть историю своей страны. Такой удобный случай никогда еще не представлялся ни одному человеку с Запада.

Ариунболд пояснил, что он и его товарищи готовы организовать это предприятие и уже получили небольшую финансовую поддержку со стороны местного комитета по реализации проекта «Шелковый путь». Но для того, чтобы об их экспедиции узнали за пределами Монголии, нужны связи за границей, которых у них не было; кроме того, если бы я отправился с ними, то мог бы помочь в преодолении путевых сложностей —

получать разрешения иностранных государств на пересечение их территории, обеспечить финансовую поддержку в твердой валюте, а также привезти с Запада дополнительное снаряжение, которое в самой Монголии достать невозможно. Вдобавок я чувствовал, хотя мой собеседник и не заявлял об этом вслух, что он хотел бы, чтобы уже полученное мною одобрение ЮНЕСКО на экспедицию по следам Чан Чуня было перенесено на новый проект, возглавляемый самими монголами. Я быстро оценил ситуацию и решил, что вполне готов отложить на неопределенное будущее экспедицию по маршруту Чан Чуня, если это позволит мне увидеть традиционный образ жизни монгольских пастухов и преодолеть огромное расстояние, испытав древний монгольский способ путешествий. А после этого, если в экспедиции по Монголии я смогу убедиться, что Ариунболд и его товарищи обладают достаточными умениями, дипломатичностью и упорством, чтобы продолжить путь и добраться до Франции, тогда я буду консультировать их, и, возможно, им удастся реализовать свои масштабные планы. Я с удовольствием принял на себя новую роль — не организатора и главы экспедиции, а наблюдателя, который также обеспечивает необходимое иностранное снаряжение и материалы, например спальные мешки и фото- и киноплёнку, предоставив монголам возможность самим разобраться с практическими сторонами проекта.

И вот восемь месяцев спустя, в мае, я снова оказался в Монголии, в том месте, откуда должна была начаться первая, пробная экспедиция, задуманная как подготовка великого верхового похода через весь континент, в Европу, который был намечен на следующий год. Ариунболд и его товарищи, получив двухнедельный отпуск, взяли на прокат полдюжины полудиких пони у местной общины и наняли в проводники местных пастухов-коневодов, чтобы те сопровождали их в дикой местности к северо-востоку от Улан-Батора. В тех краях Чингисхан, преследуемый как преступник, скрывался в молодости, собирая вокруг себя героев, с которыми потом пошел завоевывать мир. Таким образом я очутился рядом с немногословным, выносливым монгольским погонщиком — почти таким же, несомненно, как всадники из войска Чингисхана. Дампилдорж был невысокого роста и крепкого телосложения, скулы высокие, типично монгольские, а

коротко остриженная голова настолько идеально круглая, что про себя я называл его «Голова-пуля». Наши маленькие лошадки шли тряско, а он как будто не ощущал неудобства, час за часом сидя в деревянном седле — скорее, даже стоя в коротких стремях, — словно ехал не верхом, а на автомобиле с амортизаторами. Ездить верхом он начал учиться раньше, чем ходить, и ноги его были, как стальные пружины; верхом он чувствовал себя намного увереннее, чем шагая по земле. Спешившись, он оказался таким неуклюжим и кривоногим, так тяжело ступал в своей войлочной обуви с толстой подошвой и загнутыми вверх носками, что напоминал заводную игрушку, — это заметное сходство усиливалось из-за длинного одеяния наподобие толстого халата с запахом, так называемого дээл, подпоясанного широким шелковым кушаком оранжевого цвета, и необыкновенным головным убором, отделанным голубым шелком и по форме напоминавшим купол мечети, — тоже будто кукольным. Дампилдорж и другие погонщики пообещали показать нам то самое место, которое, по легенде, всем монголам повелел вечно почитать Чингисхан.

Происхождение народа, к которому относился Чингисхан, до сих пор неясно. Их язык относят иногда к той же лингвистической категории, что и тюркские и тунгусо-маньчжурские языки, но даже такая классификация вызывает большие споры. Некоторые ученые полагают, что монголы происходят от диких воинственных племен, которых китайцы называли сюнну (хунну) и которые, по мнению некоторых специалистов, были как раз теми самыми гуннами, что вторглись в Европу под предводительством Атиллы в V веке. Но, к какой бы группе эти племена ни относились, культурные модели существования степных народов вполне известны. Уже в 400 году до н. э. китайские авторы писали о рыскавших у северо-западной границы Китая

кочевых племенах, которые занимались скотоводством, жили в войлочных юртах и не имели письменности. Немногочисленные археологические данные свидетельствуют о том, что такой образ жизни они вели еще за тысячу лет до нашей эры, а возможно, и раньше.

Но временные племенные союзы носили слишком непостоянный характер и не сохранялись в течение срока, который позволил бы определенно говорить о том, что именно они были предшественниками монголов. В Центральной Азии возникали и рушились государства, создаваемые народами с непривычными слуху названиями, такими как жуаньжуань, тоба, уйгуры, чжурчжени и кидани, от которых произошли каракитай, или «черные китаи», — это благодаря им в европейских языках появилось слово «Катай», обозначающее Китай. Некоторые из этих народов говорили на монгольских наречиях, другие — на архаичных тюркских. Некоторые вели исключительно кочевую жизнь, но большинство все же строило столицы, которые располагались в благоприятных долинных местностях в центральных районах страны или у подножия крупных горных цепей.

Все это время монголы были малоизвестным, неприметным народом и оставались на периферии цивилизации. И даже в конце XII века монголы, строго говоря, были лишь одним из множества не особенно связанных друг с другом племен, которые китайцы собирательно называли меньву или та-та и воспринимали с большой настороженностью за их обыкновение совершать набеги на приграничные китайские районы и похищать детей, которых, по слухам, ассимилировали. Вопреки распространенному мнению, не все монголы жили в степях и занимались скотоводством. Некоторые обитали в лесах южной Сибири и были охотниками и собирателями, а про урианхай — народ отчасти монгольский, отчасти тюркский — рассказывали, что они прикрепляют к обуви

отполированные звериные кости и так быстро катаются по льду и снегу, что могут догонять птиц.

Именно Чингисхан объединил эти разрозненные племена. Обретя достаточное могущество, он отверг существовавшее деление племен и повелел, что отныне все родственные народы должны считать себя монголами. Начав же свое восхождение к власти, он еще проще определил, каким народом намеревался править. Он сказал, что является «повелителем всех, кто живет за войлочными стенами».

Лошади, на которых мы ехали, были, без сомнения, такими же, как и те, на которых сражалось войско Чингисхана. Все они были не крупнее пастушеских пони, и все они были неуклюжего сложения, с толстой шеей и большой, грубой головой. Западные торговцы лошадьми сочли бы таких коней никудышными, но по выносливости они, как принято считать, не имеют себе равных. Утверждают, что они способны выжить в таких неблагоприятных условиях, где лошади других пород погибли бы, прокормиться там, где другие умерли бы с голода, и отлично чувствуют себя при субарктических температурах, в которых другие лошади замерзают насмерть. Предметом гордости монголов является также то, что близким родичем этих лошадей является дикая степная лошадь, названная в честь русского исследователя, полковника Николая Пржевальского, путешествовавшего по Монголии в 1870-е и 1880-е годы и описавшего дикую лошадь в 1881 году. Точно неизвестно, остались ли лошади Пржевальского где-либо вне зоопарков, но это кажется крайне маловероятным. Однако в последний раз в дикой природе небольшой табун лошадей Пржевальского видели на юго-западе Монголии, недалеко от китайской границы. Дампилдорж с уверенностью заявил, что все лошади, у которых по спине тянется черная полоса или на ногах есть полосы, как у зебры, происходят от

лошади Пржевальского. С уверенностью можно сказать лишь то, что на таких же лошадках, как те, на которых ехали мы, скакали победоносные воины Чингисхана в ходе молниеносных завоеваний начала XIII века, когда монгольская конница попраля установившийся миропорядок. В битве за битвой монгольские летучие отряды появлялись неожиданно для противника, будто по волшебству, проделав на своих выносливых лошадках путь через пустыни или горы, которые, как полагал неприятель, пересечь невозможно, или заставляли противника врасплох, неожиданно быстро покрыв большие расстояния.

Я также узнал, что сам Чингисхан перестал быть в Монголии запретной темой и превратился в предмет всеобщего почитания. Его имя и портрет, которые столько лет стремились предать забвению, появились повсюду — на рекламных щитах, марках, календарях, афишах; именем Чингисхана назвали и одну из марок монгольской водки. Некоторые погонщики, сопровождавшие экспедицию, носили небольшие значки с его изображением; одна монгольская газета обратилась к читателям с вопросом о том, как следует назвать шикарный новый отель, строившийся в Улан-Баторе, и подавляющее большинство ответивших предложило название «Чингисхан».

Вне всяких сомнений, Великий Монгол относится к числу самых незаурядных людей в истории. Необразованному сироте, выросшему в племени, ничем не примечательном и никому не известном, удалось завоевать более обширную территорию, чем Александру Македонскому. Неграмотный, подверженный, как утверждают, припадкам, возможно, страдавший алкоголизмом, он создал империю, большей частью которой его прямые наследники правили более столетия, а небольшие ее фрагменты сохранились в их власти намного дольше. Последним в Европе

правителем, называвшим себя потомком Чингисхана, являлся крымский хан, лишенный власти русскими в 1783 году, и о том же заявлял правитель Хивинского ханства в Центральной Азии, когда русские заставили его отречься от власти в 1920 году. И в других краях также можно ощутить и увидеть наследие Чингисхана. В первую очередь из-за ужаса перед монгольскими вторжениями, начало которым положил Чингисхан, восстанавливалась и переделывалась, начиная с XV века, Великая Китайская стена, ставшая в результате такой, какой мы видим ее сегодня. В Средней Азии пришли в упадок некогда славные города, например Бухара, — они так и не восстановились полностью после опустошительных рейдов монголов, столь блестяще организованных Чингисханом. Несмотря на то что в мире имя Чингисхана стало синонимом разрушения, войны и жестокости, в самой Монголии, как я заметил, его превозносили как национального героя и даже бога.

Мне подумалось, что я стал свидетелем поворотного момента в истории современной Монголии. На территорию, полвека остававшуюся закрытой, неожиданно разрешили приехать иностранцам; в то же время и сами монголы получили необыкновенную степень свободы. Советская армия выводила свои части с монгольской территории, правящая Монгольская народно-революционная партия решила, в подражание гласности и перестройке в Советском Союзе, ослабить железную хватку центрального правительства, а простые монголы в ответ на это стали искать свою истинную национальную сущность. Пробудилась огромная ностальгия по монгольским традициям и истокам, и нельзя было найти более удачного момента для моих собственных исследований, связанных с поисками того, что осталось от мира кочевников, описанного средневековыми европейскими путешественниками.

Не один я стремился найти то, что сохранилось от традиций средневековой Монголии. Чингисхан и его эпоха являются поводом для гордости всех монголов, и вполне обоснованно, поскольку, если посмотреть на те события с их точки зрения, обнаруживается поразительный факт. Весь монгольский народ, во главе которого стал Чингисхан, насчитывал не более 2 миллионов человек, а армия, по современным подсчетам, составляла 130 тысяч человек. Тем не менее это незначительное число воинов, чьи племена жили в одном из наиболее обособленных и мало приспособленных для обитания уголков земного шара, под предводительством Чингисхана неожиданно обрело могущество и покорило более половины известного тогда мира.

Как такое произошло? Была ли в этом заслуга исключительно самого Чингисхана, или же решающую роль сыграли способности и характер его народа? Я ехал верхом среди потомков тех людей и надеялся в своем

путешествии найти ответ, а Дампилдорж и простые монгольские араты, пастухи, которые скакали вместе с нами, желали воздать честь величайшему из предков и превратить его в символ своих надежд на будущее. Все мы находились в поисках Чингисхана.

Глава 2. Сердце материка

Монголия имеет 5000 миль (около 8000 км) охраняемой границы; она заперта между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом, по площади — пятая по величине страна в Азии. Территория ее составляет более 604 тысяч квадратных миль (1 564 360 квадратных километров), что более чем вдвое превышает площадь Турции и в четыре раза — Японии. Тем не менее ее настолько затмевают приграничные государства, что часто ошибочно полагают, что Монголия — одна из советских республик или же район Китая. В XIX веке, когда пренебрегаемая страна находилась в китайской зависимости, европейцы переняли у китайцев высокомерное разделение «Внешней», или Дальней, Монголии — то есть современной Монголии — и «Внутренней», или Ближней, которая располагалась ближе к трону Поднебесной, хотя китайцами все равно воспринималась как край чрезвычайно дикий и далекий.

Географы также не стремились польстить Монголии, поместив ее в центре так называемого «мертвого сердца Азии». В соответствии с их классификацией Монголия является холодной пустыней. Эти унылые, суровые и пустынные края настолько далеки от побережья, что океан не смягчает климата, так что все живое вынуждено приспособливаться к крайне континентальным условиям. Вегетационный период составляет всего четыре месяца, и на более чем половине территории сохраняется вечная мерзлота. Зимой температура падает до минус тридцати пяти градусов Цельсия и до марта не поднимается выше нуля. Вследствие этого у некоторых видов грызунов и копытных беременность продолжается на месяц

дольше, чем в нормальных условиях, а пушистый сурок (о котором мы подробнее расскажем позднее) до июля ходит в зимней шерсти, а затем линяет и вскоре вновь отращивает теплую шубку. В декабре небольшие реки вымерзают до самого дна, а в долинах собирается тяжелая масса очень холодного воздуха, из-за чего в высокогорных районах часто оказывается теплее, чем в долинах, где были зафиксированы температуры до минус 55 градусов. По статистике, среднегодовая температура в Улан-Баторе, расположенном в центральной части северной Монголии, на берегах реки Туул, составляет 3 градуса ниже нуля.

Лето часто пугает резкими и неожиданными изменениями погоды. Чарльз Боуден, первый англоязычный автор, написавший историю современной Монголии^[11] (книга появилась не так давно, в 1968 году), цитирует русского географа, описавшего период продолжительностью в пятнадцать часов в столице страны в июне 1942 года. Был теплый, спокойный солнечный вечер, неожиданно налетел ветер со скоростью 60 миль в час (97 км/ч), который принес с собой пыль и туман, и почти все небо затянуло облаками. Буря продолжалась всего час. Потом небо прояснилось, ветер прекратился и стали видны звезды. Между часом и двумя часами ночи прошли ливневые дожди, и на следующее утро небо снова было покрыто тучами. К 9 утра стало туманно, пошел снег, а температура была 1 градус.

За семьсот лет до этого первый из европейцев, оставивших письменные отзывы о Монголии, францисканский монах Джованни дель Плано Карпини лично пережил суровость монгольского лета, совершая вместе с монгольскими проводниками форсированный переход через степи, — они стремились успеть в Монголию к моменту провозглашения внука Чингисхана каганом, чтобы Карпини мог наблюдать церемонию.

Тучный шестидесятилетний монах с трудом переносил долгие верховые переходы. Он заболел еще в самом начале путешествия, и ему пришлось пересечь материк, страдая от тряски на низкорослых монгольских лошадаках, из которых, как он впоследствии отмечал, ему часто подбирали наихудших. Карпини отправился в путь в пасхальное воскресенье 1245 года, направленный папой Иннокентием IV под предлогом передачи послания монгольскому императору. В действительности же задача Карпини состояла в том, чтобы провести разведку и узнать о военных и политических намерениях монголов. Два годами позже монах благополучно вернулся и проехал по всей Северной Европе, где выступал перед публикой, предостерегая об опасностях монгольского вторжения. Карпини был весьма проницательным наблюдателем. «Погода там поразительно неустойчива», — сообщал Карпини в своей работе «История монгалов, именуемых нами татарами».

Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом^[12].

Когда Карпини и его спутники наконец добрались до лагеря императора, им пришлось пригнуться к земле, а потом и лечь ничком: «от силы ветра лежали распростерты на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть». Между избранием кагана и собственно церемонией коронации разбушевалась страшная гроза с градом. Внезапное таяние огромного количества града привело к ливневому паводку, в результате которого утонули 160 человек; кроме того, потоком смыло несколько жилищ и пострадало много

имущества. «И чтобы сделать краткое заключение об этой земле, она велика, но в других отношениях, как мы видели собственными глазами (так как странствовали по ней, ездя кругом, пять месяцев с половиной), гораздо хуже, чем мы могли бы высказать».

Из-за удаленности от моря влажность воздуха в Монголии очень низкая. Поэтому, несмотря на то что зимы стоят весьма суровые, снега выпадает сравнительно мало, как правило, менее трех футов. Как с удивлением отмечали иностранные путешественники еще со времен Карпини, здешние лошади научились разгребать снег копытами, чтобы добыть себе пищу. Там мало что удастся откопать — жалкое количество промерзшей жухлой травы, — но им этого достаточно. Естественный отбор приводит к тому, что выживают самые выносливые животные, и ни одному монгольскому пастуху и в голову не придет гнать коней в укрытие просто потому, что стоит суровая зима и температура ниже нуля. Опасения пастухов вызывают в основном снежные бураны поздней весной, когда лошади после нескольких месяцев полуголодного существования ослабели так, что им уже не расчистить копытами снег. Это становится настоящей катастрофой, и тысячи лошадей погибают.

Облачность бывает редко, в силу пониженной влажности воздуха, поэтому в пользу монгольского климата, в целом неблагоприятного, можно сказать, что в стране необычно много часов в год сияет солнце, — на 500 часов больше, чем в других регионах на той же широте, например в Швейцарии или в горных штатах США. Щедрый солнечный свет и ясное, чистое небо оказывали огромное психологическое влияние на монголов эпохи Чингисхана. Им огромный голубой небосвод представлялся верховным божеством, Тенгри, которому поклонялись шаманы, жрецы этих племен. Тенгри объединял в себе сотни всех остальных менее

могущественных богов и духов, населявших землю, воды, ветра и горы, и по сей день небесно-голубой считается в Монголии цветом удачи. Именно всемогущий Тенгри повелел Чингисхану отправиться на покорение мира.

Сочетание кристально-чистого воздуха Монголии, бесконечных просторов и безжалостно огромных расстояний повлияло также и на мышление современных монгольских жителей, обитающих за пределами городов. Титул, присвоенный Чингисхану, означает «Правитель океана», то есть вселенной, да и пейзаж — простирающаяся от горизонта до горизонта степь — по-прежнему располагает описывать страну теми же образами, которыми обычно описывают море. Когда я попытался объяснить монгольским пастухам, желавшим проскакать верхом до Европы, с какими сложностями придется столкнуться, то понял: некоторые из них убеждены в том, что их родная холмистая степь продолжается бесконечно, до самых берегов Атлантики. Они совершенно не представляли, что на пути попадутся такие препятствия, как широкие реки, например Волга, или огромные города и современные автострады. По их мнению, монголы могут отправиться верхом куда угодно и сделать что угодно, при условии что о лошадях должным образом будут заботиться. А закончив свой путь — так с полной убежденностью рассказывали мне пастухи, — даже добравшись до самой дальней точки Европы, монгол может пустить лошадей, и они без помощи человека найдут дорогу назад, в Монголию. Они, подобно почтовым голубям, вернутся на родные пастбища, поскольку монгольскому коню хорошо только в Монголии. Ведь именно так недавно и произошло, говорили они, когда несколько монгольских коней отправили в северный Вьетнам. Животные убежали от новых хозяев и прискакали на родину.

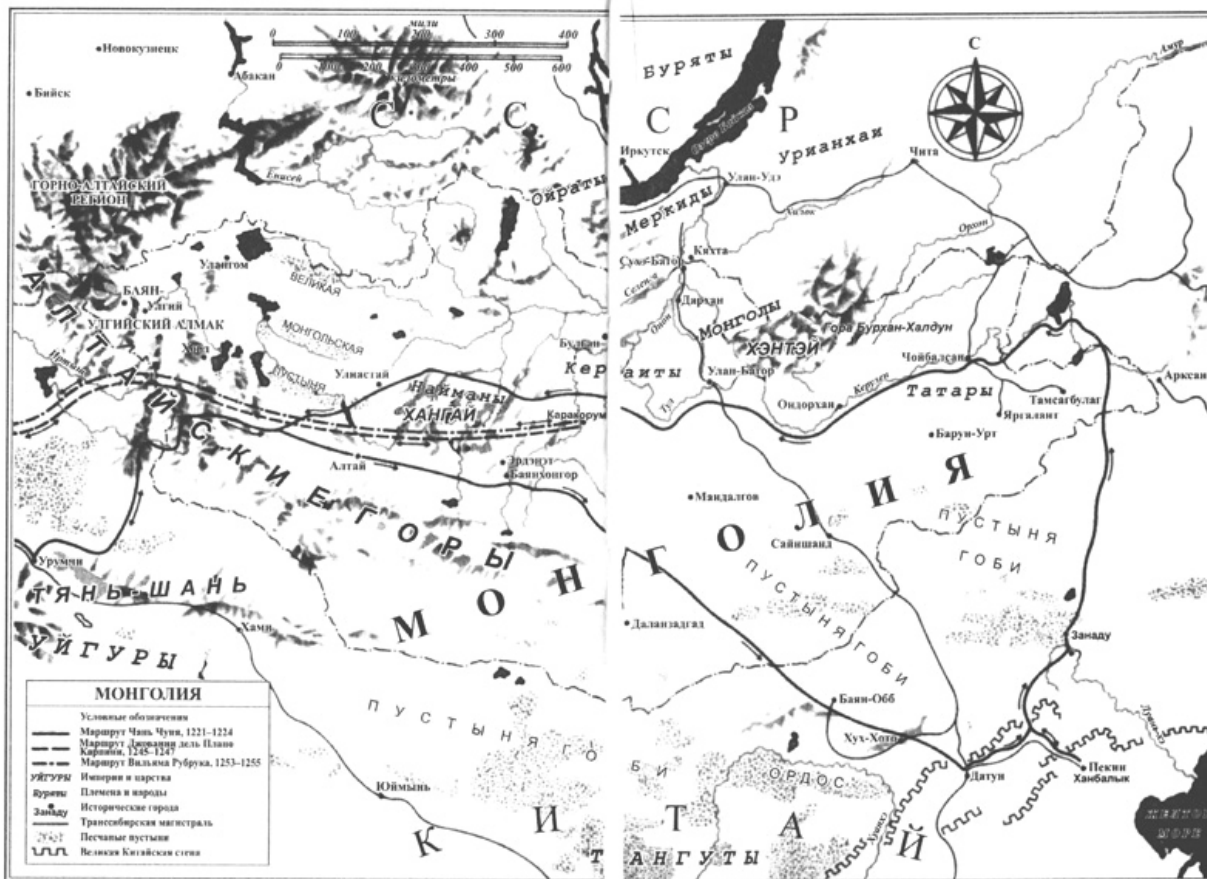

Понятно, откуда происходят такие наивные убеждения. Монголия, по площади превосходящая Британские острова, Францию, Германию и Италию вместе взятые^[13], не только огромна, но еще и изолирована физическими барьерами. На севере простирается непроходимая сибирская тайга. На западе и на юге возвышаются горные цепи Алтая, а с востока и с юга огромной дугой страну охватывает Гоби, представляющая собой не сплошную просторную пустыню, а множество пустынных впадин, покрытых булыжниками, камнями, пылью и песком. Полагают, что эти впадины возникли за миллиарды лет под действием ветра, весной поднимающего пыльные бури, которые продолжаются одну-две недели, а однажды шли без перерыва пятьдесят семь дней. Но после дождей некоторые участки Гоби покрываются мелкими солонцеватыми болотцами. Кажется, само время тут искривилось.

Здесь как будто кладбище Затерянного мира: множество скелетов динозавров так и остались лежать на поверхности земли там, где упали, а два из них — один хищный, другой травоядный — так и остались сцепившимися в смертельной схватке. Здесь обнаружены узнаваемые останки таких чудовищ, как дейнохерус, «ужаснорукий», с когтями длиной 60 сантиметров, или авираптор — летавшая некогда протоптица, обладавшая массивным клювом, как у попугая, и гребнем на голове, как у казуара. В мезозойскую эру все эти гротескные существа жили, размножались и погибали на той территории, которая сейчас является пустыней Гоби, где ныне сохранились их окаменевшие гнезда. В некоторых обнаруживаются кладки окаменевших яиц динозавров — удивительно думать, что из таких маленьких яиц вылуплялись существа, выраставшие гигантами. В других местах можно найти то, что осталось от целых выводков, — они

погибали, цепляясь друг за друга, сбиваясь в кучки по восемь-десять особей.

Ожидая начала нашего верхового похода, я совершил вылазку в монгольскую Гоби и вскоре отметил, что монголы занимаются не только разведением лошадей, как это может представляться на основе исторических знаний об этом народе. В аймаке (районе) Гоби, который мне показался самым унылым и негостеприимным уголком Земли, одна-единственная монгольская семья держала 400 верблюдов — непрерывно ревущее, стонущее, визжащее и испражняющееся стадо. Живущим здесь приходится довольствоваться лишь самым необходимым. Отец семейства загорел до черноты — он постоянно находится под лучами солнца на ветру. Крупный, молчаливый мужчина показался мне на первый взгляд стариком — он был сутул и кривоног, — тогда как в действительности ему было, пожалуй, немного за сорок. Его круглое спокойное лицо иссушили несущие пыль ветра; одет он был в выцветший ватник цвета хаки, правое плечо испачкано недавними ярко-зелеными верблюжьими испражнениями. Трое его сыновей, младшему из которых было 6, а старшему — 14 лет, бегали туда и сюда, криками подгоняя верблюдов; дойных верблюдиц отделяли от яловых. Беспокойные верблюжата, отнятые от матерей, пронзительно кричали — ни одно существо, должно быть, не издает звуков настолько горестных и жалобных.

Дети держали в руках длинные палки с прикрепленными к ним короткими веревками, которыми они пользовались как хлыстами. Иногда кто-нибудь из мальчиков вскакивал на лошадку и пускался вдогонку за отбившимся от стада верблюдом. Женщины в этой семье много трудились и стойко переносили невзгоды; жена хозяина была одета в бесформенное одеяние из голубого шелка, а волосы повязала косынкой, защищающей от пыли и песка; иссохшая бабушка, временами появлявшаяся из юрты, двигалась по черепашьи медленно, а ее темное лицо так сморщилось от возраста и немилосердных условий, что казалось, будто под сухой кожей уже рассыпаются кости. Все, что открывалось взгляду, казалось выветренным. Равнина, покрытая мелкими камнями, острыми и угловатыми, незаметно переходила в песчаные дюны, где местами попадались пучки травы и пыльные кусты серо-зеленого

цвета. Верблюды сбросили зимнюю шерсть — кожа их смотрелась неуместно, напоминая по фактуре и цвету шкуру слона или буйвола.

Эти животные, как объяснил мне скотовод, лучше всего совершают переходы поздней осенью или в начале зимы. За время, которое животные провели летом на пастбище, в их горбах накопилось достаточно жира, чтобы тридцать три дня пройти без еды и девять дней — без воды. Каждое животное может нести груз до 550 фунтов (249,7 кг) и проходить до тридцати двух миль в день. Иными словами, верблюды по скорости не уступают лошади и способен нести еще больше груза — я понял, что Гоби, кажущаяся остальному миру преградой, для монголов ничем подобным не была. Китайцы, возможно, надеялись, что Гоби представляет собой гигантский сухой крепостной ров, проложенный самой природой у подножия Великой Китайской стены, который поможет им защититься от степных варваров. Великие культуры оазисов, города Бухара и Самарканд, располагавшиеся с другой стороны от Монголии, также, возможно, считали, что их надежно ограждают окружающие пустыни. Но и те и другие заблуждались. Никакая пустыня не могла стать преградой на пути этих выносливых людей с их большим запасом жизненных сил. Полковник Пржевальский вместе с монголами пересек Гоби и наблюдал, как они умеют переносить повседневные трудности, с которыми сопряжены регулярные поездки из Монголии в торговые города Китая:

«Целый месяц сряду, без отдыха, идет монгол в самую глубокую зиму с караваном верблюдов, нагруженных чаем. День в день стоят 30-градусные морозы при постоянных северо-западных ветрах, еще более увеличивающих стужу и делающих ее нестерпимой. А между тем номад, следуя из Калгана в Кяхту, постоянно имеет ветер навстречу и по 15 часов в сутки сидит, не слезая со своего верблюда. Нужно быть

действительно железным человеком, чтобы вынести такой переход; монгол же делает в продолжение зимы взад и вперед четыре конца, которые в общей сложности составляют 5000 верст»^[14].

По воле Чингисхана пастухи, выращивавшие верблюдов, обеспечили снабжение средневековой монгольской армии.

За юртой верблюжатников взгляду предстал поразительный контраст. Еще мили четыре продолжалась равнинная Гоби, а дальше стеной стояли горы. Предгорья как такового не было — лишь небольшие участки глубоко выветренных склонов, а затем — голые скалы. Дальше поверхность резко вздымалась, и высокая стена простиралась налево и направо, до самого горизонта. Это была северная сторона расположенной в Гоби части Алтая — лишь малый участок цепи, протянувшейся на тысячу миль. С другой стороны гор лежит Китай. Мне, стоявшему в пустыне, на бархане, среди крикливых верблюдов, было странно, подняв взгляд, увидеть на главном гребне ближайшей горной цепи белую полосу — вечные снега. Этот контраст подчеркивала линия барханов, восемь полумесяцами лежавшая у подножия каменной стены. В вечерних лучах солнца они сияли ярко-желтым. Вдалеке, на юго-востоке, сотни таких же песчаных холмов сливались в песчаное море; высота их гребней достигает 250 футов (75 метров). Когда в барханах дует сильный ветер, пески движутся и издают стоны, складывающиеся в мелодии. Марко Поло полагал, что это завывают демоны, желающие заманить караваны на верную смерть.

Уже само сочетание гор, пустыни и снегов поражало воображение, но еще удивительнее было видеть возле барханов сверкающие воды озера. Это оказался мираж. Свет отражался от засохшего соленого ила, твердого, как цемент; сетка трещин покрывала его огромную

белую поверхность, напомилавшую из-за этого тротуар, выложенный плиткой самых безумных форм. Тридцать пять лет назад здесь действительно плескалось озеро, были рыбы, чайки и заросли тростника. После сезона дождей оно простиралось от подножия гор на десять миль. А потом случилось землетрясение. Местные жители говорили, что, должно быть, треснула земная кора, потому что вода ушла вниз, и в пустыне остались умирать рыбы. Мне вспомнилась история о первой американской экспедиции, занимавшейся в Гоби научными исследованиями в 1920-е годы. Вечером они разбили лагерь на берегу одного из мелких озер. Ночью ветер, собиравший воду на одном краю озера, изменил направление и согнал воду, подув с другой стороны, так быстро, что сотни и сотни серебристых рыбешек остались лежать на влажной почве. В лунном свете исследователи увидели, как рыбы бьются в предсмертных муках. Обреченный на гибель косяк хлопал хвостами, и звук этот напоминал негромкие аплодисменты.

Хотя в течение последних ста лет Западу приходилось довольствоваться довольно искаженными представлениями о Монголии, эти неполные знания все равно были хоть чем-то, если сравнить со временами Чингисхана, когда Запад пребывал в полном неведении до того самого времени, когда из Европы в степь отправились первые путешественники, например Карпини. В Европе никто даже и не слышал о Монголии и не имел представления о ее жителях до того самого момента, когда на западные страны обрушились передовые отряды конного войска Чингисхана. Откуда появились эти свирепые всадники, было настоящей загадкой. Утверждали даже, что они, будто исчезающее под землей озеро — только наоборот, — явились из самого ада, проскакав верхом через трещину в земной

поверхности. Европе пришлось иметь дело далеко не с бездарными дикарями. Первое вторжение возглавил Субудай, простой человек из монгольского племени, ставший большим военачальником, — именно ему Чингисхан поручил глубокую разведку. Военный историк Лидцел Гарт полагал, что по стратегическим способностям с полководцем монгольского племени и его повелителем мог сравниться лишь Наполеон. Отряды Субудая два года сражались вдали от своей страны без поддержки, обогнули Каспийское море, совершив переход в 5000 миль, разгромили двадцать государств, одержав при этом победу и над войском, собранном русскими князьями, а затем организованно отступили столь же загадочно, как и появились, оставив за собой мрачные легенды о монгольской орде. Потрясенные европейцы, пережившие вторжение, рассказывали, что монголы — каннибалы, едят сырое мясо и ездят на гигантских конях.

Спустя почти восемь столетий страхи развеялись не до конца. При упоминании монголов или Монголии первыми ассоциациями могут быть «желтая угроза» — вторжение жестоких варваров; кто-то вспомнит и о монголизме, как называют иногда болезнь Дауна (врожденное заболевание, связанное, как теперь известно, с присутствием лишней хромосомы, приводящее к нарушениям в развитии). Неудивительно и то, что врач викторианской эпохи, впервые идентифицировавший это отклонение, назвал его так именно потому, что больные напоминали ему карикатурное изображение монгольского лица.

Эти опасения не особенно развеялись и после того, как в конце XIX и начале XX века в Монголии побывали немногочисленные западные путешественники. В целом они описывали монголов как народ вырождающийся и грязный. Авторы ужасались чудовищной запущенности и нищете, апатичности жителей, а также огромному

количеству жрецов (лам), бродящих по стране, попрошайничающих и распространяющих сифилис, в результате чего заражено 90 процентов населения. Иностранцы путешественники утверждали, что монголы неспособны усердно трудиться. Пржевальский, по фамилии которого названа дикая лошадь, напрямую заявлял, что «наиболее поразительной чертой их характера является лень».

Вся их жизнь проходит в праздности, что вполне соответствует их пастушеским занятиям. Заботиться им приходится лишь о своей скотине, и даже этим они не особенно утруждаются. Кони и верблюды пасутся в степи без всякого присмотра, и летом их требуется лишь напоить из ближайшего колодца. За стадами овец и другой скотины ухаживают женщины и дети. Богатые нанимают пастухов из числа нищих бездомных бродяг. Доить коров, сбивать масло, готовить еду и выполнять остальную работу по дому приходится женщинам. Мужчины, как правило, ничем не заняты и лишь скачут верхом от юрты к юрте [как называют здесь войлочные палатки], пьют чай или кумыс и болтают с соседями.

Почти такое же впечатление сложилось и у англичанки Беатрис Балстрод, побывавшей в Монголии перед началом Первой мировой войны. «Монголы никогда не работали, и, скорее всего, никогда и не станут», — утверждала она в своей книге «Путешествие по Монголии», совершив две вылазки в Монголию из Китая, где уже успела много попутешествовать ^[15]. Первый раз она ездила на запряженной волами повозке и верхом и добралась до Внутренней Монголии, а во второй раз через Сибирь прибыла в столицу,

называвшуюся тогда Ургой. Представления о беззакониях и междоусобицах в тогдашней Монголии были таковы, что во вторую экспедицию она взяла целых четыре единицы огнестрельного оружия: охотничье ружье, разобранное на части и спрятанное в чемодане среди белья, маузер, большой револьвер кольт под непромокаемым плащом и «еще один пистолет поменьше в кармане». Эта женщина, напоминая ходячий арсенал, убедила корреспондента «Таймс» в Пекине Дэвида Фрейзера написать предисловие к ее книге, и он выказал искреннюю поддержку представлению мисс Балстрод о монгольском народе: «Она особенно ярко раскрывает особенности характера монголов. Монгол простодушен, доволен жизнью, добросердечен, чрезвычайно ленив и, судя по всему, полностью лишен практических способностей. Сам по себе его характер служит причиной его бед, как прошлых, так и нынешних. Короче говоря, он не приспособлен для конкуренции с внешним миром».

Корреспондент «Таймс», мисс Балстрод и другие, критиковавшие монголов, не осознавали, что по самой своей культуре этот народ не выносит усердной и однообразной работы. Единственным достойным, с их точки зрения, занятием является выращивание овец, крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей на пастбищах, когда пастух свободен направляться, куда пожелает, подчиняясь только переменам времен года. Сама мысль о земледелии вызывала ужас. Пахарь, идущий за плугом, представлялся монголам человеком связанным, склоняющимся над грязью, как раб. Когда в начале 1920-х годов в стране в качестве эксперимента попробовали внедрить пахотное земледелие, монгольские араты проявляли удивительное беспамятство: засеяв поле, они уходили и не возвращались за урожаем.

Тем, кто смотрит на Монголию с высоты, она и сегодня может показаться огромным пустым пространством. Страна раскинулась на три часовых пояса, при этом в ней имеется лишь один крупный город и всего 500 населенных пунктов имеют более 500 жителей. С самолета видны унылые голые степи, и ничто не выдает присутствия человека, за исключением маленьких точек — это стада овец, пасущиеся на каменистых склонах. Через каждые тридцать-сорок миль видны аккуратные белые шарики, похожие на шампиньоны; это гыры пастухов — круглые войлочные шатры, в которых монголы жили задолго до времен Чингисхана; на Западе гыр чаще называют юртой, и именно последнее название предпочитал полковник Пржевальский. В Улан-Баторе, где с жильем постоянные сложности, сотни гыров расположены так, что образуют улицы, кварталы, целые пригородные районы. Каждый гыр электрифицирован, но ни водопровода, ни канализации в них нет; по ночам эти жилища заливают яркий белый свет телеэкранов. Гыр, который может показаться анахронизмом, в современном городе в некоторых отношениях оказывается более удобен, чем унылые многоквартирные здания советского вида, обшарпанные фасады которых обезображены потеками ржавчины от железных балконов, повсюду свисают уродливые плети наружной электропроводки, за исписанными хулиганами дверьми — грязные лестницы. Пусть в квартирах в бетонных зданиях есть центральное отопление и водопровод, но с наступлением зимы обитатели и городских, и сельских юрт (гыров) покрывают крышу и стены своих жилищ дополнительными слоями войлока, чтобы защититься от обжигающего холода. На протяжении последних семидесяти лет коммунистический режим вынуждал простых монголов отказываться от привычного образа

жизни, и эти однообразные многоквартирные дома можно считать наиболее удручающим его наследием.

Коммунисты пришли к власти в 1921 году, когда Монголия ненадолго обрела независимость; после многовекового китайского господства страна была совершенно неразвитой, замерев в феодальном состоянии. Независимое монгольское государство не успело окрепнуть и не выдержало волны потрясений, последовавших вслед за русской революцией по всей Центральной Азии. С севера, из Сибири, в страну вторглись шайки головорезов, возникшие после крушения царской империи.

Из всех вторгавшихся в страну самым эксцентричным и самым разрушительным был «безумный барон», чьи выходки возможны только в таком глухом уголке Земли. Представитель древнего прибалтийского рода, младший офицер Белой армии, покинувший затем ее ряды, барон фон Унгерн-Штернберг прибыл в Монголию и захватил власть при помощи отребья царской армии — это боевое формирование он с размахом окрестил Азиатской конной дивизией. На портрете мы видим мужчину лет сорока, и во внешности его читается сумасшествие; у него высокий лоб, переходящий в залысины; безумно куда-то уставились светлые глаза. Одет он в монгольский национальный костюм, высокий воротник которого застегнут на традиционные «косички». На плечах у барона эполеты, на груди — Георгиевский крест. Неожиданная смесь восточного и западного в его костюме напоминает его планы, также представлявшие собой сочетание разнородных элементов. Он намеревался вернуться в Сибирь во главе монгольской армии, прогнать красных и основать восточноазиатское государство, преданное царю. Во время его недолгого правления по Урге прокатилась волна казней, грабежей

и поджогов. Возглавляемые им бандиты убивали любого, принятого за большевика. Они пробудили к себе такую ненависть, что, когда на монгольскую столицу стала наступать Красная армия, безумному барону и его приспешникам пришлось поспешно отступить из города в сопровождении немногочисленных присоединившихся сторонников его имперских замыслов. 21 августа 1921 года он был схвачен солдатами Красной армии и увезен в Новосибирск, где его и расстреляли месяц спустя. Рассказывали, что судья предложил ему свободу при условии, что барон споет первый куплет «Интернационала». Он ответил, что готов это сделать при условии, что сначала судья споет гимн царской России. К тому времени, благодаря работе засланных из Сибири агентов, владевших монгольским языком, Красной армии удалось надежно взять под контроль Ургу — город, переименованный позднее в Улан-Батор. Красные «присматривали из-за кулис» за тем, как едва оперившаяся монгольская компартия провозгласила новый режим, — так Монголия стала вторым по счету коммунистическим государством.

Начиная с этого момента история Монголии копировала то, что происходило в Советском Союзе. Коммунисты Монгольской народно-революционной партии старательно повторяли за Москвой все политические перемены — сначала сталинизм, затем эпоху Брежнева, а в последние годы — громкие призывы к реформам. Теоретически, Монголия претерпела модернизацию и индустриализацию, а также «советизацию». Это было новое, прогрессивно настроенное государство, отринувшее феодальное прошлое и двигавшееся к светлой заре новой, социалистической жизни. И все же, по сообщениям западной прессы, весной 1990 года, на первой же демонстрации в Улан-Баторе с призывами к

демократизации, в толпе монголов шел человек с плакатом: «Мужчины и женщины Монголии! На коней!!!»

Глава 3. Сокровенное сказание

На нашей первой встрече Ариунболд познакомил меня со своим товарищем, Герелом, вошедшим в кабинет как раз во время нашей беседы, которая то и дело стопорилась. Герел соответствовал образу потомка орды гораздо больше Ариунболда. Для монгола он был достаточно высок — не менее шести футов, и в его внешности чувствовалась непокорная сила. Свирипое с виду лицо обрамляли угольно-черные волосы, довольно длинные и невымытые, а усы и борода в стиле Фу Манчу делали его облик еще более устрашающим. Речь его была отрывиста, так что казалось, что он копит в себе гнев и в любой момент готов взорваться от ярости.

По профессии Герел был скульптором, и его длинные тонкие пальцы и изящные руки резко контрастировали с пугающей манерой поведения. Это был настоящий мачо. Страстно увлеченный охотой, он создавал скульптурные изображения оленей, медведей и баранов с витыми рогами. В качестве материала для фигурок он предпочитал кость или олений рог, а при оформлении своих работ использовал природный камень, войлок и кожу. На полу его крошечной квартиры была расстелена шкура медведя, одного из десятков тех, которых ему довелось пристрелить. Из-за дивана у Герела торчали ружья; он с гордостью показывал многочисленные шероховатые черно-белые фотографии, которые изображали привалы охотников, охотничьи партии или охотников, гордо стоявших над убитой дичью.

Оба они были романтиками, и Герел, и Ариунболд, но если Ариунболд был служащим, лелеял карьерные мечты, то Герелу доводилось работать в охотничьих партиях проводником, и он умел готовить на костре, объезжать лошадей и привязывать вьюки к седлам. Он

ходил с важным видом, и не приходилось сомневаться в том, что это человек с сильным характером, пусть довольно неуравновешенный. Внешне он мог показаться неприветливым, но в действительности, как я впоследствии обнаружил, Герел был очень искренним, всегда готовым помочь и всей душой болел за успех экспедиции, хотя в день нашей первой встречи он почти ничего не говорил и только хмурился, отчего лицо его выглядело недружелюбным.

Мы с Ариунболдом договорились, что я сообщу ЮНЕСКО о новом направлении, которое принял проект, а Ариунболд начнет искать лошадей и подберет подходящий состав участников экспедиции с монгольской стороны.

После моего первого визита в качестве сопровождающего туристической группы я приезжал в Улан-Батор еще дважды — в октябре 1989 года, а затем в апреле следующего года. Каждый раз я пытался добиться принятия четкого плана экспедиции, надеясь, что амбициозные, но весьма смутные замыслы Ариунболда приобретут некоторую определенность. Стремясь как можно скорее приступить к реализации хотя бы части проекта, я предложил Ариунболду уже этим летом проскакать верхом вместе с его группой через всю Монголию, до самой советской границы, и там оставить лошадей. Таким образом они приобретут практический опыт, на который можно будет затем опираться при планировании трансконтинентального похода и который позволит мне оценить, действительно ли возможно осуществить задуманное монголами грандиозное путешествие до самой Франции. Но Ариунболд хотел отложить экспедицию не меньше чем на год, а затем совершить большой поход и без остановок доскакать до Европы. Объяснить, зачем ему нужно откладывать начало предприятия, он не мог — я так и не узнал, с чем это было связано, — так что мне

пришлось проявить немалое терпение, пока я наконец не дождался от него согласия и он признал, что при поэтапной реализации плана мы ничего не потеряем.

В то же время каждый мой визит в Улан-Батор показывал, что мои монгольские знакомые все больше убеждаются, что этот проект должен стать предприятием монгольским, и осуществляться он будет так, как принято у монголов. Весьма неожиданно для себя я понял, что мне нравится моя новая роль — роль наблюдателя и консультанта. Было замечательно смотреть, давать советы и не тревожиться самому о практических вопросах. Даже тогда, когда мои рекомендации игнорировали, я понимал, что, пока экспедиция проходит на монгольской территории, проект будет носить подлинно монгольский характер, и у меня будет возможность столь необычным образом узнать, как организуют свои дела современные монголы. Кроме того, я говорил себе, что сотрудничество Ариунболда и Герела выглядит многообещающим. Один был чиновником, способным решать административные вопросы; другой — человеком, имеющим большой опыт походов, который сможет организовать практическую сторону этого честолюбивого предприятия. У меня сложилось впечатление — как потом оказалось, ошибочное, — что у них большой опыт совместной работы. На самом деле вместе они лишь несколько раз отправлялись ненадолго поохотиться.

В конце концов Ариунболд все же решил, что нам следует проделать первую часть пути, по Монголии, уже летом и отправиться в путь в июле. Герел усовершенствовал этот план, предложив в мае совершить пробное путешествие в пустынный район Хэнтэй, наиболее тесно связанный с деятельностью молодого Чингисхана. Мне показалось, что пробный поход — отличная мысль. У меня будет возможность

испытать в полевых условиях мое собственное снаряжение, в особенности небольшую камеру, которую я собирался взять с собой, а мои товарищи смогут оценить монгольских добровольцев, вызвавшихся участвовать в основной экспедиции.

И снова никто не мог четко объяснить, куда и как далеко мы направляемся. Хороших карт у нас не было — либо их распространение ограничивалось по соображениям безопасности, либо, что вероятнее, карты попросту не печатали для широкого пользования. Но я понял, что нам предстоит провести в пути неделю или более того, и мы поднимемся на гору к северо-востоку от Улан-Батора в регионе, называемом Хэнтэй. Герел подготовил две овальные бронзовые таблички, каждая длиной около двенадцати дюймов, которые он намеревался там установить. На одной Чингисхан изображался красивым мужчиной лет тридцати — в этом возрасте он впервые возглавил боевой отряд. Другая была выполнена на основе знаменитого портрета Чингисхана, хранящегося в Императорском музее на Тайване. Эта картина, созданная через поколение после смерти Чингисхана китайским придворным художником, представляет человека, положившего начало новой императорской династии в Китае, династии Юань. Здесь Чингисхан показан в намного более старшем возрасте, когда монгольская армия уже покорила Северный Китай и захватила Пекин. Поскольку работать с натуры у китайского художника не было возможности, он подсознательно превратил Чингиса в китайского правителя, изобразив его с миндалевидными глазами, мягко очерченным ртом, гладкой кожей и длинной тонкой бородкой. В результате на портрете Чингисхан более похож на образцового конфуцианца, чем на степного полководца, собственными усилиями пришедшего к власти.

Обе таблички лежали на грязном, потрепанном брезенте, а Герел склонялся над ними — мы собирались отправиться в нашу пробную экспедицию, через семь месяцев после моего первого визита в Улан-Батор. Герел аккуратно приклеивал бронзовые таблички на мраморные плиты, напоминавшие небольшие надгробия, которые нам предстояло установить в определенных местах. На каждой плите была высечена подобающая надпись, выполненная по вертикали элегантным монгольским шрифтом и подкрашенная красной краской. Сам этот алфавит являлся непосредственным наследием гения Чингисхана, а сейчас его применение говорило о том, что в современной Монголии настало время перемен. Монголы маниакально пробовали один шрифт за другим — возможно, сказывалась то, что страна расположена на перекрестке культур, — и в разные периоды времени в стране применялись десять различных алфавитов, созданных на основе тибетского письма, ближневосточной письменности и кириллицы. Но до прихода Чингисхана к власти монголы либо не имели письменности, либо не ощущали необходимости ею пользоваться. Поэтому Чингисхан приказал своим чиновникам взять древний алфавит, применявшийся в Центральной Азии уйгурами, и именно эта форма письменности была официально принята для управления огромной империей. Она широко использовалась в Монголии более 700 лет, но затем, в 1941 году, алфавит оказался в немилости у коммунистической партии. ЦК нашел его архаичным и отсталым. В связи с этим был издан закон о том, чтобы постепенно прекратить его использование, заменив «современным» — то есть кириллицей, которой пользовались русские наставники.

Всех монголов должны были обучить кириллице, а монгольский алфавит в школах изучать перестали. Реализация этой непродуманной реформы затянулась из-за Второй мировой войны до 1945 года, а вскоре

после ее внедрения возникли непредвиденные последствия, нежелательные для монгольского языка. Многие звуки и оттенки устного монгольского невозможно должным образом передать кириллицей, и устная речь, оказавшись в смиренной рубашке новой письменности, стала упрощенной и менее естественной. Монголы, гордившиеся своими традициями, начали с завистью смотреть на китайскую провинцию Внутренняя Монголия, где, по иронии судьбы, местные монголы по-прежнему пользовались монгольским алфавитом.

Теперь, сорок пять лет спустя, делаются попытки устранить последствия этого ошибочного решения. Руководство страны недавно заявило, что монгольская письменность будет возрождаться в рамках программы либерализации. Есть также планы, еще не вполне определенные, снова сделать этот алфавит официальным вариантом государственной письменности, хотя никто не знает, в какие суммы это обойдется. По некоторым оценкам, только замена пишущих машинок в правительстве потребует расходов, превышающих весь бюджет правительственной службы за два года. И, конечно же, было бы немыслимо, будь надписи на созданных Герелом табличках с портретом Чингисхана выполнены кириллицей, чуждой монголам.

Для надписей Герел взял цитаты из повествования, трепетно почитаемого всеми, кто изучает биографию Чингисхана. Точно неизвестно, кто и зачем написал подлинник этого текста, но «Сокровенное сказание монголов» считается одним из наиболее примечательных литературных произведений Центральной Азии и, возможно, самой необычной письменной хроникой из всех, созданных когда-либо кочевниками.

Обладатель великолепного имени, архимандрит Палладий, священник и ученый, служивший в русской миссии в Пекине, произвел сенсацию, когда в 1866 году

сообщил, что обнаружил в китайских архивах неизвестное ранее произведение, в котором деятельность Чингисхана описывалась с точки зрения монгола. Открытие Палладия потрясло безмятежных востоковедов. До того времени общепризнанным фактом считалось то, что сложность изучения номадических культур связана с тем, что в них отсутствуют памятники письменности. Кроме того, вследствие кочевого образа жизни они редко оставляют после себя значительное археологическое наследие. Тем не менее опубликованная Палладием сага, написанная вскоре после смерти Чингисхана, рассказывала о происхождении монголов, а также сообщала о рождении, приходе к власти и невероятных достижениях величайшего из монголов.

Оказалось, что открытие Палладия было лишь началом. В течение последующего десятилетия в Китае, как в частных библиотеках, так и в официальных архивах, начали находить другие фрагменты, а также другие варианты «Сокровенного сказания монголов». Было похоже, что китайским ученым о существовании этого уникального документа было известно уже столетия, но они не придавали ему особого значения. Ведь это повествование рассказывало о варварах-монголах, а не о Китае, сердце цивилизованного мира. «Сокровенное сказание монголов» задает изысканные загадки, в решении которых до сих пор не достигнуто всеобщего согласия. Эти спорные моменты связаны с тем, что исходный текст был написан на монгольском, сохранившиеся экземпляры переписаны китайскими писцами, не применявшими монгольского алфавита. Звуки монгольского языка они старались передать знаками китайской грамоты, как фонетические символы. Они очень старались и даже составили глоссарий, в котором разъяснялись значения некоторых наиболее трудных для понимания монгольских слов, и, похоже,

этот текст использовался китайцами в качестве учебника для подготовки устных и письменных переводчиков, работавших с монгольским языком. Но при переводе повествования на китайский в тексте, конечно же, образовались неясности, а первоначальный вариант, на монгольском, так и не удалось найти. Одна, по меньшей мере, из бесценных копий исчезла в сумятице китайской гражданской войны, и востоковедам потребовалось более столетия на то, чтобы восстановить хоть в какой-то степени исходный монгольский текст; многое в нем по-прежнему остается не вполне понятным.

Принято считать, что «Сокровенное сказание монголов» предназначалось для того, чтобы потомки Чингисхана узнали официально признаваемую историю происхождения знаменитого предка, и, как думают некоторые специалисты, текст стали называть «сокровенным», поскольку читать его дозволялось только членам императорской семьи. Другие полагают, что это название объясняется тем, что памятник имел небольшое распространение. Как бы то ни было, в «Сокровенном сказании» слышатся отзвуки голоса сказителя, напевающего членам племени, собравшимся у походного костра, легенды о появлении народа и о приходе к власти того, кого все монголы до сих пор почитают как отца нации.

Место, где мы с Герелом и Ариунболдом назначили нашу встречу, упоминалось, как они мне сказали, в «Сокровенном сказании»; располагалось оно на берегу небольшого озера, называемого Голубым и расположенного примерно в 190 милях к северо-востоку от Улан-Батора. Был конец мая, но долгая монгольская зима еще не отступила. Осока у берега обледенела и потрескивала, стаи ворон каркали на голых деревьях, а само озерцо, ширина которого составляла не более полумили, было на три четверти покрыто тающим льдом.

В глубоких ложбинах, куда не попадали лучи солнца, оставались островки смерзшегося снега, а трава на крутом склоне холма, возвышавшегося на дальнем берегу озера, иссохла и побурела. Склон был обезображен лозунгом, выложенным камнями, — он прославлял победу октябрьской революции в России. Мы же, по иронии судьбы, прибыли сюда, чтобы почтить событие совершенно иного характера. Именно здесь мы должны были установить первую из табличек работы Герела, предназначенную увековечить память о том дне, когда, примерно 800 лет назад, несколько ничем не примечательных монголов собрались здесь, чтобы поклясться верно служить двадцативосьмилетнему Темучжину. Их обеты верности были одновременно и иносказательны, и просты. Один из пришедших обещал стать поваром своего нового повелителя, другой — его лучником, третий — главным пастухом отары, четвертый обязался пасти коров, пятый — чинить повозки. Несколько человек присягнули служить телохранителями. Один дал клятву, которая архаичным стихом «Сокровенного сказания» передавалась так:

Для тебя обернусь я мышкой —
Буду в дом собирать-запасать.
Обернувшись черной вороной —
Все, что под руку, в дом загребать.

Обернусь я теплой попоной —
Буду тело твое согревать.
Обернусь я покровной кошмой —
Буду юрту твою покрывать [\[16\]](#).

Через двадцать лет имена членов этой компании наводили ужас почти по всей Азии. Темучжин, сменив имя, стал Чингисханом, а его верная «мышь» —

полководцем Субудаем, возглавившим конницу, которым так восхищался Лиддел Гарт и который, как напишут потом историки, «покорил 32 государства и одержал победу в 65 решающих сражениях».

А в мае 1990 года на этом месте стояла дюжина монголов, наблюдавших за тем, как Герел возится с бронзовой табличкой; я только через какое-то время понял, что в пробном походе нас будет сопровождать группа профессиональных художников, а также двое волонтеров. Последних отличала особая одежда, нечто вроде униформы члена экспедиции: новенькие темно-бордовые дээлы и тяжелая войлочная обувь с еще не потускневшей вышивкой на боковой стороне. Они надеялись, что их включат в состав верхового похода во Францию; по специальности они были врачом и ветеринаром — это Ариунболд тоже взял из моего первоначального проекта экспедиции.

Доктор, весьма застенчивый молодой человек, носил неожиданную для монгола модную прическу — «конский хвост». Его товарищ, ветеринар средних лет, очень напоминал Самсона: грудь, как бочка, и привлекательное морщинистое лицо. Он носил широкий кожаный ремень, как у тяжелоатлета, а на голове — традиционную монгольскую островерхую шапку; к моему удивлению, он всякий раз, когда начинался дождь, накрывал ее полиэтиленовым пакетом. Ветеринар оказался шарлатаном. Он любил прихорашиваться, а размер его талии объяснялся ожорством. В течение последующих нескольких дней он большую часть времени вертелся у костра, ожидая возможности съесть еще одну порцию, а потом и третью. Что же до его ветеринарных навыков, выяснилось, что в лечении и уходе за животными местные погонщики разбирались лучше него. В состав экспедиции его включать не стали.

Молодой врач тоже оказался непригоден для похода, хотя он вел себя тихо, был приятен в общении и изо всех сил старался помочь, где только мог. Его непоправимый недостаток состоял в том, что он относился к тем очень немногим из встреченных мною монголов, кто держался в седле неуклюже и так и не научился сколько-нибудь уверенно ездить верхом. Доктор трясся на лошади, страдая от огромного неудобства, а стоило ей шарахнуть, как он падал. Всем было его жаль, в том числе и художникам: среди живописцев, писавших маслом и акварелью, а также скульпторов, было несколько весьма умелых наездников.

Все они были членами Союза художников Монголии; как я предположил, их пригласил в пробный поход Герел, поскольку их присутствие придавало походу полуофициальный статус «профсоюзного проекта», а также, что не менее важно, из-за того, что они внесут средства на оплату взятых напрокат лошадей и помогут заплатить проводникам, помощь которых нам потребуется в горах. Очевидно, ранее в Монголии не предпринималось ничего подобного нашей экспедиции, и приходилось подстраиваться под административное мышление, сложившееся в стране.

Я сразу заметил, что принятие решений было делом, которым монголы занимались сообща. По любому вопросу, будь то программа на день, число лошадей, маршрут или способ надевания седла, велись долгие споры, в которых участвовали все, независимо от того, разбирались они в обсуждаемом вопросе или нет. Участники обсуждения подходили, высказывали свое мнение, а потом возвращались к другому занятию современных монголов — ремонту сносившихся шин.

До места встречи мы добирались из Улан-Батора по холмистой местности и в пути провели шесть часов. Нашим транспортом были самые различные джипы и внедорожники, которые мы для этого случая выпросили

у различных государственных организаций и кооперативов. Рабочее состояние этого транспорта поддерживалось путем «монголизации» — так шутливо обозначалось добывание необходимых запчастей из хлама и последующая их переделка. У джипа, таким образом, могло быть треснутое лобовое стекло, переставленное с похожей машины, разбившейся в аварии, задний мост — еще от одного пострадавшего транспортного средства, другой модели, и коробка передач, снятая с небольшого автомобиля. Второстепенные детали, например фары и зеркала, прикреплялись кусками проволоки или веревки, а иногда просто отсутствовали. С такими автомобилями-гибридами нам приходилось, естественно, часто останавливаться для ремонта, а шины вечно находились в ужасном состоянии.

Удручающее состояние транспортных средств лишний раз напоминало о том, сколь трудно организовать экспедицию там, где ни у кого нет возможности достать надежное оборудование и снаряжение. Было совершенно очевидно, что Монголия находилась в самом конце длинной цепи снабжения, начинавшейся где-то в СССР. Почти вся ввозившаяся в страну техника была советским старьем. И, конечно, продолжительности службы транспортных средств никак не способствовало то, что в Монголии по-прежнему практически не было дорог с твердым покрытием. Из одного населенного пункта в другой приходилось ехать по колеям от колес машин, которые проехали ранее, — по степи, через горные перевалы, через речные отмели. Мостов не было. Когда колея становилась слишком глубокой, водителю оставалось только выбраться из нее и проложить по нетронутому грунту новую. В любом автомобиле пассажиров сильно трясло, а колеи вовсе не украшали местность. Во все

стороны тянулась сеть дорог, шрамами рассекавших лицо земли.

Ариунболд пригласил и переводчика; это был доктор Бошиж, воплощавший в себе те неожиданные контрасты, которые я вновь и вновь встречал в современной Монголии. Кардиолог по образованию, он не работал по специальности, и это в стране, где отчаянно не хватало врачей. Свободомыслящий, он жил в тоталитарном государстве; человек, мечтавший стать успешным политиком, в преддверии первых в стране свободных выборов, в решающий момент уехал на рыбалку. Как и все образованные монголы, «доктор» свободно говорил по-русски, поскольку русский язык был обязательным предметом в школе и являлся подспорьем для любых видов дальнейшего образования; кроме того, он очень хорошо говорил на английском, а еще самостоятельно освоил немецкий и французский. Медицинское образование он получил в Будапеште, так что на венгерском говорил бегло, а после непродолжительной работы в одной из больниц Стокгольма немного овладел шведским. Он любил лошадей, но ненавидел верховую езду, а еще очень страдал от сенной лихорадки — эта болезнь создает серьезные неудобства в краях, где пыльцы летом в воздухе больше, чем в большинстве стран мира. И все же Док никогда не сдавался. Его имя означало «Основательный»; впоследствии он сопровождал меня во всех моих путешествиях и оказался совершенно необходимым. Добродушный, целеустремленный, он любил животных и был чрезвычайно сведущим человеком. А еще Док в любую поездку брал складную удочку, так что именно он позволял нам разнообразить наш весьма небогатый рацион.

Два других члена команды составляли ядро нашего пробного похода. Пол Харрис прибыл вместе со мной, чтобы делать фотографии. Пол, англичанин тридцати

лет с небольшим, работал профессиональным фотографом в Лондоне; я познакомился с ним в Ирландии, в моей родной деревне, куда он прибыл фотографировать по заданию редакции. Позднее, когда я написал ему с вопросом, не хотел бы кто-нибудь из его знакомых отправиться в экспедицию в Монголию, он тут же вызвался ехать сам, поскольку его более всего интересовала съемка на открытом воздухе; кроме того, он стремился к новым впечатлениям. Я не сомневался, что Пол будет хорошим спутником. Он уже бывал в горных экспедициях в Южной Америке и Непале, пылал энтузиазмом и умел приспособливаться к ситуации. И, что самое главное, он старался сделать свою работу как можно лучше, даже тогда, когда для этого требовалось встать задолго до рассвета, чтобы оказаться в наиболее удачной точке и успеть сделать снимок при наиболее подходящем освещении.

Байяр же был направлен в качестве второго оператора помочь мне снимать документальный фильм о нашем путешествии. Байяр был сотрудником монгольской телестудии — эта организация с названием более внушительным, чем она сама, располагалась в обшарпанном здании возле улан-баторской телевышки. Когда-то в прошлом, должно быть, монгольская телестудия была солидной организацией и выпускала новостные ролики и небольшие документальные фильмы типа тех, которые предпочитали снимать в странах Восточного блока. Как и во всем мире, киносъемки новостей стали вытесняться видеосъемкой, и телестудия пришла в заметный упадок, так что ветеранам с кинокамерами и операторам звукозаписи приходилось нелегко — они были вынуждены работать на старенькой технике, а все финансирование доставалось их блистательным собратям с видеокамерами. Байяр стойко придерживался старых традиций, то есть съемки на кинокамеру. Сын пастуха,

он обучался в московской школе кино, где прошел краткий курс киносъемки, проводившийся в рамках подготовки кинооператоров из «дружественных соцстран», а по возвращении получил распределение на монгольскую телестудию, где проработал двадцать лет. Это был стройный человек маленького роста, подвижный и остроумный. Мы с Полом поразились, узнав, что он уже дедушка. Это казалось невероятным — настолько Байяр походил на мальчишку.

Байяр прибыл к месту встречи с выдавшей виды кинокамерой, которой было, пожалуй, лет тридцать, не меньше; во время съемки она тихо ворковала. Эту старушку он ставил на тяжелый деревянный штатив, тоже «винтажный», и перед тем, как посмотреть в видоискатель, поворачивал свой островерхий головной убор из кожи задом наперед. В галифе и черных кожаных сапогах он будто сошел с экрана голливудского фильма двадцатых годов. Техника съемки у него не была идеальной — в мешке для смены пленки было полно пыли и волосинок, а отснятые катушки он не убирал в металлические коробки, а небрежно заворачивал в потрепанные черные бумажные пакеты, — но его жизнерадостное отношение к делу было огромным плюсом. Он вырос на природе и умел обращаться с лошадьми и разбивать лагерь не хуже остальных членов группы, а во время пробного похода потряс меня тем, что положил свою массивную камеру, у которой было столько выступающих деталей и металлических углов, в тонкий полотняный мешок и повесил себе за спину. Так делать не рекомендуется, но противоударных чехлов для кинокамеры в Монголии не достать. Камера при каждом шаге лошади колотила его по ребрам; должно быть, это было мучительно больно. И все же всякий раз, когда я встречался с ним взглядом, Байяр хитро подмигивал и широко улыбался. Ему исключительно шло его имя, означавшее «счастливый».

Герел заранее договорился о прокате лошадей и предоставлении проводников с местной сельскохозяйственной коммуной. По воле партийных теоретиков и чиновников сельская Монголия разделена на провинции, так называемые аймаки, дробившиеся, в свою очередь, на более мелкие единицы — сомоны. Сомон по сути представлял собой территорию, на которой работал большой коллектив, или коммуна, организовывавшая труд всех жителей данной территории. У сомона имелась собственная администрация — так называемый центр сомона, иногда представлявший собой всего пару дюжин построек и небольшую взлетно-посадочную полосу с грунтовым покрытием. Здесь, как это бывает в классической централизованно управляемой экономике, сомонный комитет руководил жизнью пастухов и их семей, распределял общественные стада, обеспечивал всем необходимым, и ему же члены коммуны сдавали продукцию, направляемую затем центральному руководству страны. При этом каждый пастух имел право держать некоторое количество животных в собственном хозяйстве; соотношение частного и общественного поголовья зависело от правил, действующих в соответствующий период, и от характера местности — доля крупного рогатого скота и лошадей, принадлежавших частным владельцам, доходила до 15 процентов.

И вот утром 17 мая в лагерь прискакали полдюжины пастухов, каждый из которых привел еще три-четыре лошади: часть принадлежала частным владельцам, остальных нам выдало напрокат коллективное хозяйство. Трудно сказать, кто в этом разношерстном сборище выглядел пестрее — всадники или лошади.

Разномастные животные привычны для этих мест — угловатые, низкорослые, нечесаные, неподкованные,

головы слишком крупные по сравнению с туловищами, да и сложение неказистое. Все они были меринами, поскольку кобыл в Монголии держат ради молока и для разведения, а жеребцов оставляют мало — последним часто не стригут гриву, и она вырастает до земли, так что кажется, что конь вот-вот на нее наступит. В то утро мы увидели обычных рабочих мерин — это были неухоженные, малосимпатичные, но невероятно выносливые создания, в которых совершенно не чувствовалось работы селекционеров и не было ни капли грации. Эти животные только что пережили обычную для Монголии зиму, во время которой им случалось стоять хвостом к ветру, когда выли метели, принесенные из Сибири; лошадки добывали себе пропитание, когда растения уже погибли от лютых морозов. Именно таких лошадей выбрал для своей антарктической экспедиции капитан Скотт, и они тащили его сани в начале похода к Южному полюсу, и с их помощью войска Чингисхана могли форсированным маршем проходить 80 миль в день. Теперь же нам с Полом предстояло самим скакать на них.

Пастухи казались не менее выносливыми; все они были одинаково одеты: высокие черные сапоги, поношенные рабочие дээлы, на голове — либо шерстяная шапка с кисточкой, либо поношенная фетровая шляпа с полями, придавшая им поразительное сходство с южноамериканскими гаучо. Они тихо подъехали к краю лагеря, привязали к деревьям своих полудиких лошадок, чтобы животных не напугали незнакомцы, а потом прошли в лагерь, где их угостили чаем и сигаретами. Они с любопытством глянули на нас с Полом, а затем вежливо переключили внимание на наших монгольских товарищей, все еще не закончивших обсуждать планы. Следить за ходом разговора было невозможно. Во-первых, лица монголов казались мне особенно непроницаемыми, настолько бесстрастными,

что по сравнению с ними даже лица китайцев могли бы показаться красноречивыми. Во-вторых, в монгольском языке мне было не за что зацепиться. Хотя он, как утверждают, относится к алтайской группе языков и родственен турецкому, монгольский настолько не похож на современный турецкий, что я, несколько месяцев во время путешествия по следам крестоносцев общавшийся с жителями турецких деревень, не мог разобрать ни слова в резком и быстром разговоре на монгольском. Когда спорившие начали выходить из себя, голоса их зазвучали громче и на более высокой ноте, и наконец разговор стал напоминать стычку двух котов, фыркающих и брызжащих слюной до тех пор, пока один не бросится на другого.

Док стоял и не вмешивался; отсутствие должного планирования явно не производило на него впечатления. Он перевел нам, что пастухи привели слишком мало лошадей и придется подождать еще день, чтобы пригнали еще. В то же время, жители «ближнего» — то есть расположенного в нескольких часах езды — поселка подарили нам овцу для праздничного пира. Наступил вечер, а овцы все не было. Температура опустилась ниже нуля. На берегу озера стояли четыре маленьких деревянных лачуги, предназначенные, должно быть, для рыбаков или туристов. Мы с Полом вошли в один из домиков и, подметя мышиный и птичий помет, разложили спальные мешки на деревянном полу. В полночь послышался скрежет грузовика российского производства. Выглянув из спального мешка, я увидел, как из кузова вытащили перепуганную тощую овцу, подвели ее туда, где светили фары, и зарезали. На приготовление мяса ушло еще два часа, а в три часа ночи меня разбудил Док. Он сунул мне под нос обжигающе горячую металлическую миску. «Вот что я вам принес, это поможет не мерзнуть», — заботливо сказал он. У меня не хватило духу отказаться от

щедрого подношения, и я выпил невыносимо горячее пойло. Оно было жидким и жирным, и скользкие кусочки отварного овечьего сердца и легких скользнули мне в горло. На следующий день утром в лагере появился местный секретарь партии в сопровождении примерно десятка функционеров, в своих темных деловых костюмах выглядевших очень неуместно. Секретарь был молод — никак не старше тридцати — и ему не меньше, чем всем остальным, хотелось почтить произошедшие в этих краях события, связанные с Чингисханом. У него даже был значок с портретом Чингисхана — для члена партии такое еще три года назад было немыслимо. Основным событием утра стала типичная для коммунистических стран церемония: всем должны были вручить памятные медали, хотя мы еще ничем не успели их заслужить. Герел сделал массивные медальоны, на одной стороне которых был монгольский гонец, скачущий на Запад. На обратной стороне была изображена пайцза, знаменитый «паспорт», которым в средневековье пользовались монгольские гонцы. Это пластинка, выдаваемая монгольскими правителями послам и важным чиновникам. Пайцза, которая могла изготавливаться из различных материалов — от дерева до меди и золота, в зависимости от чина и значимости получателя, — позволяла путешественнику получать на территории империи особые привилегии, такие как вооруженное сопровождение, бесплатная помощь проводников и ночлег, а также право беспрепятственного передвижения^[17].

Медальоны, сделанные Герелом, были подвешены на шелковых лентах приносящего удачу голубого цвета, и по одному из них вручили затем каждому участнику похода. Но сначала Ариунболд воздал должные почести двум пастухам, которые решили подарить, а не дать напрокат, лошадей для экспедиции. Идея похода до самой Франции так им понравилась, что они пожелали

каждый подарить по лошади для нашей экспедиции. Все собрались в круг, и Ариунболд, одетый в дээл сливового цвета и тяжелую войлочную обувь, с важным видом вышел вперед. Он нес на вытянутых руках длинный голубой шарф, а также небольшую чашу из дерева и серебра, до краев наполненную молоком кобылицы. Такой шарф, хадак, является важным элементом традиционного монгольского этикета, поскольку означает почести и благодарность в отношении дарителя и того, кому преподнесен подарок. Ариунболд вручил шарф первому пастуху, который при этом выглядел неловко и смущался, после чего они вместе подошли к подаренной лошади. Теоретически полагалось, в соответствии с традиционной монгольской церемонией, скрепить дарение, плеснув молока на ближайшее стремя, так как это должно принести удачу и обезопасить путника в предстоящем походе. Но полудикая лошадка, естественно, перепугалась при виде незнакомого человека, держащего трепещущий на ветру голубой платок и сжимающего в руке блестящую серебряную чашу; животное тут же встало на дыбы и попыталось убежать. С некоторым скепсисом я заметил, что сами пастухи ездили на неплохих лошадях, а нам в пользование выделили не самых лучших (а те две, которых преподнесли в дар, были и вовсе старыми и больными). Про себя я с удовольствием отметил, что понял наконец, о чем говорится в пословице «даренному коню в зубы не смотрят».

И вот прошел второй день, а мы все еще оставались на месте, в лагере, и мы с Полом стали привыкать к неторопливой манере монголов вести дела. Все были очень внимательны и добры, а араты в особенности казались пораженными тем, что наш интерес заставил нас добраться в такой удаленный район, как Хэнтэй. Их не удивляло, что наши монгольские спутники, прибывшие из города, интересовались наследием

Чингисхана, но вот тем, что два иностранца не только стремятся добраться до Хэнтэя, а еще и хотят освоить монгольский способ верховой езды и монгольский образ жизни, араты гордились.

Нас с Полом накормили самыми вкусными кусками мяса зарезанной до этого овцы и показали, как стреножить лошадь, обвязав поводья вокруг ее передних ног. Для этого нужно было присесть на корточки возле животного, подвинуть передние ноги поближе одну к другой, а потом взять свободный конец сыромятных поводьев и дважды закрутить вокруг ног лошади, чтобы они оказались связаны на расстоянии примерно четырех дюймов друг от друга (10 см), и наконец завязать специальный узел, который при необходимости можно быстро развязать. Как у моряков, умеющих завязывать свои хитроумные узлы, у каждого погонщика имелся особый способ стреноживания коня. Один за другим они показывали свои варианты, и каждый настаивал, что его метод — самый лучший, и все смеялись над нашими неловкими попытками, а мы все больше и больше запутывались от такого обилия совершенно разных способов. В степи, говорили нам, не найти дерева или куста, к которому можно привязать лошадей, когда мы остановимся на привал. А если коню удастся убежать, то на пути он не встретит никаких преград. Теоретически, как я подсчитал, если в Монголии лошадь понесет, то она может проскакать путь, равный расстоянию от Лондона до Рима, не встретив на пути ни единого препятствия, которое могло бы ее остановить.

Пол в последний раз ездил верхом в детстве, и, хотя я его и предупреждал, было заметно, какое потрясение вызвало у него знакомство с монгольским седлом. С виду конструкция не обещала ничего приятного: передний и задний концы этого очень узкого и высокого деревянного седла резко поднимались; оно напоминало

седла, обнаруженные в захоронениях китайских императоров. Погонщики очень гордились личными седлами — это были произведения искусства. Седла покрывали красным бархатом, окрашивали резные деревянные детали — чаще в ярко-оранжевый цвет — и за большие деньги заказывали серебряную отделку, а также гвозди с крупными шляпками искусной работы. Шляпки гвоздей, два дюйма шириной и дюйм в высоту, располагались примерно там, где бедра наездника касаются седла, и скакать в таком седле было бы мукой для всякого, кроме монгольских пастухов, проводящих всю жизнь в седле и натренировавших этим свои ягодицы. Конечно же, такие замечательные седла не полагались неопытным членам экспедиции и творческим людям из города. Им приходилось пользоваться обычными казенными седлами, представлявшими собой две стальные дуги, укрепленные на деревянном основании; все покрывал тонкий слой кожи. В таком седле было ничуть не удобнее, чем в седле традиционной конструкции.

Я догадался захватить с собой то самое седло, в котором скакал по маршруту крестоносцев, и теперь это произвело сенсацию. Казалось, я принес невероятную диковинку. Пастухи никогда прежде не видели таких седел и, когда я отвернулся, унесли его и стали примерять на послушную лошадку. Европейские подпруга и стремянные ремни настолько не похожи на оснастку монгольского седла, что пастухи сняли все ремешки и попытались собрать седло по-своему. Через пять минут лошадку оседлали, закрепив седло одним стремянным ремнем, а второй ремень затанули вокруг живота наподобие второй подпруги, на монгольский манер. Когда я показал, как полагается пользоваться таким седлом, все погонщики по очереди испытали его, проехавшись по лагерю туда и сюда и широко улыбаясь.

Наконец, пока все еще сохранялось достаточное естественное освещение, все мы — погонщики коней, представители партии, кандидаты на участие в экспедиции, художники — выстроились, будто футбольная команда, чтобы Пол снял нас на память. В центре композиции, там, где обычно держат футбольный мяч, располагалась первая бронзовая табличка работы Герела, поставленная вертикально на том месте, где в будущем она будет установлена в честь первого шага, совершенного Чингисханом на пути, который хан проделал, чтобы стать «властелином мира».

Глава 4. Арат

Первая задача, которую предстояло выполнить на следующее утро, состояла в том, чтобы выбрать лошадь, на которую будет навьючен груз: палатки нашей экспедиции, запасное кинооборудование и походная печка с металлической трубой, разбирающейся на три части, а вдобавок оставшиеся окровавленные куски ягнатины. Пастухи привели еще полдюжины лошадей, поэтому было из чего выбирать, и, конечно же, навьючить наше снаряжение решили на самую выносливую.

К сожалению, она оказалась также совершенно непослушной и упрямой, кроме того, прежде она никогда не использовалась в качестве вьючного животного. Пастухам удалось просунуть ей между зубами металлические удила и накинуть на голову уздечку, но лошадь никак не позволяла себя оседлать. Она вставала на дыбы и бросалась вперед. Невозмутимый Дампилдорж, старший погонщик, набросил на верхнюю губу лошади петлю из поводьев, сделанных из сыромятной кожи, и туго затянул. Он оттягивал губу животного до тех пор, пока лошадь не стала напоминать длинномордого тапира, — ремень сжимал губы, действуя, как кольцо в носу, которое используют кузнецы в западных странах, когда нужно подковать непослушную лошадь. Но сильная полудикая монгольская лошадка все еще готова была за себя сражаться и бросалась из стороны в сторону, стараясь высвободить голову.

Тогда пастухи надежно ее стреножили. Сыромятный ремень был накинут на обе передние ноги, поставленные близко друг к другу, а в третью петлю ремня завязали одну из задних ног. Но и связанная,

лошадь не желала подчиниться и яростно взбрыкивала и натягивала поводья. Тогда два монгола тихонько подошли к ней с обеих сторон и внезапным движением, каким иногда пытаются поймать муху на лету, каждый схватил животное за одно ухо. Затем они потянули уши вниз и скрутили, так что несчастной жертве пришлось совсем несладко, и теперь, когда и голова, и ноги были зафиксированы ремнями, она стояла уже достаточно смирно, и подпругу седла удалось подтянуть. После этого на лошадь очень быстро навьючили груз и закрепили веревками.

Теперь все было готово. Державшие животное за уши и тот, кто натягивал ремнем губу, выпустили свою жертву и отскочили в стороны. Разъяренная и перепуганная, лошадь решила спастись бегством и сделала большой скачок, забыв, конечно же, о том, что стреножена. Когда лошадь первый раз скакнула со всего размаха, ее прыжок прервался на полпути, и она мордой вниз грохнулась наземь, а я содрогнулся при мысли о том, что стало с несчастным животным и с хрупкими вещами во вьюках. К моему изумлению, лошадь снова вскочила на ноги — ей не помешали ни навьюченный груз, ни ремни на ногах — и снова попыталась галопом рвануть вперед. И еще раз чудовищным образом рухнула на землю. После этого лошадь с трудом поднялась и угрюмо встала на месте. Погонщик осторожно протянул руку и распустил ремни, связывавшие задние ноги. Лошадь повели вперед, но тут она обнаружила, что может скакать по-заячьи, и опять попыталась сбросить груз, на сей раз уже намеренно бросившись наземь и принявшись валяться. Погонщик тычками заставил ее подняться, и животное, почти ошалевшее, встало. Дампилдорж потянул за веревку, и наполовину покорившаяся лошадь запрыгала вперед. Еще через десять ярдов животному развязали ремень на передних

ногах, и теперь в нашем распоряжении была вьючная лошадь, правда, очень сердитая.

Вскоре мы отправились в путь; в наших нестройных рядах было человек пятнадцать, а число лошадей, которыми мы располагали, составляло примерно вдвое больше — запасных вели в поводу. Температура воздуха была чуть выше нуля. Если бы в Европе мы отправились в верховое путешествие по пересеченной местности, то сначала, наверное, поскакали бы не спеша, чтобы лошади размялись в такое холодное утро, а затем в течение дня двигались бы, чередуя шаг, рысь и легкий галоп, чтобы разнообразить аллюр. Монголы же не делали ничего подобного. У них для дальних переездов была принята очень простая система. За первую полудюжину шагов они разгоняли лошадей до быстрого бега, а потом двигались тем же мучительным аллюром, никак не пытаясь его разнообразить, в течение последующих двух часов. Затем всадники делали пятиминутный привал. Они спешивались, курили, болтали, а потом по команде старшего погонщика снова садились на лошадей и гнали их так же быстро, как и прежде. Так они при необходимости могли действовать весь день. Этот незамысловатый способ чрезвычайно эффективно позволял преодолевать расстояния. Шагом коротконогие лошадки двигались слишком медленно, а галоп был бы чересчур утомителен. Единственным возможным вариантом был однообразный аллюр монгольских лошадок. В нем не было ни изящества, ни элегантности. Так скачут совершенно необученные лошади, и всаднику не приходится рассчитывать хоть на малейшее удобство.

Не прошло и десяти минут, как я согласился с Беатрис Балстрод, писавшей: «...верховая езда, как я вскоре обнаружила, занятие не из приятных», а Пол, как я понял по его стонам, просто страдал. Ехать на коренастых маленьких лошадках было чрезвычайно

неудобно. Если вы сидели в седле неподвижно, вас бросало из стороны в сторону и трясло. Если же пытались ритмично подниматься и опускаться, как принято ехать рысью в Европе, это оказывалось неудобным и утомительным из-за коротких шагов животного, которое к тому же нервничало, недоумеая, что там затеял всадник. Решением было ехать так, как это делали монгольские погонщики, но для этого требовался огромный опыт. Погонщики либо вставали на стременах и больше не опускались, и так ехали, раскачиваясь вместе с лошадью, по 20,30 или 50 миль в день, будто мускулы в ногах у них были стальными; либо опускались на деревянные седла и сидели в них, обмякнув, и их подбрасывало вверх-вниз, как горошины в барабане. Любопытное зрелище представляла собой цепочка монгольских погонщиков, скачущих таким образом: головы у них болтались туда и сюда, будто у сумасшедших марионеток.

Сначала мы скакали через негустой лес, где росли молоденькие сосенки. На небе ни облачка, чувствовался запах гари, поднимался голубоватый дым. Лесной пожар начался на дальней стороне того самого холма, обезображенного лозунгом, и дым шел в нашу сторону. Должно быть, пожары здесь были нередки, поскольку значительная часть леса уже превратилась в черные головешки. Вряд ли пожары происходили по вине человека, поскольку в этом районе Хэнтэя никто не жил. Когда мы выехали из-за деревьев в первую из нескольких просторных долин, поразительной оказалась пустынность окружавшей нас местности. Долина простиралась до горизонта — и ни малейших следов деятельности человека: ни заборов, ни телеграфных столбов, ни дорог, ни домашних животных. Местность была совершенно пустынна — на несколько миль лишь бурая, как перо куропатки, трава, поднимающаяся вверх по склонам. Повыше на холмах было побольше деревьев,

стоявших поодаль друг от друга; ветви их были голыми. Тонкий слой почвы нарушало несколько больших камней, а более нечему было остановить взгляд, кроме разве что очертаний крупных хищных птиц, соколов и орлов, круживших вдалеке над степью. Я понял, отчего простые араты воспринимают пространство и время не так, как большинство жителей западных стран. Монголия столь обширна, а средства передвижения столь ограничены, что здешние жители запросто могут проскакать пять-шесть часов, чтобы пообщаться с соседом из ближайшей юрты, расположенной милях в 20, а потом, также верхом, отправиться домой.

Час спустя вьючная лошадь отыгралась: она убежала, удачно выбрав момент. Всадник, который вел ее в поводу, пересек небольшой ручеек и был уже на другом берегу. И тут вьючная лошадь рванула назад, вырвала поводья, развернулась и галопом поскакала прочь, движимая жаждой свободы. Наша нестройная верховая колонна остановилась, и мы наблюдали, как все дальше скачет вьючная лошадь, которую пытается нагнать самый юный погонщик, — ему явно было приятно прокатиться галопом. Казалось, вполне можно устроить небольшой привал, и мы с Полом спешили, как и Байяр, скакавший с нами. Наши спутники остановились немного впереди, и так образовались две или три небольших группы; все ждали. Неподалеку стоял пенек старого дерева, так что Пол, Байяр и я привязали к нему своих лошадей и сели на землю, желая распрямить измученные ноги.

Через пару секунд я решил, что самое время кое-что записать, и пошел взять блокнот, который был у меня в седельном вьюке.

Наши лошади стояли рядом, и я не задумываясь прошел между ними. Пастухи выбрали нам лошадей, которые по монгольским меркам считались тихими и послушными, но я на собственном опыте узнал,

насколько они на самом деле дикие. На монгольскую лошадь, привыкшую к открытым пастбищам, садятся исключительно с одной стороны. Если посторонний человек уверенно и не торопясь подходит к ней слева, она еще может стоять спокойно, хотя у животного все равно вызывают подозрения иностранцы, одетые и пахнущие не так, как привычные монгольские пастухи. Но всякое приближение или прикосновение справа вызывает у лошади истерическую реакцию.

Подходя к моей лошади, я задел правый бок лошади Байяра. Она встала на дыбы от испуга, натянув поводья. Тонкий ремешок сыромятной кожи порвался, и лошадь убежала. К счастью, она проскакала всего несколько сотен ярдов и присоединилась к следующей группе поджидавших лошадей, где ее и поймал один из художников. Байяр встал и пошел было за ней, но доктор с длинными волосами, собранными в «конский хвост», — он не спешил, — уже вел лошадь обратно. По пути лошадь доктора запнулась, он вылетел из седла, и его лошадь, а заодно и лошадь Байяра, так перепугались, что обе ускакали в сторону близлежащих холмов. Наблюдавший за происходящим Пол потянулся взять фотоаппарат, чтобы заснять эту сцену, и неожиданное движение напугало и его лошадь. Она сорвалась и в страхе понеслась прочь. Всего несколько мгновений — и три лошади скачут куда-то вдаль, и каждая из них еще больше пугает остальных. Получилась массовая паника в миниатюре. Наши проводники-погонщики поскакали во весь опор, объезжая при этом деревья и валуны, чтобы нагнать беглых лошадок, — и тоже скрылись из вида.

Через полчаса они вернулись мрачные, хотя и ведя в поводу лошадей. Пастухи что-то сказали Байяру, и лицо того помрачнело. Ему сказали, что драгоценный штатив, прикрепленный к седлу, пропал. Должно быть, отцепился, когда лошадь скакала среди кустов, и найти

его не удалось. Байяр был подавлен. Штатив принадлежал телестудии Монголии, а в стране, где даже самое незначительное приспособление достать невозможно, за такую потерю ждут большие неприятности. Когда привели сбжавшую вьючную лошадь, мы поехали дальше, а Байяр был мрачен, и с лица его пропала обычная сияющая улыбка. Через два часа, после табачного перерыва, Байяр собрался сесть на лошадь и увидел, что штатив висит на своем обычном месте. Пастухи улыбались. Они спрятали штатив, чтобы подшутить над ним. Очевидно, и у сельских монголов, при всей их молчаливости и сдержанности, есть чувство юмора.

Большинство аратов, или пастухов, выглядят так, как их описал еще Пржевальский: «Широкое, плоское лицо с выдающимися скулами, приплюснутый нос, небольшие, узко прорезанные глаза, угловатый череп, большие оттопыренные уши, черные жесткие волосы, плотное, коренастое сложение при среднем или даже большом росте». Народ они простой и дружелюбный, их очень легко полюбить. Они были добропорядочны и обязательны, уважали умение и опыт. Было ясно, что в нашей небольшой группе они принимали старшинство Дампилдоржа, коротко стриженного ветерана. Его ценили за незаурядные способности в обращении с лошадьми, и он как свои пять пальцев знал дикое нагорье Хэнтэй. Именно Дампилдорж задавал темп передвижения. Он решал, когда и где нам устраивать привалы и, кратко что-то проворчав, указывал, что перерыв на отдых закончился и пора садиться на коней и ехать дальше.

Один привал ничем не отличался от другого. Ни слова не говоря, Дампилдорж отворачивал лошадь в сторону от тропы, натягивал поводья и спешил. Остальные араты поступали так же и двигались вслед за

Дампилдоржем, а тот усаживался на землю на одно колено, вытянув вперед прямую ногу, и сразу же принимался рыться в своих вещах в поисках сигарет. Другие погонщики присоединялись к нему, и все рассаживались в точности в такой же позе, образуя тесный кружок хороших знакомых. Они делились друг с другом сигаретами, по кругу отправлялся коробок спичек, очень часто появлялась также и баночка нюхательного табака.

Эти небольшие предметы пастухи возили с собой, засунув за пазуху, за отворот запахивающегося дээла, представлявшего собой по сути один большой карман, и в том, как предлагают и принимают табак, существовали определенные формальности. Вежливость требовала, чтобы предлагавший баночку с нюхательным табаком держал ее правой рукой, причем вытянув правое предплечье и поддерживая локоть левой ладонью. Тот, кто принимает табакерку, делает это тем же самым жестом, потом вертит баночку в руке, восхищаясь искусной отделкой, открывает украшенную орнаментом крышку тонкой лопаточкой и зачерпывает крошечную порцию табака. Табак берут медленными, осторожными движениями, затем пробка возвращается на место, и табакерку возвращают владельцу, вновь правой рукой и в точности теми же ритуальными жестами. Потом первый предлагает свою табакерку следующему пастуху в круге, и так далее. И все время на происходящее смотрят лошади. Пастухи, вместо того чтобы привязать или стреножить животных, обычно держат их за уздечки, и те стоят у них за спинами, точно собаки на поводке. Так что внешний круг, составленный из лошадей, смотрит внутрь тесного человеческого кружка поверх голов погонщиков.

Меня поразило, какое подлинное удовольствие пастухи получают от традиционного стиля и мастерства. Помимо серебряных украшений на седлах, они дорожили

всем, что было старым и сделанным по-настоящему умелыми руками. Одного из наших проводников вполне можно было назвать щеголем. Он носил короткую верхнюю куртку из изумительного изумрудно-зеленого шелка, с высоким воротом, отделанным красным узором и отороченным золотой тесьмой. С пояса у франта свисал того же зеленого цвета кисет, и у него была длинная и изящная китайская трубка с малюсенькой чашечкой, которую он раскуривал во время наших привалов. Его нож был не прозаическим перочинным ножом, как у остальных пастухов, это был красивый антикварный кинжал, длинный и тонкий; фамильная ценность хранилась в отделанных серебром ножнах, которые хозяин засовывал себе за спину, за оранжевого цвета кушак. Ножны имели дополнительное двойное гнездо, для двух палочек для еды, из слоновой кости и тоже с серебряной отделкой, а к ножнам тяжелой серебряной цепью крепился древний стальной полумесяц, этот кусок стали, также обильно отделанный серебром, некогда применялся для высечения искр о кремень. Время от времени товарищи франта вертели в руках эти безделушки и восхищались ими, и всякий раз они искренне радовались за своего друга и от всей души поздравляли его с тем, что он владеет предметами, столь искусно изготовленными и имеющими столь долгую историю. Это было примечательно, поскольку противоречило официальной политике Монголии, где, теоретически, подобные ценности должны были давным-давно исчезнуть, как представляющие феодальное прошлое.

К своим лошадям пастухи не выказывали ни жестокости, ни особой привязанности. Животные воспринимались как рабочие инструменты, которые следует сохранять в надлежащем порядке, ведь иначе жизнь скотовода невозможна. У аратов не было автомобилей, а учитывая громадные расстояния, они

почти всецело зависели от здоровых и надежных лошадей, пригодных как под седло, так и для работы. Монголы, если могли проехать верхом, пешком не ходили, даже и двадцати шагов, и лошадь всегда была оседлана и готова выехать за пределы гыра. Естественно, заводных лошадей требуется немало, и каждый мог взять столько запасных лошадей, что за редкими исключениями они не видят нужды давать клички своим животным. Но это вовсе не значит, что они неспособны отличить одну лошадь от другой. У многих пастухов есть выдавшие виды бинокли или маленькие подзорные трубы, и когда они видят вдалеке табун или группу пасущихся лошадей, то достают из-за отворота дээла оптические инструменты; на расстоянии пяти-шести миль пастухи способны различить всех лошадей в табуне по масти, статьям и движениям. Они очень хорошо знают своих лошадей, так как сами растят их, буквально на руки принимая крошечными жеребятами и поднося к матери в первые недели их жизни. Когда дело касается ухода за больной лошастью, монголы редко прибегают к лекарствам и методам современной ветеринарии, но полагаются на освященные веками средства излечения. Если у лошади разовьется гнойник на копыте, они погружают поврежденную ногу в горячую золу лагерного костра. Потертости на спине смазывают простым раствором из соли и воды.

Кровопускание служит панацеей. Под конец нашего первого дневного перехода Дампилдорж решил, что большая часть лошадей после долгой зимы и недоедания находится в плохом состоянии и им нужно пустить кровь. Вместе с тремя другими пастухами он подкрался к животным, которых раньше, стреножив, отпустили пастись. Дело было ужасным. Каждой пойманной лошади вновь зажали верхнюю губу в петлю. Но на этот раз вторую петлю из сыромятной кожи надели на нижнюю челюсть, оттянув ее вниз, чтобы

широко раскрыть рот животного. Дампилдорж достал небольшой перочинный нож и обмотал клинок куском тряпки, оставив сантиметр металлического острия. Глядя в лошадиный рот, он тщательно выбирал место для кровопускания и затем решительным резким движением тыкал ножом в десну позади верхних зубов. Кровь сочилась тоненькой струйкой, заполняя лошадиный рот, и начинала капать наземь. Животное будто бы не чувствовало боли и пускало кровавые слюни и слизывало кровь. Кровь должна была течь, пока сама не остановится, так что, пока этого не происходило, рот удерживали открытым либо с помощью кожаных ремней, либо в рот лошади засовывали толстую палку, наподобие грубого деревянного роторасширителя.

Проехав верхом около пяти часов, мы прибыли к лагерю, разбитому в вымоине, там из-под снега на склоне холма вытекал маленький ручеек, обеспечивая водой лошадей и всадников. Специально за лошадьми не ухаживали, разве только на скорую руку почистили, снимая засохший пот скребницей — тонким деревянным скребком, похожим на лопаточку крупье. Животных, стреножив, просто отпустили пастись. Если о какой-то лошади знали, что она может далеко забрести, ее стреноживали первой и голова к голове привязывали к другой лошади, чтобы та послужила ей обузой. Сообразительность маленьких монгольских лошадок феноменальна. Даже если их крепко связать попарно, одна лошадь могла опуститься на землю и перекатиться, затем снова встать на ноги, нисколько не стесняя при этом своей товарки. Еще они, пощипывая траву, могли передвигаться прыжками бок о бок, подобно участникам состязаний по бегу в парах, которым одну ногу привязывали к ноге товарища. Ни разу я не видел, чтобы пастухи давали своим животным сена или зерна или подкармливали как-то иначе. Даже если трава на пастбищах высохла или замерзла, считалось, что

лошади должны сами искать себе пропитания, и найденного им хватит, чтобы покормиться ранним утром и в конце дневного перехода, и что животные отдыхают достаточно, чтобы на следующий день они могли бежать восемь часов.

Байяр устанавливал походную печку — металлический куб из листового железа, который можно было складывать и перевозить в сумке на вьючном пони. Оснащенное трехколенной жестяной трубой, это хитроумное устройство было в высшей степени эффективным. В нее закладывали топливо и разжигали. В отверстие в верхней части плиты устанавливался большой котел воды, и через десять минут он бойко закипал. Байяр заваривал чай, первую трапезу за день. По качеству тот чай, который он доставал из полотняного мешочка, наподобие большого кисета, был наихудшим из всех возможных. Это был плиточный чай, импортируемый из Китая по самой низкой цене. Зная презрение, с которым китайцы относились к монголам, по-прежнему глядя на них как на неотесанных варваров из-за Великой стены, неудивительно, что они отправляют в Монголию такую дрянь, либо же неимущие монголы не в состоянии позволить себе что-то получше. Плитки чая, которые получают монголы, спрессованы из чайных веточек, пыли и сметенного с пола фабрики мусора, и настоящего чайного листа в них мало. По текстуре и цвету кирпичный чай походил на комок высушенного торфа, так что необходимое количество чая для заварки приходилось отбивать молотком.

Ко всему этому пастухи-монголы относились с полным безразличием. Их не волновало, что кухня у них — одна из самых рудиментарных в мире, и этот факт вызывал горестные стенания еще со времен самых первых европейских путешественников, попадавших в Монгольскую империю. «Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его

они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это», — жаловался Карпини, который, как член монашеского братства, наверняка был привычен к простой пище и периодическим постам, но именно он заявлял, что пища монголов в той же степени скудна, что и антисанитарна.

Скатертей и салфеток у них нет... Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги, или траву, или о что-нибудь подобное... Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки, или ложки, или другие сосуда, для этого назначенные, то моют точно так же.

Пржевальский с той же едкой критикой обрушивался на монголов за то, как они делают чай.

Приготовление его производится отвратительнейшим образом. Начать с того, что посуда, в которой варится подобный нектар, никогда не чистится и только изредка вытирается внутри сухим аргалом, т. е. лошадиным или коровьим пометом. Вода употребляется обыкновенно соленая, а если таковой нет, то в кипяток нарочно прибавляется соль или сырой курдючный жир. Затем крошится ножом или толчется в ступе кирпичный чай, и горсть его бросается в кипящую воду, куда прибавляется также несколько чашек молока. Для того чтобы размягчить твердый, как камень, кирпич чаю, его предварительно кладут на несколько минут в горящий аргал, что, конечно, придает еще больше аромата и вкуса всему

напитку. На первый раз угощение готово. Но в таком виде оно служит только для питья, вроде нашего шоколада, или кофе, или прохладительных напитков. Для более же существенной еды монгол сыплет в свою чашку с чаем сухое жареное просо и, наконец, в довершение всей прелести, кладет туда масло или сырой курдючный жир. Теперь можно себе вообразить, какую отвратительную мерзость представляет подобное яство, какое монголы потребляют в невероятном количестве!

Выпить в течение дня 10 или 15 чашек, вместимостью равных нашему стакану, — это порция самая обыкновенная даже для монгольской девицы; взрослые же мужчины пьют вдвое больше. Чашки составляют известного рода щегольство, и у богатых встречаются из чистого серебра китайской работы; ламы иногда делают их из человеческих черепов, которые разрезаются пополам и оправляются в серебро.

Нас с Полом снабдили маленькими медными чашкам традиционной формы, но современного изготовления, и мы с радостью отметили, что ситуация с лагерной гигиеной с эпохи Пржевальского значительно улучшилась. Вдобавок мы очень проголодались, так как не ели целый день и готовы были волками наброситься на любую еду, какую нам предложат. Однако вскоре мы обнаружили особенность монгольской кухни, не претерпевшую изменений со времени путешествий Пржевальского: свою еду монголы готовят, опуская ее в кипящую воду, и больше никак. На протяжении нескольких следующих месяцев очень редко доводилось видеть, чтобы кто-то утруждал себя тем, чтобы жарить на огне, на решетке, как барбекю, или — если можно

раздобыть жир — даже поджаривать походную еду. В Монголии мне доводилось слышать такое оправдание: у занятого делами пастуха, даже когда он возвращается домой в свой гыр, обычно нет времени готовить или есть какую-то другую еду. Но совершенно очевидно, что подобное оправдание неверно для долгих вечеров. Ответ, по-видимому, в том, что монгол любит вареную еду, и ничто иное его не интересует. Когда Док, наш завзятый рыболов, на следующий вечер поймал с полдюжины великолепных рыбин, похожих на форель, обращение с ними было тем же самым. Улов выпотрошили, порезали на кусочки, а затем побросали в кипящую воду, отчего весь вкус при варке улетучился.

Несколько наших спутников рыбу Дока встретили с подозрением; предпочтение они отдавали бараньему мясу — когда можно было раздобыть баранину. Остальные виды мяса нравились им намного меньше — хотя во времена Карпини монголы, как писал тот, с удовольствием ели мясо собак и лис, конину и даже платяных вшей, приговаривая: «Почему бы мне их не есть, ведь они кусают моего сына и пьют его кровь?» Карпини мрачно замечал: «Я видел даже, как они едят мышей».

Монгольские спутники говорили нам, что с удовольствием ели бы говядину, верблюжатину — при необходимости, а лошадиное мясо — если заставят. Но баранина, безусловно, была у них в фаворитах, и они с готовностью демонстрировали, как правильно нарезать барана и приготовить его, хотя при наблюдении за их действиями требовались крепкие нервы и отсутствие излишней брезгливости. Чтобы нарезать животное, пастух заваливает барана на спину и встает на него коленом, похожим образом борец-рестлер удерживает своего противника. Затем очень острым ножом ловко вспарывает барану живот и, пока животное еще живо, запускает руку в брюхо как можно глубже, до аорты и

пережигает ее, останавливая сердце. Через несколько мгновений голова барана заваливается набок, и животное умирает, почти не пролив крови. Затем с барана быстро сдирают шкуру, туша свежуеться, причем выбрасывается только полупереваренное содержимое желудка. Остальное — потроха, голова, мясо, кости — считается съедобным и рано или поздно будет сварено в котле. В суровом и требовательном мире кочевников ничего — за исключением, возможно, ушей — не пропадает зря, даже если в пищу пригодно лишь отдаленно. Как писал Карпини: «У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечок». Относительно этого Карпини все-таки недоговаривал. Однажды, несколько недель спустя, наш маленький отряд всадников сидел в палатке, поедая полусваренные овечьи кишки, разбросанные по земляному полу. Когда едоки решили, что вволю наелись, то подобрали остатки трапезы и выбросили через клапан палатки наружу, паре круживших неподалеку собак. Как я заметил, псы требуху жрать не стали.

Даже если кому-то и удастся уклониться от угощения самыми худшими из бараньих потрохов, то избежать однообразия меню будет трудно. Обычный рацион пастухов в конце весны состоит всего-навсего из двух блюд: баранина и чай. Либо вы начинаете с кусков вареной баранины и заканчиваете чаем, либо сначала приступаете к чаю, а завершаете трапезу кусочками бараньего мяса. Единственное отклонение от общепринятого имело место лишь однажды: утром Дампилдорж свалил баранью голову в угли от костра, и я подумал было, что на завтрак у нас будет, вероятно, жареная баранья голова. Но нет, просто он захотел опалить шерсть. Обугленную голову вытащили из костра

хворостиной, тоненькие стружки мяса и мозга были срезаны и извлечены кончиком ножа... и брошены в тепловатый чай.

При каждой трапезе подавали соль, но перца не было и в помине, и в кипящий котелок бросали брикеты плоской и безвкусной китайской мучной лапши. Никаких овощей не бывало, во многом к разочарованию Пола, поскольку он был вегетарианцем. Положение было в точности таким, как предупреждал еще Карпини; к тому же официальный справочник по Монголии с изворотливой неискренностью похвалялся, что «страна полностью обеспечивает свои потребности в овощах». Сделать подобное заявление никакого труда не составляет. В сельской местности араты вообще не употребляют в пищу свежих овощей. Слишком суровый климат не позволяет выращивать большую часть зелени, а гыры слишком часто переносят с места на место, чтобы имело смысл городить огород — в буквальном значении. Кроме того, пастухи питают отвращение ко всякому земледелию.

Теоретически, подобный несбалансированный рацион и недостаток витаминов должны пагубно отразиться на здоровье монголов, но в действительности этого не происходит. Напротив, выглядят они исключительно здоровыми людьми, и нередко можно встретить в сельской местности мужчин и женщин, которым уже перевалило за девяносто, а они необыкновенно крепки. Как и в случае с Байяром, определить настоящий возраст монголов трудно. Особенно это касалось мужчин, которые казались лет на десять-пятнадцать моложе, чем на самом деле. Еще более невероятным было то, что летом, как я узнал позже, пастухи, имея много свободного времени, употребляют такое количество алкоголя и продуктов с высоким содержанием холестерина, которое для других стало бы смертельным. Их крепкое здоровье можно

объяснить только тем, что пастуху приходится вести невероятно активную жизнь, и, как в случае с монгольскими лошадьми, выживают лишь самые приспособленные.

Выносливость монголов повергает в трепет. В первый день нашего перехода погода была такой холодной, что Пол ехал в андской шерстяной шапке, а я как можно глубже натянул на голову армейскую шапку с флисовой подкладкой. Тем не менее мочки ушей у меня начали кровоточить в местах обморожений, вызванных просто-таки режущим ветром. Монгольские пастухи, наоборот, считали, что день выдался для весенней погоды приемлемо мягким. У дээлов очень длинные рукава, которые можно отворачивать на шесть дюймов ниже кончиков пальцев, как настоящие варежки, но монголы и не думали так поступать, а их головные уборы в виде шерстяных шляп или традиционных шапок со стальными навершиями оставляли шею и уши открытыми. Вечером, когда разбили лагерь, мы с Полом поставили нашу маленькую горную палатку и раскатали двойные спальные мешки. Герел, Ариунболд и группа монгольских художников, а также волонтеры разместились в потрепанной брезентовой палатке. Но араты просто выбрали место, где от постоянно дующего ветра кое-как укрывали низкие кусты ивы со спутанными и лишенными листвы ветвями. Пастухи уложили седла на землю рядом, вплотную одно к другому, образовав символический щит от ветра, расстелили снятые с лошадей потники и легли под открытым небом, прижимаясь друг к другу, чтобы было теплее. Ночью температура упала до минус двенадцати, а из-за коэффициента резкости погоды, должно быть, было еще хуже. Однако в таких условиях, где людям менее закаленным грозила гипотермия, пастухи отлично выспались.

В четверти мили от нашей стоянки находилась так называемая «Могила Чингисхана»: на невысоком, поросшем травой холме стоял каменный саркофаг — четыре огромные каменные плиты, поставленные на ребро, образовывали боковые стенки того, что некогда было громадным гробом. Пятая плита, крышка саркофага, отсутствовала, да и боковины покосились. Столь скромный саркофаг никак не мог быть настоящей гробницей Чингисхана, к тому же по своему стилю вырезанные на каменных плитах рисунки относятся к более позднему периоду. Это было захоронение куда менее значительного монгольского вождя, жившего в другую эпоху, но тем не менее было понятно, почему выбор пал именно на этот холм. Место для последнего упокоения мертвого племенного вождя выбрали так, чтобы с него было видно все, что было самым важным в жизни правителя. Погребение расположено не на вершине, а немного южнее, на склоне, откуда открывается господствующий вид на широкую долину. Могила обращена к теплу солнца, от нее открывается вид на щедрые зеленые пастбища, на близлежащий источник воды и на просторную, защищенную от ветра открытую долину, где племя, вероятно, пасло без опаски табуны своих коней. Это великолепная картина, место на все времена, и я не могу представить себе места более прекрасного и подходящего для могилы кочевника.

Глава 5. Гора Священного Духа

Целью Герела являлась вершина Бурхан-Халдун, Гора Священного Духа. Здесь, в Хэнтэе, согласно «Сокровенному сказанию монголов», находился первоисточник монгольской нации, ибо в виду этой горы отдаленные предки Великого Монгола дали начало роду, потомком которого стал сам Чингисхан. Неясно, рассматриваются ли эти предки как родовые тотемные животные, схожие с теми прародителями из звериного царства, на происхождение от которых ссылаются многие племена североамериканских индейцев, или же это были реально существовавшие люди, которые просто носили имена животных. «Сокровенное сказание» называет их Волком и Прекрасной Ланью и говорит, что они прибыли из-за моря и поселились в верховьях реки Онон, возле Бурхан-Халдуна. Там Гоамарал, Прекрасная Лань, родила сына, Батачи-хана. Его потомки пасли свои табуны в лугах Хэнтэя и охотились на изобильную дичь на лесистых склонах Бурхан-Халдуна, пока не родился в двадцать первом поколении юный мальчик. В правой руке младенец сжимал сгусток крови размером с фалангу пальца. Это была магическая примета: ребенок в будущем должен стать Повелителем мира — Чингисханом.

Жизнь ранних монголов настолько поразительно схожа с жизнью североамериканских индейцев Великих Равнин, которая известна намного лучше, что возникает ощущение, что выдающееся достижение Чингисхана эквивалентно тому, как если бы у индейцев сиу или пауни появился военный вождь, который взялся за завоевание всего континента, от Аляски до мыса Горн, в том числе майя и ацтеков, будь они его современниками. В Монголии, как и на Великих Равнинах Америки,

туземные племена жили в шатрах в стойбищах, кочуя с места на место, охотились, похищали у других племен женщин и лошадей, верили в сны; стычки враждовавших между собой кланов и соперничающих групп выливались в войны, а шаманы практиковали экстатические пляски.

Отец Чингисхана, Есугэй-багатур, был вождем клана, известным также и тем — индейцы Равнин назвали бы это «подвигом», — что силой похитил мать Чингисхана Оэлун сразу после того, как она вышла замуж за человека из племени меркитов. Есугэй охотился со своим ручным соколом на берегах реки Орхон, когда заметил, как Оэлун в сопровождении мужа везут в Кибитке в ее новый дом. Есугэя настолько прельстила красота девушки, что он поспешно поскакал обратно в свое становище, где призвал двух братьев, и они втроем погнались за злополучным меркитом, который галопом ускакал, спасая свою жизнь и бросив Оэлун. Та оплакивала его столь горько и громко, что, как говорится в «Сокровенном сказании монголов», «Онон-река волновалась, в перелесье эхо отдавалось». Ничуть не тронутый ее горем, один из братьев Есугэя грубо велел ей унять стенания и забыть о сбежавшем муже. Говоря бесхитростными строфами сказания:

Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси, — он не бросится взглянуть
на тебя,
Сколько ни ищи, — его и след простыл.
Замолчи уже.

Несмотря на такое не сулящее ничего хорошего начало, Оэлун вполне приспособилась к жизни с Есугэем и каждые два года рожала ему детей — у нее было четверо сыновей и дочь. О своей первой беременности

она объявила Есугэю вскоре после того, как тот вернулся из очередного грабительского набега на соседнего племенного вождя, и чтобы отметить и ознаменовать свою удачу, Есугэй решил дать ребенку имя того человека, которого только что ограбил. Таким образом, первенца назвали Темучжином, «Кузнецом», и когда мальчику было девять лет, отец взял его с собой, решив сосватать ему будущую невесту в материнском клане. По пути, однако, им встретился человек из унгиратского племени, известного красотой своих женщин. Унгират отметил умный взгляд мальчика и поведал Есугэю о том, что недавно видел необычный сон: белый сокол принес ему в когтях солнце и луну. Это знак, говорил он, который предвещает, что Есугэй придет к нему со своим сыном. У унгирата была десятилетняя дочь, Борте, и он попросил Есугэя зайти к нему в юрту и взглянуть на нее. Когда же Есугэй увидел девочку, он согласился, что из нее получится прекрасная невестка и что ее и Темучжина нужно сговорить.

Затем Есугэй оставил Темучжина с семьей невесты, чтобы молодые лучше узнали друг друга, и поскакал в свое кочевье. Усталый и голодный, он неразумно остановился разделить трапезу с соперничающим племенем, татарами. Они узнали в нем старинного врага и, как гласит «Сокровенное сказание монголов», подмешали в еду яд. Через трое суток он, смертельно больной, едва сумел вернуться в родное кочевье. Перед смертью он назвал своих убийц, и это убийство дорого обошлось татарам. Когда Темучжин стал достаточно могущественен, он организовал кампанию, направленную на уничтожение татар, хотя по иронии судьбы название этого племени навсегда соединится с памятью о нем самом. Карпини и прочие европейцы спутали название «татары» со схожим по звучанию классическим Тартаром, как называлась область преисподней греческой мифологии, и потому монголам,

считавшимся сущими бесами, подлинными порождениями ада, и передалось это имя, так что монголы стали известны на Западе как татары, и вдобавок, по той же иронии истории, китайцы порой при описании монголов также использовали иероглиф «Та-та».

Смерть Есугэя стала катастрофой для его семьи. Темучжин был слишком юн, чтобы наследовать отцу как главе клана, а старшие женщины клана отвергли Оэлун. Когда пришло время весенней перекочевки, отбывший маленький отряд нарочно оставил Оэлун с детьми. Старейшина племени, возражавшего против такого жестокого обращения, получил удар копьем в спину от одного из новых вождей клана и был брошен умирать. Так начались самые мрачные дни Оэлун и ее малолетних детей. О том, как ей удалось выжить, говорится в легенде о Чингисхане. Согласно «Сокровенному сказанию», мать и осиротевшие дети жили на берегу Онона, точно дикие звери. Чтобы прокормить семью, она собирала дикорастущие плоды и выкапывала съедобные корни. Дети помогали ей, удя рыбу на переделанные в крючки согнутые иголки, сплетали самодельные неводы, вылавливали в реке мелкую рыбешку. И все это время они питали неизбывное чувство безграничной горечи по отношению к бросившему их клану Тайчиуд.

Дети Оэлун росли в дикой местности, и были они не менее свирепыми дикарями, чем их враги. К ним присоединились двое сыновей Есугэя от второй жены, и хроническая нехватка пищи привела к ожесточенным ссорам в маленькой группке, кульминацией которых стало хладнокровное убийство. Темучжин и его брат Хасар пришли в ярость, когда сводные братья отняли у них пойманную рыбу и мелких птиц и в конечном счете решили разделаться со своим сводным братом Бектером. Они подкрались к нему, когда тот сидел на вершине холма, охраняя немногих оставшихся у семьи лошадей.

Понимая, что оказался в ловушке, Бектер невозмутимо отверг их угрозы. Они утыкали его стрелами, пока он сидел на земле.

Подобная безжалостность в юном Темучжине неминуемо привлекла к нему внимание Тайчиуд. Опасаясь, что он достигнет возраста, когда сможет претендовать на титул своего отца, клан отправил нескольких человек схватить его. Пока братья Темучжина оказывали яростное сопротивление, он убежал и спрятался в густых лесах Бурхан-Халдуна. Но Тайчиуд были терпеливы. Они прождали девять дней, пока голод не вынудил Темучжина выйти из укрытия, поймали его и привезли в свое кочевье.

Там Темучжина заставили носить кангу, шейную колодку — тяжелую деревянную доску, которая надевалась на шею, наподобие хомута, и имела два отверстия для рук. С колодкой на шее было трудно сидеть, почти невозможно лежать и спать. Как узника Темучжина передавали из юрты в юрту, заставляя проводить по одной ночи в каждой, пока во время пира он не воспользовался подвернувшейся возможностью бежать. Застав стражника врасплох, Темучжин с размаху ударил его кангой по голове, потом побежал к реке и скользнул в воду, используя доску как плот, чтобы удерживать лицо над водой. Поднялась тревога, и Тайчиуд бросились искать сбежавшего пленника. К счастью, человек, заметивший в реке Темучжина, отнесся к нему с сочувствием и, вместо того, чтобы возглавить охоту, предупредил Темучжина, велел затаиться. Трижды преследователи проходили мимо, и всякий раз Темучжина предупреждали. Наконец, когда опустилась тьма, поиски приостановили, и ночью Темучжин прокрался в юрту своего новообретенного друга, который снял кангу и, дав ему коня и пищи, помог бежать.

Вновь Темучжин укрылся в диком урочище Бурхан-Халдуна, где он и члены его семьи какое-то время жили изгоями, употребляя в пищу сурков-тарбаганов и полевых мышей, которых они ловили в силки. Он сумел связаться с семейством Борте, и его невеста пришла жить к нему. Шли месяцы, и молодой вождь понемногу сколачивал небольшую группу верных сторонников, по мере того как к нему прибывались члены племени и местные приверженцы. Но Тайчиуд не забыли о нем. С помощью меркитов, по-прежнему чувствующих обиду за похищение Оэлун, они устроили внезапный набег, надеясь захватить Темучжина в стойбище. Спасло его лишь предостережение одной старухи, служанки его матери. Ей приснился сон, будто земля дрожит, а это значило, что собираются напасть вражеские воины. Она предупредила Темучжина, и тот с большинством сторонников вновь бежал и скрылся в лесу. В спешке они вынуждены были оставить Борте. Она спряталась в возке с шерстью, но участники набег обнаружили ее и увезли с собой. Позже Борте отбили, но долгое время подозревали, что первый сын, Джучи, был зачат ею в плену и, следовательно, не является ребенком Чингисхана.

Тем не менее самого Темучжина Тайчиуд захватить не удалось, хотя три меркитских воина прошли по его следу по степи вплоть до Бурхан-Халдуна и трижды объехали гору, пытаясь обнаружить беглеца среди густого подлеска. В конце концов охотники отказались от поисков и отступили. На этот раз Темучжин был очень осторожен и не покидал убежища. Он помнил о прежней ошибке, когда вышел из безопасного укрытия на горе слишком рано, и потому отправил людей по пятам врагов, чтобы убедиться, что те возвращаются домой. И лишь когда те удалились на три дня пути, Темучжин выбрался из леса и вывел оставшееся семейство из чащобы Бурхан-Халдуна, который, как он провозгласил,

спас ему жизнь. Он поклялся, что в будущем каждое утро будет приносить жертву Бурхан-Халдуну и каждый день станет возносить молитвы горе и что его наследники должны не забывать этого обета. Темучжин торжественно скрепил свою клятву, обратившись лицом к солнцу, сняв шапку, размотав и повесив на шею пояс. Затем он девять раз преклонил колени перед солнцем и, ударяя в грудь рукой, помолился и совершил жертвоприношение горе.

Голая ровная верхушка Бурхан-Халдуна появилась в виду на четвертый день нашего путешествия. Продвигались мы странно и беспорядочно. Первый день оказался периодом своеобразной обкатки, а второй вылился в хаотическую попытку нагнать первоначальное расписание, от которого мы отставали потому, что лошадей на рандеву привели поздно. Так что мы семь часов неслись вскачь, так и не встретив ни единой живой души, а конец дня увенчался часовым галопом, который разделил отряд на новичков и профессионалов верховой езды. Когда мы остановились, пастухи спрыгнули с лошадей так, будто проделали всего лишь получасовую прогулку. Остальные из нас — монгольские художники, подающие надежды потенциальные члены экспедиции, Ариунболд, Пол и я — сползли наземь в полном изнеможении, благодарные, что мучениям от бешеной тряской скачки пришел конец.

Мы добрались до единственных постоянных сооружений, которые нам встретились на протяжении всего похода по Хэнтэю. Это была зимняя животноводческая ферма, возведенная по советскому проекту, разработанному для условий Сибири, хотя это место вполне могло стать достоверными декорациями для съемок фильма об американском Западе. Под защитой деревянного забора стояло пять маленьких бревенчатых хижин. Поверх кромки забора можно было

увидеть лишь окружавшую ферму обширную долину, полосу отдаленных ивняков, которые отмечали реку, и близлежащие горы. Внутри вели единственные маленькие ворота, которые на ночь закрывались и запирались на висячий замок, а на всех чужаков злобно лаяла сидящая на цепи собака. Один бревенчатый дом представлял собой помещение для собраний, два других были пустыми складами, еще один — маленьким бараком, а в пятом жил единственный обитатель животноводческой станции — беззубый старик-сторож, который, увидев нас, очень обрадовался. Скот отелился в начале месяца, и стада отогнали на пастбища, поэтому он не ожидал столь скоро увидеть новые лица. У него не было ничего, чем возможно нарушить долгое и скучное однообразие существования. Он слушал древнее радио, питался чаем и плоскими пресными лепешками, сделанными из муки и сахара, и через день с немалым трудом привозил себе воду с реки, в помятом металлическом бидоне в шаткой тачке, за пол мили по голой земле. Жизнь его была безрадостной, оторванной от всего и отчаянно одинокой.

Мы остались на ночь, сложив седла в зале под плакатами, призывавшими местные бригады к новым трудовым достижениям. На деревянных щитах были грубо нарисованы контуры пяти животных, важнейших для монгольской скотоводческой экономики — верблюда, лошади, коровы, козы и овцы. Кроме того, каждая картинка сопровождалась цифрой, показывающей текущую численность взрослых животных, потом указывалась цифра для запланированной квоты и, наконец, третья цифра показывала, сколько родилось жеребят, телят, козлят и ягнят. Так как мы находились очень далеко к северу, то, как я заметил, во всем хозяйстве было всего десять верблюдов.

Перспективного планирования, столь характерного для военных кампаний Чингисхана, нашей маленькой экспедиции болезненно не хватало. Когда монгольская армия выступала в поход, при ней был обоз, в котором везли припасы и снаряжение на всю продолжительность операций. За месяцы до того маршрут движения войск внимательно изучали конные разведчики. Во враждебные города под личиной купцов засылались шпионы, вперед отправлялись платные агенты с задачей проникнуть во вражеский стан, сеять смуту и недовольство и склонять чужеземных солдат к дезертирству. По контрасту с этим, наш скудный рацион питания подошел к концу, пока мы находились в маленьком форте, и за исключением крошечной кладовки сторожа, больше нигде нельзя было найти никаких съестных припасов.

Кроме того, наши проводники-Погонщики заявили, что мы слишком сильно гнали лошадей предыдущим днем и надо дать им отдохнуть. Так что хоть мы и сумели наверстать бешеной скачкой какое-то время, это теперь никому не было нужно. Мы провели третий день впустую, сидя без дела за забором, пока лошади отдыхали и набирались сил, и время от времени мы всматривались в даль, в надежде услышать шум двигателя ехавшего следом грузовика с припасами. Монголы были невозмутимы. Кто-то из них отправился к реке; другие просто лежали в помещении и дремали. Только два врача нашли себе полезное занятие. Док отправился к реке с удочкой и вернулся с пятью рыбинами, каждая из которых весила фунта три, с радужными боками и ярко-красными отливом. Его коллега с прической «конский хвост» весь день занимался престарелым сторожем, леча его методами акупунктуры, и остаток дня старик провел на койке, в полутьме лишь поблескивали серебристые иглы, вонзенные в лицо, ухо и руку.

Наши столь необходимые припасы приехали на грузовике следующим утром, и стало понятно, что среди местных аратов распространилась новость, что мы направляемся к Бурхан-Халдуну, дабы почтить память Чингисхана. По пути наша маленькая колонна всадников начала удлиняться. К нам присоединились несколько человек, они провели в седле четыре-пять часов и привели с собой заводных лошадей, которых предлагали нам в качестве запасных. Из юрт, которые встречались по пути, выходили араты, спрашивали, куда мы едем, а услышав ответ, сразу бросали повседневные дела, чтобы ехать вместе с нами. К середине дня мы обогнали эффектно выглядевшего мужчину, ехавшего верхом по тропе в сопровождении двух юных сыновей. На мужчине был алый дээл, широкополая черная шапка, напоминавшая сомбреро, за спиной висела вороненая винтовка. Его сыновья, возрастом лет семи и девяти, носили одежду пурпурного и зеленого цветов. Все трое немедленно присоединились к нам, добавив разноцветное пятно к длинной колонне всадников, которая рысью целеустремленно направлялась вдоль долины, оставляя позади тучу пыли, поднятой копытами лошадей.

Облаченный в алые одежды пастух знал великолепное место для лагеря — на низком утесе над рекой, там во множестве нашлось сухих веток ивы, которые можно было использовать как хворост для костра. Должно быть, нас насчитывалось человек тридцать, когда обнаружили обогнавший нас грузовик и пара уже установленных (и крайне потрепанных) брезентовых палаток. Места в палатках было совсем мало, так что мы с Полом настояли на том, что поставим свою двухместную горную палатку. Миновала еще одна очень холодная ночь; проснувшись, мы обнаружили, что изнутри все покрыто ледяными кристалликами, которые, когда мы встали, дождем посыпались на нас.

Засмеявшиеся монголы заметили, что их система лучше. На пол своих палаток они настлали попоны и одеяла, слоем толщиной в два или три дюйма, а потом улеглись большой тесной кучей, дабы сохранить тепло во время сна.

В путь нужно было оправляться пораньше, так как по расписанию в этот день мы должны были подняться на вершину Бурхан-Халдуна — на высоту 7680 футов. На рассвете безлистные кусты низкого кустарника на дне долины совершенно побелели от инея, и в плотном тумане пастухи, рано поутру принявшиеся поить и чистить скребками лошадей, казались призрачными фигурами. Проглотив обычный неаппетитный завтрак из жидкого чая и постылой баранины, мы отправились по узкой верховой тропе, а солнце начало разгонять туман. Тропа то и дело пересекала реку, и всякий раз мы с плеском перебирались через брод, а потом шлепали по болотистой почве, а далее ехали по поросшим травой и низким кустарником пустошам. Перед нами прошли тяжелые внедорожники, ибо в грязи мы видели глубоко отпечатавшиеся следы протекторов. Изредка встречавшиеся островки леса были настолько выжжены лесными пожарами, что выглядели так, словно сошли со старых фотографий «ничейной» полосы времен Первой мировой войны; обломанные ветви деревьев и расколотые стволы отчетливо выделялись на голом склоне холма. Наконец мы перевалили гребень, и перед нами предстала последняя долина, ведущая к подножию Бурхан-Халдуна. Поросший невысоким кустарником склон холма обрывался крутым спуском и переходил в ровное пространство снега и льда, до сих пор покрывавших речную низину. На дальнем берегу, чуть далее чем в двух милях от нас, открывался поразительный вид.

Посреди дикой местности раскинулся небольшой палаточный городок. Там было много больших палаток

военного образца цвета хаки, над их крышами с высокими распорками торчали железные дымовые трубы, над которыми вились клубы дыма. Еще более удивительным было хаотическое скопление ярко-желтых и белых ультрасовременных нейлоновых палаток в форме иглу, позади которых ровно в ряд, словно бы в ангаре демонстрационного зала, стояло с полдюжины новехоньких внедорожников. Машины сверкали полировкой и хромом, глазам становилось больно. Все эти достижения современной цивилизации, представшие в самом сердце пустошей Хэнтэя, казались приземлившимися тут пришельцами с другой планеты. Мы вышли к лагерю «Гурван Гол», или «Трехреченской экспедиции», совместного японско-монгольского проекта; его целью были поиски вождя Чингисхана — могилы Чингисхана, находка которой — если она состоится — потрясет весь мир.

Чингисхан, хоть это и кажется маловероятным, скончался мирно. Он умер от старости, жара и последствий тяжелого падения с лошади во время охоты. Хотя Чингисхан знал, что очень болен, он настоял на продолжении военной кампании в западном Китае. Смерть настигла его 25 августа 1227 года, когда он руководил действиями своей армии. В легенде говорится, что кончина Чингисхана держалась в секрете и оберегалась как государственная тайна. Все продолжалось как обычно. Послов и иноземных посланников, прибывших на переговоры с ханом, заставляли ждать снаружи, не пуская внутрь юрты повелителя, а посредники торопливо сновали туда и обратно, делая вид, будто передают Владыке мира послания и доносят его ответы. Когда же, завершив дела с визитерами, кортеж отправился в Монголию, везя тело человека, почитаемого своим народом наравне с божеством, путешествие проходило в условиях абсолютной секретности. Говорили, что монгольские

всадники убивали всякое попадавшееся им на глаза живое существо, дабы никому не стало известно, что Великий Хан мертв.

В «Сокровенном сказании монголов» подробно изложена история о смерти Чингисхана, но ничего не говорится о погребении. Зато есть одно персидское сообщение, согласно которому Чингисхан распорядился, что его тело, не важно, где он умер, должно быть перевезено обратно на родину. Там, на склонах Бурхан-Халдуна, горы-охранительницы, он и должен быть похоронен — в любимом месте дней юности. О местоположении могилы рассказ не дает никаких подробностей, как нет и описания того, как упокоился самый могущественный и богатейший монарх своей эпохи. Согласно Карпини, монголы скрывают могилы своих великих вождей. Перед тем как выкопать подземную камеру, куда будет помещен мертвец, вероятно, вместе с любимым рабом, они аккуратно снимают дерн, корни и все прочее. Потом яму зарывают, и дерн укладывают на прежнее место, так что никто не способен отыскать могилу. Иногда на могилу сажали деревья, чтобы скрыть ее точное местонахождение и разбить священную рощу в память об умершем вожде. По могиле в степи прогоняют табуны лошадей, чтобы стереть всякий след погребения. Карпини говорил, что монголы в погребениях «хоронят много золота и серебра». В соответствии с персидским источником, сын и наследник Чингисхана Удэгей приказал на протяжении трех дней подряд выставлять угощение для усопшей души своего отца, и сорок дев, наряженных в лучшие одежды и украшения, были принесены в жертву на месте погребения, наряду с отборными лошадьми, чтобы все они присоединились к духу предка. Но это слухи, и сама могила пока так и не найдена.

Понятно, что тайна места погребения Чингисхана породила немалое число предположений о том, где

может находиться гробница и не набита ли она сокровищами, награбленными самым успешным грабителем в истории. Теорий множество. На протяжении нескольких веков верили, что тело Чингисхана погребено не в Хэнтэе, а во Внутренней Монголии, в области Ордос. Пржевальский слышал, что прах Чингисхана «лежит под желтым шелковым балдахинном посреди кумирни и покоится в двух гробах: одном серебряном, другом — деревянном. Тут же находится и его оружие». За этой могилой тянется мрачная политическая история. Несколько раз «мощи» уносили оттуда, но затем они возвращались на место как символы монгольской государственности. Вторгшись в Манчжурию, японцы попытались завладеть «реликвиями». Они планировали создать марионеточное монгольское государство, центром которого хотели сделать гробницу Чингисхана; были даже составлены архитектурные эскизы нового мавзолея для упокоения останков. Эти планы так и не были реализованы, но когда китайское коммунистическое правительство открыло в 1955 году существующее и поныне мемориальное сооружение, наблюдатели прокомментировали, что оно имеет необъяснимое сходство с японским проектом. И когда в Монголии оставили без внимания 800-летнюю годовщину со дня рождения Чингисхана, никак ее не отпраздновав, китайские коммунисты мастерски набрали политические очки в глазах монголов, специально дав разрешение на паломничество к усыпальнице в Ордосе. Поклониться памяти своего великого предка отправились тридцать тысяч монголов.

Сегодня большинство ученых полагают, что в святилище в Ордосе находится, в лучшем случае, оружие Чингисхана. Вряд ли существовала какая-то опись того, что хранилось в святилище, и после всех бурных событий, после того как предполагаемые

останки не раз покидали его и возвращались обратно, есть немало сомнений, сколько же в святилище могло остаться оригинальных реликвий. И что важнее, существуют и, вероятно, очень давно неверные представления относительно местонахождения самой усыпальницы. Возможная причина ошибки состоит в том, что когда Чингисхана похоронили на склонах Бурхан-Халдуна, на одно монгольское племя была возложена обязанность охранять могилу. Но над гробницей вырос лес, все следы были потеряны, и племя в конце концов переселилось в Ордос, где продолжало заявлять о себе как о хранителях могилы Чингисхана, но уже в совершенно ином месте.

В попытке выяснить истину в Хэнтэй отправилась японско-монгольская «Трехреченская экспедиция», субсидируемая ведущей японской газетой, и с энтузиазмом взялась за разрешение проблемы. Свои поиски экспедиция, оснащенная по последнему слову науки и техники и вооруженная практически всеми новинками современных технологий, начала с огромным размахом. Были тщательно изучены спутниковые фотографии района вокруг Бурхан-Халдуна и составлена мозаика из аэрофотографий. Теперь экспедиция занималась кропотливой полевой топографической съемкой местности с использованием теодолитов и дальномеров. Но главные надежды ее члены возлагали на грандиозную программу дистанционного зондирования, исследуя растительность, почвы, скалы и электромагнитные поля. Район тщательно прочесывали группы японцев и монголов, оснащенные инструментами, с виду напоминавшими миноискатели, или черными ящичками, висящими у исследователей на шеях; сами они всматривались в шкалы, прислушивались к звукам в наушниках, колдовали с переключателями и ручками. Главный довод исследователей: если усыпальница Чингисхана находится тут, то она

достаточно большая, чтобы внести изменения в обычный профиль поверхности. Традиционалисты и скептики возражали, приводя текст древнего сказания, что могила Чингисхана вырыта на дне долины, а чтобы скрыть ее, могилу затопили, либо изменив русло реки, либо даже создав на этом месте рукотворное озеро. Чтобы не обмануться, японские специалисты составляли точные карты озер и речных русел и искали аномалии в конфигурации гидрографической сети. Монгольские власти дали экспедиции на поиски три года; когда мы встретили членов экспедиции, они завершали первый сезон.

Можно только догадываться, какие мысли возникли у японских исследователей, когда на вершине холма внезапно появился и направился вниз через лагерь отряд монголов, с виду похожих на банду разбойников, верхом на косматых лошадях и с ружьями за плечами. Но нашим монгольским спутникам, любящим порисоваться, определенно нравилось, какие чувства они вызывали. Осадив норовистых лошадей, они громкими криками приветствовали своих приятелей-монголов, работавших с японцами, как всегда внеся сумасбродным и показно-удалым поведением суматоху в рутинный порядок скучных раскопок. Затем, после стакана горячего чая, мы вновь двинулись в путь, проезжая мимо желто-белых палаток-иглу и оставляя позади толпу ошеломленных этим визитом японцев, в глазах которых я заметил определенную зависть к беспечному и легкомысленному образу жизни недолго задержавшихся у них гостей.

Еще через час мы достигли подножия горы. И там, выехав на поляну среди сосен, мы увидели то, что на первый взгляд было очень похоже на индейский вигвам.

Это оказался шалаш из сухих ветвей, сложенных в форме высокого конуса. На самых верхних ветках развевались десятки тряпичных полосок, выцветших от

долгого пребывания на ветру и под дождем. Другие полоски и клочки хлопчатобумажной ткани свисали с ветвей нескольких небольших сосенок, образующих полукруг возле шалаша. Перед полукругом, шагах в пяти от «вигвама», покоился приземистый камень-валун, служивший чем-то вроде алтаря. На нем лежали подношения: спички, куски сахара, медные гильзы, монеты и даже одна-две банкноты. Мы достигли обо, святилища, посвященного горе. Подъехав к обо, колонна всадников описала круг по часовой стрелке, тем самым выказывая святилищу свое почтение. Затем мы спешили, привязали лошадей к близстоящим деревьям и добавили свои подношения к тем, что уже лежали на обо. Все было проделано без малейшего намека на смущение или неловкость. У всех — и у художников, и у пастухов, и у врачей — нашлись клочки ткани, которые они привязали к ветвям обо, либо они, покопавшись в карманах, отыскивали всякие мелкие предметы, нашедшие себе место на камне-алтаре. Блюдя историческую монгольскую традицию, Ариунболд выдернул белый волосок из хвоста своей лошади и привязал его к веточке. Дампилдорж опустился на колени перед грубым каменным алтарем и запалил маленький кусочек ладана. Кто-то клал пожертвование в виде кусочка хлеба, кто-то — деньги. В это время Дампилдорж вытащил крышку табакерки, насыпал в нее курящийся ладан и тихонько обошел вокруг привязанных лошадей. Он останавливался перед каждой лошадей и проводил дымящимся ладаном у них под ноздрями. «Это принесет удачу и сделает их здоровее», — объяснил он. Потом, по-прежнему нисколько не испытывая неловкости, все всадники собрались группой перед обо и расселись в два ряда, а Пол сфотографировал их: они были все равно как туристы за границей, которые только что приехали на автобусе на экскурсию в собор.

Нам потребовалось три очень напряженных часа, чтобы взобраться на вершину Бурхан-Халдуна. Первозданный лес эпохи Чингисхана, с густым подлеском, где будущий Властелин Мира прятался от разыскивающих его врагов, сменился намного более редким сосняком, к тому же сгоревшим в лесных пожарах до остовов. Многие стволы лежали на земле, перегораживая дорогу вверх комелями костяного цвета и остро обломанными сучьями. Чтобы еще больше затруднить восхождение, склон горы повышался очень круто, и из-под неподкованных копыт нередко сыпались камни и комья податливой земли. Спешиваться монголы и не думали, а лишь понукали своих низкорослых лошадей, гоня их по крутым предательским склонам. Лошади тяжело дышали, задыхались, упрямо карабкаясь вверх, а глинистый сланец шумно осыпался позади. Картина столь атлетического подъема производила сильное впечатление, и у меня не было сомнений, что монгольская конница, славившаяся тем, что способна преодолевать любые препятствия, по праву заслужила свою репутацию.

Выбравшись из сгоревшей чащи, мы вступили на отрог горы выше границы произрастания лесов. Отсюда мы увидели гребни бурых скал, рядами протянувшиеся на юго-запад. Горные вершины были выветренными, древние ледники изгладили и обстругали их так, что почти все они казались одинаковой высоты. Это порождало иллюзию, что горизонт невероятно далек. Совсем рядом, казалось бы, рукой подать, на склоне горы недавний оползень воздвиг естественную дамбу, образовав маленькое озеро. Замерзшая поверхность озера казалась лоскутом ослепительной белизны среди холодного однообразия тускло-серо-коричневого пейзажа.

Последнюю милю мы проехали по голым скалам и лишайникам. Я чувствовал, как вздрагивала даже моя

закаленная монгольская лошадка, когда ее неподкованные копыта ударяли по грубому неровному камню, изрезанному глубокими расщелинами, где на расколовшейся от постоянного чередования стужи и оттепели поверхности скалы возникли гексагональные узоры, напоминавшие гигантские каменные соты. Мы были открыты ветру, по монгольским стандартам считавшемуся всего лишь умеренным ветерком, но пронзительно холодному. Последние сто футов восхождения по крутой сланцевой глине, и мы оказались там, где вершина Священной Горы поднимала к небу свой голый купол. На вершине купола нашим взорам предстал необычный лунный ландшафт — маленькие иззубренные скалы стояли на краю или теснились маленькими группками. Десятки и десятки маленьких обо покрывали вершину горы. Эти священные пирамиды-керны сложили из валявшихся здесь камней те, кто пришел поклониться Священной Горе. На самом дальнем от нас краю вершины высился обо намного крупнее и солиднее остальных. В расщелины камней, образующих пирамиду, были воткнуты сухие ветки, торчавшие, словно иссохшие когтистые лапы. Вокруг подножия обо были сложены те же приношения, какие мы видели у «вигвама», — спички, деньги, тряпичные клочки, даже плитка китайского чая. У местных жителей эта пирамида носит название «Трона Чингисхана», и, если верить легенде, будучи еще молодым вождем клана, Властелин Мира приходил сюда, чтобы окинуть взглядом свои первые владения у подножия Бурхан-Халдуна.

Здесь мы установили вторую памятную доску Герела. Несомненно, каменная плита с прикрепленным к ней бронзовым изображением Чингисхана в облике зрелого Владыки Мира была более эффектна, чем любые предшествующие приношения. Ариунболд прислонил ее к вершине обо. Потом, без единого слова, весь отряд — араты, художники и волонтеры экспедиции —

выстроился перед обо. Все вытянули руки вперед, стоя лицом к плите. Тут не было ламы, чтобы возглавлять молитву, поэтому, запинаясь поначалу, затем, со все большей уверенностью, наши монгольские спутники начали выкрикивать: «Хуууурай! Хуууурай! Хуууурай!» Странно было слышать это на голой горной вершине в самом сердце дикой Азии. Несколькими неделями позже мне довелось услышать тот же самый клич на Национальном стадионе Монголии, когда скандирующие выражали свое почтение и верность государству. Но когда я услышал этот клич на неприятном холодном ветру на вершине Бурхан-Халдуна, звучащий в память Чингисхана, то понял, что путешествие, которое для нас с Полом было географическим исследованием, для наших монгольских спутников являлось чем-то намного большим — для них оно было паломничеством.

Прежде чем мы покинули вершину, одетый в алое пастух извлек из седельного вьюка раковину. Она была украшена длинной узкой лентой и двумя яркими перьями и, должно быть, когда-то хранилась в буддистском ламаистском храме. Но откуда она у него взялась, оставалось загадкой, потому что монгольские ламаистские монастыри за пределами столицы уничтожены или заброшены почти полвека назад. Если верить официальной пропаганде коммунистической партии, в сельской местности всякая религиозность народа искоренена, а обладание религиозными реликвиями осуждалось. Пастух протянул раковину своему младшему сыну, одетому в пурпурное, и паренек, поочередно вставая с каждой стороны обо, спиной к нему, прикладывал раковину к губам, и над отдаленными долинами четырежды прокатился протяжный и запоминающийся трубный звук. В ламаистском монастыре таким зовом приглашали бы верующих к молитве. На продуваемой ветрами вершине Горы Священного Духа, как я понял, мы стали

свидетелями возвращения древнего культа поклонения Чингисхану. Потом мы вновь сели на лошадей и отправились в обратный путь.

Глава 6. Три игрища мужей

День перевалил за середину, и вся кавалькада, жизнерадостно постукивая копытами, спускалась по склону, стремясь до наступления темноты вернуться в лагерь на приречном утесе. Мы торопились вниз по уступу, когда лошадь Пола вдруг угодила ногой в яму и споткнулась, отправив Пола в эффектный полет, окончившийся падением. Полчаса спустя, когда мы неосмотрительно углубились в сгоревший лес и кони на крутом склоне чуть ли не на головах стояли, я заметил, что уши моей лошади почему-то все ближе и ближе придвигаются к моим коленям. Еще через несколько мгновений седло скользнуло животному на шею, задержавшись на голове. Я же продолжил движение вперед и, миновав лошадиные уши, полетел в кусты.

Когда все собрались у подножия горы, погонщики лошадей посмеивались и ухмылялись. Наши злоключения не прошли мимо их внимания, и они то и дело взрывались веселым хохотом, пантомимой изображая наши с Полом падения. Я дал себе слово, что в следующий раз, когда поеду на монгольской лошадке вверх или вниз по горным склонам, не забуду взять ремень-подхвостник, чтобы накрепко удержать седло на месте. Монгольские седла крепятся двумя подпругами, передней и задней. Подпруги представляют собой всего-навсего тонкие ремни из плетеного конского волоса, и пастухи затягивают их так сильно, что задняя подпруга почти исчезает в складках лошадиного живота. Западные пуристы не преминули бы заявить, что такое обращение причиняет лошадям боль или что они, по меньшей мере, будут испытывать неудобство, но коренастые монгольские лошадки, казалось, ничего не

имеют против, а их наездники знают, что требуется для преодоления пересеченной местности.

У подножия Бурхан-Халдуна Пол, Байяр и я всю ночь пробыли в лагере «Трехреченской экспедиции», а Герел и остальные ночевали в прежнем лагере на утесе. Нам удалось отснять на камеру и сделать немало фотографий членов японско-монгольской команды за работой, но трудно было судить, насколько успешно она продвигается. В массиве обширных данных, которые столь усердно собирала экспедиция, можно разобраться, как мне сказали, только после сопоставления и оценки, а этот этап запланирован на следующую зиму в Японии. Тем временем полевые войска, вооруженные высокотехнологическим оборудованием, работали, напоминая, как ни странно, о крупномасштабных археологических экспедициях, которые в начале века вели настойчивые поиски гробниц египетских фараонов. Полевую команду составляли сорок монголов и тридцать японцев, а если прибавить к ним сонм переводчиков, разнорабочих, водителей, поваров, то было понятно, что у них в основных палатках места для нас не найдется. Поэтому нас с Полом пригласили к себе монгольские помощники, и мы провели в их палатке самую уютную ночь за все путешествие через Хэнтэй, ибо мы лежали среди монголов, как сардины в банке, согреваясь теплом человеческих тел.

На следующее утро мы, гоня лошадей, успели нагнать основную партию прежде, чем они покинули лагерь, и приехали как раз тогда, когда они загружали седла и снаряжение в грузовик снабжения. По-видимому, большинство группы монгольских художников решило, что верховой езды с них довольно. Они собирались вернуться в Улан-Батор на грузовике и предложили нам присоединиться к ним. Мы с Полом отказались, решив продолжить путь с аратами, которые должны были забрать с собой всех лошадей отряда

обратно в коммуну. Наградой нам стала лучшая скачка за все путешествие.

Казалось, то, что мы упали с лошадей во время спуска с горы, послужило неким ритуалом инициации в глазах наших спутников, и теперь они почувствовали раскованность, и наше общество их более не стесняло. Наша группа заметно уменьшилась, и пастухи поскакали вместе с нами стремительным аллюром. Каждый вел трех-четырех, а то и пять заводных животных. Сыромятные поводья первой лошади были небрежно завязаны на шее животного слева от нее, а последнее животное в ряду вел всадник, держа уздечку в правой руке. И так, подхваченный водоворотом хорошего настроения, он вместе со своей группой лошадей, скачущей в ряд, неся по лесистой местности во весь опор, огибая препятствия, перескакивая через рытвины, обгоняя товарищей и пропуская вперед другие группы. Мы упорно скакали этим бешеным аллюром милью за милей, останавливаясь только для обязательных пятиминутных перекуров. Была еще одна часовая остановка в середине дня возле гыра пастуха в алом наряде, который распрощался с нами.

Монгольские лошади славятся своей выносливостью, и у них такая репутация, будто ни один наездник не способен их измотать. Для самых лучших лошадей, хорошо отдохнувших и при соответствующем кормлении летом, подобное, может, и до сих пор верно. Благодаря таким животным конница Чингисхана способна была проделывать дневные марши в 70 или 80 миль. Но весной, будучи в неважном состоянии после зимы, наши верховые животные явно сдавали примерно миль через 30 на максимальной скорости. Первым был вынужден остановиться и сменить лошадь Дампилдорж, потом моя лошадь внезапно замедлила бег, будто у нее ноги свинцом налились или кто-то вытащил батарейку. Мы сразу же сделали остановку, седла сняли и переложили

на запасных лошадей, а уставшее животное наскоро почистили длинным деревянным скребком. Потом лошадь отпустили, позволив идти за нами в своем темпе, и она рысцой двинулась следом, подобно усталой собаке, бегущей к дому хозяина.

За пять часов мы покрыли расстояние в 35 или 40 миль и к этому времени добрались до места вечерней стоянки. Когда нам оставалось несколько последних миль, навстречу по открытой долине рысью промчался табун лошадей, с любопытством взиравших на чужаков. Они прискакали от ряда гыров, которые в свете послеполуденного солнца блестели на отдаленном склоне холма, подобно коконам тутового шелкопряда. Появившись из впадины, табун застал нас врасплох. Его возглавляли четыре или пять белоснежных животных. Залитые светом солнца позади, они казались пришельцами из другого мира, их копыта едва касались земли, а развевающиеся гривы превращались в переливчатые плюмажи, наподобие гребешков на океанских волнах, сверкающих в солнечных лучах. Позади скакала девочка-монголка, первая кого я увидел среди пастухов-коневодов. Ей могло быть не больше десяти лет от роду: косички подвязаны розовой шифоновой косынкой. Она кружила вокруг табуна, будто скромный ангел, желающий пригнать лошадей своим родителям.

Мы разбили лагерь, и на закате солнца мы с Полом отправились в гости к видневшимся вдалеке гырам. Там было шесть войлочных юрт, а крышка с седьмой сняли для ремонта. Толстые серые войлоки крыши были сложены на повозке рядом, и то, что я сперва по ошибке принял за запасные деревянные тележные колеса, в действительности оказалось центральным обручем крыши юрты, важнейшей частью остова гыра.

Хозяин, морщинистый пастух за пятьдесят, занимался проверкой решетчатой конструкции боковой

стенки своего жилища. Решетку изготавливают из тонких деревянных планок, скрепленных в месте пересечения крошечными сыромятными ремешками, так что всю решетку можно складывать и раскладывать, как аккордеон. Размеры гыра зависят от числа решетчатых секций, которые соединяются друг с другом, образуя невысокую круговую стену. Собрав эту решетчатую стену и поставив раскрашенную деревянную дверь, хозяин брал два тонких столба для крыши и на них устанавливал центральный обруч крыши. Пока он удерживал его ровно, собравшиеся вокруг члены семьи и друзья вставляли длинные тонкие колья крыши в отверстия центрального колеса, чтобы они торчали наружу наподобие спиц гигантского зонтика. Нижние концы спиц просовывали в кожаные петли на верхнем краю решетчатой стены. Затем наступает очередь покрышки гыра. Один слой парусины туго растягивается по крыше, а следом идут толстые подбитые боковые занавеси, которые вешаются на боковины решетчатого остова, образуя изолированную боковую стенку. Потом слой за слоем на крышу укладывают фигурный войлок, число и толщина слоев зависят от времени года и необходимости. Наконец на куполе туго растягивается покрышка из белой парусины, призванная защищать от дождя. Затем остается лишь маленький брезентовый треугольник, с его помощью, управляя веревками снизу, можно открывать и закрывать небольшое дымовое отверстие в верхушке гыра, а также впускать свет и воздух, в зависимости от погоды и направления ветра.

Сегодня большинство монголов предпочитают заказывать новые гыры как готовое изделие у бригад, которые занимаются их изготовлением в коллективных хозяйствах. Делаются гыры в соответствии с заказанным размером, из местных материалов, за исключением брезента для защиты от дождя, который привозят из Советского Союза. Традиционно кочевники

изготавливали войлочные покрышки, валяя шерсть в войлок, а для изготовления обрешетки срезали молодые ивовые деревца. Единственным чужеземным материалом была парусина, которую импортировали из Китая.

Чтобы собрать и установить свое жилище, монгольской семье требовалось менее двух часов. По мнению Пржевальского,

для неприхотливого быта номада юрта составляет незаменимое жилище. Ее можно быстро разбирать и переносить на другое место; в то же время она служит достаточной защитой от холода, зноя и непогоды. Действительно, в юрте, в то время когда горит огонь, довольно тепло, даже в самый сильный мороз. На ночь труба закрывается войлочной покрышкой, и огонь гасится; тогда температура в юрте не особенно высока, но все-таки здесь гораздо теплее, нежели в палатке. Летом войлочная оболочка такого жилища отлично защищает от жары и дождей, хотя бы самых проливных.

Как в случае любого монгольского гыра, полусобранная юрта, которую мы с Полом осматривали, была установлена входом на юг, считающийся счастливой стороной света. С решетки свисал еще один талисман, привлекающий удачу, — когти недавно убитого медведя. Монголы — страстные охотники. По официальной оценке, из всего двухмиллионного населения охотой занимаются 50 000 человек, и их официальная добыча составляет ежегодно свыше 3 миллионов голов дичи, но, вероятно, это недооценка. За зверьем охотятся для пропитания, но также и потому, что монголы верят в симпатическую передачу качеств животного человеку. Поедание мяса медведя, как и

трофеей в виде медвежьих когтей, принесет удачу и придаст отваги. Некоторые убеждения народной медицины, как объяснил нам Док, оставляют мало места для воображения. Импотенцию можно вылечить употреблением в пищу половых органов оленя. Распухшую печень, зубную боль и желудочные недомогания можно излечить, если съесть желчный пузырь тарбагана, или степного сурка. При хроническом несварении желудка нужно употреблять в пищу кишки волка, на том основании, что волк хоть и ест всякую падаль, однако никогда не страдает желудком. Самая же из ряда вон выходящая выдумка состоит в том, что геморрой можно исцелить, добавляя в еду толченую прямую кишку волка, ибо всеядный хищник также обходится и без этого недуга.

Вера в народные лечебные средства не свойственна одному лишь сельскому люду. Желая поддержать свой охотничий дух, Герел страстно надеялся, что в походе по Хэнтэю нам повстречаются медведи. Неважно, что охотничий сезон на медведя закончился и что животные появляются после зимней спячки вместе с детенышами. Герел, как и многие другие монголы, был твердо убежден, что медвежья селезенка и печень — лекарства от многих болезней, в том числе и от рака желудка. Отправляясь на вершину Бурхан-Халдуна, наши спутники взяли с собой винтовки не просто напоказ, ради шоу, и через два дня, когда Герел возвращался в Улан-Батор с подаренными экспедиции лошадьми, они с Байяром застрелили двух медведей. Этот поступок, совершенный исключительно из-за целебных свойств медвежьих органов, по всем стандартам был напрасной расточительностью, так как животные вскоре должны были дать приплод.

Этот контраст между веселым добродушием наших коллег и тем, как они время от времени впадали в варварство, был того же рода, что и противоречия

между старыми манерами и новыми технологиями, каковые иногда выглядели совершенно неуместными. На следующий день на скорую руку была устроена еще одна церемония дарения: двое наших пастухов-проводников объявили, что тоже хотят преподнести в дар нашей экспедиции двух лошадей. Засвидетельствовать событие явилась очередная группа местных партийных сановников. Партийный глава коммуны носил серый офисный костюм и легкие городские туфли, а его заместитель, наряженный в монгольский народный костюм из дээла, шелкового кушака и высоких сапог, выглядел куда непринужденнее начальника. С другой стороны, на груди у обоих красовались крупные эмалевые значки, свидетельствующие, что они на хорошем счету в Монгольской народно-революционной партии, а такой значок гораздо лучше смотрится на лацкане пиджака, чем пришпиленным к монгольскому дээлу.

Большинство участников церемонии прибыли верхом, но семья из шести человек — отец, мать и четверо детей — приехали на большом и тряском мотоцикле чешского производства, выкрашенном в ярко-желтый цвет. Как ни странно выглядела эта машина на открытой травянистой равнине, приходилось признать, что мотоцикл — вполне уместный вид транспорта для этих громадных открытых пространств. Семья позировала возле машины с не меньшей гордостью, чем пастухи со своими любимыми лошадьми.

Еще большим анахронизмом повеяло в тот момент, когда под занавес церемонии передачи лошадей Герел опять достал свои бронзовые медали на голубых шелковых лентах. Медали вызвали немало восхищения, но настоящий восторг охватил людей, когда Герел вытащил фотокамеру «Полароид» и сделал несколько фотографий медалистов. Волнение, вызванное медалями, было ничем по сравнению с возбуждением

собравшейся вокруг толпы: всем хотелось посмотреть, как постепенно проявляется изображение на фотографиях, а затем счастливые обладатели показывали свои фото всем друзьям и родственникам.

Я понял, почему Герел просил меня привезти из-за границы побольше полароидных кассет для своей камеры, которую он раздобыл через друга в Москве. Обычно меня смутило бы подобное клише — в заграничном путешествии поражать местных жителей моментальными фотоснимками, — но здесь все происходило между монголом и монголами, и они были естественны в своей радости от того, что смогут добавить новые фото к своим коллекциям, которые выставлены напоказ чуть ли не в каждой войлочной юрте.

На следующий день Пол, Док и я отправились на джипе в Улан-Батор, так как араты рассказали о дошедшем до них слухе: в эти выходные состоится уникальный праздник. Собирались отмечать день рождения Чингисхана, и впервые подобное празднование было разрешено в столице коммунистической Монголии. Что было еще более необычным, организаторами празднования выступила группа частных лиц, не имеющая связей с официальным правительством, хотя, как предполагается, они должны были получить разрешение для проведения подобного публичного мероприятия. Общество Чингисхана было создано совсем недавно, его основал ветеран монгольской журналистики Дожодорж, широко известный на телевидении человек, ведущий еженедельной передачи о путешествиях. Обычно его программа была, скорее, осторожной и умиротворяюще сонной, но за несколько недель до того он произвел фурор, в весьма враждебном тоне проведя интервью с ушедшим на пенсию членом руководства

коммунистической партии. Теперь Общество предложило отпраздновать день рождения Чингисхана, собрав людей на главной площади Улан-Батора. Неважно, что никому не известно, в какой точно день родился Чингисхан, как, раз уж речь об этом, никто не знает и точного года его рождения. Один источник утверждает, будто он родился в год Кабана, но это может быть как 1155-й, так и 1167 год, другие ученые отдают предпочтение 1162 году. Такая академическая точность не отпугнула членов Общества Чингисхана. В одном конце главной площади возвели временную деревянную сцену. Была развернута старомодная система звукоусиления, и с фонарных столбов свисали знамена с изображениями Отца Нации. Чтобы придать мероприятию некий шик, актера Монгольского союза артистов уговорили выйти в средневековом театральном костюме. Поскольку уже шли съемки эпического фильма о Чингисхане, то он был в соответствующем длинном шелковом плаще и в отороченной мехом шапке.

О праздновании дня рождения Чингисхана не было никаких официальных сообщений, публикаций или рекламы в СМИ. Народ узнавал о празднике только по слухам, а само мероприятие было устроено днем в воскресенье, 27 мая, сразу после спортивной встречи на Национальном стадионе, которая наверняка должна была привлечь большое число зрителей, потому что иных развлечений по выходным в Улан-Баторе бывает крайне мало. К изумлению всех, на празднование дня рождения пришло феноменально много народу. Половину главной площади города заполнили примерно 40 тысяч человек — подобных достижений партийная машина могла добиваться только в случае важнейших официальных событий. Кроме того, поведение толпы не походило ни на что, чему становился свидетелем Улан-Батор. Вместо привычной для партийных митингов покорности и серьезности зрители были радостны и

аполитичны. Происходящее во многом действительно напоминало праздник. Они пришли сами по себе, отчасти из любопытства, отчасти чтобы принять участие в празднике, если он им понравится. Поэтому вначале люди вежливо слушали официальные речи, восхваляющие Чингисхана. Потом хлопали чередой монгольских поэтов, которые читали свои стихи, посвященные великому герою. Наконец они радостно встретили артистов, которые развлекали их традиционными монгольскими песнями и танцами.

День обернулся крупнейшим народным праздником, какой только видел Улан-Батор. Неважно, что система трансляции была сущим бедствием и испортила главный номер живого эстрадного концерта. На сцену вышел ведущий певец самой передовой поп-группы Монголии. Длинные волосы свисали до плеч, на нем был длинный, ниспадающий свободными складками атласный халат, расшитые белой нитью ковбойские сапоги на высоких каблуках, на шее болтался громадный медальон размером с тарелку. На медальоне был изображен, разумеется, Чингисхан, и рефреном песни звучал громкий вскрик «Чингисхан! Чингисхан!», под аккомпанемент вибрирующих гитар и звон литавр, обычных для поп-концертов. Толпе выступление понравилось, пусть даже певец всего лишь открывал рот под музыку, а из-за технического сбоя запись проигрывалась на замедленной скорости с ужасающим воем помех. Настроение аудитории было слишком доброжелательным, чтобы подобные недочеты позволили отвлечься от веселья. Они уже ощутили вкус праздника. До того парочка ораторов совершенно неверно истолковала настроение толпы и, действуя согласно линии партии, попыталась говорить о политике. Их свистом согнали со сцены — неслыханное событие, чуть ли не *lese-majeste*^[18]. К концу дня от успеха мероприятия у организовавшего праздник

зачерствелого журналиста буквально слезы наворачивались на глаза.

Возможно, учтя урок Великого дня рождения, комитет по празднованию Надома, Национального дня Монголии, который проводился шестью неделями позже, пересмотрел подготовленную обычную программу. Были выброшены или сокращены привычные многочисленные выступления детей-гимнастов, военный парад и нудные речи партийных светил. Как ни удивительно, но организаторы фактически отказались от красного знамени. На предыдущих Надомих красный стяг развевался на флагштоке в центре Национального стадиона. Когда я посетил праздник как гость организации Байяра, Монгольской студии телевизионных фильмов, то заметил, что на том же самом месте установлены высокие шести со знаменами, украшенными девятью белыми хвостами яков — этот символ объединял войска Чингисхана и в то же время символизировал «Золотой род» его потомков. И когда на стадионе появился контингент современной монгольской армии — неременный участник праздника, — это были не марширующие шеренги в хаки, а конный отряд, причем все солдаты были одеты в костюмы эпохи Чингисхана. Под стук копыт кавалькада рысцей, пусть и неуверенно, совершила круг по беговой дорожке, хотя несколько солдат на вид явно испытывали тревогу. Толпа же на трибунах одобрительно редела. Не было никакой необходимости добавлять радостных криков, как обычно бывало, когда через динамики дополнительно воспроизводили записанные приветствия, тот же самый клич «Хууррай! Хууррай! Хууррай!», какой мы слышали на вершине Бурхан-Халдуна. Но некоторые из заведенных партией обычаев неистребимы.

В действительности Монгольская народно-революционная партия присвоила освященное временем

празднество народа. Традиционно монгольские племена отмечали кульминацию короткого лета. Проскакав сотни миль через всю страну, пастухи съезжаются на встречу, чтобы беседовать, пировать и состязаться в «трех игрищах мужей» — стрельбе из лука, борьбе и скачках. В стране, где население столь рассеяно, этот ежегодный сбор по-прежнему очень дорог сердцу каждого монгола. Средневековые съезды монгольских вождей, или курултай, свидетелями которых был целый ряд путешественников, как, например, Карпини, происходят от племенных советов, когда главы кланов собирались для обсуждения обид, законов о торговых путях и, при необходимости, для избрания верховного вождя. Когда Чингисхан и его наследники установили владычество монголов над большей частью Азии, их грандиозный курултай был ближайшим аналогом всемирного правящего совета. Один верховный курултай даже спас Западную Европу от уничтожения. В декабре 1241 года, когда, по-видимому, непобедимое монгольское войско готовилось вторгнуться на Запад и монгольские разъезды появлялись уже подле передовых оборонительных сооружений Вены, в 5600 милях от нее, в центральной Монголии, был неожиданно созван великий курултай. Умер великий хан Удэгей, сын Чингисхана, и старшие члены Золотого рода должны были избрать преемника. Монгольские военачальники отложили военные планы, развернули коней и отправились обратно в Монголию, чтобы принять участие в предстоящей политической борьбе и тайных происках.

Современный Надам (Наадам) является слабым эхом тех грандиозных средневековых соборщ, но это все равно впечатляющее зрелище. Празднования Надама проводятся по всей Монголии, но они меркнут по сравнению с главным Надамом, который происходит на открытой равнине возле Улан-Батора. Большинство

участников прибывают верхом на конях и тратят на дорогу не одну неделю. Кто-то приезжает на разбитых грузовиках, а немногие приводят верблюдов, запряженных в неуклюжие деревянные повозки, груженные всякой утварью и провизией на неделю празднеств. Лагерь разрастается, расплзаясь во все стороны и давая пристанище вновь прибывшим. С каждым днем все больше становится гыров и палаток. Перед каждой юртой между двумя шестами, наподобие радиоантенны, натянут шнур, к которому привязано с дюжину лошадей. Над дымоходами поднимаются столбы дыма, клубится взбитая копытами пыль, и вскоре над обычно пустынной равниной повисает светло-бурый туман, а между рядами палаток туда и сюда снуют пешие и конные, собравшиеся на праздник окликают приятелей, упражняются, показывают лошадей или просто слоняются вокруг, разглядывая, кто прибыл и что вообще происходит.

Вопреки названию празднества, женщины участвуют в двух из трех «игрищах мужей», которые являются сердцевиной Надома. Женщины стреляют из луков и участвуют в скачках. Только борьба остается сугубо мужским занятием, хотя не всегда это было так. Марко Поло отмечал, что одна гигантская монгольская дама, дочь хана, накопила богатства и заслужила славу тем, что вызывала на бой всех желающих с ней бороться. Многие мужчины принимали вызов, но никто не одолел степную амазонку, не знавшую себе равных. Всякий раз побежденный противник отдавал часть своих стад и отар, и таким образом она будто бы выиграла свыше 10 000 лошадей. Даже когда один достойный поклонник явился просить руки девушки и отец умолял ее поддаться в борцовском поединке, она отказалась и опрокинула своего противника, который удалился, «опечаленный и опозоренный», оставив 1000 лошадей. В конце концов сам хан сдался и, отправляясь на битву,

брал дочь с собой. «В сражении, — писал Марко Поло, — не было рыцаря бесстрашней ее. Не однажды случалось, что она устремлялась на строй врага, выхватывала рыцаря из его рядов и увозила его в свой стан».

Финальные поединки борцов на современном Надоме являются вершиной длительного пути, многих лет профессиональных занятий борьбой. Мальчиков-монголов начинают обучать приемам традиционной монгольской борьбы в том возрасте, когда их сверстники в других культурах свои уик-энды посвящают тренировкам по теннису или футболу. Их учат классическим движениям и броскам, а также правильной стойке борца, которая, как предполагается, сочетает осанку льва с раскинутыми крыльями летящей таинственной птицы гариал; они осваивают замедленный «орлиный танец» с высоко вскинутыми руками, который, празднуя свой триумф, исполняет победитель, заставивший противника опуститься на колени или коснуться земли локтем. Лучших юных борцов отбирают для специальных занятий, превращая в полупрофессионалов, у которых особые расписания тренировок и свои спортивные лагеря. Конечная цель — стать хорошим борцом и добиться возможности участвовать в Надоме на Национальном стадионе. Эти соревнования с выбыванием начинаются с потрясающего появления на помосте группы из 512 мускулистых борцов, облаченных в тяжелые монгольские сапоги, обтягивающую торс одежду и короткие расшитые куртки. Чемпионом становится только один из них, последний, кто останется стоять на ногах. Возможно, непосвященному будет скучно наблюдать за неспешной схваткой сцепившихся монстров. Но нюансы боя и уловки борцов получают оценку разбирающихся в поединках монгольских зрителей. Неудачу, ловкий прием или какой-то неспортивный ход они встречают стонами и рычанием, радостными и одобрительными

криками, приветствуют борцов аплодисментами. В конце соревнований восторженные почитатели несут победителя на плечах вокруг стадиона, несмотря на его немалый вес. Если же тот прежде несколько раз выигрывал соревнования, он получает звание «Исполин».

Стрелки из лука — люди намного более спокойные. Мужчины и женщины состязаются по отдельности, но те и другие используют в точности одинаковое снаряжение и технику — классический лук двойного изгиба, характерный для степных кочевников, тетива которого натягивается при помощи «монгольского кольца» на большом пальце. В настоящее время это кожаная подушечка, а прежде кольцо на большой палец традиционно вырезалось из камня и давало возможность лучнику спускать тетиву лука не только со звонким звуком, но и с большим эффектом, чем если натягивать ее голыми пальцами. Мишени на Надоме представляют собой плетеные диски, установленные в ряд в дальнем конце стрельбища. Каждый участник или участница состязаний пытается попасть стрелой точно в центр диска, который маркирован ярко-красной тряпкой. Успешный выстрел требует силы и навыка, мишени отстоят довольно далеко, и о месте попадания каждой стрелы сигнализируют особые наблюдатели, они поднимают руки и криком сообщают о выстреле. Сегодня расстояние стрельбы составляет от 180 до 300 шагов; прежде считалось, что на такой дистанции хороший стрелок должен попасть стрелой в голову сурка, высунувшегося из норы, и уложить животное наповал. Но установленная во времена Чингисхана каменная доска свидетельствует о поразительном выстреле некоего Исукэ, который попал в цель на расстоянии в 360 шагов. Когда Чингисхан узнал о столь примечательном случае, он повелел в честь этого деяния установить памятную плиту.

Участвующие в Надоме стрелки — последние наследники тех сеявших смерть монгольских конных лучников, которые совершили революцию на средневековой поле боя; точно так же английским стрелкам, вооруженным длинными луками, суждено было низвергнуть господство тяжеловооруженного западного рыцаря. В то время как английские длинные луки имели дальность в 250 ярдов, монгольские боевые луки с двойным изгибом, сделанные из сухожилий и дерева, посылали свои снаряды еще дальше, и в битве монгольский конный лучник открывал стрельбу, находясь так далеко от врага, что дальнобойность его оружия потрясала противника. По мнению Лиддел Гарта, монголы обладали не только преимуществом в дальнобойности, но и изобрели технику «стрельбы перекатом», сокрушая сопротивление врага движущимся вперед валом стрел, а позже усилили свой стремительный удар еще и передвижными катапультами и артиллерией. Под градом метательных снарядов враги монголов, даже не успев схватиться с монгольской армией, чувствовали себя, по мнению одного впавшего в благоговейный страх европейского летописца, «подобно листьям осенью». У каждого бойца было по два лука, один дальнобойный, другой — для ближней дистанции, и в бой воин шел, имея как минимум шестьдесят стрел; в зловещий ассортимент входили и особые стрелы — бронебойные, зажигательные, которые устанавливали дымовые завесы. Были даже свистящие стрелы, звук которых, в сочетании с сигналами черных и белых флагов, применялся для управления маневром войск. Монгольская конница вселяла ужас в противника, когда в полном безмолвии всадники разворачивались, отступали и наступали в совершенном согласии, пока сокрушительный удар не наносили тяжеловооруженные

ударные отряды конных копейщиков на боевых конях, облаченных в доспехи из дубленой кожи.

Но наиболее очевидная причина военных успехов монголов при Чингисхане состояла в их исключительном искусстве верховой езды. Даже ныне ни одна другая нация на Земле не зависит настолько от лошадей и не приучена настолько к владению ими. Пастухи по-прежнему начинают учить детей ездить верхом едва ли не раньше, чем те научатся ходить, и хотя в скачках на праздниках Надом раньше участвовали араты верхом на необъезженных лошадях, теперь наездники — это дети, причем редко старше 12 лет от роду. Монголы считают само собой разумеющимся, что каждый монгольский ребенок умеет ездить верхом, и потому целью скачек должно быть испытание лошади, а не наездника. Отправившись из Улан-Батора на юг, я стал свидетелем необычайного зрелища: на лугу, где проходила одна из скачек праздника Надом, на старт вышли по меньшей мере 200 детей, как мальчиков, так и девочек, многие в разноцветных войлочных шапках, похожих на бумажные шляпы наших рождественских «хлопушек». В помощь организаторам были выделены солдаты, и их длинная шеренга удерживала поводья лошадей, пока не прозвучал сигнал. И тогда целый табун разгоряченных лошадей внезапно и неудержимо устремился вперед, загрохотали неподкованные копыта, раздались пронзительные вопли и визг возбужденных детей, во всю глотку подгоняющих животных. По западным меркам эти скачки — марафон. Лошади-двухлетки должны проскакать 9 миль, а дистанция для взрослых животных превышает 17 миль. Когда я был на празднике, то победу в главных скачках одержал 4-летний жокей, скакавший без всякого седла.

Глава 7. Эрдени-Дзу

В целом наша пробная поездка по Хэнтэю оказалась очень многообещающей. Мы с Полом согласились, что испытали захватывающие впечатления от совместного конного похода вместе с аратами, такими как Дампилдорж. Мы собственными глазами увидели ошеломляющие пейзажи диких мест Хэнтэя, увидели, как он пробуждается после шести месяцев зимней стужи. Уклад жизни ярко разодетых пастухов, святилища-обо, искренняя и естественная церемония, которой почтили память Чингисхана на вершине Бурхан-Халдуна, даже не очень-то приятная диета — все было экзотичным и запоминающимся. На техническом уровне можно было указать на недостатки в организации экспедиции и на слабое планирование, что приводило к тому, что мы продвигались неравномерно, рывками, что кончалась еда и что, как кажется, никогда нельзя было быть полностью уверенным в том, что случится в следующие двадцать четыре часа. В Монголии трудно, если не невозможно, дополнительно запастись чем-то или найти качественные палатки и снаряжение, а система централизованных государственных организаций крайне неповоротлива, и что бы вы ни пытались заранее подготовить, все происходит очень медленно. Однако, в конце концов, все недостатки не имели значения. Определенно они не удержали нас от пробной поездки по Хэнтэю, и своей цели мы достигли, даже с некоторым щегольством. Герел, который был в походе старшим, показал себя, как я и надеялся, с лучшей стороны, а Байяр, веселый и знающий, был подлинной находкой. Ветеринар и доктор с «конским хвостом», как убедились Ариунболд и Герел, оказались плохими командными игроками и нам не подходили. Но

для меня сам Ариунболд оставался загадкой. Он был лидером в очень амбициозном проекте похода во Францию, к чему он и Герел страстно стремились, однако пока мы совершали поход к Бурхан-Халдуну, он словно бы всегда шел не в ногу с прочими членами группы. Он немедленно оказывался рядом, если дело касалось проведения церемонии передачи экспедиции лошадей или когда местные коммунистические чиновники произносили свои речи. Но когда требовались практические решения, он не был лидером. Герел брал на себя ответственность не колеблясь, а Ариунболд держался наособицу, однако все равно давал понять окружающим, что тоже облечен властью. Поведение Ариунболда вызывало у меня обеспокоенность.

Опыт пробной поездки встревожил меня еще в одном отношении: ни Герел, ни Ариунболд не продемонстрировали какого-либо подлинного понимания того, с каким разнообразием географических условий им предстоит столкнуться, если предполагаемая экспедиция покинет Монголию. Отчасти это было результатом неопытности, так как они мало бывали за пределами своей страны, а зарубежные путешествия были поездками в большие города, но подобное отношение коренилось в их возросшем шовинизме. Они непоколебимо были убеждены: то, что правильно в Монголии, будет верно и тогда, когда они покинут свою страну, каковы бы ни были обстоятельства. Я бы назвал это зловещей смесью упрямства и чувства собственного достоинства. Иногда их неуступчивость проявлялась в относительно второстепенных практических вопросах.

Например, я порекомендовал подковать экспедиционных лошадей, если животным предстоит путешествие на действительно большое расстояние. Но ни Герел, ни Ариунболд не прислушались к моему совету. Монгольских лошадей никогда не подковывают,

категорически заявляли они. В действительности, как я позднее заметил, это не так — перегонщики скота на западе Монголии, которых Герел с Ариунболдом никогда не видели, подковывают своих коней, когда им нужно проскакать три или четыре сотни миль вместе со стадами, чтобы перегнать бычков на продажу мясокомбинатам в Советском Союзе. Но Герел с Ариунболдом смотрели на проблему совершенно иначе. Они знали, что так будет лучше, потому что именно таким образом — как они думали — традиционно поступают монголы.

Говоря шире, их непримиримость выходила за рамки разумного, порождая тенденцию считать предполагаемую ими экспедицию сугубо монгольским предприятием, каковое неким образом окажет честь людям, с которыми ей предстоит встретиться. Несколько раз я пытался объяснить, что пока они будут двигаться в сторону Европы, им понадобится помощь представителей различных национальностей и культур — казахов, русских, украинцев и так далее. Успеха можно добиться только одним способом — все члены экспедиции должны всячески приветствовать местных жителей, включать их в свой состав в возможно большем числе, превратив поход в подлинно интернациональный. Но вновь я столкнулся с противным течением. Это должна быть монгольская экспедиция, отмечающая исторические достижения монголов, и люди, с которыми она встретится, должны быть благодарны за предложенную им уникальную возможность контакта. Короче говоря, по-моему, они не были готовы разделить с другими народами общее наследие великих трансконтинентальных торговых путей, и у меня зародилось ощущение, что мне отводится не самая значительная роль — через меня осуществлялась связь с Западом, что открывало возможности получать снаряжение, добиться

известности и разрекламировать себя и извлечь личную выгоду из предприятия. Герел не сомневался, что художественные галереи на Западе непременно захотят купить его скульптуры; Ариунболд был уверен, что газеты и журналы наперебой станут просить его написать о своих впечатлениях; Байяру представало в мечтах, как он создает документальный фильм, который непременно завоюет множество премий. Тщетно было предостерегать, что мир за пределами Монголии, возможно, и не оценит высоко их усилия. Заглядывая вперед, я видел опасность того, что они падут жертвой своего слишком большого самомнения.

Основная часть нашего трансмонгольского похода должна была начаться через шесть недель после путешествия по Хэнтэю. За это время мы с Полом ненадолго съездили обратно в Лондон, чтобы проявить и оценить качество наших киноплёнок и фотографий и кое-что приобрести, например побольше полароидных кассет и с полдюжины армейских спальных мешков, которыми я мог бы снабдить монгольскую конную группу. Потом мы вернулись в Улан-Батор и жили в гостях у Дока и его семьи в его трехкомнатной квартире на верхнем этаже одного из обшарпанных многоквартирных домов. Прежде правительство запрещало частным лицам принимать у себя иностранных гостей. Все туристы с Запада обязаны были жить в условиях квазикарантина в одной из двух унылых гостиниц Улан-Батора. Это означало, что за ними будут надзирать неусыпные глаза, завышенные гостиничные цены дадут значительную прибыль, а местные жители будут избавлены от соблазна получить оплату в иностранной валюте, хранить которую им запрещено. Док бы и не принял никакой платы, и поэтому мы преподнесли ему в подарок виски и рыболовные снасти, которые были встречены с радостью. В действительности большую часть нашего

шестинедельного ожидания мы провели в обществе Байяра и веселой команды Монгольской киностудии — мы тряслись на ухабах по степи в списанном советском джипе, побывали на местных лошадиных праздниках и в гостях у аратских семейств, совершили поездку в пустыню Гоби, где посмотрели верблюжьих пастухов.

За эти дни я по крупицам собирал обрывочные сведения о происхождении и жизненном пути Ариунболда. По монгольским меркам Ариунболд родился, так сказать, с серебряной ложечкой во рту. В последние годы диктаторского правления Чойбалсана он был еще ребенком и большую часть жизни прожил при режиме преемника Чойбалсана, Цеденбала, который придерживался жесткой линии предшественника, поощрял культ своей личности, и у него была русская жена. По слухам, Ариунболд и сам отчасти был русским, и его семья, несомненно, пользовалась немалым уважением в партийных кругах. В суровом коммунистическом обществе это означало, что у мальчика есть все преимущества. После окончания школы Ариунболд в числе избранных был отправлен на учебу в Высшую партийную школу в Ленинграде — в этот учебный центр для многообещающей одаренной молодежи из стран-сателлитов СССР желали попасть многие. Там он изучал партийную теорию и науку управления, приобрел свой элегантный и профессиональный стиль и усовершенствовал владение русским языком, на котором говорил практически без акцента. После возвращения в Улан-Батор он был вознагражден, получив самую желанную для молодого человека должность в монгольской властной иерархии — его назначили секретарем при председателе президиума, самом Цеденбале. Молодой, обладающий приятной внешностью, с хорошим образованием и из безупречной семьи, Ариунболд был готов к восхождению на самые высокие ступени партийного аппарата.

Однако что-то пошло не так, ходили слухи, что он ленив и несерьезен и вдобавок бабник. Его последующая карьера, насколько могу судить из того, что всплыло в случайном разговоре, по-видимому, только подтверждала эти сообщения. Он так и не реализовал свой потенциал. Он потерял место секретаря Цеденбала и был отправлен за границу, работал дипломатом в монгольском посольстве в Софии, а в дальнейшем его вновь понизили в должности, и он стал журналистом. В Болгарии, поговаривали, его донжуанство стало причиной серьезных проблем. Когда Ариунболда отозвали в Улан-Батор, его жена, музыкант по профессии, осталась в Софии. Мне было понятно, что на посту секретаря Монгольского национального комитета по реализации проекта ЮНЕСКО «Шелковый путь» Ариунболд находится в идеальном положении, чтобы стать препятствием для какой-либо поддержки предприятия со стороны государства и обеспечить, чтобы именно его выбрали возглавить подготовку на территории Монголии. Нехотя я также вынужден был признать, что планируемую экспедицию он может считать возможностью изменить свою карьеру, пока идущую по нисходящей. Как-то он неосмотрительно проговорился, что намерен воспользоваться своим положением, чтобы приобрести известность в Монголии, а затем заняться политической деятельностью.

Отношение Ариунболда к организации новой фазы экспедиции было пугающим. Он исчез из Улан-Батора сразу на несколько недель, не известив никого и не связываясь ни с Герелом, ни с Байяром, которые не знали, где его искать. Он также не убедился в готовности нового снаряжения, необходимого для поездки. Было понятно, что требуется новая палатка на замену той изорванной, которую брали в Хэнтэй. Ариунболд похвалялся, что от японской телевизионной компании получил какую-то специальную облегченную

ткань и устроит так, чтобы из нее пошили новую палатку. Но потом, когда палатка еще не была закончена, он пропал, а вернувшись, приказал трио веселых монгольских портних немедленно заняться пошивом прихотливых нарядов для монгольских членов команды. Я с Полом отправился на квартиру, где они занимались стачиванием. Представшая нашим глазам картина ничуть нас не обнадежила. Ариунболд, которого мы не видели несколько недель, заглянул сюда для примерки своего костюма. Принарядившись, он с самодовольным видом красовался перед зеркалом: было слишком очевидно, что его больше интересуют внешний блеск, а не сущность проекта. Заказаны были также и три особых седла, точные копии средневековых монгольских седел. Но я был удручен, увидев, что Ариунболда волнует лишь, чтобы его собственное седло было готово вовремя. По-видимому, он эгоистично не замечал, что всего за день до того, как экспедиция должна покинуть Улан-Батор, седла его монгольских спутников все еще оставались кусками дерева и кожи. Я ничего не сказал, потому что считал, что не мое дело вмешиваться в то, что по-прежнему было организованным монголами предприятием на территории Монголии. Между тем быстро приближался тот день, когда мы все должны отправиться на точку старта основного маршрута — в бывшую имперскую столицу Каракорум.

Каракорум расположен там, где фактически находится центр Большой Монголии. Если крест-накрест провести линии через основную область расселения монголоязычных народов, они пересекутся в холмистой местности в верховьях реки Орхон, недалеко от нынешнего Каракорума. Подобное центральное расположение раскрывает причину того, почему на протяжении столетий Каракорум был национальным, пусть и не всегда реальным, центром Монгольской

империи. У самого Чингисхана так и не нашлось времени, чтобы устроить тут столицу, потому что его ставка оставалась мобильной, кочуя вслед за сезонными миграциями и перемещаясь вместе с ханом, когда он отправлялся в военные походы на завоевание чужих стран. Но, должно быть, главное кочевье регулярно устанавливало свои юрты в видимости Каракорума, и когда его сын Угэдэй стал в 1229 году каганом, было принято решение возвести там постоянные сооружения, где бы останавливались и вели торговлю имперские караваны и где — не в последнюю очередь — можно было принимать иноземные посольства и вождей, которые прибывали из многих областей громадной империи. Именно в район Каракорума спешили доставить Карпини проводники, чтобы их подопечный, пожилой, грузный и измученный дорогой францисканец, оказался при дворе при возведении на престол наследника Угэдэя, Гуюка. И сюда в 1254 году пришел тот, кто следующим оставил для европейцев описание монгольской империи, — собрат Карпини по францисканскому ордену, Вильям Рубрук, с которым мы вскоре встретимся. Даже когда каганом стал в 1259 году знаменитый внук Чингисхана, Хубилай, предпочитавший держать свою столицу в Китае, Каракорум номинально оставался центром Монгольской империи и центром отчизны, к которому все монголы были эмоционально привязаны тогда и с которым сохраняют эту связь по сей день.

За три недели до официального старта основного отрезка экспедиции, намеченного на июль, мы с Полом отправились в Каракорум на рекогносцировку. Сам город был образчиком маленького скучного монгольского сельского городка, какие мы еще не раз увидим в следующие несколько недель. У главной площади возведена пара уродливых бетонных муниципальных офисных зданий, над устаревшей

электростанцией, работающей на угле, торчали проржавевшие металлические дымовые трубы, удерживаемые тросами-оттяжками, на окраине имелась цистерна, предназначенная для слива топлива с проезжающих джипов и грузовиков. Несколько сотен гыров образовывали городские кварталы, разделенные ухабистыми дорогами. Каждый квартал был окружен расшатанным деревянным забором, поскольку бюрократические предписания требовали, что только если гыр обнесен оградой, ему можно присвоить номерной знак и, следовательно, тогда у него будет адрес и жителей можно обеспечить почтовым обслуживанием и всем прочим. Предположительно, это правило придумал кто-то в центральном правительстве, возможно, в очередной попытке искоренить кочевнические наклонности населения, которые не очень-то хорошо уживались с социалистической доктриной.

Менее чем в миле от городской окраины стоит самый старый и некогда самый грандиозный во всей Монголии буддистский монастырь, громадный ламаистский комплекс Эрдени-Дзу. В годы его расцвета здесь находились 10 000 лам, которые проводили службы не менее чем в шестидесяти храмах, обнесенных внушительной внешней стеной. Ни одно другое здание не символизировало лучше былую славу Монголии и то, по какому неверному направлению до недавнего времени шла жизнь монголов.

Когда в 1921 году Монгольская народно-революционная партия взяла власть в свои руки, ей в наследство досталась страна, в которой возник один из самых необычных общественных укладов на Земле. Здесь выросло гротескное государство-церковь. В краю, где было от силы с полдюжины постоянных городов, насчитывалось 700 крупных монастырей и еще, по меньшей мере, 1000 помельче. Царем этой причудливой

страны тоже был ее верховный священнослужитель. Более того, он был Живым Буддой, и выше него стояли только «Два Сокровища» — Далай-лама и Панчен-лама в Тибете. И не имело особого значения даже то, что этот царь-священник был извращенцем и страдал от сифилиса, а слепнувшие из-за болезни глаза прятал за закопченными стеклами. По оценкам, из десяти мужчин-монголов четверо было ламами или рабами церкви, и набожность рядовых монголов пустила настолько глубокие корни в их душах, что своего повелителя, восьмого Джебцзундамбу-хутухту, или «Возвышенное Откровение», они почитали как духовного и фактического главу страны, несмотря на то, что ему нравилось меняться одеждой и ролями с одним из слуг-мужчин, что порой он целыми неделями бывал мертвецки пьян и невменяем и что в качестве второй супруги, или «Священной Богини», взял бывшую жену борца, печально известную своими сексуальными забавами с другими ламами, в том числе и с парикмахером, для которых была отведена так называемая «юрта предсказателя».

Неудивительно, что первый предшественник Джебцзундамбы-хутухты в седьмом колене утверждал, что является прямым потомком Чингисхана. Первое «Возвышенное Откровение» заполнил собой вакуум власти, возникший, когда в середине XVI века соперничающими группировками был изгнан из страны последний император объединенных монголов, во многом слабая тень Великого Хана, и отчизна монголов за последующие 100 лет выродилась в арену борьбы между воинственными военачальниками. К тому времени громадная мировая Монгольская империя, созданная Чингисханом и его ближайшими наследниками, должна была казаться фантастикой. В 1368 году китайцы изгнали монгольскую династию

Юань, которую при Хубилае навязал им в Пекине Золотой род.

Через двадцать лет китайские армии вступили в сердце страны монголов, сожгли Каракорум и разгромили монгольские племена. Последний монгольский император пытался бежать, захватив реликвии из святилища Чингисхана в Ордосе, в надежде, что обладание ими станет гарантом его возвращения. Он умер при загадочных обстоятельствах, и реликвии были возвращены на место, но для китайцев стало делом принципа, чтобы никогда больше Монголия бы им не угрожала. Они с успехом обуздали вождей Монголии, низведя тех до роли китайских вассалов, вынудив выплачивать ежегодную дань, принять китайских губернаторов и китайскую администрацию и периодически совершать путешествия в Китай, чтобы принести клятву верности. Один монгольский принц взял с собой в Пекин шесть верблюдов, нагруженных льдом, предположительно для того, чтобы охлаждать свою пищу и питье. Подобное показное роскошество, должно быть, порадовало китайских хозяев, так как оно еще больше обедняло простых монголов, вынужденных платить за подобную экстравагантность. С Монголией обращались как с пустым задним двором Китая, обширной зоной, которую намеренно держат в небрежении, исходя из принципа, что чем хуже ее развитие, тем лучше это отвечает китайским интересам.

В соответствии с одной теорией, китайцы привнесли тибетский ламаизм в Монголию для того, чтобы подорвать воинственный дух монголов. Но фактически ламаизм появился в монгольской истории задолго до того, и преемник Карпини, Вильям Рубрук, обнаружил в Каракоруме уже основанный ламаистский монастырь. Брат Вильям (или Гильом) отправился в Монголию по заданию короля Франции Людовика IX, который хотел сделать его своим неофициальным посланником. Самого

же Рубрука больше интересовало другое: он искал группу немцев, захваченных монголами в плен, чтобы позаботиться об их душах. Он путешествовал вместе с другим монахом-францисканцем, Варфоломеем из Кремоны, о ком нам известно мало, не считая того, что иногда он жаловался, что так голоден, что чувствует, будто никогда не ел в своей жизни. Когда наконец-то настало время отправляться домой, Варфоломей не нашел в себе сил переносить невзгоды обратного пути и предпочел остаться в Каракоруме и окончить свои дни там, а не отправляться во второй раз в путешествие через весь континент.

В Каракоруме Рубрук провел немало времени, с любопытством он заходил и в ламаистские храмы, и в юрты шаманов, приставал к ним с расспросами о местных верованиях. Его немало сердило, что ламы нередко соблюдали обет молчания и отказывались отвечать на вопросы, но тем не менее именно он дал Европе первое выразительное описание буддизма. «Все жрецы их, — писал он в своем отчете о путешествии, который приготовил для короля Людовика, — бреют целиком голову и бороду; одеяние их желтого цвета; с тех пор как они бреют голову, они хранят целомудрие и должны жить по сто или по двести зараз в одной общине. В те дни, когда они входят в храм, они ставят две скамьи и сидят в направлении клироса, но против него, на земле, держа в руках книги, которые иногда кладут на упомянутые скамейки... Куда бы они ни шли, они имеют также постоянно в руках какую-то веревочку со ста или двумястами ядрышками, как мы носим четки, и повторяют постоянно следующие слова: „On maní бассат“, то есть „Господи, ты веси“»^[19].

Ламаизм легко смешался с ранними монгольскими представлениями о мире духов, и весьма вероятно, что первый Джебцзундамба-хутухта считался главным колдуном или шаманом. За ним последовали шесть

Великих Воплощений, и во время их правления власть и богатство церкви резко возросли. Поколения за поколениями набожные монголы передавали земли и стада и десятины ламам или становились при них рабами, то ли из благочестия, то ли чтобы избежать огромных налогов, налагаемых монгольской знатью, которая, в свою очередь, обязана была выплачивать дань китайским губернаторам или задолжала китайским купцам. Богатства и популярность церкви возрастали, в стране строилось все больше монастырей, а те, в свою очередь, приобретали все больше пастбищ и пополнялись новыми монахами. В краю кочевников ламаистские монастыри были единственными постоянными сооружениями, и именно они превратились в зародыши городов, какими бы убогими те ни были. Потому-то до революции Улан-Батор носил название Урга, что значит просто «храм».

В своих уделах главные ламы обладали большей властью, чем какой-либо средневековый аббат в Европе. Они мало зависели от гражданского права и в своих уделах были властны над жизнью и смертью любого. В сущности, по всей обширной стране только в ламаистских монастырях можно было получить образование, квалифицированную работу, научиться читать и писать, но правление лам вовсе не представляло всеобщим благоденствием. Жизнь в монастырях зачастую была чудовищно жестокой. Нарушителей установленных правил иногда забивали до смерти или, чтобы на братьев не легло пятно убийства, виновника, связав, могли оставить зимней ночью голым на морозе, и к утру он превращался в застывший труп. Грамоте могли учить ламы-садисты, которые острыми бамбуковыми перьями выцарапывали письма тибетского алфавита на бритых головах детей. Попустительствуя гомосексуализму, старшие монахи держали катамитов, эвфемистически называемых «учениками». Некоторые

ламы выступали в качестве ростовщиков, давая займы стада из расчета до 200 процентов годовых. Когда же восьмой и последний носитель титула «Возвышенное Откровение» был вдобавок сделан царем, ламы из высших кругов — в то время в Урге проживало поразительное число Воплощений Будды, сорок семь, — наряду с церковными титулами и привилегиями жадно расхватывали и новые гражданские. По сравнению, весь аппарат гражданского правления на этом этапе насчитывал 300 человек, в том числе и стражников-привратников, посыльных и кладовщиков.

Находившиеся на другом конце весов простые ламы, число которых было огромно, не были ни набожны, ни честны. Они бродили по стране, нищенствовали, зарабатывая на жизнь тем, что предсказывали доверчивым скотоводам будущее и продавали им индульгенции. И эти мелкие ламы придерживались обета безбрачия ничуть не строже, чем те, кто стоял на высших ступенях иерархии. На них лежит ответственность за необычайно высокий уровень венерических заболеваний, главную медицинскую проблему страны в начале XX века.

Эрдени-Дзу был естественным выбором для строительства в Монголии первого ламаистского монастыря. Он был сооружен вблизи того места, где Угэдэй, Гуюк и Мункэ — второй, третий и четвертый каганы из династии Чингисидов — проводили великие курултаи. Ко времени посещения Монголии Рубруком тут вырос маленький городок, где нашли приют сотни торговцев и дипломатов, прибывших к монгольскому двору из Китая, Средней Азии, с Ближнего Востока и даже из Кореи. В 1940-х годах русская археологическая экспедиция обнаружила, что камни, из которых сложены древние имперские здания и средневековый город, были использованы при сооружении этого ламаистского монастыря. Религиозный анклав, который монахи

возвели для себя, растащив древние камни, был громаден. В каждой стороне внешней стены помещалось 108 ступ, оплаченных пожертвованиями верующих. Священные изображения внутри храмов Эрдени-Дзу, как говорят, были созданы первым Хутухтой, который был знаменитым скульптором. Кстати, он был женат, и есть фольклорный рассказ о том, что когда некоторые выразили недовольство тем, что у него есть жена, он вызвал ту из своей юрты. Она вышла, держа в голых руках расплавленную бронзу, и, пока критики глядели на нее, вылепила из мягкой болванки статуэтку Будды. Это заставило критиканов замолчать.

Сегодня внешняя стена Эрдени-Дзу стремится вернуть себе некое подобие былой славы, и побелена она не из почтения, а потому, что нынешнее правительство отчаянно нуждается в иностранной валюте и понимает, что монастырь будет уникальным туристическим аттракционом. Внутри, однако, огороженная периметром стен территория по большей части представляет собой поросшую травой пустошь. В отдалении, напротив главных ворот с надвратной башней, стоят несколько храмов с синими крышами и одна-две ступы, кажущиеся маленькими из-за разделяющего их открытого пространства. Некогда территория за стенами была тесно застроена зданиями — храмы, монашеские спальни, трапезные, склады; высказывалось предположение, что, исходя из сегодняшней картины всеобщего уничтожения, большинство первоначальных зданий монастырского комплекса должны были снести при помощи взрывчатки. Но нет ни единого документа, который мог бы поведать о случившемся. Уничтожение теократического государства в Монголии, пик которого пришелся на конец 1930-х годов, остается одной из самых хорошо охраняемых тайн современного вандализма.

Коммунисты дождались, пока умрет последний царь-Хутухта; случилось это в 1924 году, когда ему было 54 года. Потом с возрастающей жесткостью и удивительной переменой в своих чувствах они набросились на церковь, точно акулы, рвущие куски плоти из тела беспомощного кита. Сначала ламаистские монастыри лишились земельных владений и привилегий. Затем монахов обложили непомерными налогами. По одной из циничных придумок лам призывного возраста заставили платить особый штраф за то, что они не служат в армии. Монастыри один за другим терпели финансовый крах. Некоторые монастыри силой переносили на другие места, подальше от паствы, и, лишенные поддержки местного населения, они зачахли. Многие ламаистские монастыри были закрыты делегациями фанатичных партийных работников, чьи приказы подкреплялись армейскими отрядами. Только из одного монастыря в один день было изгнано 400 лам, и многие из самых жестоких репрессий были осуществлены зимой, что обрекало выселенных на смерть от холода. Несколько монастырей снесли бульдозерами, чтобы ламы не смогли выбраться. В 1937 году около 97 000 монахов были «реклассифицированы». Большинство переселили в города или распределили по рабочим бригадам; некоторых, отправил и в трудовые лагеря, и больше их не видели. Немногие были ликвидированы. Книги лам, среди которых были уникальные рукописи, привезенные из Тибета, бросили в костры. Святилища-обо сравнивали с землей, и даже вмурованные в ступы священные мощи выдалбливали и разбивали. В качестве подачи звучавшей из-за рубежа критике был сохранен «выставочный образец» религии.

Часть величественного монастыря Гандан в Улан-Баторе отвели под так называемую «религиозную школу», отыскав для нее услужливого настоятеля и горстку монахов, а малый Оракульский дворец

превратили в окаменелый и неинтересный государственный музей. Казалось, у религии в Монголии уничтожены и корни, и побеги.

Потом, два года тому назад, «перестройка» и «гласность» в Советском Союзе оказали свое влияние и на Монголию, стал формироваться новый взгляд центрального правительства на религию. Хотя никто не уверен, какова именно официальная политика по отношению к ламаизму, есть намеки, что религиозные богослужения будут снова разрешены. Для начала предполагалось возобновить деятельность громадного монастыря в Эрдени-Дзу, призванного стать действующим религиозным центром, а не просто приманкой для туристов, — в случае, если найдутся ламы. Ламы отыскились, что не удивило никого, кроме большинства недалеких партийных сановников. Не со всеми монахами было покончено, не все бежали из страны во время массовых чисток. Кое-кому удалось потихоньку ускользнуть, и они обрели убежище среди сельского люда. Полвека они, не бросаясь в глаза, прожили среди пастухов. Они носили обычную одежду, как у всех, но хранили свои ламаистские облачения, и большинство втайне отправляли обряды. словно экзотические цветки, проросшие сквозь трещины в государственном монолите, вдруг появились эти выжившие ламы, вновь облачившиеся в ярко-красные одежды и желтые шапки. Они достали длинные и тонкие деревянные ящички, похожие на длинные пеналы, где хранились священные тексты, написанные на пергаменте. Они подновили свои барабаны, колокольчики и курительницы и принесли их в Эрдени-Дзу, хотя большинство святилищ должны были найти уничтоженными, а священные изображения — в ужасном состоянии.

Двадцать или тридцать лам снова поселились за монастырскими стенами. Они вычистили и

отремонтировали маленькое здание на дальней стороне площади, вновь вывесили там священные флаги. Они подновили помост, с которого стали трубить в раковины, призывая к молитве, зазвучали молитвы о благополучии народа. Картина исключительная: ни одному из этих старых и сморщенных лам не меньше 70 лет, и лица у них такие, будто бы они явились из мира «Хоббита» Толкина.

Главный лама был рад помочь нам. Для организации официальной церемонии прощания либо Герел, либо Ариунболд должны поддерживать связь с местной коммунистической бюрократией города Каракорум, и уже через тех они смогут связаться с ламаистским монастырем, поэтому главный лама отослал сообщение, что он и его монахи готовы благословить нашу экспедицию. Кроме того, ламы одобрительно отнеслись к гороскопу, который показал, что наилучшим для их ритуалов будет час Серебряной Лошади в день Черной Лошади в месяце Лошади.

Обескураживающая неспособность Ариунболда проследить за практическими деталями едва не сказала самым катастрофическим образом на нашем счастливом календаре. Он не только забыл заранее получить новое снаряжение для экспедиции, но даже не побеспокоился организовать транспорт для перевозки членов команды в Каракорум, куда были отправлены подаренные нам лошади и где мы надеялись их найти. Всем членам команды — Герелу, Байяру, Доку, который добровольно вызвался вновь переводить, Полу и мне — было совершенно очевидно, что раз Герел организовывал пробный конный поход в Хэнтэй, то теперь Ариунболд должен контролировать подготовку путешествия на запад от Каракорума в сторону советской границы. Идея состояла в том, что мы проследуем по монгольскому средневековому торговому пути до Баян-Улэгэйского аймака, в Алтайских горах,

примерно в 600 милях от Каракорума. Там лошадей предполагалось оставить на зиму, и — если Монгольский национальный комитет по реализации проекта ЮНЕСКО «Шелковый путь» не откажет в поддержке — команда, состав которой пока еще не окончательно определен, продолжит движение в сторону Франции. Однако официальная дата нашего выступления из Каракорума приближалась, и мы нетерпеливо ждали в Улан-Баторе Ариунболда, тщетно пытаюсь выяснить, куда тот подевался.

Поскольку Ариунболд не появлялся, то до последней минуты было неясно, где взять транспорт, чтобы добраться до Эрдени-Дзу, до которого было восемь часов езды по бездорожью. Было много суеты и суматохи, в конце концов на Монгольской студии телевизионных фильмов предложили старый джип и на нем решили отправить вперед Пола и Байяра. В машину загрузили дюжину седел и всякие личные вещи, и на ней, не считая водителя, уехали Пол с Байяром и еще двое неизвестных мне монголов. Им было поручено отыскать подаренных лошадей, которые паслись где-то у Каракорума, и вовремя привести их к монастырю к прощальной церемонии. Я смотрел, как Пол, прижимая к себе камеры, втискивается на переднее сиденье рядом с Байяром, а тот бережно прижимал к груди недопитую бутылку водки. Наш бесшабашный монгольский кинооператор находился в состоянии блаженного и абсолютного опьянения. Он был в джинсовой куртке и штанах с нашитыми кожаными заплатками, что, по-видимому, будет его рабочей одеждой в экспедиции, и вид у него был как у подвыпившего китайца-рабочего.

Ариунболд всплыл на поверхность в тот же день, позже — и по-прежнему никак не объясняя своего отсутствия, — но к тому времени Док уже взял дело в свои руки и связался с министерством иностранных дел, где согласились на время одолжить нам еще один

автомобиль повышенной проходимости. В Каракорум мы выехали втроем, четвертым пассажиром с нами отправилась привлекательная женщина, которая была, по всей очевидности, нынешней любовницей Ариунболда. У нее хватило ума большую часть поездки сохранять крайне смущенный вид и стараться вообще не попадаться на глаза во время остановок, потому что во второй машине нас сопровождал заместитель министра иностранных дел Монголии — на него возложили роль официального представителя на церемонии старта нашей экспедиции. Этот умный, проницательный человек был в высшей степени полезен на посту председателя Монгольского национального комитета проекта «Шелковый путь». Он явно был потрясен, когда увидел спутницу Ариунболда, и потом смотрел сквозь нее ледяным взглядом. Ситуацию усугубляло еще и то, что замминистра путешествовал с женой и престарелыми родителями, которые раньше никогда не бывали в монастыре Эрдени-Дзу и хотели своими глазами посмотреть на лам. Мне пришло в голову, что если член монгольского кабинета министров будет готов посетить религиозную службу в ламаистском монастыре Эрдени-Дзу, то колесо монгольской политики совершит полный оборот.

Шли летние дожди. В это время года Монголия получает практически весь годовой объем осадков, и здесь часты внезапные и сильные ливни. Все было залито водой, реки вышли из берегов. На пути к Каракоруму не было ни одного моста, а большинство бродов были непреодолимы. С плеском разбрызгивая лужи и пробуксовывая, мы двигались сквозь ночь и наконец, почти под самое утро 16 июля, прибыли на место. Остановились мы в официальной городской гостинице, замминистра с семьей отправился в номер на верхнем этаже, а Ариунболд, решив отыскать наш непонятно где находящийся лагерь с дареными

лошадьми, тактично исчез вместе со своей подружкой. Мне с Доком отвели комнату внизу. Там нас радушно встретил единственный постоялец, очень дружелюбный и разговорчивый монгол. Я предложил ему глоток виски и с опозданием сообразил, что мое предложение совершенно излишне. Он уже был совершенно пьян и вскоре завалился на свою кровать, шумно прохрапев остаток ночи.

Пол появился на следующее утро, не зная, то ли смеяться, то ли плакать. Он провел ночь в шести милях отсюда, где семья скотоводов присматривала за нашими дареными лошадьми. Походная пища вызвала у него серьезные желудочные колики, но корчился он не только от несварения желудка, но и от хохота. Оказалось, прошлым вечером ему показали знаменитую новую палатку, которой так хвастался Ариунболд. Раньше ничего в ней не проверяли и не испытывали, и неизбежно выяснилось, что ни одна из распорок не подходит, а вся конструкция — просто катастрофа. Палатка провисала и перекашивалась и выглядела как сдувшийся воздушный шар.

Когда днем того же дня мы отправились к монастырю, где была намечена официальная церемония старта, было холодно и ветрено и хлестал дождь. Миновав громадные деревянные ворота, мы увидели, что из-за мерзкой погоды собралось совсем немного народа. Пока замминистра произносил речь перед маленьким храмом, крытым зелено-голубой черепицей, что в народе был известен как «храм Угэдэя», собравшиеся ежились под зонтами и пластиковыми дождевиками. Здесь не было ни громкоговорителей, ни системы трансляции, ни ограждений, поэтому, чтобы получше расслышать речь, люди подходили все ближе и ближе, и вскоре участники экспедиции оказались в центре промокшей толпы. Затем мы прошлепали к ламаистской часовне, где с чувством

благодарности укрылись от дождя и где монахи провели для нас особенный обряд благословения.

Эту экзотичную церемонию проводов, происходившую в полумраке часовни, Вильям Рубрук непременно узнал бы. Два ряда высоких широких скамей образовывали центральный проход. На каждой скамье, лицом друг к другу и скрестив ноги, сидели рядом престарелые ламы в ярко-красных облачениях. Перед каждым из них лежали книги с мантрами и маленькие бронзовые молитвенные колокольчики. Они беспрестанно бормотали молитвы, каждая фраза повторялась вновь и вновь, постепенно повышаясь в тоне, пока наконец не достигала потрясающей кульминации. В этот миг самый старый, но очень энергичный лама в конце ряда схватил изогнутые барабанные палочки и резво застучал в барабан, висевший у него на левом плече, а остальные принялись дуть в трубы из раковин и звонить в бронзовые колокольчики. Эта оглушительная какофония звона, грохота и рева труб призвана была отогнать от нашего предприятия всех злых духов. Затем шум разом стих, и вновь зазвучало монотонно-напевное бормотание, теперь приглушенное, на низких тонах, и все повторилось сначала.

Тем, кто отправлялся в путь, предназначались места во втором ряду скамей, позади монахов, и слуги-миряне в коричневых одеждах обнесли нас большими блюдами с кусками священного хлеба: этот сладкий хлеб пекли из белой муки, и его формовали так, чтобы наверху образовывалось маленькое углубление, которое заполняли кусками сахара и темно-желтыми кубиками сушеного варенья. Из громадного медного чайника наливали соленый чай. В честь нашего отбытия на маленьком алтаре мигали пламенем свечи, в металлической ванночке курился ладан. Все вокруг было красным: плащи монахов, выкрашенные красной краской

столбы и потолок, свисавшие с потолка знамена, красные кисточки, красное пламя, красные отсветы, отражающиеся на сморщенных лицах лам и на их бритых блестящих черепахах.

Настоятель вручил нам талисманы на счастье, дешевые бронзовые рамочки с изображениями индийских божеств, ничем не отличающиеся от тех, какие продаются в ларьках на базарах, и я повесил свой на шею под рубашку. Затем нас проводили через дверь часовни и через скопление любопытных, заглядывавших внутрь. Дождь ослабел, и хотя он по-прежнему моросил, возле наших лошадей, которых привела группа пастухов, собралась приличная толпа. Животные стояли в ряд, нервно переступая копытами, и монголка в национальном костюме предлагала по очереди каждому наезднику ковш кобыльего молока из деревянной бадьи. При этом она опускалась на колени в мокрую траву, потом, после того, как мы отпивали, вставала и окропляла молочным ручейком голову коню, потом — стремя, а затем — мокрый лошадиный круп. Мы сели в седла, и молоко по-прежнему капало с наших несчастных лошадей. Ведомая юным монахом-послушником, несущим ярко-красное знамя на древке, неровная колонна проехала через заросший травой монастырский комплекс к громадным двойным воротам под надвратной башней. Кто-то потянул за створки, открывая их, петли издали вполне уместный драматический скрежет и скрип, и мы направились по уклону сквозь очередную толпу зевак. Когда мы повернули направо, в счастливую сторону, еще один лама в красном окунул свой черпак в ведро с кобыльим молоком и плеснул им в небеса, дабы умилоствить духов. Смешавшиеся с дождинками капельки молока обрызгали нас.

Через десять минут небеса вновь разверзлись, и за сильным ливнем даже не было видно дорогу впереди.

Мокрые и продрогшие, мы передали наших лошадей проводникам, а сами залезли в принадлежащий местной коммуне протекающий джип, который и отвез нас в лагерь. Нам с Полом хватило одного взгляда на новую официальную экспедиционную палатку, кособокую и обвисшую, чтобы счесть за лучшее снова установить нашу маленькую горную палатку, предварительно осушив для нее ровный участок земли. Там мы и пережидали дождь, пока нас не позвали в пастушеский гыр на пир. В качестве взноса в экспедиционные запасы Ариунболд просил меня взять четыре дюжины бутылок местной водки. «Пригодятся как подарки для проводников-пастухов», — сказал он мне, когда я заметил, что для вьючных пони четыре ящика водки будут тяжелым и очень хрупким грузом.

Волновался я напрасно. Этим вечером была выпита половина водочных запасов, предназначенных для всего путешествия. Наследующее утро монголы встали поздно и с жалким и недовольным видом слонялись по лагерю. Мы с Полом спать легли рано, поэтому были в сравнительно хорошем настроении. Остальные были вялыми и страдали от похмелья.

Под ночным дождем знаменитая новая палатка Ариунболда осела еще больше, и вода просачивалась через ткань. По-видимому, перед тем как начать шить палатку, никому и в голову не пришло проверить, водонепроницаем ли сам материал. Как выяснилось, этим свойством он не обладал. Поэтому остаток следующего дня лагерь был украшен всем экспедиционным имуществом — повсюду развесили на просушку причудливые рубахи, дээлы, джинсовые куртки, с которых стекала краска. Все это отняло то малое время, какое Ариунболд отвел для последних приготовлений.

Из всей монгольской команды только у Байяра средневековый костюм оказался сухим. О

предварительной примерке никто в Улан-Баторе не побеспокоился, и в его случае с размером сильно промахнулись. Когда он оделся на церемонию проводов, рукава его дээла висели на фут ниже пальцев, а подолом он почти подметал землю. Байяр выглядел в точности как цирковой клоун в слишком большом наряде, а когда он попытался подпоясать дээл кожаным патронташем с карманчиками для батарей кинокамеры, это была пародия на тему «Монгол на Диком Западе». Скорчив гримасу и подмигнув мне с Полом, он снял нелепый наряд и больше ни разу его не надевал.

Старт той части проекта, за которую отвечал Ариунболд, был омрачен сыростью и грязью, и я поймал себя на мысли, что гадаю, пойдут ли дела лучше, как было во время пробного похода по Хэнтэю, или нет. Ариунболд хвастался, что славные монгольские лошади доберутся до Баян-Улэгэя самое большее за четыре недели. Но я был полон сомнений. По моим оценкам, на дорогу должно уйти по меньшей мере два месяца, с учетом дней отдыха. Если только дилетантское поведение Ариунболда не изменится к лучшему, есть риск упустить драгоценную возможность для более глубокого изучения традиционной Монголии.

Глава 8. Сотня запасных лошадей

Днем мы вернулись в буддистский монастырь, чтобы набрать запасных лошадей. Оказалось, что трое аратов, взятых нами в проводники, привели на территорию монастыря табун — более сотни лошадей. Теперь они вылавливали их в монастырском дворе, орудуя приспособлениями под названием «урга» — подобием удочки с кожаной петлей на конце. Ими ловили животных, чтобы оседлать. Для этого жертв гоняли до дальних храмов и обратно эффектным галопом. Развлечение было непредвиденным — это такое импровизированное родео, но против него не возражал никто, даже ламы. Полудикие лошадки брыкались, зачастую отказываясь подчиняться, даже когда петля сдавливала им горло. Тогда пастуху приходилось затягивать ремень до тех пор, пока полузадушенное животное не начинало хрипеть и дергаться. После чего пастух брал лошадь за ухо, чтобы та не могла убежать, и обуздывал.

Официальное разрешение куратора проекта «Шелковый путь» Ариунболда (а также небольшие субсидии) помогло воссоздать бывшее чудо Монгольской империи — систему орто, которая обеспечивала самое быстрое и надежное передвижение по Азии, пока не появились железные дороги. Эту систему придумал не Чингисхан и не его наследники — они позаимствовали ее у более древних культур, таких как кидани, но правители монголов развили систему настолько, что пользоваться ей мог чуть ли не любой оборванец. Монголы все пространство в 5000 миль, от Желтого моря до Черного, связали цепью пересадочных станций. На каждой станции путников, имеющих имперскую пайцзу, ожидали свежие лошади, готовые везти их дальше, а

также повозки и тягловый скот. Чтобы эта система работала, потребовались громадные ресурсы, даже по меркам людей, которые привыкли владеть большим количеством лошадей. Было подсчитано, что работа орто в одной лишь Монголии потребовала резерва в три миллиона конских голов. А ведь на каждой станции требовались дополнительно начальник, конюхи, стойла, удобства, снабжение продовольствием и немалых размеров пастбище, где животные могут восстанавливать силы.

Высшее достижение системы орто и повод для величайшей за нее гордости — легкость и быстрота передачи сообщений гонцами. Эти люди мигом доставляли срочные правительственные депеши на такие расстояния, какие и не снились европейским почтовым службам. В отличие от почтальонов американской службы «Пони Экспресс», которые передавали сумки с почтой из одного сектора в другой, монгольские курьеры должны были сами проскакать весь путь, держа послание при себе и храня его в тайне. Скача день и ночь, они выматывали себя до полного изнеможения, лишь изредка останавливаясь для еды или отдыха. Им даже приходилось пристегиваться к седлу, чтобы не свалиться без сил. Можно рассмотреть и другие различия между орто и «Пони Экспресс». Американские наездники могли покрыть 2000 миль за 10 дней, делая пересадки через каждые 10-15 миль. За короткий период времени, длившийся всего 18 месяцев, было сделано 616 рейсов. Наездники орто обычно проезжали 50-70 миль в день, а если нужно, то и все 120. При крайней необходимости они проезжали в день 250 миль, и работала эта служба, по крайней мере в Монголии, на протяжении семи веков.

Не кто иной, как Марко Поло в своей «Книге о разнообразии мира» познакомил европейцев с подробностями работы этой удивительной системы.

Самому ему так и не удалось как следует осмотреть Монголию, но через 18 лет после путешествия Рубрука в Каракорум он проезжал более южным путем по западному краю китайской пустыни, направляясь в «Ханский город» в Пекине, к хану Хубилаю. Там он обнаружил, что монгольская династия не переняла китайскую культуру — Хубилай даже не говорил по-китайски, но повсюду в ходу была монгольская речь. При дворе Поло и слушал рассказы о Монголии от самих монголов и своими глазами видел орто в действии, когда Хубилай отправлял депеши в дальние концы империи.

По какой бы дороге ни выехал из Канбалу гонец великого хана, через двадцать пять миль он приезжает на станцию, по-ихнему янб, а по-нашему конная почта... На каждой станции по четыреста лошадей; так великий хан приказал; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда великий хан куда-либо посылает их... По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать, есть станции; на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей всегда наготове для гонцов; тут же дворцы, где гонцы пристают. Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана... Когда нужно поскорее доложить великому хану о какой возмущившейся стране, или о каком князе, или о чем важном для великого хана, гонцы скачут по двести миль в день, а иной и по двести пятьдесят миль... Если гонцов двое, оба пускаются с места на добрых, сильных скакунах; перевязывают себе животы, обвязывают головы и пускаются, сколько мочи, вскачь, мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны. Садятся они на них, не мешкая, тотчас

же, и как сядут, пускаются вскачь, сколько у лошади есть мочи; скачут до следующей станции; тут им готовы новые лошади, на них они садятся и едут дальше, и так до вечера...

Система орто стала одной из глубинных причин успеха Монгольской империи. Чингисхан и его наследники без труда осознали тот факт, что быстрая и надежная связь дает преимущество перед врагом, а без такой связи огромная империя становится неуправляемой. В самом деле, система орто столь хорошо послужила на диких просторах Средней Азии, что в Монголии ею пользовались еще долго после того, как во всем остальном мире она ушла в историю. Некоторые почтовые станции сохранялись до 1949 года.

Отставной дипломат Цевегмид, почтенный пожилой человек восьмидесяти лет, бывший представитель Монголии в Китае, которого я встречал в Улан-Баторе еще до поездки в Каракорум, рассказывал мне, как в юности ему разрешили воспользоваться услугами правительственного орто, чтобы добраться через всю страну к месту работы. Он был одним из первых в стране квалифицированных учителей, и его отправили составить отчет о положении в новой школе за 470 миль. С тех пор он сохранил официальный пропуск, написанный красными чернилами монгольским письмом. Документ предписывал на каждой станции давать подателю пропуска пищу, кров и провожатых, а также свободных лошадей. «Эта система служила прекрасно, — рассказывал он. — Богатые семейства в каждой местности по очереди предоставляли почтовой службе своих лошадей. Для них это было дело чести. В те годы у нас еще были бухи — профессиональные наездники-гонцы. Он были лучшими из всех наездников, отборные молодые парни, очень сильные и выносливые. Обычно они были родом из довольно бедных семей,

потому что служба их очень и очень тяжелая. Доставляя важные правительственные депеши, они могли скакать от станции к станции без передышки, даже не касаясь ногами земли, лишь перепрыгивая с одной лошади на другую. Во время скачки они так выматывались, что носили бандаж. Об этом писал еще Марко Поло. Они туго перепоясывали тело кожаными или тряпичными поясами, чтобы держаться в седле прямо на протяжении нескольких дней».

Наша экспедиция не ставила целью пересечь Монголию в столь эффектной манере, но мы все же планировали раз за разом менять лошадей в духе средневековых путешественников, наделенных императорской пайцзой. Наши пересадочные станции располагались в маленьких административных центрах, так называемых центрах сомонов (сумов), к западу от Каракорума, вдоль древнего имперского пути. Ариунболд предполагал посещение центра каждого сомона и распорядился, чтобы в каждом нас ожидали сменные лошади и пара проводников.

Выезжая из ворот монастыря со всеми нашими лошадьми, мы смотрелись скорее как небольшой отряд армии Чингисхана, чем как почтовые курьеры, поскольку наши провожатые вели в поводу по меньшей мере сотню лошадей, включая нескольких кобыл с жеребятами. К счастью, мы снова повернули направо, и, едва мы обогнули монастырскую стену, нашим взорам открылась достопримечательность, разрешения посетить которую я особо добивался. Это одна из крупнейших и самых примечательных реликвий того времени, когда Каракорум был центром Монгольской империи. Она представляет собой массивную каменную статую черепахи, высеченную из гранита и поставленную в полумиле от города к северо-западу, на плоской равнине. На спине черепахи была приделана каменная табличка, надпись на ней запечатлела повеления

Великого хана или, по другой версии, заклинание, охраняющее от потопа. Теперь надписи нет, а спина и голова черепахи завалены камушками, которые приносят сюда монголы в качестве подношения духам-хранителям места. Как писали русские археологи в докладе, напечатанном в 1965 году, эта черепаха — последняя уцелевшая из тех, что стояли парами у двух главных ворот в Каракорум в то время, когда туда приезжал Рубрук.

Рубрук нашел, что Каракорум поразительно мал для столицы мира. Он оказался не больше, чем парижское предместье Сен-Дени, хотя, по словам Рубрука, придворных там находилось так много, что для одного только пира в честь гостей кагана потребовалось 105 повозок, груженных выпивкой. Единственной причиной существования города был примыкавший к нему и отделенный от него тройной стеной ханский анклав. Здесь Рубруку нашлось, на что подивиться. Доминантой царской территории был огромный шатер, построенный на возвышении из утоптанной земли. Внутри, как пишет путешественник, шатер походил на огромную церковь с центральным нефом, окруженным рядами колонн. Посетители входили в него через одну из трех дверей на южной стороне и оказывались в уходящем вдаль огромном зале, в конце которого виднелось тронное возвышение. Там в величественной позе на шкуре пантеры восседал Великий Хан. Справа от него, на подобном балконе возвышении, занимали места его сын и братья. Напротив них, слева от Великого Хана, таким же образом располагались его жены и «фрейлины». На возвышение с ханским тронном вели две лестницы, по которым взбирался «дворецкий», поднося царственным особам кубки, поскольку этот шатер был всего лишь пиршественным залом. Великий Хан остался кочевником и пользовался этим залом лишь дважды в год, когда проезжал Каракорум во время ежегодного кочевья от

одного сезонного пастбища к другому. Раскопки русских археологов подтвердили, что зал был поистине огромен, 165 на 135 футов, его пол покрывала светло-зеленая глазурованная плитка, а колонны стояли на расписанных и полированных гранитных цоколях.

Главный предмет убранства зала был столь необычен и прекрасен, что слава о нем доходила до самой Персии. Он был изготовлен и затейливо украшен французским ювелиром по имени Гильом, захваченным в плен в Венгрии, а затем жившим в Каракоруме. Размещался сей предмет вблизи главного входа и представлял собой дерево, все части которого были отлиты из серебра — ствол, листья, ветви, плоды. На самом же деле это было устройство для разлива укрепляющих напитков. В его основании четыре серебряных льва извергали белые струи кобыльего молока, над ними на четырех ветвях извивались серебряные змеи, готовые наполнить кубок вином, напитком из молока кобыл, медом или китайским рисовым вином. Когда требовались эти напитки, главный кравчий давал знак человеку, спрятанному внутри устройства, и тот дул в трубу, ведущую к механическому ангелу, сидящему на вершине дерева. Ангел поднимал трубу и издавал трубный звук. Это было сигналом для слуг, находящихся вне пределов зала. Те заливали требуемый напиток в соответствующую трубку, подведенную к дереву, и далее напиток стекал в серебряную чашу.

Несомненно, Гильом был единственным уроженцем Западной Европы, жившим в Каракоруме в то время. К ханскому двору прибывало обломки великих монгольских войн — здесь были пленники, рабы, наемники, переводчики. Из европейцев Рубрук встречал русских, мадьяр, грузин и армян, а кроме того, китайских купцов, тибетских священников, арабских и персидских торговцев, послов из Средней Азии.

Каракорум казался такой многонациональной ярмаркой, что Рубрук выглядел лишь одним из множества заморских гостей. Он привлекал внимание только тогда, когда, как монах, пытался ходить босиком. В условиях сурового климата Монголии это смотрелось странно, и удивленные прохожие бурно обсуждали чудака. Но, как вскоре сам Рубрук убедился, временами погода становилась холодной настолько, что грозила оставить его без ног, так что пришлось ему носить обувь, как всякому при дворе.

Вместе с сотней лошадей наш отряд обошел загадочно улыбающуюся каменную черепаху — на удачу: мы с Полом, Ариунболд, Герел, который только сегодня смог освободиться из-под груза дел и присоединиться к нам, и трое крепких пастухов-проводников. Байяр и Док отправились вперед, к первой почтовой станции, в сопровождении друзей и добровольцев. Постоянным участником нашей команды был Делгер Сайхан, молодой человек, присматривавший за лошадьми, подаренными нам возле Каракорума. Мы с Полом сами выделили его во время первой поездки на Бурхан-Халдун. Делгер, один из самых молодых и деятельных пастухов, проявил себя неутомимым и старательным помощником. Его имя означает «широкий добрый», и было ему около семнадцати лет, хотя выглядел он едва ли на пятнадцать. Его отец проживал в Улан-Баторе, но сам он переехал за город, к бабушке. Герел и Ариунболд наняли его для ухода за нашим маленьким эскадроном из подаренных лошадей. Предполагалось, что кони, которых мы будем получать на пересадочных станциях, поручаются заботам пастухов-проводников. В своем потрепанном дээле, с мокрым носом, чумазой физиономией и конским запахом, исходившим от его тела, Делгер был самым безобидным и приветливым парнем в мире.

Пока праздновали отправление, пока приходили в себя после застолья, пока сушили промокшие пожитки, а затем собирали запасных лошадей, время не ждало: в Каракорум мы прибыли поздно, и выступить удалось только на следующее утро, 18 июля. Мы направились к западу, к первому центру сомона, где нас ожидала смена лошадей. Мы снова выбивались из графика и потому снова поскакали с сумасшедшей скоростью.

Вместо скитаний по мерзлomu, коричневому ландшафту Хэнтэя, каким он бывает в конце мая, мы добрались до центрально-монгольского горного массива Хангай в начале лета. Большой разницы вообразить нельзя. Погода напоминала весенние деньки в Англии, вся местность окрасилась в ярко-зеленые цвета, миллионы диких цветов расстилались ковром. Казалось, природа изо всех сил торопится расти, цвести и созревать, чтобы успеть насладиться коротким монгольским летом. Цветение было столь бурным, что цветы казались чем-то грубым, избыточным, несмотря на тот факт, что росли они естественно и в своих природных соотношениях. Они образовывали колонии, местами виднелись цветные пятна, от светло-желтого до пурпурного с редкими вкраплениями бледно-фиолетового и темно-красного. В те моменты, когда мы не пересекали это безумие красок, копыта лошадей утопали в сочной зелени травы или топтали душистые заросли тимьяна и мяты.

Беатрис Балстрод посчастливилось увидеть подобную картину, когда она описывала поездку в Ургу. «Одна горная терраса открывалась за другой, по мере того как мы поднимались среди прекрасных россыпей диких цветов. Пионы, розы, дельфиниум, японские анемоны, синий водосбор, красные и желтые лилии — на темном фоне соснового леса, а вдалеке, над ними, голубые горы, окруженные ватой кучевых облаков».

Мы начали путь по хорошо обжитой долине, где, вдоль речного берега, местами встречались группы по три-четыре юрты (гыра). Половодье затопило берега, создав затоны и временные пруды. В небе слышались раскаты грома, а когда сквозь тучи пробивались лучи солнца, на зеленых пастбищах ярко выделялись белые хлопья овецьих стад. У каждого гыра паслись лоснящиеся, отъевшиеся кони, морды всех животных скрывались в сочной траве, словно они спешили возместить долгий зимний голод. Всюду гулял молодняк — телята, ягнята, жеребята. За белыми журавлями, похожими на огромных цесарок, которые стремительно убирались с нашего пути, следовали выводки птенцов. Если мы пересекали небольшой поток, от нас спасались утята, следуя за своими потревоженными родителями.

Поначалу поездка была очень зрелищной. Непрестанный топот копыт сотни лошадей, крики табунщиков, спешащий живой поток, стремящийся вперед, летящий по нетоптанным лугам... По мере того, как с боков долину обступали горы, слева все чаще появлялись скалистые утесы. На скалах сидели крупные птицы, коршуны кружились над речкой, которая теперь, сильнее сжатая в своем русле, превратилась в опасный поток. Если какая-нибудь из лошадей пыталась выбраться на берег, пастух догонял ее и возвращал назад, не давая животному упасть в воду и утонуть.

Конечно, после трех-четырёх часов такой скачки начало болеть все. Сперва неудобно почувствовали себя колени, затем поясница и наконец ребра. С возникновением каждого нового источника боль становилась все сильнее, как бы я ни пытался менять положение в седле. Неровный, тряский бег монгольских коней оказался мучительным, и пятиминутная передышка облегчения не приносила. Я понял, почему монгольские наездники-курьеры туго перевязывали себе тела, и мысль о том, что наши лошади взяты из табунов

Хэнтэя, где пастухи медлительны, не помогала. Пастухов было пятеро, и они ехали группой, всегда позади, так что из всех участников отряда были самыми медленными и неторопливыми. Они представляли собой жуткое зрелище: у двоих на глазах бельма, один очень стар, и ни одного из них нельзя было назвать ладно сложенным.

Все утро мы держали такой темп, днем же темп еще увеличился. Во время дневной передышки я начал подозревать, что Ариунболд решил наверстать время. Ему не пошел впрок опыт, приобретенный нами в Хэнтэе, когда мы едва не загнали коней на второй день пути. Теперь, когда мы отставали от графика на два дня, он решил покрыть за день двойное расстояние. Не было смысла говорить, что мы опять рискуем потерять лошадей, особенно с учетом того, что животные не подготовлены для этой местности. Ариунболд упорно рвался вперед, подавая пример табунщикам. Мы вернулись в седла и поскакали дальше, но сперва я улучил минутку, оказался рядом с Ариунболдом и негромко сказал ему, что если он не будет более снисходителен, я могу не увидеть, как экспедиция доберется до более густонаселенных районов, и до Франции вести отряд придется ему самому. Я предупредил, что предприятие выглядит весьма непрофессионально и что лучше немного сбавить темп и больше внимания уделить деталям. Ариунболд отреагировал удивленным взглядом, словно бы не понимая моих слов.

Мы добрались до места, где скальный выступ врезался в узкую долину и отклонял русло реки. Берег стал обрывистым, и нам пришлось от него отдалиться. Мы устроили маневр, загнав табун на вершину крутого холма, а затем спустившись по другому склону, глинистому и скользкому. Где бы мы ни находили кусочек плоской местности у реки, каким бы маленьким

он ни был, на этом крошечном лужку непременно ютился гыр, и нам приходилось отклонять курс грохочущего табуна, чтобы не мешать повседневным делам кочевников. Но сторожевые псы все равно выскакивали с лаем и рычанием, за ними появлялись обитатели гыра, глядя из-под руки на необычное зрелище — сотню лошадей, уносящихся прочь.

Сперва я думал, что к нашему табуну неизбежно будут прибиваться отдельные лошади хозяев гыров. Но словно косяк рыбы, пересекающий море, наши лошади и местные, казалось, сохраняли чувство принадлежности. Местные пробегали с табуном несколько сот ярдов, затем отбегали в сторону и возвращались на свое пастбище. Только главный жеребец стана предъявлял какие-то претензии. Защищая свою территорию, на которую мы заехали, он вызывал на поединки наших коней, а затем бежал за нами с видом победителя, изгнавшего пришельцев.

По мере того как все глубже заезжали в горы Хангая, мы видели свидетельства того, что этот горный массив Центральной Монголии вращивал империи кочевников задолго до Чингисхана. Один раз нам встретился серый каменный столб, установленный так, что его было видно на фоне неба с огромного расстояния. Этот камень, нешлифованный, побитый временем, поставили, вероятно, еще в те времена, когда тюркские кочевники впервые восхищались этой землей. Тюрки и гунны — скотоводы, разводившие коней и крупный рогатый скот, подобно монголам, — пасли свои стада в этой далекой долине прежде. По неведомым причинам они ощутили необходимость уйти отсюда и обрушиться жестокой волной на окрестные оседлые народы. Долина реки Орхон, по которой мы ехали, стала колыбелью этого потока, а в ее ландшафте за последние 2000 лет ничего не изменилось.

До сих пор это сказочная страна кочевников Шангри-Ла — тучные пастбища, пресная вода. Мы проезжали мимо знаков, поставленных кочевыми племенами, которые хотели оставить о себе память. Аспидно-черные надгробные камни тюркских вождей вставали со дна долины, а у ее края нам открылся вид на целое кладбище какого-то забытого среднеазиатского племени. Отъехав в сторону, чтобы осмотреться получше, мы обнаружили, что при устройстве надгробий были использованы естественные обломки скальных пород, которые притащили от близлежащего утеса. Там было не меньше сорока надгробий, и над ними потрудились разорители могил. Явственно виднелись следы раскопок, многие надгробия были повалены на землю или перевернуты. Но на грубом камне отчетливо проступали вытесанные рисунки классического среднеазиатского образца двухсотлетней давности — олени рога и переплетенные листья.

Была уже половина четвертого, так что мы, должно быть, прошли не меньше тридцати миль ухабистого пути. И перед нами открылся вид, в котором я предположил место назначения. Несколько палаток и гыров стояло вплотную к тому месту, где Орхон, несясь на огромной скорости, менял русло под острым углом. С противоположной стороны в него впадал приток, образуя мыс, подобный театральной декорации. Палатки сильно отличались от тех, что нам доводилось видеть прежде. Их было шесть, все старомодной квадратной формы, напоминавшей миниатюрный шатер. Некоторые из них имели бело-голубую раскраску, другие были раскрашены в желтую полоску. Стояли они в две линии возле новенького гыра, гораздо более крупного и красивого, чем обычно бывает. Его белую войлочную крышу украшал крупный красный узор. Скаты палаточных крыш были отделаны бахромой, которую трепал ветер. На каждом углу этого причудливого

ансамбля красовался шест с малиновым флагом, тоже трепетавшим на ветру. Далекая и почти безлюдная долина наводила на мысль о приготовлениях к средневековому турниру.

Мы радостно проехали последние десятки ярдов, привязали наших коней к низкой ограде и расседлали. Измучены были все — и кони, и всадники.

Оказалось, что этот экзотический лагерь организовал местный сельскохозяйственный кооператив. Выяснилось, что эта местность славится изготовителями палаток, потому местный комитет и решил устроить такую выставку. Они определенно выбрали очень красивое место, но шансы привлечь потенциального покупателя здесь практически равнялись нулю. Трудно представить себе, чтобы здесь проезжали больше дюжины человек в неделю. Тем не менее комитет назначил местное семейство на роль смотрителей, продавцов сувениров для туристов, а также выделил большой гыр в качестве постоянного двора. Внутри пол был застелен рукодельными коврами, на стенах висели старинные седла и предметы упряжи, а на низком столике стояли ручной работы кувшины для кобыльего молока. Молодой человек, работавший смотрителем, справился с удивлением при виде нас и пригласил войти, отдохнуть и подкрепить силы. Быстро натянув полный национальный костюм, он появился вместе со своей женой и протянул нам кувшины с кислым кобыльим молоком и сладости. Затем все участники экспедиции вытянулись на коврах, в окружении неожиданно богатой обстановки и, совершенно измученные, заснули. Только трое наших проводников, как всегда, остались смотреть за лошадьми.

Примерно через два часа нас разбудили два джипа, на которых приехали Байяр, Док, семейство Герела, госпожа Ариунболд и несколько зевак. Последовало

довольно сумбурное обсуждение, и джипы уехали. Док пояснил мне, что Ариунболд не смог обеспечить продовольствие, поэтому джипы направились к ближайшему поселению, чтобы выяснить, чем можно разжиться. Они возвратились через час с известием, что еды нет, зато свояченица Ариунболда, которая живет в следующем поселении, за 10 миль отсюда, ждет нас в гости. Тогда Ариунболд объявил, что пора по коням; движемся дальше.

Я едва верил своим ушам. Только глупец мог пренебречь тем фактом, что лошади и всадники находились на пределе сил. Для первого дня мы проехали слишком много. Продолжать путь было глупо вдвойне. Лошадь, которая сорвет спину, обречена. Я дал понять Ариунболду, что лучше воспользоваться джипами, чтобы доставить продукты от свояченицы сюда. Тогда вся команда сможет отдохнуть в гостеприимном гыре и продолжить путь с утра. Но Ариунболд был непреклонен. Нам следовало ехать дальше. Те, кто не хочет или не может продолжать путь верхом, переседают в джип. И Пол, и я не могли доставить Ариунболду такого удовольствия, признав собственную слабость. Герел, однако, это сделал — сердито насупился, отошел в сторону, выражая досаду, а затем забрался в джип.

Ариунболд подозвал табунщиков, демонстративно не участвовавших в обсуждении, и приказал им двигаться вперед. Они выглядели злыми и тут же начали ворчать. Ариунболд сел на коня. Мы с Полом угрюмо последовали за ним, соблюдая приличную дистанцию между нами и нашим безумным вождем. Ариунболд поглядывал через плечо, затем остановился. Мы смотрели, как он скачет обратно, к пастухам, оживленно махая руками и объясняя, что они должны сию же минуту вскочить на коней и ехать за ним. Ничего подобного они не сделали, только развернулись к нему спиной. Это был

откровенный бунт. На ночь они разбили собственный лагерь и увели пастись своих лошадей. Они отошли от нашего лагеря так далеко, как им хотелось. Если учитывать сговорчивую натуру монгольских аратов, их обычное согласие следовать любому плану, такое поведение должно было означать очень серьезное недовольство. Стало очевидно, что Ариунболд здесь больше не командует, и как он ни кричал, как ни махал руками, его продолжали игнорировать.

Поехали втроем: Пол, Ариунболд и я. Наши лошади так устали, что следующие два часа пути до центра сомона мы ехали медленно, и Ариунболд просто кипел от гнева. Я же старался завершить скачку на сверхдлинную дистанцию, причиняя себе как можно меньше боли. На полпути до центра нам встретился еще один приток. Он разлился, и Ариунболд, который ехал во главе отряда, направил лошадь прямо в поток — наугад, ведь мутная коричневая вода могла скрывать достаточно глубокие ямы; впрочем, лошадь Ариунболда, а затем еще девять перебрались невредимыми. Конь Пола двигался осторожно и медленно, позади всех. Пол решил повернуть вверх по течению, надеясь отыскать более удобное место для переправы. Он отыскал место, которое казалось менее опасным, и вошел в воду. Внезапно конь словно обмяк, его потянуло наискось, вниз по течению. Бороться с течением не было сил, и животное плыло, как придется. Когда они добрались до противоположного берега, конь не смог выбраться из воды, лишь слабо ударял по берегу передними ногами. Пол выпал из седла и буквально выполз на траву, держа поводья. Затем, бредя по течению вместе с измученным животным, он смог найти пологое место, где коня удалось вытянуть из воды. Мокрый, изможденный, тот опустил голову и выглядел откровенно жалко.

В этот миг вернулся Ариунболд и сообщил, что ехать осталось пять или шесть миль. Пол потерял терпение и

сорвался на крик. Разве Ариунболд не видит, что лошадь чуть жива и на ногах не держится? Или он собрался гнать животных, пока те не передохнут? Хуже организовать первый день экспедиции просто невозможно. Ариунболд уклонялся от ответов, делая вид, что плохо понимает. Постепенно Пол остыл, но продолжал ворчать, мол, он предпочтет пройти остаток пути пешком, ведя коня в поводу. Ариунболд с пристыженным видом уехал.

Ариунболд сумел добиться почти невозможного. Руководя экспедицией, с рекордной быстротой, в первый же день он потерял уважение пастухов, которые не пожелали идти с ним, растратил энтузиазм своих монгольских компаньонов, уехавших вперед, сократил группу путешественников до двух иностранцев, один из которых сейчас находился в ярости. Короче говоря, он растерял всякое доверие. Интересно, думал я, все ли выпускники Высшей партийной школы, избранные за свои семейные связи, так беспомощны и неэффективны? Но я знал, что нам предстоит работать с ним. Именно он организовал всю цепочку пересадочных станций, и именно ему проект «Шелковый путь» поручил вести нас через этот сектор. Если мы хотим, чтобы экспедиция на Запад продолжалась, нужно сделать все, чтобы восстановить мир, снова собрать злосчастную команду и лелеять надежду, что дальше дела пойдут лучше. Это все еще монгольский проект на монгольской территории, а мы с Полом — наблюдатели, которые старались извлечь из своего участия максимальную пользу.

Но чтобы почувствовать неладное, не нужно быть иностранцем. На следующее утро Герел тоже высказал Ариунболду, что думает о его организаторских способностях. Стоя перед гыром его свояченицы, он публично дал волю своему гневу, обложил напарника вдоль и поперек; самое мягкое определение звучало как

«самодур, неспособный справиться с делом». Никого уже не удивило, когда оказалось, что обеспечение свежими лошадьми, которое Ариунболд возложил на местные власти, не было организовано, и нам пришлось ждать. Раздраженный Герел развернулся и ушел.

Глава 9. Через горы Хангая

Это неловкое положение разрешилось, по крайней мере, на какое-то время, благодаря политическим амбициям Ариунболда и его чувству собственной важности. Вскоре после полудня, когда прибыли двое новых табунщиков со сменой лошадей, его нигде не оказалось. Док сказал, что он уехал, чтобы проверить слух, будто поблизости появился какой-то корреспондент из русского агентства ТАСС. Ариунболду хотелось найти этого журналиста и дать ему интервью о нашей экспедиции. «Для него это возможность сделать себе рекламу, — фыркнул Док, у которого разыгралась сенная лихорадка от пыльцы бесчисленных цветов. — Думаю, мы отправимся без него». Герел, который, казалось, искренне рад временно избавиться от Ариунболда, помогал нам разбирать седла и прочую оснастку. В тот же день Герел был вынужден нас покинуть и вернуться в свою студию в Улан-Баторе, где ему предстояло принимать государственную комиссию, которая собиралась оценивать знаменитую конную статую монгольского революционера Сухэ-Батора. Этот герой восседает на коне посреди главной площади города; статуя сделана второпях и из такого низкосортного материала, что она начала крошиться. Герелу и группе скульпторов предстояло заменить ее более прочной каменной копией.

Мне было жаль расставаться с Герелом, он очень пригодился нам в пути через Хэнтэй, его авторитет сослужил добрую службу, а если у Ариунболда дела пойдут совсем плохо, он мог бы его поставить на место или заменить. Байяр не был достаточно влиятелен для этого, он зависел от своего начальства с монгольской киностудии, и в любой момент ему могли поручить

какую-нибудь работу. Да и по своей природе он не претендовал на роль посредника. Зато он был прекрасным работником, всегда приветливым, но никогда не стремился в лидеры.

Док властью не обладал, поскольку формально в группу включен не был и шел как переводчик, чтобы помогать нам с Полом. Я даже опасался, что Док может больше всех пострадать, если окажется, что Ариунболд совсем невменяем. Роль переводчика ставила Дока в особенно уязвимое положение, поскольку Ариунболд имел привычку притворяться, что не понимает нас с Полом, если мы пытались давать советы, которые ему не нравились. В этом случае Доку следовало переводить все досконально и медленно — только затем, чтобы Ариунболд его проигнорировал. Сам Док, человек тонкой души, прекрасно видел, когда и что делается неправильно, и конечно, мучился от того, что оценка действий находилась не в его компетенции. От него требовалось лишь переводить. В нашем разговоре с пастухами он вставлял короткие комментарии, подкрепляя перевод дополнительными сведениями из своей богатой копилки знаний о стране.

Я решил, что наша маленькая группа прекрасно обойдется в пути без таких развлечений, как журналист ТАСС, а когда все уладится и Ариунболд снова возьмется за работу, дела наши пойдут лучше.

Прежде чем уехать, Герел представил нам двух новых проводников — Пьяницу и Тихого.

Тихий говорил редко, зато смотрел пристальным взглядом и никогда ничего не упускал из вида. Лицо у него было дружелюбное и какое-то заостренное, как морда лисицы, темно-коричневого цвета, изборожденное глубокими морщинами. Он всегда держался в стороне, одевался неряшливо, в старый, цвета хаки, дээл и того же цвета берет, который носил на макушке плоской нашлепкой. Еще он оказался

мастером изготавливать гиры. В одиночку он справлялся с работой, которую обычно выполняли четверо — делал боковые решетки, дверь, крышу, вообще все деревянные детали, покрашенные и готовые к установке и затягиванию войлоком. Комитет местного сомона попросил его обеспечить нас лошадьми и сопроводить через следующий сектор пути по Хангаю.

Пьяница, его компаньон, был полной противоположностью Тихому — шумный, доброжелательный, экспрессивный; местный комитет просил нас проследить, чтобы он не прикладывался к бутылке. У него оказались отменное чувство юмора, добрая ухмылка и кассетный плеер с радио, который он вешал себе на грудь. Мы выехали, ведомые Пьяницей, замыкал колонну Тихий. Шествие сопровождала невнятная музыка, звучащая с груди Пьяницы. В такт ей он слегка покачивался в седле. Вдруг музыка прекратилась, но ненадолго. Батарейки, свободно болтавшиеся в плеере, полетели на землю. Их собрали и укрепили желтой кинолентой, которую предоставил Пол. Затем гениальный Пьяница умудрился усовершенствовать свой стек, что, разумеется, тоже потребовало кусочка ленты. Наконец он выпросил целую катушку для своего плаща и кусок тесьмы в разноцветную полоску, все у того же Пола. После чего, цветной в полосочку, загарцевал, нестройно распевая монгольские песни.

Теоретически для серьезной экспедиции через всю страну это было плохо, но после событий предыдущего дня смотрелось просто чудесно — лошади шли неторопливой рысью, светило солнце, Хангай был прекрасен, Ариунболда нигде не видно. Самый счастливый и беззаботный этап нашего пути.

Вечером мы встали лагерем на Орхонском водопаде, где река с грохотом и пеной низвергается со скалы высотой 60 футов в каменистое ущелье, сверкая на

солнце маленькими радугами водяной пыли. Это один из самых знаменитых видов Монголии — природное явление, которое нисколько не наводит на мысли о древних монгольских верованиях в духов воды, камней и неба. По краю была протянута жалкая веревочка с табличкой, чтобы уберечь туристов от падения в пропасть, а лучшей точкой обзора представлялся плоский валун. На его вершине виднелись остатки подношений божествам-хранителям места. Это был алтарь точно того же типа, какой мы видели перед «вигвамом» у подножья Бурхан-Халдуна. На противоположном краю расщелины, едва видимые за водяной пылью, проступали характерные конические очертания другой пирамиды обо, а когда я спустился, чтобы посмотреть на водопад снизу, то нашел третье обо — большую ветвь дерева, которая располагалась точно напротив скалы у подножия каскада. С каждой из побелевших веток свисали ленточки и тряпочки, такие же, какие мы видели у «вигвама». Взглянув вверх, я увидел, что на краю обрыва стоит одинокий монгол. Это был путешественник, возможно, турист. Пока я смотрел, он сложил перед собой руки и поклонился.

Местность, по которой мы ехали на следующий день, была самым прекрасным зрелищем, какое я когда-либо видел. Пейзаж совершенно альпийский, только не испорченный признаками цивилизации. Так могли выглядеть австрийские и швейцарские горы тысячу лет назад. Склоны гор устилали цветы, раскрашивая их так, что милую мы ехали через пурпур, затем склон мог стать желтым, потом проезжали по белому склону, столь густо усыпанному эдельвейсами, что издали он казался заснеженным. Попадались цветы всех видов, от высоченных свечек-соцветий до крошечных, как незабудки. Шесть часов мы ехали по цветочному ковру, лишь изредка наши кони перебирались через завалы застывшей лавы, потоки которой спустились в долину и

замерли, оставив участки лунного пейзажа и темно-коричневые скалы.

За лавовым потоком образовалось озерцо, там мы остановились на обеденный привал. У воды стояла группа из четырех гыров, и Пьяница повел коней прямо к ним, зная, что мы можем рассчитывать на гостеприимство. Нам оказали такой же прием, как повсюду в этом летнем походе — позволили войти, предложили немного пищи, огромное количество кобыльего молока и спиртное. Пора вареной баранины и холодного пустого чая — признаков голодного сезона — благополучно минула. Наступило короткое время летнего изобилия, когда стада и лошади дают вдоволь молока, и рацион монголов состоит из него чуть ли не полностью. Отказать в приюте путнику в такое время просто невысказано. Гостеприимство дается и принимается. Лично я хотел остаться снаружи и подождать, пока нас пригласят войти, но наши монгольские компаньоны не дали мне времени на размышления. Они сразу же направили коней к веревке, натянутой между двумя шестами, привязали их, двинулись к самому большому гыру, откинули полог и вошли, как к себе домой.

Обстановка внутри была обычной. Железная печка, примерно в половину высоты гыра и формой, как бочка из-под бензина, стояла напротив входа; труба выходила через дымоход в верхней точке крыши. Три-четыре кровати располагались полукругом у задней и боковых стен гыра, а пространство между ними было заполнено ящиками с одеждой, оранжевого цвета с цветными полосками. Место хозяина находилось с противоположной от входа стороны, самый важный из гостей размещался справа, прочие гости сидели на кроватях или устраивались на полу, у низкого столика, стоявшего перед хозяином. На столике всегда было наготове блюдо с кусками сахара, твердыми бисквитами

и высушенными на солнце кусочками сыра. Этот сыр — настоящее испытание для зубов. По словам Рубрука, он «тверд, как куски окалины».

Обычно, когда мы заходили в дом, женщины уже успевали развести огонь, чтобы поставить кипятиться молоко и воду для соленого чая. Но наши спутники не желали ничего, кроме айрака — кобыльего молока, которое они поглощали десятками литров. «Кобылье молоко — вот и все, что их заботит», — коротко замечает Рубрук. Объемы айрака, которые поглощали наши спутники, казались просто невероятными. Для них было обычным делом выпить за день 17–20 пинт, а поскольку правила вежливости предписывали каждому гостю выпить три чашки айрака прежде, чем он покинет гыр, ни Пол, ни я не избежали этой молочной попойки. Айрак хранят в бочонках, а чаще в кожаных мехах, висящих на перекладине сразу за дверью. Пьется он не свежим, а наполовину ферментированным, поэтому на вкус он кислый и как бы слегка газированный. Время от времени женщины брались за ручки деревянных лопаток, торчавшие из мехов, и взбивали содержимое, ускоряя процесс брожения.

Со времен Рубрука ничего не изменилось. Согласно его заметкам, кобылье молоко готовится следующим образом.

Между двумя кольями, вбитыми в землю, натягивают длинную веревку. Около третьего часа [в девять часов] к ней привязывают жеребят. Когда кобылы стоят возле своих жеребят, они спокойно позволяют себя доить. Если какая-нибудь из них начинает противиться, отвязывают жеребенка, подводят к ней и дают ему немного пососать молока, затем его отводят в сторону, и его место занимает человек.

Так собирают премоного молока, которое в свежем виде на вкус сладкое и подобно коровьему. Его наливают в большой кожаный мех и начинают перемешивать его с помощью ударов специальной дубинкой, толстый конец которой в обхвате сравним с головой человека. Вскоре молоко начинает бурлить, как молодое вино. Перемешивание продолжают, пока не собьют масло.

На следующий день молоко пробуют и, когда вкус его становится умеренно резким, пьют. Когда его пьешь, оно щиплет язык, подобно вину из незрелых ягод, но когда прекращаешь пить, на языке остается вкус миндального молока. В утробе оно создает очень приятные ощущения и может даже опьянить того, кто не крепок головой. Также оно значительно увеличивает выделение мочи.

Два этих предположения Рубрука, что айрак «значительно увеличивает выделение мочи» и что от него можно опьянеть, до сих пор можно услышать от монголов и иностранцев. Но, по моим наблюдениям, оба утверждения справедливы лишь отчасти. Главная причина обильных выделений кроется, пожалуй, в огромных количествах выпиваемого молока. Поэтому неудивительно, что наша небольшая группа, скачущая от гыра к гыру, в каждом из которых всякому предстояло выпить по пяти-шести пинт за один присест, подъезжая к очередной стоянке, избавлялась от лишнего. Может, айрак и служит диуретиком, но не в том масштабе, как ему приписывается.

Точно так же обстоит дело и с пресловутым опьяняющим действием айрака. Может быть, кислое кобылье молоко и содержит немного спирта, но даже если выпить его в таком количестве, чтобы это

сказалось, опьянение будет слабым и незаметным. Мы пили молоко каждый день галлонами и никакого опьянения не чувствовали. Всего час езды верхом по свежему воздуху отрезвит любого пьяницу, хотя такое же количество выпитого в спокойном состоянии вызывает сонливость.

И все-таки монголы известны как прирожденные пьянчуги. Еще скромные табунщики Великого Хана снискали себе эту дурную славу. По миру ходят разнообразные истории о проспиртованных оборванцах на улицах Урги XIX века и о том, что последний Хутагта, Жэбзэн Дамба, мог не просыхать неделю подряд, а каган Угэдэй был столь привержен пьянству, что его брат Чага-тай предупредил кагана: если тот не ограничит себя в питье, то погубит свою жизнь. Напуганный хан пообещал, что впредь будет выпивать лишь половину от обычного количества кубков крепкого спиртного. Он даже согласился завести особого слугу, который должен был следить за количеством выпитых кубков. При этом хан стал пользоваться кубком вдвое глубже. Если принимать во внимание монгольскую наивность, история выглядит вполне правдоподобной. Несмотря на благие намерения, Угэдэй умер от пьянства, как и его наследник, каган Гуюк.

При этом некоторые комментаторы замечают, что монголы имеют легкий доступ к источнику спирта, которым у них является кобылье молоко, и с удовольствием употребляют этот спирт. Видимо, он и служит причиной репутации завязых алкоголиков. Рубрук упоминает о прозрачном и очень крепком напитке под названием «черный козмос», который есть у зажиточных монголов. Он считал, что это перебродившее кобылье молоко, очищенное от всех твердых примесей, но на самом деле это почти наверняка напиток, который современные монголы зовут «шимин архи» (эссенция архи), в отличие от

промышленно изготавливаемой водки, которую они называют просто «архи». За городом мы почти в каждой семье видели, как его готовят из кобыльего молока путем простой дистилляции, в открытой чашке на железной печке. На чашку надевают вертикальную широкую трубу, сверху ставят чашку с водой, вычерпывают нагретую воду и добавляют холодной. Пары кипящего молока конденсируются на доньшке холодной чашки, и капли конденсата падают в другую чашку, подвешенную в середине трубы.

В этом перегонном кубе можно перерабатывать разные виды молока. Мы пили шимин архи из молока верблюдиц, яков, коз и кобыл. Этот напиток можно перегнать еще раз, чтобы повысить его крепость. У всякого вида архи свои особенности. Считается, что лучший напиток получается из коровьего, а самый крепкий — из кобыльего молока. Насчет архи из верблюжьего и козьего молока мне говорили, что этот напиток «сладкий и хорошо идет». Шимин архи, бесцветный и освежающий, мне казался не крепче шерри или другого крепленого вина. Двух-трех чашек хватало для состояния приятной расслабленности, большая доза уже вызывала настоящее опьянение. Для кочевых монголов выпивка дешева и доступна в количествах, практически неограниченных. Из семнадцати пинт молока получают почти полный стакан архи. Конечно, наш голосистый спутник с готовностью выпивал бы ее по полпинты за раз.

Его пьянство не встречало осуждения. Араты вообще очень спокойно относятся к такому поведению. Они не видят в пьянстве ничего плохого. Во время нашей дневной остановки какой-то несомненный пьяница ввалился в дверь гыра и, шатаясь, присоединился к нашему кругу. Он был так пьян, что стоять уже не мог, и тяжело бухнулся на пол, перевел дух, пристально всматриваясь в пришельцев, и встрял в разговор. Все его

внимательно слушали и терпеливо отвечали на вопросы, даже если он повторял те по три-четыре раза. Никто не пытался выпроводить его или заставить замолчать. «Он пьян еще с ночи, — тихо сказал мне Док. — Похоже они с друзьями выпивают регулярно, они пьяны почти все время». Наш Пьяница обрел родственную душу. Когда мы покинули этот гыр и продолжили путь, он исчез. Его завлекли в другой шатер, и он примкнул к очередному распитию архи. Через полчаса он, едва в сознании, нагнал нас на одной из наших лошадей. Док сказал, что беспокоиться за него не нужно — монгол, пьяный или трезвый, в седле удержится всегда, а лошади все равно. «Вполне обычное дело, если два монгола возвращаются домой за 10 миль, после посиделок в гостях, держась друг за друга, чтобы не упасть, в то время как лошади скачут в потемках бок о бок».

Бедному Доку не повезло. Он отправился с нами как переводчик, на тот момент он лучше всех подходил на эту работу. Но по своим привычкам и предпочтениям он был городским жителем и неважным наездником. Поэтому он больше всех страдал от усталости, неудобных седел и прочих «прелестей» дороги и полевых стоянок. Хуже всего, что в заросшей цветами местности, где ветер носил пыльцу, до крайности обострилась его сенная лихорадка. Слезы целый день бежали из его глаз. Он непрестанно сморкался в огромные платки, нос его распух и покраснел. Глядя на него, было невозможно удержаться от жалости — и от восхищения. Его энтузиазм не иссякал, он был счастлив, что может познакомиться с обычаями монголов. В пути он пытался защитить измученный нос белой медицинской маской, которая вместе с серой шляпой делала его похожим на бродягу-неудачника с Дикого Запада.

Теперь численность нашей команды стала постоянной — Герела мы не увидим до самого

возвращения в Улан-Батор. Остались Ариунболд, который дал интервью журналисту ТАСС и вернулся, Байяр, Делгер, Док, Пол, я и двое проводников, выделенных для этого сектора — Пьяница и Тихий. Ариунболд снова, казалось, не мог находиться рядом со всеми и держался в стороне. Это сулило хоть какое-то облегчение, пока остальные складывали лагерь, готовили еду и так далее.

Пять подаренных нам лошадей вид имели весьма потрепанный. Мы редко на них ехали и даже как вьючных использовали редко, чтобы не перегружать. «Не волнуйся, мы хоть всю дорогу можем ехать на лошадях табунщиков, — цинично сказал Ариунболд. — Если их лошади падут, это не наша проблема». Делгер вел жалкую кучку дареных коней медленно, покрикивая, посвистывая и подгоняя их длинным прутом, который срезал в лесу. Я начал сомневаться, что они способны пройти остаток пути, даже если их не подгонять. Все были старыми и слабыми, а худшие из них, казалось, не в силах пройти ни шага.

Дорога забирала выше по мере того, как мы заходили все дальше в Хангайские горы. Пики вокруг достигали высотой 9000 футов. Ночь мы провели у другого озера, расположившись на этот раз на чудесном травянистом склоне. К югу от нас лежало озеро, на котором кормились дикие утки. Они относились к тому виду ржаво-коричневой и белой расцветки, который монголы за цвет зовут «утки-ламы». На них не охотятся, считается, что убить такую утку — к большому несчастью. А в центре предыдущего сомона нам досталась еще и священная овца. Половина ее туши ехала с нами, из грубого мешка с нее капала на землю кровь. Мы сварили ее в обычном котле. Для походной печки у нас не было дров, поэтому Пьяница вскочил в седло и поскакал к отдаленному гыру. Вернулся он с охапкой дров на луке седла. Он отыскал там новых

друзей и вскоре снова пропал, отправившись на очередное распитие архи. Байяр, чьи приветливость и походные навыки становились для нас все более и более ценными, взял на себя роль повара. Ариунболд пошел прилечь в палатку, наказав, чтобы его позвали, когда еда будет готова.

Мы с Полом надеялись отведать новое наваристое блюдо. Вместе с Доком мы развлекались, собирая грибы, которые приметили по дороге. Типично монгольский всплеск плодородия был в самом разгаре, и грибов выросло столько, сколько я не видел ни в одной другой стране. Сотни обычных шампиньонов разрослись правильными кругами, отдельные грибы достигали гигантских размеров, до 15 дюймов в диаметре. Мясистыми крупными шариками стояли дождевики, а еще было множество красноватых грибов, которые смотрелись так декоративно, что к ним не хватало только садового гнома. Наши монгольские спутники их игнорировали и были просто потрясены, когда я сорвал один такой гриб и откусил от него. Но Док подтвердил, что этот вид съедобен, и мы набрали их 11 или 12 фунтов и стали ждать, что скажет Байяр. Нужно было знать наверняка. А он, когда вода закипела, просто бросил их в бульон. Наши монгольские проводники отошли в сторону и, чтобы только случайно не съесть их, тщательно и брезгливо выуживали грибы из мисок. Я вспомнил записки Пржевальского, который рассказывал: когда монголы увидели, как он ест жареную утку, то едва не лишились чувств.

Отдыхая после ужина под тентом, я размышлял, как мало здесь изменилась жизнь со времен Рубрука и Карпини. В одном углу Байяр шумно глодал жирный овечий хвост. Большую часть мяса он уже отправил себе в рот и теперь отковыривал остатки с помощью ножа, едва не задевая лезвием свой вздернутый нос. Когда он с аппетитом жевал, поглядывая на нас и моргая, жир

стекал по его щеке и слышалось, как под натиском мощных зубов хрустят мелкие кости. Док, проглотивший столько антигистаминных таблеток, что храпел во сне и не мог проснуться, лежал чуть ли не в коме. Ариунболд начищал свою личную серебряную чашку. Делгер чинил упряжь. Тихий просто сидел и смотрел. Когда на ясном небе вошла луна, в потрепанном брезенте палатки обнаружилось столько дыр, что нам предстало изумительное зрелище в японском стиле — казалось, звезд на небе вдвое больше обычного.

Дикий хангайский пейзаж скрывал внезапные сюрпризы. На следующее утро я несколько отстал, чтобы поснимать камерой, хранившейся в моей седельной сумке, и предоставил основной группе идти по топкому берегу озера. Потом, нагоняя, я направил лошадь по мелководью. Заболочен берег был несильно, как считали мы с лошадью, не зная брода, и поэтому мы вскоре угодили в громадную грязевую яму. Я вытащил бедное животное прежде, чем оно успело захлебнуться, и повел на глубокую воду, где и отмыл. Спешить не стоило — наши спутники уже обнаружили несколько гыров и сидели там, устроив поздний завтрак. Здесь хотя бы монгольская кухня преподнесла нам приятный сюрприз. Вдобавок к обычным трем чашкам кислого айрака, убийственному шимин архи и зубодробительному сушеному сыру нам предложили блюда с кучками топлёных сливок. Мы с Полом с восхищением накинулись на лакомство, зачерпывая пригоршнями. Должно быть, мы показались Байяру такими же неопрятными, как и он нам, когда ел жир с овечьего хвоста.

Поспешная щедрость природы за время короткого монгольского лета позволила мне иначе взглянуть на то, почему монголы не смогли удержать сердце империи, созданной Чингисханом. Ученые доказывают, что распад империй, основанных кочевниками на территориях

окружающих оседлых народов, вызван отчасти падением боевого духа. Говорят, что когда кочевники отрываются от своих корней, своей степи, привычного образа жизни, их изнеживает легкая жизнь на земле других народов и вскоре поэтому их одолевают и изгоняют. Отсюда вывод: если монголы или любой другой кочевой народ будет поддерживать тяжелые условия жизни, то останется сильным.

Глядя на бесценное короткое лето в жизни степных кочевников, я убедился, что у монголов просто не было выбора. Если монголы (либо другой кочевой народ) снарядили за пределы своего края армию летом (а это обычный для войны сезон), то они лишили страну рабочей силы в самое важное для заготовок на весь год время. Летом степняки выращивают жеребят и телят, заготавливают молочные продукты, запасаются пищей и готовятся к долгим месяцам зимы. Если в это время мужчин увести на войну, работу как следует не сделать, и степнякам, вернувшись с войны, будет непросто пережить зиму. Короче говоря, кампания Чингисхана была дорогой в один конец. К тому времени, как его воины завоевали окружающие земли, им уже не с руки было возвращаться, поскольку экономика кочевого общества была уже нарушена. Если жить в суровых условиях континентального климата, времени на войну не остается.

Минуло уже шесть дней с тех пор, как мы выехали из главных ворот монастыря Эрдени-Дзу, и теперь мы пересекали самую красивую часть Монголии. Нигде не скачется верхом так хорошо, как в долинах Хангая, цветущих в разгар лета. Пастбища изобильны, в лесах есть дрова, реки и ручьи дают вдоволь воды. Мы обнаружили, что в каждой долине уютится несколько гыров, поставленных в лощинках, открытых к югу. Рядом гуляют кобылы с жеребятами. Пастухи воспринимают этот короткий период легкой жизни как дар божий.

Порой мы слышали, как над долиной разносится голос пастуха, едущего по летнему лугу и поющего от радости на пределе голоса. Возможно, он направлялся куда-то по делам, но чаще всего просто любовался прекрасным видом и радовался тому, что дожил до этого великолепия, и тому, что под ним крепкая лошадка. В такие мгновения понимаешь, почему, несмотря на суровый климат и крайнюю удаленность от цивилизации, монголы так гордятся своей страной. И они правы — нигде в мире не найдется такой красоты, как горные луга в разгар лета.

Возрождение памяти о Чингисхане прослеживалось даже здесь, среди скотоводов, жителей глубинки. Я очень удивился, повстречав в глуши Хангая людей, которые носили значки с изображением Чингисхана. Они семьями двигались вместе со своими табунами и стадами в места, где намеревались прожить три-четыре месяца. Они еще и соревновались, собирая изображения Чигисхана. Где они брали эти значки, узнать не удалось. Когда мы спрашивали впрямую, они говорили только, что увидели такой значок у кого-то, он им понравился и они раздобыли такой же. После полувека официальных запретов Чингисхан стал символом национальной принадлежности, и даже в глуши к его образу относились как к талисману. Едва местные слышали, что несколько человек едут по их захолустью, чтобы проследовать путем Чингисхана, они тут же исполнялись дружелюбия и желали нам удачной и безопасной дороги и всяческих успехов.

Жизнь семьи табунщика можно проследить по подборке пожелтевших черно-белых фотографий. Они есть в каждой семье — вставленные в рамки и повешенные над сундуками и шкафчиками, на задней стене гыра. Здесь непременно присутствуют портреты отца и матери, фотография класса в школе сомонного центра, иногда снимок ребенка в костюме наездника на

фестивале Надам и, может быть, картинка, оставшаяся от памятной поездки в Улан-Батор. Последние обыкновенно делаются на большой центральной площади, на фоне статуи Сухэ-Батора, профессиональным фотографом, который поджидает посетителей со старинного вида камерой на деревянной треноге. Но чаще всего встречаются фотографии, сделанные во время службы в армии. Обычно это студийные портреты молодых людей в форме рядовых, а часто и память о первой побывке: одетый в военную форму отпускиник гордо восседает на одном из фамильных коней.

Единственное украшение, которое можно встретить в гырах, помимо раскрашенных ящичков и цветных картинок на столбах, подпирающих крышу, — это вышивка, развешанная над кроватями и всюду по стенам. Эти простые образчики наивного искусства изображают человеческие фигуры и цветы, встречаются и незаконченные работы, выполненные в светлой гамме на белом фоне. Чаще всего изображают лошадей — бегущих, привязанных, резвящихся. Даже монгольские женщины, выбирая сюжет для вышивки, предпочитают лошадей.

Весь следующий день мы взбирались, сначала по узкой теснине под названием долина Белого Жеребца, затем дорога уперлась в склон горы. Мы свернули в сторону и стали подниматься по горной тропинке, пока не забрались на высоту, где уже не росли деревья. Из-за узкой тропинки мы в основном ехали, растянувшись цепочкой, и собирались вместе только на террасах. Большую часть пути мы ехали молча, занятые собственными мыслями, зная, что впереди ждет очередной вечер, когда можно будет поговорить о событиях дня. Иногда Пол, который примечал точку, с которой открывался подходящий для фотографирования вид, уносился вперед. Делгер вечно сновал туда и сюда,

покрикивая и посвистывая. Ариунболд плелся где-то центре, не особенно себя проявляя, а Байяр, как всегда, поддерживал присутствие духа шутками и замечаниями насчет пьяных аратов, которых шатает в седле. Двое наших гидов настаивали, чтобы мы регулярно делали остановку, чтобы дать отдых лошадям. По меньшей мере дважды в день они меняли вьючных лошадей, перегружая поклажу с одной на другую. Наконец наш путь превратился в своего рода рутинную работу, которая прервалась только, когда одна из вьючных лошадей понесла. К несчастью, помимо прочего груза она тащила секции железной трубы для походной печки, и когда те с громким лязгом свалились наземь, то остальные лошади перепугались и в панике ускакали за деревья. Следом за ними устремился Делгер, размахивая прутом, как Дон Кихот копьем, и ругаясь на чем свет стоит — хотя наверняка про себя обрадовался этому небольшому приключению.

Сильно за полдень мы пересекли водораздел и осторожно начали спускаться по противоположному склону. Он был таким крутым, что одна из неуклюжих дареных лошадей потеряла точку опоры и катилась по склону ярдов десять, прежде чем смогла опять встать на ноги. У подножья горы мы зашли в одинокий гыр, поставленный у верхней границы летних пастбищ. Его занимала молодая пара, настолько бедная, что жили они в этом маленьком гыре, потрепанном и выцветшем, всю обстановку которого составляли помятая печка, кровать и два деревянных ящика. Больше у них не было ни мебели, ни зеркала, ничего не висело на стенах, а земляной пол ничем не застилали. Зато у них имелись трое детей не старше трех лет. Это жилище стояло на такой высоте, что по берегам речки кое-где до сих пор, в конце июля, виднелся голубоватый лед. Напоминание о суровости природы подкрепил Док: по его словам, хотя в долинах Хангая расположены чудесные леса и луга,

температура подстилающей породы не поднимается выше нуля. Этот горный массив является одним из самых южных районов вечной мерзлоты.

Но даже здесь от нас ожидали соблюдения ритуала вежливости с выпиванием обязательных трех чашек айрака. Еще двадцать минут пути вниз, в долину, и мы обнаружили семью гораздо более зажиточную, где хозяйка — полная, хлопотливая, веселая, явная глава семьи — указала нам на маленький гыр, который, как оказалось, был специально отведен под кухню и склад провизии. В нем она растопила печку и напекла маслянистых лепешек с топлеными сливками, и мы с Полом снова решили, что монгольская кухня в наших глазах реабилитирована. Муж хозяйки вызвался ехать несколько миль с нами, чтобы провести нас вброд через разлившиеся речки, которые стали опасными. Когда Байяр обмолвился, что вечером мы собираемся ставить лагерь, а еды у нас очень мало, хозяйка дала нам в дорогу железный бидончик топленых сливок, который пастухи крепко привязали к тюкам с поклажей. К сожалению, нашу флягу для этого приспособить не удалось. Как ни пытались мы накрепко завязать ее полосками материи, при каждом движении лошади содержимое просачивалось из-под крышки. Особенности тряской походки монгольских лошадей таковы, что через два часа, когда ставили лагерь и открыли бидон, мы обнаружили, что сливки сбились в твердое масло.

Пьяница умудрился где-то раздобыть пластиковую емкость и залить туда галлон шимин архи. По пути он переправлял его в свою утробу, знаками призывая и нас приложиться, пока Тихий наконец не поддался искушению. Потом мы перешли очень опасный поток, и они с Делгером поехали рядом, передавая емкость друг другу, пока Пьяница, который и так уже был хорош, совсем не захмелел. Наш проводник показал на перевал, куда следовало идти дальше, и повернул домой, но и мы

скоро бросили свои старания. На полпути вверх оказалось, что лошади слишком устали для долгого подъема, и темнота застигнет нас в местах необитаемых. Тогда мы развернулись, спустились с горы и нашли ничем не лучшее место стоянки, в сырости, между руслами двух горных ручьев.

Глядя вниз, на пройденную нами долину, мы наблюдали, по крайней мере, 15 миль простора без всяких признаков человеческого жилья — ни гыров, ни пасущихся стад. Наш отряд затерялся в одной из долин, прорезающих Хангайский горный массив, и нас охватило чувство пустоты и отчуждения. В небе недвижно завис фиф, словно сканируя взглядом долину в поисках мертвечины. До этого мы уже проезжали мимо нескольких стервятников, терзавших труп теленка. Каждая из птиц ростом была по грудь человеку, а размах ее крыльев достигал до двенадцати футов. Но даже такие крупные твари казались ничтожными на фоне безмерного простора.

Тем вечером мы с Полом попытались вмешаться в кулинарный процесс Байяра. Днем Док отыскал дикий лук, распознав его по бледно-фиолетовым цветам. Мы накопили около двух дюжин луковиц и набрали несколько фунтов маленьких круглых грибов. Мы с Полом одолжили котелок и свежесбитого масла и нажарили к байяровской бараньей похлебке грибов с луком. И каждый раз, когда с надеждой поддевал ложкой то, что принимал за вкусный и сочный гриб, я обнаруживал, что жую очередной кусок мягкого жира с овечьего хвоста. С тех пор я стал придирчив к состоянию и вкусу пищи.

Глава 10. Скотоводы

На перевале, которого мы достигли на следующий день к 11 часам утра, стояло самое большое обо, какое мне довелось увидеть в Монголии. Оно, должно быть, весило тонн сорок и представляло собой камни и обломки скал, сложенные в кучу путешественниками, благодарившими местных духов за благополучно преодоленный подъем. Если к этой пирамиде добавить камень или обойти ее с почтением, согласно буддийским верованиям, можно искупить грехи и заслужить более удачное рождение в следующей жизни. Многие годы человеческих усилий и почитания создали это необъятное нагромождение камней, которое продолжает расти и поныне. Оно будто насмехается над тщетными усилиями партийных активистов, еще недавно пытавшихся извести все обо и сравнять их с землей, как плоды суеверий и пережитки прошлого.

Нетрудно догадаться, почему это место считалось важным для путников и здесь сочли нужным поставить этот монумент. Мы достигли естественного рубежа. Объехав по ходу солнца этот межевой знак, мы приостановили лошадей и обернулись посмотреть на край узких, глубоких долин и лесистых гор, который оставили за спиной. Впереди деревьев не было. С того места, где мы остановились, местность опускалась отвесными ступенями, голыми или усыпанными щебнем. Здесь и там гребнями и отдельными пиками виднелись выходы твердых пород. Внизу, в долинах, пастбища выглядели куда более скудными и блеклыми, их усеивали круглые валуны. Этот пейзаж был суровым и голым по сравнению с центральным Хангаем, а вдалеке виднелись горы, за которыми лежала Великая Монгольская пустыня. Где-то еще дальше, через

полтысячи миль находилась провинция Баян-Улэгэй, где Ариунболд и Герел первоначально запланировали оставить лошадей на зимовку.

Словно еще больше подчеркивая суровый характер этого края, первый же встреченный нами гыр представлял унылую картину. Мужчина и четверо детишек жили очень бедно. Здесь не было цветных деталей обстановки, никаких украшений — только набор необходимых кастрюль и сковородок, печка да несколько одеял на постелях. Дети вели себя тихо и выглядели вялыми. Они стояли, будто в оцепенении, и молча смотрели на нас. «Их мама недавно умерла, — шепотом пояснил Док. — Семья еще держится, но им сейчас очень тяжело. Если отец не сможет быстро найти другую женщину, он долго не протянет. Ему придется оставить детей на дедушку с бабушкой и ехать в город на заработки или, может быть, в центр сомона — разнорабочим. Чтобы выполнять повседневную работу, пастуху нужна жена. Без помощи женщины вести пастушескую жизнь невозможно».

Такова правда жизни бедного арата. Жизни на грани, в окружении скудных ресурсов и безжалостной природа. Чтобы местная коммуна человека прокормила, обеспечила заработком и самым необходимым, нужно самому являться трудоспособной единицей. А на должность скотовода найдется достаточно желающих из числа женатых мужчин. Арат получает такое крошечное жалованье, что у него никогда не бывает сбережений. Ни о какой экономической защищенности или независимости и речи не идет. Но покупать в сомонном центре ему приходится очень немного. Он живет в гыре большую часть зимы, а летом заезжает в центр время от времени. А редкие поездки в город организует, видимо, коммуна, либо арат может прокатиться с попутным грузовиком. Некоторые, к

сожалению, едут в город, надеясь устроиться на работу, пополняя и без того уже перенасыщенный рынок труда.

Оказалось, мы проехали край табунщиков и попали в край скотоводов. Долина бурной желтой реки, в которой мы очутились, была просторным, но скудным пастбищем. Вместо одного-двух шатров, как в цветущих долинах табунщиков, здесь гыры стояли по 10–12 штук. Возле деревушек паслись яки с хвостами-мухобойками и лохматой бахромой на животах. Быки-хайнаки с косматыми головами, бугристыми лопатками, широко расставленными рогами и скукой во взгляде походили на уменьшенных на четверть бизонов из прерии. Они казались слишком осторожными для таких нескладных животных. Мы направились к ним, а они вдруг перепугались, будто только заметили наше присутствие и позабыли обо всем на свете. Они внезапно пришли в движение, и выглядело это несколько комично. Этакie огромные куски говядины поскакали подпрыгивающим галопом, шумно хрюкая и выпятив хвосты почти горизонтально земле.

Пастушьи гыры больше размером и обставлены лучше, чем войлочные шатры табунщиков. Скотоводам не так часто приходится кочевать. У каждого гыра стоял мотоцикл и любимый пони, стреноженный, но готовый пуститься в путь. Я с завистью посматривал на пони — они были местной породы, изящнее и живее, чем наши полуизношенные одры. В самом деле, один из дареных коней непрестанно хромал. Нам приходилось использовать его как вьючную лошадь, а на спуске от перевала с обо животное, похоже, потянуло мышцу. Груз мы переложили на запасную лошадь, но долго ли мы еще протянем, если не сделаем основательную остановку, чтобы кони могли отдохнуть и восстановить силы?

Еще я подумал, что Хангай показал нам лучшие уголки Монголии, и теперь наше продвижение может

превратиться в ежедневный изнурительный труд без новых впечатлений. Каждый день был копией предыдущего. Позавтракав, мы сворачивали палатку, выючили лошадей, садились по седлам и ехали, ехали, ехали, останавливаясь у гостеприимных гыров, а затем спустя восемь или десять часов, снова ставили лагерь.

Раз Ариунболду было важно пересечь всю страну, значит, было на что посмотреть и что изучить. Это давало нам с Полом надежду провести время с большей пользой. Но все чаще нам казалось, что Ариунболд понятия не имеет, сколько времени потребляется, чтобы достичь западных границ Монголии. Он все еще уверял, что через три недели мы окажемся у советской границы, но, судя по тому, что он не давал передохнуть лошадям, можно было решить, что он просчитался. Скорее мы доберемся до зимних квартир к началу сентября, когда выпадет снег, который помешает мне исследовать горные поселения Алтая, чьи жители никогда не видели европейцев.

На обед нас пригласили в самый большой и обеспеченный гыр. Его хозяин, более предприимчивый, чем «коллеги», собрал изрядный урожай грибов и разложил их по крыше сушиться. Такую инициативу мы встречали впервые. Вежливый пастух предложил нам трубку с длинным мундштуком, футов двух, а табака в ней умещалось всего на полсигареты. Мы уже привыкли соблюдать правила вежливости, и я принял трубку правой рукой, восхитился тем, сколь мастерски она сработана, сделал символическую затяжку и вернул трубку хозяину, поддерживая левой рукой локоть правой. Хозяин долго курил, а мы ждали, пока приготовится еда. Нам подали скорее вяленую, чем свежую баранину, но ее вкус от этого не изменился. Только куски жира отличались по вкусу. У них появился приятный аромат «с дымком», и в целом их присутствие стало более терпимым, если не обращать внимания на

тот прискорбный факт, что они плавали на поверхности кипящего бульона, словно глазные яблоки.

Ариунболд становился скучен и докучлив. Теперь он рисовался перед пастухами. Обычно, когда мы прибывали в поселение, он важно шествовал в главный гыр, усаживался на место почетного гостя и гордо оглядывался вокруг, ожидая, пока его обслужат. Теперь, когда скотоводы выходили встретить путешественников, он закатывал длинную речь о важности нашей миссии, принимался звенеть медалями, пайцзами и прочими регалиями и передавать их по кругу, чтобы все имели возможность ими восхититься. Он напоминал средневекового продавца фальшивых индульгенций и поддельных реликвий темным крестьянам. Но поскольку скотоводы были в основном доверчивы и необразованны, на них вид этих побрякушек действовал завораживающе.

Чем больше отпускал Ариунболд таких выходов, тем более неуютно я себя чувствовал, даже не знаю почему. Ощущалась какая-то фальшь; мне казалось, что Ариунболд обманывает пастухов. Док подтвердил мои опасения. Оказывается, Ариунболд рассказывал своим слушателям, что уже совершает конный поход в Европу и скоро станет знаменитостью. Он побирался, каждый раз вытягивая из аратов их скудные средства и никогда ни за что не платя. Док, как и я, находил такое дармоедство отвратительным, но при этом заметил, что Ариунболд живет в мире фантазий. По вечерам, когда мы раскладывали лагерь, он ничего не делал, только стоял в стороне и наблюдал, как кто-нибудь ставит палатку. Затем приказывал Делгеру, которым распорядился как слугой, расстелить спальный мешок и ложился либо садился, ожидая, пока приготовится еда. Он ни разу не готовил и чрезвычайно редко прибирал за собой или предлагал кому-нибудь помощь.

Его лень и пренебрежение обычными обязанностями были бы простительны, если бы возмещались работой организатора и командира отряда. Но он был растяпой. У него имелась подробная советская военная карта этого региона. Время от времени он ее раскрывал и принимался с важным видом изучать. Очевидно, эти сессии карточтения не приносили никаких плодов, и через несколько дней я заметил, что Ариунболд — элитный продукт Высшей партийной школы — просто не умеет читать карту и разыгрывает перед нами представление. В тот день я попытался намекнуть ему, что если двое наших проводников хотят побыстрее вернуться домой, к своим семьям, то мы могли бы попытаться самостоятельно найти дорогу до следующего центра сомона. «Мы могли бы, — сказал я, — идти через страну по карте». Ариунболд бросил на меня взгляд, исполненный желчи. «Такое может сказать только европеец, — ответил он. — В Монголии без проводника найти дорогу невозможно. Монголия другая». Похоже, он действительно верил в то, что говорил. Он относился к числу тех несчастных, которые сделали карьеру и забрались выше, чем позволяют им образование и способности. Он постоянно боялся попасть в глупое положение и показать свою ограниченность. В результате он был замкнут, угрюм и упрям и отказывался от помощи, которую ему могли бы оказать. Каждый день он отходил в сторону и пытался карандашом на карте отметить проделанный нами путь. Всякий раз он отмечал неверно, и всякий раз путь пролегал не там и был не той длины, но Ариунболд оказался слишком упрямым, чтобы принимать подсказки, так что проще всего было не замечать его вместе с картой. Пола он раздражал все больше и больше, но я прекрасно понимал, что нам нужно придерживаться позиции наблюдателей и не вмешиваться. Другие монголы, как всегда, были

флегматичны и терпеливы и просто выполняли свои привычные обязанности.

В тот день, который мы провели с пастухами, Ариунболд решил, что наконец овладел искусством чтения карты. Он объявил, что до следующего центра сомона осталось ехать 38 миль. Мы с Полом недоверчиво переглянулись. Нам казалось, это слишком много. Ариунболд расстелил карту. «38 миль», — заявил он, торжественно указывая на свои отметки. У меня екнуло сердце. Ариунболд был неправ дважды. Пусть бы неверно считал пройденный нами путь — это полбеды; однако, после нашего путешествия по Хэнтэю и через Хангай, выяснилось, что он попросту не представляет себе, сколько миль проходит отряд за день в среднем. А также не понимает масштаба карты, которой пользуется уже неделю! Понадобились долгие объяснения и измерительные инструменты в виде спички и нитки, чтобы доказать, что его 38 миль на самом деле составляют 19.

Судя по карте, нам предстояло ехать вдоль левого берега желтой реки по большой долине. Поэтому, когда мы отъехали от пастушьего поселка, Пол, Док, Делгер и я переправились через мелкий ручей и вышли в долину. Обернувшись, мы с изумлением увидели, что Ариунболд не едет за нами. Вместо этого он направил Байяра и двух проводников вдоль противоположного берега, словно позабыв о нашей группе. Убедившись в скудности его географических познаний, мы не стали вмешиваться. Долина ширилась, расстояние между обеими группами росло. Поглядывая в их сторону, мы видели, как один за другим оба пастуха и Байяр, решив, что Ариунболд заблудился, повернули своих коней и направились к нам. А Ариунболд, к нашему изумлению, продолжал путь в гордом одиночестве. Вот он повернул направо и исчез из вида в боковой долине.

Это была серьезная неприятность. Мы решили, что у него, возможно, имелись причины, чтобы совершить такой крюк. Может, там находились гыры, в которые ему нужно было заехать. Но нет, Ариунболд просто не принял в расчет объяснения масштаба карты и не смог ее правильно прочитать. Чувством направления он тоже не обладал. Он решил, что доберется до центра сомона по боковой долине, и бросил отряд. Еще через час мы увидели, как он скачет назад. Судя по его виду, он понял, что свалял дурака, но было уже поздно. Как и в случае с табунщиками, которые отказались ехать, не дав отдыха коням, Пьяница и Тихий растеряли последние остатки доверия к Ариунболду. Когда он заявил, что мы доедем до центра на следующий день, они с ним не согласились. Через полмили мы взобрались на горку и увидели под нами, в пяти Минутах езды, малый городок.

К несчастью, городок оказался курортом, хотя и находился в центре Монголии. Река стекала с крутого склона горы, на правом ее берегу находились горячие источники, выпускавшие облака пара. На другой стороне реки стоял кошмарного вида санаторий-коробка, построенный по стандартам дешевой советской архитектуры. Он уже успел прийти в запустение. Дальше по берегу, дополняя картину, стояли три-четыре десятка мрачных деревянных хижин, раскрашенных в некогда кричащие цвета, а ныне облезлых и выцветших. Наш дневной переход был окончен, и мы искали место, где бы встать лагерем и дать отдых лошадям. Но Ариунболд заставил нас прождать полтора часа, пока он пропадал в санатории. Бюрократ до мозга костей, он пожелал засвидетельствовать свое присутствие сотрудникам администрации и посоветоваться с ними. Уезжая, он сказал, что, может быть, он устроит нам с Полом встречу с инвалидами. На самом деле под маской куратора он прятал досаду от неудач этого дня.

Оказалось, что администрации санатория нечего нам предложить; видеть Ариунболда они тоже не захотели, судя по тому, что, вернувшись, он торжественно заявил, что получил разрешение разбить лагерь на дальнем берегу. А поскольку дальний берег представлял собой обычный монгольский пейзаж и тянулся, никем не занятый, на сотни миль, переговоры с администрацией были явно провальными.

Мы поставили лагерь и помогли Доку наловить для рыбалки кузнечиков. Весь день кузнечики миллионами скакали по лугу, согретому солнцем. Их было так много, что они гроздьями взлетали из-под копыт при каждом шаге. Казалось, будто лошади идут по мелкой, зацветшей воде, а из-под копыт разлетаются зеленые брызги. Кузнечики другого вида, размером с обычного сверчка, встречавшиеся как правило поодиночке, имели странное обыкновение внезапно выпрыгивать на нас из травы и зависать в воздухе, трепеща крыльями и издавая громкие стрекочущие звуки. Эти звуки напоминали часовой механизм бомбы анархистов из мультфильмов, так что я невольно напрягался, ожидая взрыва.

К сожалению, Доку с рыбалкой не повезло. Вероятно, горячие потоки, впадая в реку, губительно сказывались на рыбе. Так что Байяр накормил нас немудреной пищей и пообещал, что на следующей станции запасы еды будут пополнены. Ариунболд не слишком заботился о запасах, его больше устраивала дармовая еда у пастухов.

Возмущал тот факт, что он не взял с собой примус, о котором я напоминал во время нашей стоянки в Каракоруме. Тогда я говорил, что примус послужит запасной печкой, но он меня не послушал, сказал, что на складной печке мы всегда сможем приготовить еду, насобирав дров. Конечно, теперь, когда мы вышли из зоны лесов, набрать дров оказалось очень непросто. Мы

спросили у местных жителей и решили поступить, как они, и набрать сухого навоза, который был разбросан повсюду. К несчастью, шел сезон дождей, навоз был недостаточно сухим и гореть не хотел. Так мы снова попали в зависимость к местным жителям, которые оставляли нам подарки в виде продуктов и навоза, сложенных кучками возле гыров.

Когда я спросил Ариунболда, нельзя ли разжиться примусом где-нибудь здесь, он угрюмо заявил, что это бесполезно, потому что монгольские лошади никогда не возят керосин — их отпугивает запах. А еще они его не повезут, потому что их напугает плеск жидкости во флягах. Я возразил, что если керосин везти в хорошо закрытых флягах, чтобы он не протекал, то и пахнуть канистры не будут, а между плеском керосина и плеском архи нет никакой разницы, хотя мы везем 16 бутылей этого питья. Упрямый, как всегда, Ариунболд просто повторил, что монгольские пони ни за что не повезут керосин.

Следующее утро началось с открытия — захромала вторая дареная лошадь. На этот раз причиной стала болячка на ноге. Проводники провели сеанс лечения — вытрясли из печки горячую золу и дали лошади постоять на ней больным копытом. Заметного эффекта такая скорая помощь не возымела. Потом оказалось, что моя лошадь порезала ногу. Взяли запасную, но когда на полудикое животное попытались надеть седло, лошадь испугалась, сдала назад и замолотила по воздуху передними копытами. (Надо заметить, я никогда не видел, чтобы монгольская лошадь пыталась лягнуть человека задними ногами.) Байяр попытался успокоить животное, но не смог. Не смог и Тихий. Пришлось вечно беззаботному Пьянице забрать у меня седло, подойти с ним к лошади и быстрым движением надеть его на конскую спину. Я растерялся — я уже решил было, что, проделав по Монголии 200 миль верхом, буду излучать

ту же ауру уверенности, что и заправский монгольский наездник, но теперь понял, что мне до них далеко.

В этот день получилось так, что мы вместе с Пьяницей и Тихим совершенно игнорировали Ариунболда, и он ехал позади, сам по себе. Несмотря на больных лошадей, мы проделали 30 миль, потому что ландшафт сделался ровнее и двигаться стало удобнее. Мы двигались бойко, монголы время от времени подбадривали лошадей криками: «Шу-у-у! Шу-у-у!» Это звучало так, будто они все разом простудились. Со временем зеленые горные луга сменились засушливыми низинами, еще более живописными. Уже наступило 23 июля, короткое Монгольское лето пошло на убыль. Травы увяли. Цветы опадали и сохли. Только остатки колоний грибов ярко выделялись на фоне жухлой травы, словно странствующий великан оставил неведомые иероглифы загадочного послания.

К концу дня мы добрались до центра под названием Эрдэнэ-цогт, и проводники посоветовали нам разбить лагерь на берегу реки, на некотором расстоянии от города. Так, говорили они, мы сможем избежать нежелательных посетителей и — к удивлению Байяра — воров. Потом Байяр и Ариунболд поехали в город, наведаться в местный комитет за очередной сменой лошадей и какой-нибудь едой. Я незаметно дал Байяру денег, чтобы он закупил для нас аварийный запас. Он смог раздобыть немного сахара, две банки русского варенья и буханку черствого хлеба, а еще настоящее сокровище — семь фунтов кукурузной муки. Это значило, что у нас есть, по крайней мере, нормальное питание в пути. Мы превратили кукурузную муку в цампу, перемешав ее с чаем, маслом и сахаром. Поев такого блюда на завтрак, в течение дня вряд ли проголодаешься, а еще можно скатать из этого теста шарики и хранить их по карманам.

Между тем Пьяница и Тихий съездили прогуляться в долину и привезли в качестве дров ломаную доску, поскольку весь аргол, как здесь называют кизяк, успел намокнуть под начавшимся дождем. На следующее утро дождь продолжал идти, а к нашему лагерю приехал грузовичок. В кузове помещались овца и иссохшая старуха. Водитель передал письмо из комитета. Там сообщалось, что подготовка лошадей займет некоторое время, а овцу нам посылают, чтобы мы не голодали. Мокрое животное сняли с грузовика и затащили в палатку. Здесь Тихий повалил овцу на землю и тут же, на куске брезента, разделал быстро и даже более яростно, чем обычно. Особые функции старухи, как выяснилось, заключались в том, чтобы выдавить из овечьих кишок непереваренную пищу, наполнить их кровью и закинуть все в тот же котел с кипящей водой. Сцена была довольно дикая. Девять человек сгрудились в хлипкой, облезлой палатке, по которой барабанил дождь, брызгая каплями в дыры и порезы, огонь чадил, дым ел нам глаза. Мы все были грязные, пропахшие потом, к нашей одежде прилипли куски лошадиного помета. Конечно, первым делом пришлось есть овечьи потроха, при помощи ножа и грязных, жирных пальцев вытаскивая кишки из горячего варева на мокрый пол. То, что осталось от овцы — шкура, голова и разделанная туша, — лежало тут же, кровавой кучей. Если кто-то хотел пить, он мог похлебать супчика из потрохов, который приготовила старая карга. И снова наше положение мало отличалось от того, что описывали Рубрук, Карпини и, тем более, Беатрис Балстрод.

В тот вечер Пьяница и Тихий отправились домой, забрав с собой своих лошадей, а мы остались ждать, когда нам выделят новых проводников. Эта парочка появилась вскоре, мы наделили их прозвищами Свистун и Робкий. Они появились на следующий день, рано утром, и привели с собой лошадей, лучших из тех, что у

нас были до сих пор — дюжину очень крепких пони, хотя знаток мог бы придраться к их коротковатым ногам и сказать, что лошадь с такой длинной шеей и такими короткими ногами напоминает таксу. Все новые кони носили темно-гнедую «униформу», и я предположил, что каждый сомон выводит лошадей своей масти.

Новые проводники паковали вещи спокойно и уверенно, и не прошло и часа, как мы были готовы отправляться к следующей станции под названием Галуут (так монголы называют дикого гуся). Проводники торопили нас с выходом, опасаясь дождя. Они говорили, что если в ближайшие дни пройдет еще хоть один сильный дождь, реки разольются и их будет не перейти. Поэтому мы выступили в 9 часов утра, и самый старый из дареных коней, пегий, с предательским характером, бельмом на глазу и репутацией Росинанта едва не утонул на первой же сотне ярдов пути.

Мы должны были пересечь реку, на берегу которой стояли лагерем. Док, пользуясь своим опытом рыбака, несколько минут ездил туда и сюда по берегу, ища подходящее для спуска место. Все лошади ходили за ним, кроме Росинанта, который увлекся выяснением отношений с конем из заводных. Пегий решил показать свою независимость и устремился в глубокую воду. Тут же течение сбило его с ног и повлекло от берега. Оказалось, что Росинант сам выбраться на берег не может. Конь с трудом держался на плаву, течение уносило его все дальше и дальше, пока, по счастливой случайности, не занесло в стоячую воду, где наконец он смог мало-помалу выбраться и присоединиться к нам, еще более жалкий, чем обычно.

Раньше при смене лошадей Ариунболд убеждался, что ему выдали самую лучшую. Конечно, он считал, что так и должно быть. Но на сей раз его надули. Ему достался настоящий трудяга со свинцовыми копытами, железной пастью и упрямым характером, который

отказывался спешить. В итоге Ариунболд тащился позади всех, злясь больше и больше, пыхтя и потея от злости, нещадно пиная и колотя свою лошадь. Тогда это казалось неважным, но позже едва не привело к катастрофе. А тогда все только радовались возможности избавиться от Ариунболда, хотя и жалели несчастного коня.

Интересно, что до этого времени все гыры, в которые нас приглашали, были чистыми и прибранными, насколько позволяла обстановка. Очень непросто следить за чистотой в доме, куда всякий заходит в башмаках, измазанных конским пометом. Тем не менее в каждом из гыров было не больше грязи, чем на кухне деревенского дома. Как же мы удивились, когда местом нашей следующей остановки стал гыр до того загаженный, что самый крепкий желудок грозил вывернуться наизнанку. Когда мы подъехали, хозяин сидел поодаль с полудюжиной детишек и колот щепу для растопки. Растрепанные дети в грязной одежде были измазаны человеческими экскрементами. Земля вокруг гыра свидетельствовала о том, что никто из обитателей не утруждается отойти от него дальше чем на несколько ярдов, чтобы облегчиться. Хозяин был уже навеселе, а его жена, показавшаяся вскоре, оказалась истеричной неряхой-алкоголичкой. Когда хозяин поднялся, я увидел, что одной ноги у него нет. Он запрыгал впереди нас, приглашая зайти в гыр.

Обстановка внутри была еще более удручающей. Пьяная лохматая свояченица хозяина на одном из лежаков приподнялась на локте и поглядела на нас, пытаясь сфокусировать взгляд, а грязнуля-хозяйка нехотя предложила хлеб и прокисшие топленые сливки с грязных тарелок. Неизбежная архи были поднесена в мутном и вонючем стакане. В довершение картины, один из маленьких детей, привязанный, точно собака, ремешком за шею и, к счастью, без штанов, обильно

испражнялся прямо на пол. Пьяные родители этого совершенно не замечали.

Это был полнейший кошмар, даже по средневековым меркам Рубрука. В жаркие дни он со своим спутником, Варфоломеем из Кремоны, искал убежища от солнца, сидя под повозками, а монголы, которым любопытно было посмотреть на чужестранцев, «толпились вокруг нас так тесно, что наступали на нас, в стремлении разглядеть нас во всех подробностях. Если им требовалось опорожнить пузырь, они отходили в сторону не дальше, чем можно добросить горошиной, и справляли свою нужду, продолжая разговор друг с другом. Он ходили еще и по большой нужде, и это нас крайне удручало».

Радуюсь возможности глотнуть свежего воздуха, мы покинули это отвратительное место и поехали дальше, через долину, пока она внезапно не закончилась крутым склоном темно-фиолетового камня. Необычный цвет породы напоминал подбрюшье грозовой тучи, которая как раз ползла по небу, угрожая рухнуть вниз и раздавить нас в этой долине. Проводники предупредили, что подъем будет трудным и они поведут нас необычным путем, чтобы избежать большей опасности — разлившихся рек. Пусть лошадям придется тяжело, зато мы сэкономим, по меньшей мере, пять часов пути, если пойдем через горы.

Буря налетела, когда мы прошли полпути вверх, направляя лошадей по извилистой дорожке. Ветер ударил в лицо, хлынул дождь, и мы вымокли за несколько секунд. У нас с Полом были армейские накидки, но они оказались бесполезными: защитит от дождя они не могли, а надеть их оказалось почти невозможно. Полудикие монгольские пони испугались хлопанья мокрых накидок и странного запаха прорезиненной ткани. Они принялись пятиться и брыкаться, затем сделались и вовсе неуправляемыми.

Нам оставалось только спешиться и ждать, пока они успокоятся, а затем продолжать подъем, ведя животных в поводу.

К счастью, это был единственный за день крутой подъем. За гребнем дорога снова спускалась к западу, и мы пользуясь случаем ехали быстрее и быстрее, торопясь добраться до места, где проводники советовали поставить лагерь. Они предложили остановиться еще в одном месте, знаменитом минеральными источниками. Вместо унылого санатория мы обнаружили приятную открытую долину, где вдоль ручья были разбросаны гыры семей, обживших это место как удачное летнее пастбище.

Мы с Полом вслед за Свистуном поехали искать место для лагеря. Найдя его, мы стреножили лошадей и подождали Ариунболда. К нам присоединись Делгер и Док. Ариунболд ехал за милю позади отряда. К нашему удивлению, он проехал сотню ярдов в сторону, словно не замечая нас. Свистун, который уже успел расседлать лошадь, не стал скрывать возмущения его дурными манерами. Он снова затянул подпругу, вскочил в седло и, рассерженный, поскакал за Ариунболдом. Мы с Полом и остальные, уже привыкшие к странностям нашего начальника отряда, сели на коней и не спеша двинулись следом. Мы совсем не удивились, когда увидели, что он сидит в полумиле от нас, на «удобном» утесе. Он нашел гораздо худшее место для лагеря и теперь ждал, когда Делгер и Байяр поставят ему палатку и он сможет спуститься к реке и умыться. Свистун весь кипел от гнева, но можно было предположить, что случившееся разозлило его меньше, чем если бы он спорил с Ариунболдом целый день. Видимо, за три-четыре дня пути оба проводника выйдут из повиновения, как и их предшественники.

Дождь кончился, и мы спокойно сидели в сгущающихся сумерках, когда откуда-то возникла пара

чужих лошадей и на полном скаку пронеслась мимо палатки. Через секунду за ними промчались с криками через лагерь два монгольских всадника. Поскольку уже почти совсем стемнело, та стремительность, с которой они преодолели опасные ямы и камни, отдавала безумной храбростью. Сразу подумалось, что наездники пьяны и куражатся.

Едва они исчезли во мраке, как мы снова услышали топот копыт — вероятно, беглые лошади описали круг и возвращались к лагерю. На сей раз преследователи не отстали. Они крикнули вскочившему Делгеру сбегать за арканом. Затем один всадник вырвал аркан из рук Делгера и снова ускакал. Еще пару мгновений вокруг лагеря продолжалась безумная скачка, потом беглые лошади опять исчезли в темноте, а за ними и всадники. Делгер крикнул что-то вслед, возможно умоляя вернуть аркан. В ответ раздалось явное оскорбление, смысл которого состоял в том, что пьяный всадник оставит аркан себе на память. Очевидно, бесстыдное воровство попирало все законы пастушеской жизни, потому что Делгер отреагировал так, будто его ударили по лицу. Красный от гнева, он бросился к ближайшей лошади, накинул ей на спину седло и через мгновение уже преследовал похитителя. Свистун тоже оседлал коня и поехал ему на помощь. Тихий, спокойный вечер на привале, прерванный стремительными событиями, понемногу возвращал свое обычное течение. Мы Ждали возвращения наших спутников.

Через два часа коллеги вернулись и привезли аркан, но чувствовалось, что они все еще злы. Звучали многочисленные выражения чувств; мы с Полом посчитали, что вопрос решен, и отправились было спать, однако тут снова поднялась суматоха. На этот раз кричали и спорили на множество голосов, частично — на грани истерики. Потом слышались отчетливые звуки ударов и стоны боли. Некоторое время избиение

продолжалось, а когда закончилось, стоны тоже прекратились: видимо, жертва покинула лагерь. И наступила тишина.

Утром Док попытался объяснить, что произошло, хотя рассказ получился довольно сбивчивым. Делгер и Свистун отыскивали пропавший аркан возле нескольких гыров, но там им сказали, что вор приехал из другого поселения. Отношения между этими двумя поселениями были натянутыми, о соседях сообщили много нелестного. Обе группы встретились в нашем лагере и стали выяснять отношения. Обе обвиняли друг друга в конокрадстве, в попытке свести наших лошадей и свалить вину на соседей. Разгорелся спор, двоих молодых монголов уличили и побили.

Это был один из тех редких случаев, когда Док говорил очень коротко, и мне пришлось дорисовывать картину самому. Иногда во время поездки Делгер и Байяр упоминали о ворах и конокрадах, но я не думал, что к этим предостережениям стоит прислушиваться всерьез. Довольно трудно украсть коня на открытом пространстве. Достаточно пересчитывать лошадей по головам в конце каждого сезона, чтобы воровство стало бессмысленным. И, по моему скромному разумению, наши дареные лошади были таким добром, на которое вряд ли кто позарится. Возможно, парней уличили в преступных намерениях по каким-то особым признакам, а может, они так хотели проявить презрение к соседнему сомону. Однако я не заметил за время пути никакой региональной вражды, так что ночная охота с последующим избиением показалась мне наказанием поспешным, ненужным и неоправданно жестоким.

Глава 11. Ламы Мандала

Жестокость тянется нитью через всю историю монголов. Когда Беатрис Балстрод осматривала тюрьму Урги, ее потрясло, что многие узники содержатся в тесных, как гробы, деревянных клетях размерами 4,5 на 2,5 фута. Маленькое отверстие в центре служило единственным источником вентиляции. Ширина отверстия была такой, чтобы заключенный мог протянуть за едой скованные руки или, если его череп был достаточно узок, высунуть голову и оглядеться. Она так писала об этих людях, сидящих в темноте в своих гробах:

Когда глаза привыкли к темноте — а единственным источником света здесь была дверь, если ее открывали, — постепенно становились заметными обросшие волосами головы, торчащие из круглых дыр в стенках гробов. Я подошла слишком близко к одному из гробов и, взглянув вниз, увидела страшное лицо, которое почти касалось моего платья. За одним из гробов виднелась лужа крови. Его несчастный обитатель надорвал свои легкие кашлем.

Большинство осужденных попали в тюрьму даже не по решению суда, а просто по обвинению в сочувствии Китаю.

Во времена Чингисхана жестокость была инструментом государственной политики, она устрашала даже самых суровых современников. Воины хана не были ни садистами, ни развратниками, нет свидетельств о том, что они любили убивать. Но они были мясниками, привыкшими без всякой жалости убивать людей в больших количествах. Задолго до

Чингисхана, если войско нападало на город, жителям предлагали сохранить жизнь, если поселение сдадут без боя. Если город продолжал сопротивляться, на жалость рассчитывать не приходилось. Монголы держали слово. Город грабили, но жителей не трогали. А вот в случае сопротивления жителей массово предавали мечу. Убийство было обоснованным, как работа, но не совершалось со злости или для удовольствия. Мирное население вели на казнь организованно, как скот на бойню.

Летописи стран, по которым прошелся со своим войском Чингисхан, полны жутких рассказов о нашествии монголов. Были вырезаны целые области, снесены города, осквернены храмы, уничтожены бесценные произведения искусства. Но авторы этих повествований не принимали в расчет, что ужасные монгольские завоеватели устраивали эти разрушения для собственной безопасности. Они видели только, что монголы нисколько не переживают из-за тех несчастий, которые причинили другим народам. По этому поводу сами монголы в «Сокровенном сказании» поясняли, что ради победы требовалось разорить врага, увезти домой лучших его женщин, коней, скот, ценности, взять в рабство сильных телом, извести и убить вождей. Обычай длительной вендетты у монголов не возникло. Дети из семьи побежденного принимались в клан победителя. И зачастую эти дети, подрастая, принимали участие в следующем набеге на клан отцов. Все эти принципы Чингисхан воплотил в масштабах континента. Когда его армия взяла старинную и священную Бухару, монголы разграбили город, как если бы это был один из кочевых лагерей. Они заезжали во двор мечети на конях, пьяные солдаты вытряхивали наземь редкие копии Корана из деревянных ларцов, чтобы приспособить те под ясли для лошадей. Конечно, это привело в ужас мусульманских ученых. А монголы за несколько недель набрали среди

мусульман достаточно воинов, чтобы продолжить свою разрушительную кампанию.

Одна из странностей в истории монголов заключается в том, что страшные разрушения, которые принесла армия Чингисхана мусульманскому миру, породили слухи о грядущем долгожданном защитнике христианства. Рубрук и Карпини ездили в Монголию, втайне надеясь найти там пресвитера Иоанна, защитника христианства. Пресвитер Иоанн — легендарная фигура, созданная в середине XII века средневековым воображением. Он считался преемником трех библейских волхвов, мудрым и праведным царем-священником, который где-то далеко на Востоке правит христианским государством и способен вывести на поле боя бесчисленные рати. Возможно, эти слухи были основаны на путаных сообщениях о великой битве, которая произошла в Средней Азии, под Самаркандом, между турками-сельджуками, проигравшими сражение, и каракитаями, часть которых принадлежала к буддийской вере, а часть относилась к христианам-несторианам.

Во всяком случае, папа римский написал пресвитеру Иоанну письмо, надеясь установить с ним контакт и расспросить об особенностях его веры. Еще сотню лет слухи о далеком христианском царстве гуляли по всей Европе, а также в Святой Земле, помогая крестоносцам выдерживать контратаки мусульман. Говорили, что где-то позади полчищ исламских врагов находится сильный союзник (пресвитер Иоанн, конечно же, ведь легенды не стареют). Если только посланник сможет до него добраться, можно организовать совместные действия против мусульман. Когда армия Чингисхана начала одерживать первые головокружительные победы, на Запад снова стали просачиваться слухи о сильных врагах мусульман, и снова многие решили, что это

может быть долгожданный пресвитер Иоанн или его сын, царь Давид.

Карпини быстро понял, что это не так. Дикие монголы не могли быть последователями царя-священника. Народ, который он встретил, на каждой стенке своих шатров делал из войлока изображение человека. Под ним вешали изображение вымени. Говорили, что это хранители табунов, которые дают лошадям обильный приплод и вдоволь молока. Также они поклонялись солнцу, луне, огню, воде и земле и отдавали особую дань уважения портрету Чингисхана. Когда к ним приехал христианин, русский князь, и отказался кланяться изображению хана, монголы отпинали его в живот до полусмерти, а затем обезглавили. Это безбожники, сделал вывод Карпини, а настоящего пресвитера Иоанна нужно искать не в Средней Азии, а в Индии. Рубрука, хоть он и был скептиком, надежда не оставляла. Не найдя пресвитера Иоанна в Каракоруме, он пытался разузнать, не был ли Великий Хан крещен, не является ли он тайным христианином. Он обошел весь Каракорум в поисках следов христианства — креста над гыром, звона церковных колоколов, признаков почтения к христианским символам у местных жителей.

Рубрук искал не совсем зря. Как выяснилось, два монгольских племени — кераиты и найманы — попали под сильное влияние несторианства, ветви христианского учения, которое в V веке проникло в Среднюю Азию из Персии. Многие видные кераитские семейства были крещены. Одна из главных жен Чингисхана посещала службы, которые устраивали для нее в переносной часовне. Возможно, именно ее влияние привело к тому, что каган Мунке, третий потомок Чингисхана и правитель Каракорума во время пребывания там Рубрука, послал однажды за монахом и потребовал провести перед ним христианские обряды.

Рубрук взял иллюстрированную Библию и служебник и прочитал псалом. Затем он показал Мунке (которого называл Мангу) иллюстрации к Писанию. Великий хан заинтересовался картинками, но не более того. Его супруга испортила торжественность момента, выпив лишнего. Совсем захмелев, она «забралась в свою повозку и под пение и причитания священников укатила». Больше Рубрук не слышал от нее об интересе правителя к христианской вере.

Если бы Рубрук не был так наивен, он понял бы, что каган — настоящий монгольский прагматик. Мунке верил, в первую очередь, в силу своего могучего предка и в мир духов. Но это не исключало возможности признать заслуги той или иной религии! Поэтому Мунке у себя при дворе позволял христианам, буддистам и мусульманам свободно молиться и следовать их вере. Рубрук очень огорчился, когда увидел, как плохо здешние представители христианства подготовлены. Несториане, жаловался он, не знают собственных текстов, написанных по-сирийски. Неудивительно, что они ростовщики, многоженцы и симониты, требуют денег за церковную службу, прикладываются к бутылке. Их епископ находится так далеко, что приезжает раз в полстолетия. Рубрук писал, что приехав, тот обходит паству и совершает помазание всех детей подряд, даже грудных младенцев, чтобы обеспечить этот край священниками на будущее.

Рубруку не следовало быть таким строгим. Несториане понимали, что монголам не по нраву новые моральные нормы и нравоучительные проповеди. Монголов устраивали их испытанные временем обычаи. Они советовались с шаманами, которых Рубрук называл «правовещателями» по всем важным вопросам, — например, где поставить лагерь или когда идти на войну. Они делали приношения образам предков. Они гадали по бараньей лопатке. Кость выскребали дочиста

и клали в огонь, а потом читали будущее по трещинам на кости, как хиромант по линиям руки.

Мне неожиданно вспомнилось не выполненное Рубруком задание по поиску христиан, когда мы подъезжали к Галууту. В тот день, 27 июля, Док рассказал нам, что мы въезжаем на бывшую территорию найманских ханов, тех самых, которых некогда обратили в несторианство. За день мы несколько раз проехали широкие круги, выложенные камнями на траве. Это были остатки царских павильонов, когда-то стоявших по степи западного Хангая. Под конец дня мы подъехали к большой гробнице. Наверное, там похоронили важного найманского вождя.

Издалека манил нас сам Галуут. Любое здание покажется заманчивым, если знать, что на 60 миль вокруг нет больше ни единой постоянной постройки. Но при ближайшем рассмотрении Галуут оказался всего лишь очередным центром сомона, и поскольку Свистун и Робкий торопились домой, мы не стали их задерживать и остановились, не доехав мили до города, чтобы они могли спокойно удалиться. Только мы распрощались с проводниками, как из города пожаловала делегация с известием, что лошади для нас готовы, правда, не в Галууте, а в 10 милях от него, в старом монастырском поселении Мандал. Пол, Док и я отправились туда в муниципальном грузовике, а Байяр, Ариунболд и Делгер — на дареных конях.

Мандал приготовил нам сюрприз. Мы переночевали в заброшенном лагере овцеводов, ожидая, когда появятся наши лошади, и вдруг подъехал молодой человек и робко спросил, не хотим ли мы посмотреть на священные изваяния. Выяснилось, что ему 16 лет и что он решил стать ламой, а верховная власть теперь позволяет храмам открыто заниматься своей деятельностью. Он уже приступил к начальному духовному обучению. Осенью ему побреют голову,

наденут на него монашеское одеяние и примут в послушники. Мы спросили, как относятся к этому его родители. Он, не раздумывая, ответил: «Они счастливы».

Наш лагерь защищал от ветра невысокий утес, и молодой человек со своим младшим братом повели Дока, Пола и меня вдоль его подножия. Пройдя полмили, мы нашли строки тибетских надписей, вырезанных на камне, почти у самой земли. Наш юный гид рассказал, что это религиозные тексты, выбитые прежними монахами Мандала, который некогда славился как один из лучших дацанов Монголии. Надписи повсюду виднелись во множестве, потом мы дошли до первой фигуры. Это было высеченное в камне изображение Будды, сидящего на лотосе. Сохранились следы первоначальной раскраски фигуры, детали которой были красными, синими и коричневыми. Дальше возле скалы протекал ручеек, а за ним виднелись другие изображения Будды, демона-защитника, оседлавшего драконольва, и наконец Аюш Бакш — женщины-святой. Мы насчитали девять резных фигур, но паренек сказал, что по всей скале их девятнадцать. Изображения не выглядели особенно старыми, вряд ли старше XIX века, зато они образовывали прекрасную галерею, памятник, в который монахи Мандала превратили эту скальную стену. Еще юноша рассказал, что на скале есть человеческие кости. Скелеты лам спускают сверху на веревках, и они висят на скале, подобно ожерельям.

К тому времени, как мы вернулись в лагерь, прибыли лошади. Их привела целая банда местных любопытных аратов, и началась обычная суета с упаковыванием багажа и навьючиванием его на полудиких коней. Я снова рад был видеть, как два человека, которым предстояло быть нашими проводниками, методично пакует вещи и распределяют вес со знанием дела. Я подождал, пока для меня выберут верховую лошадь. Владелец животного, на которое пал выбор, выглядел

очень обеспокоенным. Он считал, что эта лошадь чересчур норовиста и, как любой монгольский табунщик, был уверен, что иностранец прежде в жизни не ездил верхом. Я постарался убедить его, что справлюсь с лошадью, но он по-прежнему нервно топтался вокруг. Когда я вытащил свое седло, он потребовал показать его. Как всегда, мое седло вызвало у кочевников живейший интерес, и вскоре все араты столпились вокруг нас и зачарованно смотрели, как я достаю подхвостник и показываю хозяину, как его закреплять. Монголы пришли в ужас. Они никогда в жизни не видели подхвостника. Я попросил Дока объяснить, что эта деталь сбруи нужна, чтобы седло не сползало вперед. Док перевел, а потом засмеялся. «Хозяин считает, что это какое-то извращение, что оно повредит лошади. Он не верит, что лошадь станет терпеть такую штуку».

«Скажи ему, что я настаиваю и что подхвостники используют во многих странах по всему миру. Без него седло будет сползать, когда мы поедем по горам».

Я видел, что табунщика это не убедило. Но я был тверд, и мало-помалу он успокоился, однако пожелал самолично надеть подхвостник. Я показал, как петля должна охватывать основание хвоста, но он так нервничал, что у него ничего не получилось. Лошадь почувствовала его неуверенность и вырвалась из рук. Табунщик снова попытался приладить ремень ей на хвост, но опять не справился. Это был полный абсурд — человек, всю жизнь проработавший с лошадьми, не мог поднять хвост у лошади, которую, возможно, выхаживал еще жеребенком, и надеть на нее ремень только потому, что это было слишком для него необычно. Как можно более вежливо я отнял у него подхвостник, поднял лошадиный хвост и приладил ремень на место. Лошадь даже не шелохнулась. Ее хозяин застыл в изумлении, другие араты радостно хохотали. Я подумал, что ему понравится прокатиться в таком седле и предложил

попробовать. Он недоверчиво сел в седло и поерзал, устраиваясь. Лошадь не обратила на это внимания, так что табунщик наконец смог оценить удобство седла.

Причиной, по которой монастырь Мандала уцелел даже в период тотальной антирелигиозной охоты, была пара дюжин гыров с деревянными палисадниками. Монастырский комплекс образовывали постройки в форме пагод, с зелеными черепичными крышами с завернутыми кверху уголками. Первоначально там располагались храм, спальня, служебные помещения и склад, но теперь строения стояли заброшенные и пустые, и определить, где что находилось, не удалось. На крышах росла трава, некоторые балки выскочили из пазов и повалились. Куски черепицы упали с крыши на землю и раскололись. В стенах зияли дыры, через которые в главный храм наведывался скот, превратив его в филиал коровника. Но монастырь подлежал восстановлению без слишком больших сложностей. Он не был разрушен и разграблен, сами здания почти не пострадали.

Самое главное, что крошечная монашеская община активно работала. В Мандале уже имелись шесть лам плюс верховный лама. Поскольку главные здания стояли необитаемыми, службы проводились в новеньком, незапятанно-белом гыре, поставленном в самом центре монастырского комплекса. Надпись над крашеной деревянной дверью извещала о том, что это временный монастырь Мандала.

Мне понравилась ирония. Сорок лет назад, во времена антирелигиозной кампании, коммунисты по всем поселкам ставили «красные гыры». В этих агитпунктах сидели партийные кадры. Они молились на линию партии, обращали пастухов и утверждали контроль над регионом. Теперь происходила контрреформация, и ее центр можно было назвать «белым гыром». Сидя внутри, мы беседовали о будущем

монастыря. Пожилой верховный лама (ему было за 80) пояснял, чтобы я не ошибся, считая, что это образование временное. Ему и монахам обещаны правительственные субсидии на восстановление оригинальных монастырских построек, работы начнутся в следующем году. Я спросил, где они жили последние полстолетия. «Мы жили среди обычных людей, — мягко ответил лама. — И молились о возрождении нашей веры».

Когда наш отряд собрался ехать дальше, ламы вышли во двор монастыря, чтобы произнести прощальное напутствие. Некоторые из лам были такими старыми и согбенными, что могли стоять ровно, только опираясь на посохи. Глядя на их сверкающие в солнечном свете одежды, я невольно припомнил слова Беатрис Балстрод: «Темно-красный, оранжевый и бледно-коричный цвета собрания лам напоминают огромные клумбы попугайных тюльпанов».

Из Мандала натоптанная дорога вела к двум «стражам» — сидящему Будде и устрашающего вида зеленому чудовищу. Они были вырезаны на плоских боках валунов по обе стороны дороги.

Через час пути в стойбище скотоводов нас угостили поздним ланчем из топленых сливок и хлеба, а старший стойбища подарил нам еще одну лошадь. Пол, который должен был на ней ехать на следующий день, жаловался, что эта отвратительная тварь вечно скачет не туда и не так. Но, по крайней мере, она была бодра и здорова, в отличие от наших злосчастных одров.

Больше мы в тот день не встретили ни одного пастуха, потому что попали в весьма протяженную низину, где не было открытых источников воды. Все, что нам попадалось здесь, было каким-то преувеличенным. Случайный валун выглядел издали, как всадник на лошади. На земле величественно восседали соколы двух футов ростом, поглядывая на нас и не думая улетать, даже когда мы проехали в двадцати футах от них. Почва

становилась все более песчаной, засуха окрасила жиденькую травку в серо-зеленый, кроме тех кусочков земли, где вырыли себе норы суслики. То ли они перекапывали землю так, что она лучше сохраняла дождевую влагу, то ли просто выбирали для постройки своих жилищ более влажные участки, но их колонии легко опознавались по яркому цвету травы. Мы старались объезжать эти места — они изрыты норами и опасны для лошадей. Если конь на бегу угодит в норку копытом, он может споткнуться сам и уронить седока.

Наши проводники прекрасно знали дорогу. С наступлением вечера мы не остановились, а напротив, ехали быстрее и быстрее, перейдя наконец в сумасшедший галоп. Копыта громом грохотали по степи, кони неслись, как ветер, их дыхание со свистом вырывалось из ноздрей. Но вот наступило долгожданное окончание дня, и мы поспешили развернуть под начинающимся дождем хлопающие на ветру палатки. В сотне ярдов от нас пастухи — единственные люди на 20 миль вокруг — колдовали с колонкой, накачивая воду для лошадей.

В тот вечер мы не пошли к пастухам, ужинали сами, в своей палатке. Странно было проявлять чопорность в этом безликом краю, где милю за милей глазу не на чем остановиться. В поле зрения не попадало абсолютно ничего, если не считать волн, которые ветер гнал по траве. Наверное, наши проводники нарочно не искали гостеприимства пастухов, боясь, как бы их кони не повздорили с нашими, полудикими. Во всяком случае, мы продолжили путь на следующий день, оказавшийся ясным и солнечным. Но затем произошел случай, который разрушил последние надежды на благополучное путешествие с Ариунболдом.

Все запасные лошади Ариунболда, взятые им за эту неделю, оказались неторопливыми. Это была настоящая катастрофа, поскольку обычно пастухи выдавали ему

самых лучших. Но в последние несколько дней все получалось иначе. Он ехал на клячах, еле волочивших ноги, в самом хвосте отряда, который ему полагалось возглавлять. Он исхлестал всех животных в попытках заставить двигаться побыстрее, но без толку. Никто не обращал на него внимания, большинство из нас просто радовались, что он едет позади день напролет. Ариунболд становился все более раздражительным и наконец в гневе дошел до того, что весь предыдущий день в жестоком отупении методично колотил лошадь. Пару раз ему удалось запустить лошадь медленным галопом. С перекошенным лицом он неистово настегивал неторопливое животное.

На следующее утро, когда Ариунболд стал седлать ту же лошадь, она заартачилась. Подавшись назад, она попыталась убежать, явно не желая, чтобы на ней ехал человек, который накануне так жестоко с ней обходился. Ариунболда, державшего повод, внезапно сбilo с ног и поволокло по земле. Делгер закричал и бросился на помощь. Он успокоил бунтующее животное и возвратил повод Ариунболду, который отряхнулся и продолжил надевать седло. Лошадь снова отпрянула, пытаясь сбежать от мучителя. Пришлось Делгеру держать лошадь на аркане, пока Ариунболд ее седлал. Мы уже были готовы выехать и ждали только Ариунболда. Он наконец надел седло, снял аркан, а когда лошадь опять решила сбежать, удержал за чумбур. И только собрался на нее вскочить, решив, что ей уже не вырваться, как лошадь выразила свой протест тем, что легла на землю. Это был самый настоящий акт неповиновения, свидетельствующий о лошадином уме. Она просто подогнула передние ноги, встала на колени, перекадилась на бок и легла неподвижно.

Ариунболд стоял над ней в растерянности. Делгер что-то кричал. Может быть, он советовал Ариунболду вытянуть лошадь кнутом, чтобы показать, кто здесь

хозяин, и поднять животное на ноги. Ариунболд все еще держал в руке свободный конец кожаного чумбура. Он подошел к голове лежащей лошади и со всей силы, на какую был способен, ударил ее наискось по морде, три раза. Впервые я видел, чтобы монгол бил лошадь по морде. У пастухов это тоже вызвало осуждение. Но дальше случилось вот что. Лошадь дернулась от ударов, приподняла голову и уронила ее снова, по-прежнему отказываясь вставать. Когда голова лошади легла на землю, Ариунболд, казалось, пришел в неистовство. Стоя над лошастью, он принялся яростно, раз за разом, хлестать ее по морде. Это было проявление безудержной злобы, помноженной на неумную жестокость. Теперь лошадь просто не могла подняться на ноги, даже если бы захотела, и Ариунболд это понимал.

Все растерянно молчали, не в силах поверить глазам, надеясь, что безумие вот-вот кончится. Никто не шелохнулся, до того мы оцепенели. А Ариунболд продолжал избивать свою жертву, позабыв о том, что мы смотрим на него. Он нанес ударов двадцать и только потом позволил лошади встать.

Рядом со мной Пол кипел от гнева, и в какой-то момент я решил, что он не удержится и нападет на Ариунболда. Я зашипел на него, давая знак успокоиться. Когда Ариунболд садился в седло, все прятали глаза, и не нам одним его поведение было отвратительно. Оно и понятно — такой способ укрощения лошади выглядел очень не по-монгольски, и наши спутники были возмущены. Характерно, что наши проводники-табунщики не пытались его остановить. Это тоже не в обычае монголов. Но отношение к Ариунболду изменилось у всех. Что до меня, я предпочел бы продолжить нашу монгольскую экспедицию в менее неприятной компании. Слишком многое хотелось сделать и увидеть в Монголии, чтобы тратить время

попусту на такого компаньона. Кроме того, я знал, что монголам хотелось бы видеть предводителем отряда человека цивилизованного и достойного, и им стоило бы подыскать кого-нибудь другого. Жаль, конечно, — уже столько усилий было затрачено на подготовку трансконтинентального перехода до Франции, но нынешний вариант организации однозначно не годился для путешествия за границу. Я должен порекомендовать монгольскому государственному комитету по реализации проекта ЮНЕСКО «Шелковый путь» подобрать другого начальника группы. А пока я собирался продолжить исследовать остатки монгольской традиционной культуры, а для этого нам с Полом и Доком как можно скорее нужно уехать.

Большая часть утра прошла в неловком молчании. Когда я поймал взгляд Байяра, он неодобрительно покачал головой. Его обычная веселость исчезла. Пол проворчал сквозь зубы, что отстегал бы Ариунболда теми же вожжами, а Док — хоть и неважный наездник, зато мастер усмирять лошадей — сказал, что Ариунболд показал себя варваром. Даже Чингисхан разгневался бы на такое. Никогда, подытожил он, монгол не должен бить коня по голове.

Док и сам был измучен. Он так и не приспособился к тяготам скачки. Время от времени он слезал с лошади, хромал в сторону и разминал колено, которое очень болело. Двое наших гидов, Удача и Лысый, держали ровный темп. Подозреваю, что им уже хватило выходок Ариунболда и они хотели как можно скорее закончить путь и попрощаться с ним. Итак, еще до четырех часов дня мы оставили за спиной засушливую низину и вышли к краю широкой плоской долины. Через долину к нам приближались быстрой рысью человек двадцать конных. Это оказались члены маленькой рабочей бригады из городка под названием Заг. Их послал местный комитет,

чтобы они перевели нас через реку, разлившуюся в половодье и опасную для перехода.

На другом берегу нам организовали прием в шатре лучшего арата этого края. Комитет коммуны счел арата таким хорошим табунщиком, что позволил ему и его семье держать от имени коммуны табун в 400 лошадей. За это ему полагалось первоочередное снабжение такими ресурсами, как горючее, материалы и продукты, поступающие в распоряжение сомона. Еще ему позволяли содержать маленький частный табун, молоко от которого он мог использовать сам или продавать коммуне. Нас пригласили в гыр и предложили стандартный набор из сушеного сыра, шматков прогорклого масла и кусочков сахара на закуску к огромному количеству кобыльего молока и шимин архи. Мы ели угрюмо и молчали, а когда председатель комитета спросил о наших планах, именно Байяр заставил Ариунболда признаться в том, что четыре из дареных лошадей ослабли или больны и нам хотелось бы остановиться и дать им отдых.

Я заметил, что монголы столпились вокруг самой недужной из лошадей. Это было животное цвета хереса, с черной полосой по хребту и забавными, как у зебры, полосками на ногах. Монголы считают, что по этим признакам видно происхождение от Дикой Лошади. Табунщики щупали и пожимали бабку лошади, осматривали поврежденную ногу, но снова, в типично монгольской манере, никто не мог поставить точного диагноза, боясь прослыть самоуверенным, а потом ошибиться. Лишь на следующий день они решили, что лучший табунщик осмотрит лошадь в спокойной обстановке на склоне горы, за нашим лагерем. Лошадь отвели туда, и табунщик надрезал ей одну из главных вен на груди, так что кровь полминуты шла струей. Лошадь стояла неподвижно, лишь время от времени приподнимая больную ногу, будто нажимая на вену.

Когда кровь остановилась, всеобщим решением врачевание посчитали законченным.

Док нашел для нас с Полом способ выйти из затруднительного положения. На следующий день ожидалась выборы — в Монголии впервые со времен правления коммунистов проходило свободное голосование. Гыр у подножия горы был одним из избирательных участков, к нему должен подъехать джип за урной с бюллетенями. Док устроил нам возможность поехать на джипе в центр сомона. Оттуда на утро следующего дня результаты голосования в центр провинции доставляла «пчела» — желтого цвета заслуженный самолетик «Ан-2». Секретарь администрации сомона дал согласие, и нам позволили сесть на самолет и в кратчайшие сроки добраться до Улан-Батора, а затем продолжить путешествие так, чтобы иметь возможность проводить изыскания в западной части страны, на Алтае. Док страстно желал уехать, а наездникам наше отбытие никак не мешало. Напротив, если уедут трое из нас, Делгер получит свободных лошадей, нагрузка на заводных снизится, и наш беспечный конюх сможет вести Ариунболда дальше. Жаль было только Байяра. Теоретически он тоже мог решить уехать, но перспектива вернуться в Улан-Батор без разрешения начальства телестудии его не прельщала. Когда Док объяснил ситуацию, Байяр, поколебавшись, решил, что должен оставаться с Ариунболдом, пока они не доберутся до столицы следующего аймака, а оттуда он позвонит к себе в контору. Нам с Полом Байяр понравился, и мы очень жалели, что больше не увидимся с ним.

Последний день похода мы провели в моральной подготовке к съедению сурка. Как всегда, только Байяр знал, как правильно его готовить. Двое охотников принесли пару сурков, метко подстреленных в голову. Байяр и Делгер на речке освеживали тушки. Затем

Байяр раскалил на огне несколько камней и кинул их в котел с кусками мяса. Вот и все. Никакой варки-готовки, никаких специй. А Байяр обещал нам настоящий пир. Мы даже не были уверены, что сможем заставить себя проглотить куски этих очаровательных откормленных сурков, которые, перед тем как их ободрали, напоминали растерянных завхозов. Но нельзя же упускать случай внести разнообразие в наш рацион из баранины. Байяр приподнял крышку котла и подцепил два почерневших куса сурочьего мяса. Они выглядели точь-в-точь как крупные порции крольчатины. Мы с Полом осторожно взяли мясо и впились в него зубами. Оно оказалось неожиданно жестким и жилистым, но самое печальное было не это. Сурок, запеченный в горшке, оказался довольно безвкусным. Запах мяса ощущался с трудом, а вот если какой-нибудь вкус и был, так это вкус баранины.

На следующий вечер я рассказывал о своем разочаровании представителю администрации, который забирал урну с бюллетенями. Мы ехали на джипе в центр сомона, и он захихикал. «Ты не должен говорить мне, что ел сурка. Я же обязан тебя арестовать! До открытия сезона охоты на сурков еще пара недель. Но конечно, аратов очень трудно контролировать». Он был энергичным и деловым человеком, слегка за 30, одним из чиновников новой формации, не таких идейных, как партийные бюрократы, державшие в ежовых рукавицах центральной власти каждый сомон. Конечно, машина коммунистической партии никуда не делась, в каждом сомоне по-прежнему сидел секретарь партии, но центральная власть теперь присылала подготовленных руководителей, и некоторые из них весьма талантливы. Наш спутник, председатель совета Гомбо, вырос в этом сомоне и, сделав карьеру в Улан-Баторе, рад был вернуться в родные места. Результаты выборов очень его интересовали. Сельские жители, объяснял он, очень

консервативны. Теперь в столице много говорят об образовании новых партий и демократического движения, и он надеется, что победит один из двух кандидатов от коммунистов. «Кто же эти кандидаты?» — спросил я. «Один из них — я», — ответил он с улыбкой и принялся рассказывать о своих планах по развитию региона.

Его стратегия была очень доступной, вовсе не пустыми рассуждениями партийного теоретика. Его сомон, пояснял он, никогда не был ничем иным, кроме как сельскохозяйственной зоной. В нем совместились все четыре типа монгольского ландшафта: пустыня Гоби, долины, степь и горы. Но полезных ископаемых нет, а климат очень затрудняет скотоводство. Зимой температура падает до — 40 градусов, а снега выпадает редко больше 16 дюймов. Если снег глубже, скот не может добыть из-под него пищу и гибнет. Многие араты надеются, что будут построены маленькие заводи по производству продуктов, но мой попутчик не хотел бы видеть, как пастухи оставляют свои табуны и едут на работу в Улан-Батор. Здесь им живется намного богаче и свободнее. Единственное серьезнейшее нововведение, которое необходимо сельской местности, — электричество, чтобы любой табунщик мог смотреть телевизор и знать, что делается в мире. У некоторых зажиточных аратов уже появились генераторы японского производства, а на юге сомона, в пустыне, проводятся первые эксперименты по установке ветровых генераторов для отдельных гыров. В общем, амбиции довольно скромные.

Председатель совета пригласил нас на этот вечер в правительственный гыр, в центре городка. Там были удобные кровати, чистые полотенца и стол. Перед тем как выпить архи за будущее Монголии, он трижды окунул в напиток средний палец правой руки. Один раз он стряхнул каплю в воздух, один раз капнул на очаг и

один раз — на землю. Этот ритуальный жест мы уже видели. Окунается средний палец, потому что этот палец меньше всего используется в работе, значит, он на руке самый чистый. А еще в народе говорят, что так проверяют, не отравлено ли питье: яд якобы обжигает подушечку пальца.

Утром, дождавшись мотоциклиста с результатами выборов с дальнего избирательного участка, мы отправились на самолет. «Как дела на выборах?» — спросил я нашего хозяина, когда мы стояли в тени крыльев самолетика. Над нами монгольский пилот выглядывал из окна кабины, будто трудолюбивый садовник из теплицы. «Меня выбрали, — ответил он. — В нашем сомоне партия получила 85 % голосов».

Глава 12. Мудрец

Задолго до Карпини и Рубрука долгое и тяжелое путешествие через Монголию проделал еще один священник. Правда, он шел в обратном направлении, с востока.

Чан Чунь, даосский учитель школы Золотого лотоса, был живым воплощением известного стереотипа — почтенного восточного мудреца. Слава о его мудрости разлетелась так далеко, что в 1219 году Чингисхан прислал ему приглашение посетить Монголию. Хан писал, что наслышан о его познаниях и святости и хотел бы получить у прославленного мастера совет по необычному, но очень важному вопросу. Для сопровождения даосского ученого через пустыню Гоби он выделил своего «адъютанта», отряд из двадцати человек и золотую пайцзу с наказом обращаться с даосским учителем как с самим императором. Чан Чуню был уже 71 год, он вел уединенную жизнь горного отшельника в провинции Шаньдун. Он так давно считался мудрецом, что даосский монах Сунь Си, написавший историю его жизни, был очень удивлен, когда узнал, что тот еще жив. Как писал Сунь Си в предисловии к своей работе, он считал, что Чан Чунь давно отправился на небеса и, преобразившись, обитает среди облаков в высших сферах вселенной. Когда же поклонник самолично увидел мастера, он поразился еще больше. Он писал, что «когда Чун Чань сидел, он был недвижим, как мертвый, а когда стоял, то был подобен дереву. Его движения походили на гром, а ходил он, как ветер. Не было на свете книги, которой бы он не прочитал».

Чан Чунь колебался. Ему уже случалось отклонять подобные приглашения от императоров династии Сун,

южнокитайской правящей фамилии из Гуаньчжоу. У него были все основания опасаться, что 700-мильного путешествия через Монголию он просто не выдержит, а «важный вопрос» Чингисхана — всего лишь затруднения любовного характера. Тот же караван, что должен был его сопровождать, вез в гарем Чингисхана несколько юных китаянок, и Чан Чуню вовсе не хотелось путешествовать в обществе этих дев. Он ответил уклончиво. Но Чингисхана нелегко было провести. Его секретари настойчиво повторили приглашение, а девы последовали с другим караваном. В феврале 1221 года появилось на свет «Путешествие за 10 000 ли», которое Чан Чунь диктовал своему ученику по имени Ли Чжи-Чан, благодаря которому теперь у нас есть уникальное свидетельство о том, что представляла собой Средняя Азия сразу же после жестокой поры монгольских завоеваний. Полностью была разорена и подчинена Хорезмская империя — самая мощная исламская держава в Средней Азии, — чьи земли лежали в оазисах Трансоксании, где теперь находятся советские республики Туркмения, Киргизия и Узбекистан, а также северная часть Афганистана, Ирана и Пакистана.

Двигаясь где верхом, где в повозке, небольшой отряд китайцев — Чан Чунь и 19 его учеников — вместе с монгольским эскортом пересекли сперва ближнюю к Китаю часть пустыни Гоби, где видели следы великих битв — пространства, усеянные человеческими костями. Это были места, где Чингисхан в 1211 году уничтожил китайскую армию, посланную отразить его первое нападение на Китай. Озера еще покрывал лед, когда они добрались до черных повозок и белых шатров Тэмугэ-отчигина, младшего брата Чингисхана. Там, на бескрайнем лугу, они увидели монгольскую свадьбу. Монгольский сановник преподнес им кобылье молоко, а его женщины носили такие высокие головные уборы, что им приходилось пятиться, чтобы зайти в шатер. Там

путники узнали, что Чингисхан уехал далеко на запад, воевать против хорезмского шаха Мухаммеда II. Это значило, что им тоже предстоит путь в 3000 миль, чтобы добраться до «Повелителя Вселенной».

Покинув лагерь Тэмугэ-отчигина, отряд двинулся почти той же дорогой, что и мы с Полом семь столетий спустя, по течению рек Керулен и верхней части Орхона. Они тоже направились через горы Хангая. Ехали они в то же время года и, возможно, наблюдали точно такие же пейзажи. Им тоже сопутствовала холодная погода, они упоминали дикий лук, погребальные курганы и следы поклонения духам, в основном, обо на горных перевалах. Огромное впечатление произвело на них величие Хангая:

В долинах произрастали прекрасные сосны, более сотни футов высотой. Горы, покрытые высокими соснами, цепью тянулись к западу. Пять или шесть дней шли мы через эти горы, дорога петляла между вершин. Зрелище было волшебное — горные склоны, покрытые благородными лесами, и река, бегущая далеко внизу. Попадались террасы, где березы и сосны росли вместе. Затем мы поднялись высоко на гору, похожую на огромную радугу, и увидели с высоты бескрайнюю пропасть. Жутко смотреть с высоты на озеро, лежащее далеко внизу.

Потом их путь отклонился к югу, чтобы пересечь Алтайские горы. Там они видели следы прошедшей армии — поразительное свидетельство того, как инженеры Чингисхана прокладывали дорогу войскам. Армия прошла через эти горы за два года до них. С ней шли 10 000 китайских мастеров и инженеров с осадными машинами. С каким же поистине нечеловеческим трудом приходилось перетаскивать технику через горы!

Отдаленное представление об этом можно составить из рассказа о том, как сто монгольских всадников, сопровождавших Чан Чуня и его учеников, с помощью лошадей затаскивали повозки вверх на веревках, а потом заклинивали колеса, чтобы повозки не скатились вниз. Но худшее было впереди. Маленький отряд пересек огромную каменистую равнину, усеянную черными скалами, и вышел на край Великой пустыни. Там, писал Ли Чжи-Чан, во время дневной жары не ходит ни человек, ни зверь. Движение начиналось только вечером. Проводники натирали головы коней кровью — они верили, что это убережет животных от ночной нечисти. Шли всю ночь, чтобы добраться до ближайшего оазиса и остановиться там на дневку. Огромнейшие песчаные дюны казались кораблями на волнах. Когда измученные волы отказались идти дальше, их бросили на дороге, а в повозки запрягли лошадей, по шесть в каждую.

На границе того, что еще недавно было владениями хорезмского шаха, путники снова увидели следы монгольского военного присутствия. Подойдя к озеру Сайрамнур, они обнаружили 48 мостов, построенных для перевозки военной техники в обход снеговых вершин и глубоких пропастей. Каждый из мостов был таким широким, что по нему свободно проезжали разом две повозки с машинами для метания огромных камней, исполинских зажигательных стрел и каменных ядер с горючей начинкой, которые Чингисхан приготовил для подданных шаха.

Города Трансоксании не ожидали нападения огромной и хорошо вооруженной армии. Они понадеялись на свои стены и совершили роковую ошибку. Злосчастный Мухаммед II, шах Хорезма, любил сравнивать себя с Александром Македонским, он даже добавил к своему имени на монетах слово «Искандер». Он располагал армией, втрое большей, чем монгольское

войско. Но он не принял упреждающих мер и был жестоко разбит. Его трехсоттысячная армия, в основном из тюркоязычных народов, была разделена на гарнизоны, сидевшие в городах Ургендж, Мерв, Бухара, Самарканд и Балх. Войска просто заперли ворота и ждали, пока монголы убедятся в неприступности стен. Чингисхан почти сразу же разделил свою армию на четыре части и назначил цель для каждой. Первым подвергся нападению приграничный город Отрар, который монголы сделали объектом мщения. В 1218 году правитель Отрара по имени Инальджик задержал монгольский караван из 450 человек и 500 верблюдов. Позже он писал своему сюзерену Мухаммеду, что схватил их по подозрению в шпионаже, но, скорее всего, он просто занимался государственным разбоем, присваивая чужое имущество. Во всяком случае, всех, кто был в этом караване (кроме монгольского посла), Инальджик решил умертвить, а товары распродал в свою пользу. Мухаммед не остановил своего вассала.

Как будто этого мало для того, чтобы навлечь на себя вражду Чингисхана! Шах Мухаммед еще и поставил под сомнение дипломатический статус делегации из трех человек, которую Чингисхан прислал с протестом против отрарского разбоя. Старшему из делегации отсекали голову, а остальным обрили бороды, что было тяжким оскорблением, и отправили назад.

После такой провокации жителям Отрара надеяться на милость монголов не приходилось, оставалось только отчаянно защищаться. Сначала монголами командовали двое сыновей Чингисхана — Чагатай и Угэдэй. Они не пытались скрыть от горожан, что те обречены. Когда часть гарнизона вышла из города и стала просить пощады, монголы построили всех и тут же казнили. Отрар держался пять месяцев. После того как город пал, цитадель обреченного правителя держалась еще месяц. Но в конце концов по приказу Чингисхана Инальджика

взяли живым и, согласно мусульманскому историку ан-Насави, казнили, залив ему в глаза и уши расплавленное серебро.

В это время Чингисхан перевел свой смертоносный взор на цель более крупную и богатую — Самарканд. Это был большой и процветающий город, его население приближалось к полумиллиону человек. Совсем недавно Мухаммед сделал его столицей и приказал построить новую стену, чтобы защитить цветущий оазис. Для такого грандиозного проекта требовалась стена длиной в 50 миль. Но почти все средства на ее постройку были израсходованы, а к приходу монгольской армии ничего не сделали, и пришельцы вскоре продемонстрировали мощь своей осадной техники.

Поначалу жителей Самарканда ввели в заблуждение, заставив думать, что город окружен бесчисленными врагами. Чингисхан пригнал всех пленников и построил в боевом порядке, чтобы создать видимость огромного войска. Свои резервы он поставил в заслон, чтобы помешать Мухаммеду сбежать из города. Пленных он использовал и как живой щит во время приступов, когда монголы наступали, закрываясь ими от стрел, летящих со стен. Вероятно, китайская техника быстро разуверила горожан в крепости стен, потому что на третий день осады большая часть самаркандского гарнизона отправилась в массовую вылазку. Чингисхан применил классическую монгольскую тактику нападения и засады. Монгольская кавалерия бежала, заманивая тюркские войска подальше от городских стен и забирая их в кольцо. Потом монголы развернули коней и начали убивать. Так погибла половина гарнизона, 50 000 человек. Спустя 48 часов город сдался, только пара тысяч упрямец заперлась в стенах цитадели и продолжала сопротивление. Монгольские командиры нарочно медлили принимать капитуляцию основной части

гарнизона. Они обложили цитадель и быстро овладели ею. Тысяча защитников прорвала окружение и бежала, остальных перебили. От начала и до конца на осаду Самарканда военной машине Чингисхана потребовалось пять дней.

Чтобы разграбить город, времени ушло больше. Чингисхан презирал перебежчиков, поэтому около 30 000 тюркских наемников, добровольно предавших шаха, были перебиты. Затем из города вывели все гражданское население, чтобы было удобнее грабить. Народ разделили, как скот на рынке. Мастеровых, ремесленников, умелых работников отправили на работы в Монголию. Мужчин «призывного» возраста взяли для живых щитов. Немощных и старых оставили самих заботиться о себе. Через год, когда Чан Чунь добрался до Самарканда, лишь четверть жителей вернулась в свои дома. Сердце Самарканда вырвали из его груди. Еще 180 лет город не мог вернуть утраченное величие, пока, по злой иронии, не стал «Золотым Самаркандом» под властью Тамерлана, того самого «Тамерлана великого», о котором писал Кристофер Марло. Тамерлан подражал Чингисхану и объявлял себя его прямым наследником. Он даже вступил в брак с представительницей «Золотого семейства» и именовал себя «зятем».

Скорое падение Самарканда показало Чингисхану, насколько непрочна власть шаха в огромном царстве. Великий хан решил не разорять царство, но включить большую часть Хорезмского государства в Монгольскую империю. Он отправил своих сыновей с войсками по стране, убеждать местное население, что теперь они подданные Чингисхана и его династии. Города были легкой добычей, и это обстоятельство позволило сохранить их как монгольские владения. Но прошли месяцы, и в задачи монголов вкрались коррективы. Счастливы были те городки, которые монгольские

отряды пролетали, не имея времени остановиться дольше, чем на день. Если еду и все, что требовалось пришельцам, приносили сразу же, такие местечки отделялись тем, что из них по-быстрому забирали самое ценное. Меньше повезло тем местам, где монголы не спешили двинуться дальше. Если города сдавались сразу, едва монголы предъявляли свои требования, там поступали, как в Самарканде. Жителей выводили за городские стены, чтобы они не мешали грабить. Грабеж мог продолжаться неделю или больше, а когда жители возвращались в свои дома, жить под властью монгольского наместника, они оставались нищими и могли радоваться, что вообще остались в живых. Но если город отказывался сдаться, его атаковали без всякой жалости. Большую часть гарнизона убивали, затем начинался brutальный разбой. Полезных пленников угоняли в Монголию, остальных обращали в рабство или бросали спасать свои жизни в том, что осталось от домов.

При этом всегда соблюдались три условия. Ни один город не мог рассчитывать на милость, если его граждане убивали монгольских посланников, приносивших требование сдаться; если, приняв решение подчиниться, от него отступались; и — самый тяжкий грех — если в сражении за город был убит кто-то из семьи Чингисхана. Великий афганский город Герат снесли почти до основания. Вначале, во время кампании 1220 года, правитель города подчинился Чингисхану. Гарнизон пытался оказать сопротивление и был перебит, но большую часть жителей не тронули. Однако через шесть месяцев Герат взбунтовался и разбил силы монголов, оставшиеся в тех краях. Наказание было ужасным. Вскоре город был взят снова, захватчики получили приказ обезглавить всех жителей до единого. Семь дней продолжалась бойня, головы рубили всем, кого находили. Потом монгольское войско ушло, а

горстка выживших бродила по руинам города, хороня мертвецов. Но спастись не удалось и им. Внезапно появился монгольский карательный отряд, и последние горожане тоже были обезглавлены.

Дальше к западу стоял североиранский город Нишапур. Казалось, грозные события лета 1220 года его миновали, и горожане отделались легким испугом, снабдив продовольствием монгольский летучий отряд. Но к осени настроения в городе изменились, и когда появился очередной отряд монголов, ему было оказано сопротивление. В бою погиб командир отряда по имени Тогачар, родственник Чингисхана, и месть была ужасной. Когда Нишапур наконец сдался, в нем были убиты все живые существа, включая кошек и собак. Вдова Тогачара лично принимала участие в резне и раскладывала отрубленные головы по полу и возрасту. Затем были разрушены стены и здания Нишапура, и последовал приказ разрушить все начисто и распахать землю, на которой стоял город.

Массовые казни за жизнь Чингисада показывали, какой ореол благоговения окружал самого Чингисхана. Хотя монголы по-прежнему поклонялись небесному богу Тенгри, Великий Хан тоже приобрел божественный статус. Он считался непогрешимым и святым. Может быть, такое поклонение и побудило его пригласить Чан Чуня. Осенью 1222 года, когда даосский мудрец наконец добрался до ханского лагеря в горах, на севере Афганистана, оказалось, что он проделал такой путь, чтобы ответить Чингисхану на вопрос, известно ли ему лекарство, дающее вечную жизнь. С достойной восхищения честностью Чан Чунь ответил, что известны способы продлить жизнь, но нет лекарства, дающего бессмертие. Услышав такой ответ, Чингисхан вовсе не расстроился, а взглянул на старика добродушно. К услугам мудреца предоставили отдельный шатер, чтобы он мог жить при лагере. Чингисхан даже три раза

приходил послушать его наставления о принципах даосизма. Еще он обратил внимание на то, что старик придерживается вегетарианской диеты, и посылал ему фрукты и овощи. Наконец он выделил новый эскорт и распорядился, чтобы Чан Чуня проводили до самого Китая. На обратном пути, писал Ли Чжи-Чан, старец сохранял невозмутимое спокойствие и пил только рисовый отвар, когда переходили пустыню Внутренней Монголии. Из этого восторженного повествования неясно, что думал мудрец о Великом Монголе, но на Чингисхана он произвел благоприятное впечатление, поскольку вскоре последовал указ, освобождавший даосов от уплаты налогов, а в императорском парке в Пекине выделили место для Чан Чуня, чтобы он мог открыть там монастырь.

У Чингисхана имелась насущная необходимость заботиться о престиже «Золотого семейства». Необыкновенный успех вторжения в Хорезмское государство выходил за рамки простой удачи энергичного правителя. Под монгольским владычеством оказались Монголия, северный и центральный Китай и все бывшие земли Мухаммед-шаха. Монголы повелевали половиной северной Азии, и росту их империи не было видно пределов. Чингисхан не мог находиться повсюду и самолично руководить военными действиями, поэтому продолжать быструю экспансию он мог, только распространяя мистический ореол на своих сыновей. Он понимал, что статридцатитысячной монгольской армии недостаточно, чтобы держать под контролем эти земли. К ним то и дело примыкали новые города, а то и целые области, и никаких войск не хватало, чтобы даже объехать все территории. Одним из путей решения этой проблемы была политика быстрых побед и массовых избиений. Противники обмирали от страха при мысли о сражении с монголами. Гарнизоны, сдавшиеся в плен,

значительно превосходили числом монгольских палачей, но они покорно подставляли головы под удар.

И все-таки монгольской военной машине не доставало живой силы. Начиная нападение на Хорезмское государство, Чингисхан был вынужден разбавлять свое войско немонгольскими союзниками из тюркоязычных племен, враждебных Мухаммеду. Теперь, когда империя ширилась, он позволял сыновьям набирать все больше и больше чужеземцев. Прошла пора, когда монголы убивали тюркских перебежчиков. Теперь тюрков стали приглашать в монгольскую армию. В конце концов, тюрки вели свое происхождение из тех же монгольских степей и гор, что и Чингисхан. Даже те из них, кто принял ислам, сохранили многие племенные обычаи. Ядром войска все еще оставалась монгольская конница, особенно когда требовался стремительный натиск. Но осадные бригады составляли китайцы, а большую часть конницы — тюрки. Армия Чингисхана становилась многонациональной. Фактически, без помощи тюркских племен, вставших под девятихвостое знамя, монголы не смогли бы долго удерживать свои завоевания.

Глава 13. Охота с орлами

И сегодня в Монголии проживает довольно значительное по численности тюркоязычное этническое меньшинство. 90 000 казахов живут в горах и западной части Баян-Улгийского аймака. Карпини и Рубрук описывали обычаи как монголов, так и тюрков, оба путешественника нередко вставляли в свои записки тюркские слова, услышанные от подданных Чингисхана. Возможно, из-за своей изолированности баян-улгийские казахи сохранили многие древние традиции, и мне хотелось встретиться с ними. Однако была одна сложность. Баян-Улгийский аймак лежал у самой границы Советского Союза и считался зоной политической напряженности. По другую сторону Алтайских гор находилась гигантская советская республика Казахстан, ее жители по расовым и языковым признакам были идентичны монгольским казахам. Правительства СССР и Монголии боялись, что однажды казахи пожелают политического воссоединения, поэтому монгольские власти опасались оставлять без присмотра путешественника-иностранца вблизи государственной границы. Я переживал, что нас могут не пустить туда, и на пути в Улан-Батор поделился своими опасениями с Доком. Мы решили взять инициативу на себя. До сих пор все чиновники Улан-Батора были столь предупредительны и так горели желанием помочь мне в изучении монгольских традиций, что я решил и в дальнейшем рассчитывать на взаимопонимание с властями. Поэтому Док просто купил три билета на 52-местный турбовинтовой самолет советского производства, который каждый день летал в центр аймака Баян-Улгий, Красивый (или Богатый) Улгий. У нас не было специального разрешения от

властей, не было ни предварительной договоренности, ни контактов в этих местах. Мы просто доверились случаю и решили посмотреть, что получится, если мы появимся среди казахов не представленными официально. В том, чтобы попасть туда без сопровождения конного отряда, было свое преимущество — между монголами и казахами царило взаимное недоверие. Последних часто рассматривали как потенциальных перебежчиков. Кроме того, монголы боялись, что казахи отделят Баян-Улгий от страны, и не любили работать с ними вместе. Казахи имели репутацию неутомимых и старательных тружеников, которые, если добирались до какой-то работы, стремились занять лучшие места. В свою очередь, казахи считали, что монголы их притесняют, не допуская в состав правительства. Даже добродушный Байяр делал мину, говоря о казахах, а Делгер, слышавший, что они едят конину, считал, что если им дать хоть полшанса, они тут же сожрут монгольских лошадок.

Второго августа Док, Пол и я на протяжении четырех часов летели от Улан-Батора строго на запад, поглядывая сверху на те места, которые мы проехали верхом. Залитые водой равнины вблизи столицы уступили место горному ландшафту Хангая, затем горы незаметно сменились степями и наконец пустыней Гоби — мрачной местностью, изрезанной низкими горами и пересохшими руслами рек. Озеро возникло совсем неожиданно. С высоты 20 000 футов оно казалось желто-коричневым, каким на картах обычно обозначают незаселенные низменные полупустыни. Не было видно никаких поселений, кроме одинокого гыра на 30–40 миль. Изредка попадалась гора или долина с легким зеленым налетом, означающим скудную растительность. В таких местах гыры стояли рядом, по восемь-девять, теснясь у самого обрыва.

Столица Баян-Улгийского аймака оказалась довольно растянутым в размерах городком, стоявшем в пыли на камнях. Двадцать тысяч жителей, немного красот — обычная утилитарная архитектура, представленная четырехэтажными жилыми домами и правительственными зданиями. Здесь тоже имелись пригороды из палаток с деревянными палисадниками. С востока и юга город сжимали дикие Алтайские горы. Обычно название города просто сокращают до «Улгий», и, сказать по правде, ничего «красивого» или «плодородного» там нет. Как не было и людей на его улицах, когда мы прибыли хмурым, пасмурным днем. Девяносто процентов населения разъехались провести лучшую часть короткого лета в окрестные горы, покинув безликие городские бульвары. Они вернутся к середине августа.

Первым транспортом, который нам встретился, был джип с советскими номерами, всего пару часов назад пересекший границу, из Горно-Алтайского края. Если водитель и пассажиры надеялись походить по заграничным магазинам, их ждало разочарование. В немногих имевшихся в городе магазинах почти не было товаров. В первом, куда мы зашли, имелась всего дюжина наименований, в том числе дешевые расчески, китайские пластиковые куклы и почему-то десяток старомодных фотоувеличителей, выставленных пыльной шеренгой. Соседний бакалейный магазин предлагал водянистое клубничное варенье, бесчисленные бутылки зеленовато-желтого лимонада и лоток, на четверть заполненный черствыми буханками хлеба. Мы собирались заpastись продуктами для себя и подарками для казахов, поэтому купили пачку китайского чая в разноцветной обертке, пачку кускового сахара и карамелек. В кассе не было мелочи, поэтому на сдачу нам из другого деревянного лотка набрали чернослива и сушеных яблок. Сухофрукты поставляются из-за

границы, из самого Казахстана. Мы поглядели на невыразительное клубничное варенье и с презрением его отвергли, хотя три дня назад нам сошло бы любое варенье, так хотелось есть.

Чтобы взять напрокат джип, понадобилось три дня терпеливо вести переговоры с городской администрацией. Как и повсюду в Монголии, машин здесь крайне мало, большая их часть принадлежит правительственным организациям, и без того не богатым. Столичные чиновники смотрели на эту провинцию как на край света, и средства ей выделялись самые скудные. Зато, оказывается, Улан-Батор не вмешивается в большую часть дел Баян-Улгия, предоставляя казахам некоторую самостоятельность. Поэтому казахи очень гордятся тем, что хранят свои обычаи и язык. Есть здесь и газеты на казахском языке, и казахская радиостанция, строится даже казахский театр, а маленький, но претенциозный музей восхваляет казахские достижения. Даже городская гостиница «Кош келдиниз» («Добро пожаловать») носит казахское название, крупно написанное над входными дверями.

Нам очень повезло — Док встретил старого друга-казаха, с которым познакомился в Москве, когда они оба работали в Совете экономической взаимопомощи, экономической организации стран Восточного блока. Даже в путанице отношений восточных стран кто бы мог предположить, что казахский инженер и монгольский кардиолог будут приглашены в Москву, в службу разработки международных экономических программ — работу, для которой у них не было ни квалификации, ни желаний? Зато, благодаря этому случаю, они подружились. Так в Улгие появился человек, который мог замолвить за нас словечко, и на четвертый день мы выехали из города на джипе, собранном из запчастей, и направились к Алтайским горам.

Если горы Хангая в мае казались безжизненными, то предгорья Алтая в начале осени выглядели еще более пустынно. Наш шофер-казах уверял нас, что на нижней части горных склонов сейчас никто не живет, потому что эти пастбища берегутся на зиму. Но, глядя вокруг, с трудом верилось, что тут что-то бережется. Казалось, здесь вообще нет никаких пастбищ, только чахлая травка, песчаная почва, многомильные россыпи гравия, да редкие пересохшие русла речек.

Проехав 12 миль, мы остановились в маленьком поселке, чтобы подобрать Ходжанияза, брата друга Дока. Ходжанияз должен был познакомить нас с казахскими кочевниками. Он оказался человеком медвежьего телосложения с характерным лицом тюркского типа. Его карие глаза были гораздо круглее, чем у монголов, кожа светлее, челюсть шире, а переносица выше, и он нисколько не походил на аратов, которых мы видели прежде. Никто не принял бы его за монгола, даже если бы он не носил на макушке бритой головы казахскую шапочку со светлым узором по краю.

Ходжанияз сразу согласился проводить нас к своему казахскому другу, пасшему стада высоко в горах, у самой советской границы. Он пообещал, что этот друг покажет нам, как живут казахи.

Остаток дня старенький джип тащил нас в горы. Мы взбирались на крышу Средней Азии, местность для европейских туристов такую далекую, что вряд ли здесь бывал хоть один из них. Ближе к вечеру нам открылся вид на нагромождение гор, которые местные жители зовут Пять Священных Гор. Одна из них, гора 15 000 футов высотой, укрытая снежной шапкой, указывает на место, где смыкаются государственные границы Монголии, Китая и Советского Союза. Некоторые советские географы именуют это место «Водоразделом мира», который разделяет реки, текущие к Арктике и те, что орошают Среднюю Азию. Наш путь занял еще два

часа, а затем, уже в сумерках, мы увидели первые казахские юрты, уютившиеся в высокогорной долине.

На первый взгляд они выглядели такими же войлочными шатрами, как и монгольские гыры. Но даже в сумерках мы с Полом быстро усмотрели различия. Казахские юрты имели другой профиль. Они выше и легче, конус крыши более заострен, и вообще, они были просторнее типичных монгольских гыров. Но если войти в казахскую юрту, различия становятся просто ошеломляющими. До дома Камрана, друга Хожданияза, мы добрались почти в полночь, потому что он решил поставить свою юрту в дальнем конце долины. Это был шатер, крайний к границе. Несколько раз нам пришлось останавливаться и спрашивать дорогу. Один раз мы спрашивали у семьи, в которой на привязи держали пойманного волчонка. Когда мы наконец добрались до юрты Камрана, из темноты вынырнула неясная фигура и приветствовала нас, приглашая внутрь. У Камрана был генератор, и, войдя в юрту, он его запустил. Загорелась одинокая лампочка, висевшая по центру, и осветила внутреннюю обстановку.

Внутри не было ни одной неукрашенной поверхности. Полотна между потолочными балками были раскрашены красным и черным, между балками висели и переплетались длинные цветные ленты. Пол покрывали толстые ковры белого войлока с узорами в виде оленьих рогов по краям. Хозяйственные ящики были окрашены в светлые тона и отливали металлическими вставками. Вышивка покрывала все мыслимые места. Вышитые подушки, покрывала, вышитые полотна стен, вышивки на стенах... Кровати у стен казались маленькими меховыми афишными тумбами — все стены возле них были увешаны вышивками. И нигде узоры не повторялись. Там было такое множество цветов и оттенков, фигур и завитушек, птичек, цветов, лошадей, абстрактных изображений и

просто набросков! Все это изобилие и богатство убранства впечатляло тем более, что жена Камрана каждый стежок сделала сама. Таковы традиции — казахская женщина не должна украшать свой дом ничем дареным или купленным. Когда казашка впервые выходит замуж, она переезжает в пустую юрту и за время семейной жизни должна показать свое умение и вкус, украшая жилище. И в этом жене Камрана не было равных.

Сам Камран был взволнован прибытием таких неожиданных гостей. Мы оказались первыми европейцами, которых он увидел, и я уверен, что мы были вообще первыми, кто поднялся так высоко в горы, чтобы навесить его в летней юрте. Все же он постарался встретить гостей максимально учтиво и устроить их с наибольшим удобством. Мы отнесли к разнице между обычаями монголов и казахов то, что Камран был главой своей семьи в гораздо большей степени, чем монгольский табунщик. Но уважительное отношение и высокий статус не мешали ему при этом быть хорошим хозяином. В отличие от замкнутых аратов, он хлопотал вокруг нас, выясняя, хорошо ли мы устроились, расспрашивал о новостях, делал комплименты Ходжаниязу.

Затем, пока жена готовила еду, мы сидели или полулежали на толстом светлом войлоке с красной, фиолетовой и желтой вышивкой, а Ходжанияз пел. Оказалось, что наш гид — почти профессиональный певец. Он достал двухструнную домбру и энергично забренчал на ней, мешая народные казахские напевы с популярными песнями из казахских и монгольских фильмов. Давно прошла полночь, когда супруга Камрана подала нам еду, и снова я поразился отличиям от обычаев монголов. Снова мы ели баранину, но на сей раз мясо было нежным и благоухало приправами. Перед едой тарелки начисто вымыли в горячей воде, что редко

приходилось видеть в монгольских гырах. И последнее поразительное отличие — никто не предлагал шимин. Мы запивали еду молоком яка. Хотя казахи и живут в коммунистической Монголии, вдали от проповедников ислама, они разделяют мусульманское предубеждение против алкоголя. Они не перегоняют архи и не пьют самогон.

В два часа ночи мы почувствовали неодолимую усталость. Камран с женой настелили шестидюймовый слой войлока. На него улеглись в ряд Ходжанияз, Пол, Док, я и шофер, затем наши хозяйка укрыли нас толстым слоем тяжелых войлочных одеял. По краям, где к телу подбирался ледяной воздух, они подложили вышитые подушки, устроив из нас этакий бутерброд. Так мы и заснули.

Четыре часа спустя я проснулся и стал разглядывать разноцветный потолок юрты. Дневной свет пробивался в щели вокруг двери и у пола и казался необыкновенно ярким. Высокие потолочные балки были тоньше и длиннее, чем в монгольском гыре, они дрожали и поскрипывали на сильном ветру, как такелаж легкого судна. Было страшно холодно. Пожилой казахский шофер крепко спал рядом. Он был прекрасным гидом и, казалось, находил друзей в любой юрте, но сейчас он громко храпел, и изо рта у него плохо пахло, поэтому я решил вставать. Выбравшись из человеческой кучи, я натянул башмаки, тихо подошел к двери, толкнул ее и замер.

Мир за дверью оказался ослепительно белым. Теперь стало ясно, почему лучики света, проникавшие в юрту, казались такими яркими. Ночью над Алтаем пронеслась ранняя снежная буря и принесла от трех до четырех дюймов снега. И если мы за ночь не заметили перемену погоды, то устройство казахской юрты можно только похвалить. Рядом, в тридцати ярдах, стадо яков сбилось в кучу, защищаясь от ветра. Снег на шкурах смерзся в

сосульки. Черные пятна фыркающих зверей ярко выделялись на сверкающей белизне свежего снега. Дальше лежало белое полотно долины под голубым небом с редкими завитками высоких перистых облаков. Ветер гонял поземку, будто по долине пробегали белые ручьи. Стояла первая неделя августа, а в горах Алтая уже выпал снег. Это первый сигнал для кочевников — пора думать о перегоне стад и табунов на нижние пастбища.

Прошлой ночью, в темноте, трудно было оценить, насколько высоко мы забрались. Но теперь, глядя на ослепительный снег, чувствовалось, что мы стоим на самом коньке крыши Средней Азии. Палатка Камрана находилась у верхнего края долины, почти возле гор водораздела. Сразу за нами высилась огромная скала, как контрфорс великой вершины. Накануне вечером Камран сетовал на небольшой недостаток этого «окна» на запад. «Русские», — сказал он. Мы находились всего в паре миль от советской границы. Никто из монгольских чиновников не знал, где мы пропадем без их присмотра. Это была земля казахов, и казахские кочевники ходили по ней, как им было угодно.

Чуть ниже стояла еще одна юрта, третья — примерно в четверти мили, в стороне. Через полчаса я увидел, как из них стали выходить казашки. Очевидно, внезапный снегопад не внес никаких перемен в их повседневные заботы. Женщины облачились в толстые теплые одежды и валенки и замотали головы большими шерстяными платками. Они принялись бить и толкать недовольных яков, привязывали самок и доили их. Ветер усилился, поднимая маленькие снежные вихри и бросая пригоршни снега в работающих женщин. Они сидели на маленьких стульчиках, наклоняя головы к заледенелым ячьим бокам, чтобы снег не сыпал в глаза, и продолжали работать голыми руками.

Кожу пощипывал крепкий морозец. Из дальнего шатра вышел пожилой пастух и побрел в мою сторону. Его одежда, похоже, была обычной для казахов — длинный черный кафтан рубчатой ткани с широкими полами, закрывавшими пятки. Подбитая одежда защищала пастуха от ветра, на голове его была традиционная казахская шапка. Когда-то светло-малиновый, шелк со временем вылинял до цвета розовой вишни. Шею с боков и уши защищали боковые отвороты шапки, а сзади прикрывал еще один прямоугольный отворот. Вся шапка была оторочена мехом с лисьих лап. Сшитая вручную, она смотрелась очень аккуратно. Старый пастух выглядел исхудалым и почерневшим на белом снегу. Должно быть, его стадо убежало во время ночного бурана, и теперь он стоически брел искать своих зверей. Его фигурка становилась все меньше и меньше и наконец совсем затерялась на просторах долины.

Позади меня Камран, выходя из юрты, толкнул ее красную дверь. Он был одет в такой же кафтан и красную шапку, но на ней красовались несколько серо-коричневых перьев. Это были перья совы, талисман. В руках он держал седло и вожжи и направлялся к лошади, которую на ночь привязал к колышку на дальнем склоне. Он собирался объехать окрестности и посмотреть, как его табун перенес эту ночь, а затем перевести животных через гору, поближе к юрте. Чуть позже я увидел, как он скачет вниз по каменистой осыпи, гоня перед собой дюжину казахских лошадок. Они мало отличались от монгольских, возможно, чуть поизящнее сложены и тоньше в кости.

В середине дня, когда снег начал таять, от нижних юрт долины прискакали два казаха. Они прослышали о гостях Камрана и пришли отдать дань уважения искусству Ходжанияза. Они прослышали также, что я интересовался, нет ли в долине охотников с орлами.

Каждый из них являл собой величественное зрелище, скача по свежему снегу с громадным беркутом на правой руке.

Карпини, Рубрук, Марко Поло — все средневековые путешественники отмечали страсть монголов к соколиной охоте. Согласно «Сокровенному сказанию», именно так Есугэй-багатур, отец Чингисхана, охотился в долинах возле Бурхан-Халдуна. Знаменитый «дворец наслаждения» Шанду был окружен естественным парком, в котором Хубилай, внук Чингисхана, любил охотиться с хищными птицами. Рубрук писал о своем монгольском хозяине:

...У них в изобилии имеются кречеты, которых они носят на правом плече. На шею каждой птицы надет маленький ремешок, свисающий по середине груди. Когда птицу натравливают на добычу, ее удерживают за этот ремешок, чтобы не снесло ветром.

Беседуя с Рубруком, хан Мунке ласкал свою любимую охотничью птицу, а когда путешественники гостили в Каракоруме, они утверждали, что самым желанным и ценным подарком там считался кречет из царской соколятни.

До сих пор Монголия славится ловчими птицами. В степях, в Хангае и Хэнтэе мы сотни раз видели диких соколов и ястребов. Коршуны кружили над нашей палаткой в ожидании объедков. В горах обитает беркут, похожий на европейского геральдического орла. Полуофициальный монгольский список упоминает также сапсана наряду с такими «международными» видами, как крысы, мыши, воробьи и комнатные мухи. Но сегодня монголы забросили соколиную охоту и оставили давние традиции казахам.

Ловчие орлы смотрелись величаво. Каждая из птиц ростом была с туловище человека и весом в 13-14 фунтов. Для таких тяжелых птиц всадники использовали маленькие деревянные подставки под руку, крепившиеся к седлу. На руку надевали массивную подбитую рукавицу. Орлы в колпачках тихо покачивались в такт движению лошади, поворачивая голову на каждый новый звук. Когда всадники спешили, орлы стряхнули оцепенение и принялись махать крыльями, сохраняя равновесие. Размах их крыльев достигал 5-6 футов, они издавали высокие, резкие крики. Камран вскочил на ноги и тоже принес своего орла, который ночью сидел неподалеку, на скале. Он предложил мне подержать птицу. Я надел тяжелую рукавицу, и на нее посадили огромную птицу. Я почувствовал сильную хватку мощных когтей даже сквозь толстую подбивку рукавицы. В футах от моего лица орел нервно повернул голову, склонил ее, показывая хищно изогнутый клюв — великолепное орудие, пригодное для того, чтобы бить и рвать добычу. Громадную птицу насторожило, что ее посадили на руку к чужаку, но меня успокоили, надев на орла колпачок.

Казахи очень гордились своими орлами, и, хотя сезон охоты начинается только в октябре, птицы уже находились в отличной форме. Мне сказали, что в долине живут, по крайней мере, двадцать человек, которые держат ловчих орлов, а в других поселках Алтая охотников еще больше. Осенью казахи начинают охотничьи набеги. Они скачут по замерзшим долинам, держа птиц на правой руке, в поисках естественной добычи. Чаще всего орлов выпускают на лисицу или волка, однако говорят, что самые храбрые могут напасть на леопарда или грифа.

Камран и другие охотники держались скромно. Они сказали, что натренировать птицу несложно. Охотничий инстинкт делает свое дело, с помощью терпения и

бережного отношения можно быстро приучить беркута охотиться вместе с человеком. Орлов берут из гнезда еще слетками и приручают. Когда птенцы окрепнут, их тренируют на кроликах. После этого птицы готовы к охоте. На словах все выходило слишком просто, и я спросил, есть ли в охоте с орлами какие-нибудь трудности. Чтобы поймать взрослого дикого орла, ответил Камран, требуются умение и хитрость, но это стоит потраченных усилий. Дикие орлы смелее и лучше охотятся, чем птицы, выращенные из слетков, потому что они сами учились ловить жертву. Я спросил, сколько времени требуется, чтобы обучить орла. И снова Камран не стал хвалиться. «Неделю или дней десять», — ответил он.

Казахи любят своих орлов, очень о них заботятся, но я не смог удержаться от сожаления, что этих великолепных птиц неволят, несмотря на уход и хорошую пищу. Камран будто бы услышал мои мысли. Он поглаживал своего орла, расправляя ему перья. С орла сняли колпачок, он снова сидел на плече хозяина, расправляя крылья и громко курлыча. «Этому орлу три года, — сказал Камран. — Я надеюсь, он будет охотиться еще много лет, но если ему надоест, я отпущу его обратно в горы. Когда орел стареет или устает, мы возвращаем его в горы, чтобы он снова жил на свободе».

Конечно, Чингисхан воспользовался прирожденными охотничьими навыками монголов. Групповая охота всегда позволяла им запастись мясом. В степи обитают различные виды оленей: дзерены, сайгаки с их странными носами, кабарга. Бегают стада куланов — диких ослов, чье мясо съедобно, но приблизиться к осторожным и быстрым куланам очень непросто. Некоторые охотники преследуют добычу или подкарауливают ее в засаде у водопоя, но чаще всего используется метод облавы. «Изрядную часть своей пищи они добывают на охоте, — писал Рубрук. —

Охотясь на диких зверей, они собираются большим числом и окружают место, где, как известно, водятся звери. Наездники постепенно съезжаются, пока животные не оказываются заключены в тесный круг. Тогда их расстреливают из луков».

Чингисхан превратил мелкие охотничьи облавы в широкомасштабные военные учения, принимать участие в которых был обязан каждый взрослый мужчина. В начале действия конные разведчики оценивали размеры стада и расстояние до него, а главный охотник определял место забоя животных, которое могло находиться за сотни миль от точки старта. Затем рассылались отряды всадников, образуя фронт в 75 миль шириной. Всадники ехали, убивая на своем пути все живое и гоня животных перед собой.

Дисциплина и согласованность были абсолютными. Лисы и даже волки, встреченные на пути, считались честной добычей. Гонка могла продолжаться недели, а то и месяцы. По ночам выставляли часовых, следивших, чтобы ни одно животное не выскочило из оцепления. Охотников, которые позволяли уйти хотя бы зайцу, жестоко наказывали. Согласованность действий позволяли улучшить сигналы, разведка, маневры, определенная скорость продвижения. На поле боя монгольский воин ценился не только за личную силу и храбрость. Он привык соотносить свои действия с действиями соратников и воевать в составе подразделения, что во много раз повышало его возможности во время сражения.

Постепенно животных сгоняли к полю для финальной бойни, где сам каган пускал первую стрелу в массу перепуганных животных. Это был сигнал к началу избиения. Монголы убивали не всякое животное, попавшее в западню. (Будто эхом этих обычаев звучат слова казахов об уважении к орлам.) Когда каган считал, что жертв уже достаточно, он приказывал остановить

расстрел, и цепь размыкали, выпуская на волю
выживших.

Глава 14. Черная Смерть

Согласно «Сокровенному сказанию», среди монгольских племен, обитавших вблизи Бурхан-Халдуна во времена Чингисхана, жил народ под названием урианхай. Рубруку рассказывали о них как о людях, надевающих на ноги отшлифованные кости и ездивших на таких «лыжах» по льду и снегу. Сегодня этот народ составляет всего 1 % населения Монголии, он знаменит своими традиционными песнями и танцами. Их горловое пение хууми звучит очень зловеще, исполняется дребезжащим голосом, который требует большого напряжения, поэтому исполняют эти песни обычно мужчины. Различные звуки получаются напряжением губ, горла, груди и живота, возникает эффект одновременного звучания нескольких голосов, в которых слышатся клочкотание потока и завывание ветра в горах. Во время бешеных танцев исполнитель трясет руками и плечами. Группы полукочевых урианхаев живут в Баян-Улгийском аймаке вместе с казаками. По моей просьбе шофер пообещал свозить нас к их стойбищу, которое находилось неподалеку от китайской границы.

Он вез нас через самые безрадостные места Алтая. Покинув охотников с орлами и Ходжанияза, мы начали долгий медленный подъем через ряд каменистых долин. Скалы отливали унылым аспидным цветом. Где не было зазубренных утесов, открывался вид на неровное, холмистое пространство, через которое прокладывали дорогу лысые покрышки джипа. Путешествовать на этой развалюхе было не так романтично, как на лошади, зато мы могли гораздо эффективнее прочесать местность в поисках урианхаев, которые казались неуловимыми. Эта местность и в лучшее время года была негостеприимна, а теперь здесь и вовсе не попадалось признаков жизни.

В том месте, где шофер рассчитывал встретить урианхаев, не оказалось ни единого кочевника. Вокруг скалистого выступа на склоне горы лежали туши 15–20 овец. Они лежали рядком, будто трава на покосе, словно животные внезапно попадали и умерли. Они могли бы погибнуть от болезни, но пустая долина и голые склоны рассказали другую историю. Дожди в Монголии — явление локальное, и когда через стойбище Камрана прошел буран, здесь, в долине, случился жестокий потоп. Наш шофер предположил, что кочевники попросту ушли с гибнущих пастбищ, на которых смыло тонкий слой плодородной земли вместе с травой, и отправились выше в горы. И мы тоже двинулись дальше.

Наконец мы добрались до перевала и по другую сторону от него обнаружили широкую котловину. В этом месте легко опознавался кратер потухшего вулкана. На темно-серых крутых склонах растительность отсутствовала. Только скалы, щебенка да острые выступы породы. На дне котловины виднелось мелкое озерцо со стоячей водой. Кайма из разохшейся грязи показывала, что вода отступает, что озеро когда-то было вдвое больше, чем сейчас. На дальней стороне долины на склоне проступали еле заметные зеленые оттенки. На одном из таких пятен толпились коровы и лошади, объедая скудные поросли травы. Еще выше по склону стояло с полдюжины войлочных шатров, не таких высоких, как казахские юрты. Значит, это и были гыры урианхаев.

Мы съехали к озерцу, миновав двух урианхайских табунщиков, угрюмо гнавших маленький табун изнуренных лошадей по плоскому дну котловины. От озера нас отделяло 700–800 ярдов, когда Док вдруг крикнул шоферу, чтобы тот остановился. Когда машина встала, Док велел осторожно ехать назад. Он достал платок, закрыл им нос и принялся с беспокойством высматривать что-то сбоку от машины. «Теперь стой!

Стой! — крикнул он. — Дальше не двигайся!» А потом указал свободной рукой на то, что казалось по размеру могильным холмиком, а по форме напоминало кротовью горку с норой посередине. Сперва я не мог разобрать, на что он показывает, но потом заметил, что в норе что-то движется. Сперва мне показалось, что это дохлая лисица, — ветер ерошил длинный, красивый рыжий мех. «Это сурок! Он умирает», — сказал Док.

Я не мог понять, почему он так волнуется. Это и в самом деле был сурок, свернувшийся у своей норы, возможно, уже мертвый или умирающий. Но сурки здесь не являются чем-то особенным. По всей Монголии мы видели сотни и сотни этих зверьков. Эти степные грызуны размером с небольшого барсука обычно стояли столбиками, когда мы проезжали мимо, свистом предупреждая сородичей, и долго наблюдали, как мы удаляемся. Лишь убедившись, что опасность миновала, они прыгали в свои глубокие норы. Сурки для пущей безопасности кормятся на удалении от своих нор, пробираясь под землей и делая вылазки на поверхность, чтобы подышать, как киты, идущие под паковыми льдами. Пржевальский оставил хорошее описание тарбагана, как называют его монголы:

Из животного царства характерным явлением этой степной части Забайкалья служат байбаки, или, по-местному, тарбаганы, небольшие зверьки из отряда грызунов, живущие в норках, устраиваемых под землей. Впрочем, большую часть дня, в особенности утро и вечер, эти зверьки проводят на поверхности земли, добывая себе пищу или просто греясь на солнце возле своих нор, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. Застигнутый врасплох, тарбаган пускается бежать что есть духу к своей норе и останавливается только у ее

отверстия, где уже считает себя вполне безопасным. Если предмет, возбудивший его страх, например человек или собака, находится еще не слишком близко, то, будучи крайне любопытен, этот зверек обыкновенно не прячется в нору, но с удивлением рассматривает своего неприятеля. Часто он становится при этом на задние лапы и подпускает к себе человека шагов на сто, так что убить его в подобном положении пулей из штуцера для хорошего стрелка довольно легко. Однако, будучи даже смертельно ранен, тарбаган все же успеет заползти в свою нору, откуда его уже нельзя иначе достать, как откапывая. Мне самому во время проезда случилось убить несколько тарбаганов, но я не взял ни одного из них, так как не имел ни времени, ни охоты заняться откапыванием норы.

Русские вообще не охотятся за тарбаганами, но буряты и тунгусы промышляют их ради мяса и жира, которого осенью старый самец дает до пяти фунтов.

Мясо употребляется с великой охотой в пищу теми же самыми бурятами и тунгусами, а жир идет в продажу.

Добывание тарбаганов производится различным способом: их стреляют из ружей, ловят в петли, наконец откапывают поздней осенью из нор, в которых они предаются зимней спячке.

Однако такое откапывание дело нелегкое, потому что норы у тарбаганов весьма глубоки и на большое расстояние идут извилисто под землей. Зато, напав на целое общество, промышленник сразу забирает иногда до 20 зверьков.

Однако сейчас Док смотрел на тушку сурка как на кобру, готовую броситься на человека. Я ничего не мог понять. В конце концов всего две недели назад мы с Делгером и Байяром ели запеченного сурка.

— Не выходите из машины! — предупредил Док. — Оставайтесь на месте! — Его голос глухо звучал из-под платка. — Этот сурок болен.

— Что это значит? — спросил я.

— Это значит, что в долине *pestes*, и мы должны предупредить урианхаев, — ответил он.

— *Pestes*? — Я припомнил свои познания в латыни. — Ты имеешь в виду чуму?

— Да! — подтвердил Док. — Чума.

Теперь стало понятно, чего Док испугался. Пол, конечно, счел его перестраховщиком и попытался выйти из машины, чтобы сделать снимки. Но Док схватил Пола за руку, я впервые увидел нашего врача по-настоящему рассерженным.

— Я же сказал — не подходи к зверю! Ты умрешь, если даже просто вдохнешь воздух около него.

Скептически усмехнувшись, Пол опустился на сиденье. Я тоже был скорее озадачен, чем напуган. Может быть, сурок и вправду пострадал от чумы — что само по себе необычно, — но я всегда считал, что чума передается блохами и другими паразитами от крыс. Впрочем, это всего лишь мнение обывателя, а Док, похоже, знал, что говорил.

Мы развернули джип и поехали назад к табунщикам. Док заговорил с ними очень серьезным тоном. Они тут же увели своих лошадей в сторону, чтобы не пройти мимо сурочьей норы. Их традиционные верования вполне согласовывались с доказанными наукой фактами, что легочная чума передается от человека к человеку воздушно-капельным путем.

Мы продолжили путь к гырам урианхаев. Те поставили маленький, довольно грязный лагерь на голой

земле, там, где склон был наиболее пологим. На вид урианхаи выглядели обычными монголами, а лагерь производил впечатление временного пристанища. Ему было не больше двух-трех дней. Я заметил, что гыры окопаны канавкой, чтобы их не заливало водой. В свете воспоминаний о недавнем потопе канавка выглядела жалко. Очевидно, прошлым вечером внезапный ливень — первый за много недель — залил шатры и промочил все имущество.

Обстоятельства складывались против несчастных урианхаев. Они рассказали, что два последних месяца продолжался жестокий потоп. Большая часть скота погибла в нижних долинах от голода, а недавно они перегнали остатки повыше в горы, надеясь найти здесь больше травы. Док рассказал им про мертвого сурка и предупредил, что эта долина может быть очагом чумы. Урианхаи приуныли еще сильнее.

— Они говорят, что это для них последний удар, — перевел Док. — Теперь им придется уходить и из этой долины и пытаться отыскать другое пастбище. Но сезон почти закончился, хороших лугов не осталось. Они говорят, что это третье несчастье.

— Я знаю о потопе и чуме, — сказал я. — А что за третье?

— Взгляни под ноги.

Я посмотрел вниз и увидел множество кузнечиков, копошащихся среди камней.

— Саранча. Она съела последнюю траву, — сказал Док.

Словно казни египетские обрушились на несчастных урианхаев, все одновременно и в одном месте.

Больше нам нечего было здесь делать. Весть о мертвом сурке словно окутала котловину тягостной пеленой. Кочевники собирались сниматься на следующее утро и уходить из гибельных мест. Доку тоже хотелось выбраться отсюда как можно скорее. Он

боялся, что скоро о чуме в этой долине прознают местные власти, и тогда весь район будет закрыт на карантин. В этом случае ему придется оставаться в этой долине, по крайней мере, еще месяц. Будет лучше, сказал он, если мы поедem дальше на запад. В этой долине урианхаи уже видели другие трупы. Умирают мелкие грызуны и скот. Я предположил, что скот умирает скорее от голода, чем от заразы, но массовая гибель мышей и крыс вполне могла быть вызвана вспышкой чумы, которая в Европе была известна как Черная Смерть.

Когда мы покинули долину, Док подтвердил мои подозрения. Он перечислил обычные симптомы болезни, которую называл словом «pestes»: высокая температура, озноб, распухшие лимфоузлы, особенно под мышками и в паху, мучительные боли, головокружение, от которого несчастные жертвы шатаются, как пьяные, и бред. Смерть наступает обычно в течение десяти дней. Признаки, перечисленные Доком, совпадали с описанием страданий жертв чумы, унесшей в Европе XIV века жизни 25 000 000 человек. Традиционно появление Черной Смерти объясняли тем, что заразу завезли в Европу на борту торговых кораблей. В действительности сообщения о первых случаях чумы появились в 1347 году. Она разразилась в войсках кыпчакского хана, правителя одной из частей распавшейся Монгольской империи. Его армия осаждала черноморский порт Каффа, когда на воинов обрушилось моровое поветрие. Тогда произошел один из первых зафиксированных в истории случаев применения биологического оружия. Хан приказал заряжать осадные машины трупами погибших от чумы и стрелять ими через стены. Чума разразилась в городе и на судах генуэзских купцов была перевезена в Европу.

Потрясающее открытие, что чума все еще живет в сердце материка, вдали от всяких портов, навело меня на мысль, вся ли вина в появлении этой болезни на Западе лежит на мышах и крысах. Французский историк Фруассар подсчитал, что от чумы тогда вымерла треть населения Европы. А были местности, в которых умерли трое из каждых четверых. До самого XVI века Европа не могла восстановить численность населения.

Болезнь, объяснил Док, вспыхивает летом, обычно в конце июля — начале августа, и продолжается до осени. Араты зовут ее «болезнью сурков», они хорошо знают, что болезнь как-то связана с гибелью сурков. Эта болезнь так заразна, что порой ее вспышка производит в летних поселениях кочевников эффект децимации, вымирают целые семьи. Она может внезапно охватить целые области страны. Традиционно сложилась особая формула предупреждения. В период эпидемии, подъезжая к подозрительному гыру, никто не спешивается, но с безопасного расстояния кричит: «Привяжите собаку! Привяжите собаку!» Если из гыра кто-либо выходит, можно подъезжать ближе. Но если из дверей шатра никто не появляется, это чаще всего означает, что обитатели гыра лежат больные или мертвые. В этом случае обычай требует повернуть коня и, ни мгновения не мешкая, ехать прочь, чтобы не подхватить смертельную болезнь. Если, по счастью, в гыре, пораженном чумой, кто-то выжил, он обязан закрыть вентиляционный клапан в потолке юрты, а конец веревки, которая обычно регулирует этот клапан, свесить так, чтобы он перекрывал дверь. Для любого гостя это — предупреждение о заразе.

Мы пробыли в этом районе два дня, подобравшись к китайской границе на пять миль. Мы были очень осмотрительны, поскольку находились в запретной зоне, но мне хотелось найти Шестую бригаду. Это не военное подразделение, а рабочая бригада сомона, полевая

группа, отправленная на летние пастбища. Я слышал, что Шестая бригада летом стоит у границы с Китаем. До Дока дошел слух, что там среди пастухов живут лекари-шаманы, но слух оказался ложным. Оказалось, это обычная казахская рабочая бригада, ходящая за стадами и табунами коммуны по голому, продуваемому всеми ветрами плато Алтая, между ледниками, спускающимися с хребта, что лежит на границе Монголии и Китая.

Возле каждой юрты виднелась скромная утварь летней жизни кочевника. Самодельные деревянные подставки для сушки творога, пара чурбанов, из которых колют щепу для растопки, склад основного топлива — ячьего кизяка — под куском брезента и несколько овчин, сохнувших на шесте. Порой рядом, на скале, можно было заметить ловчего орла. Ковер помета мог многое рассказать о здешней жизни — большие, как коровьи, лепешки яков и хайнаков, овечьи кучки размером поменьше и мелкие козьи орешки. Сюрпризом оказалось обильное присутствие морских птиц. Чайки, крачки и бакланы проделывают огромный путь вдоль русла рек, чтобы осесть в спутанном узле Алтайских гор, в самой сердцевине суши.

Всемирная организация здравоохранения, офис которой находится в Улан-Баторе, призвана контролировать распространение опасных заболеваний. На следующей неделе, когда Пол, Док и я вернулись в Улан-Батор, закончив наше алтайское путешествие, я, не теряя времени, связался с представителями ВОЗ, чтобы выяснить, как обстоит дело в современной Монголии с распространением чумы. На мой телефонный звонок представители общества отвечали уклончиво и давать разъяснения отказались. Они не смогли предоставить никаких данных и отправили меня к министру здравоохранения.

И снова Док знал, что нужно делать. Он лично был знаком с врачом, которого недавно назначили министром здравоохранения в рамках правительственных реформ. Мы направились к зданию министерства, чтобы нанести ему визит, и по пути встретили самого министра, спешившего по тротуару. Конечно, ответил он, у него найдется время, чтобы обсудить с нами вопросы, связанные с чумой.

Доктор Нимадава оказался еще одним примером монгольского администратора нового типа — образованный, решительный и прямой, он обладал к тому же здоровым чувством юмора. «Спроси вы меня год назад о чуме в Монголии, — сказал он на прекрасном английском, — я должен был бы ответить, что в нашей стране ее не бывает. Просто невозможно, чтобы такое опасное заболевание сохранилось в социалистическом обществе, которое заботится о здоровье народа уже несколько десятков лет. Чуму у нас давно победили. Но теперь, в эпоху гласности, лучше сказать правду, потому что в этом вопросе мы надеемся на помощь Запада. Да, в Монголии есть чума. Она эндемична, и мы считаем, что живая вакцина, которую мы получаем из Советского Союза, не слишком эффективна. Я читал, что на Западе существуют корпускулярные вакцины, которые лучше защищают от болезни. Если бы могли, мы прививали бы всех живущих в зоне высокого риска, как только засечем начало вспышки. Но пока очень трудно вовремя добраться до каждой семьи — в летний сезон стоянки разбросаны далеко друг от друга. Позвольте, я покажу вам масштабы проблемы».

Секретарь принесла папку с данными о чуме. Первый из документов оказался картой Монголии, на которой были обозначены области распространения чумы. Карта рисовалась на основе сообщений о заболеваниях животных и людей. Области эндемичной чумы были закрашены бледно-зеленым. Области, в которых

заболевали люди, были темно-зелеными. Светло-зеленый пояс с темными пятнами охватывал широкой полосой всю страну. Не менее 60 % территории, подвел итог министр, является естественным резервуаром чумы. Это, уточнил он, основная чумная зона.

Министр также познакомил нас со страшными подробностями. Чума относится к группе инфекционных заболеваний, которые классифицируются как очень опасные. Из-за высокого патогенного потенциала она, наряду с холерой и желтой лихорадкой, требует карантина. В сущности работа министерства сводится к отслеживанию случаев чумы и составлению списка мест, где отмечены заболевания.

Проблема в том, что этой болезни почти невозможно противостоять — она располагает едва ли не бесконечным ресурсом в виде огромных колоний грызунов. Ее переносчиками являются сурки, «степные собачки», похожие на луговых собачек североамериканских прерий, обычные крысы и мыши. Даже хомячки и тушканчики ей подвержены. Все эти животные обитают в норах и на зиму впадают в спячку, поэтому болезнь может распространяться от норы к норе, не выходя на поверхность. Еще Пржевальский отмечал, что сурки живут плотно населенными колониями. Лучшее, что может сделать министр здравоохранения, — это каждую весну посылать полевые команды в те места, где ранее отмечались вспышки чумы. Специалисты должны отстреливать или отлавливать животных и проводить анализы на предмет выявления у них болезни. Если пробы положительные, объявляется локальное предупреждение и принимают особые меры, в частности запрещается охота на сурков. Но конечно, страна слишком велика, чтобы таким методом взять болезнь под полный контроль. Всегда могут оставаться невыявленные очаги, а многие табунщики, кочующие на большом отдалении от

центров, просто не могут получить предупреждение. Городское население предупреждают об угрозе чумы по телевидению, передаются заставки с изображением больного сурка, перечеркнутого грозным крестом. Но у табунщиков нет телевизоров.

Министр привел совсем свежий, убийственный пример того, насколько легко может случиться катастрофа. В начале прошлого месяца мальчишка из пастушьей семьи взял сурка, которого поймала его собака. Он принес сурка родителям, которые решили пустить зверя на мех и освежевали. Через неделю несколько членов этой семьи начали страдать от лихорадки и жестокой головной боли. Но вместо того чтобы сообщить властям о болезни, они решили ее скрыть, поскольку сурок был добыт не в сезон и они боялись наказания. В результате болезнь охватила группу из трех гыров, в которых обитало семейство. Из пятнадцати человек, живших в этих гырах, заболели одиннадцать, а из заболевших пятеро умерли.

— Вот насколько опасно и заразно это заболевание, — подвел итог министр. — Обычно инкубационный период составляет пять дней, потом начинается жар, а вскоре после этого наступает смерть. Если первые два-три дня больного не лечить антибиотиками, сульфамидами, исход почти всегда смертельный.

Самые тяжелые за последнее время вспышки чумы случились в 1910 и 1911 годах, когда по всему северному Китаю прокатилась «маньчжурская чума». Погибли 60 000 человек. Скорее всего, погибших было гораздо больше, просто неразвитые средства коммуникации не позволили получить полные данные. «Маньчжурская чума» была той самой Черной Смертью или *pestes*; исследования показывают, что начиналась она в Монголии, а в Китай попала по караванным путям. Русский бактериолог Д. К. Заболотный (1866–1929)

исследовал динамику распространения этого заболевания и подтвердил, что его переносчиками были суслики, сурки, мыши и крысы и что оно передавалось от животных с насекомыми-паразитами, которые кусали сперва больных зверьков, а потом людей. «Маньчжурская чума» распространялась со скоростью пожара потому, что эта инфекция передавалась еще и воздушно-капельным путем. Затем была вспышка 1947 года во Внутренней Монголии, когда из 30 000 заразившихся 23 000 погибли.

— Вы можете утешаться мыслью, — что съев мясо сурка, заразиться чумой нельзя, — грустно улыбнулся доктор Нимадава. — Я надеюсь, вы его хорошо сварили?

Часть фольклора на тему чумы основана на точных наблюдениях. Задолго до исследований Заболотного простой арат знал, что виновником болезни является сурок. Фактически, монгольское название чумы означает «сурочья болезнь», а ее описание известно со времен Чингисхана. Любой монгольский пастух знает о связи между чумой и мертвыми сурками, а обилие птиц-падальщиков, поедающих трупы зверьков, служит тревожным знаком, сигналом обойти стороной опасные места. Ни один охотник на сурков не тронет зверька, если тот выглядит вялым и есть хоть малейшее подозрение, что у него проявляются первые признаки болезни. По этой причине очень интересен традиционный метод охоты на сурков. Охотники надевают поверх обычного костюма белое и берут белый флажок. Этим флажком они машут возле сурочьей норы. Здоровый активный сурок тут же встанет столбиком и будет наблюдать за странным явлением, которое движется к нему. Любопытного зверька завораживает движение и хлопанье флажка, и любопытство стоит ему жизни. Охотник подбирается на расстояние полета стрелы и убивает жертву, уверенный, что добыл здорового зверька. «Но теперь, — грустно продолжал

министр, — времена изменились. Горожане выезжают на джипах и просто отстреливают сурков с машин, из духовых ружей, совершенно не думая, здоровы они или нет. Как в случае с тем мальчиком, семья которого заразилась, часто собаки ловят больных сурков, у которых не хватает сил убежать».

Затем министр упомянул об одной любопытной детали. Работники здравоохранения регулярно анализируют образцы бациллы, взятые у больных животных. Оказывается, образцы, взятые у мышей и сусликов, менее вирулентны, чем отобранные у сурков. Чума, которую переносят крысы и мыши, относится к более мягкому типу «городской чумы», характерной для Юго-Восточной Азии. Она тоже весьма заразна, но для людей не так смертельна. И напротив, образцы, взятые у сурков, крайне патогенны. Отсюда вывод: зообиотический резервуар Черной Смерти находится скорее среди сурков, чем среди более мелких мышей и крыс.

Еще два научных свидетельства меняют стандартные воззрения о пути распространения чумы. Во-первых, выяснилось, что чумная бацилла обладает очень хорошей приспособляемостью. Она выживает в высушенной человеческой слюне на протяжении трех месяцев, а в лабораторных условиях, при пониженной температуре, может храниться до десяти лет, не теряя своих опасных свойств. Во-вторых, переносчиками болезни могут быть как животные, так и больные люди и даже блохи. К примеру, блоха, попившая крови инфицированного сурка, может сохранять смертоносную бациллу в течение месяца и дольше. Так, блоха, зараженная в октябре, может передать болезнь в марте следующего года. Зараза также передается от человека к человеку с распыленными в воздухе выдыхаемыми каплями, как в случае «маньчжурской», легочной

разновидности, и с паразитами, которые кусают сперва больного человека, затем здорового, передавая бациллу.

Как заметил министр, область распространения чумы не ограничивается Монголией, но охватывает широкую полосу азиатских степей, где водятся сурки. В прошлом году в Советском Казахстане, на 1250 миль ближе к Европе, была зафиксирована смерть от чумы. В 1878 году вспышка этой болезни произошла в Нижнем Поволжье. Со времен Чингисхана сменилось лишь поколение, когда Рубрук записал: «Там водятся также много сурков, именуемых согур; они собираются зимою в одну яму зараз в числе 20 или 30 и спят шесть месяцев; их ловят татары в большом количестве». Рубрук писал также, что если монгол тяжело заболевает, он вешает над своим жилищем знак, предупреждающий других, чтобы к нему не входили. Беседуя с доктором Нимадавой, я подумал, что описания Рубрука очень напоминают те карантинные меры, которые и поныне в ходу у аратов.

В Средневековье в Средней Азии определенно свирепствовала чума. Археологи, копавшие у озера Иссык-Куль, к западу от Алтайских гор, нашли чумные захоронения начала XIV века. А в 1331 году вспышка болезни разразилась в Китае и повторилась в середине того же столетия. Историки считают, что этой болезнью была бубонная чума. Один исследователь, Макнил, предположил наличие связи между распространением Черной Смерти и экспансией Монгольской империи. Теперь я своими глазами увидел, что чума в Монголии сохранилась, что ей в культуре аратов отведено особое место. И я тоже готов сделать вывод, что свое смертоносное путешествие в Европу чума проделала больше по суше, чем по морю. Из Средней Азии в Европу заразу доставили, скорее всего, зараженные люди и их паразиты, а не крысы и мыши. Главный, неистребимый источник Черной Смерти — колонии среднеазиатских сурков. Вероятнее всего, наиболее смертоносную

разновидность этой болезни привезли в Европу монгольские войска и купцы. Так меркнет легенда о Чингисхане — разрушителе цивилизации. Его войска сеяли ужас и разрушение в двух третях известного тогда мира, но ничто не сравнится с тем кошмарным наследием, от которого они сами же страдали. Несомненно, Черную Смерть в Европу принесли монголы и их союзники.

Глава 15. Шаманка

Безрезультатно встретившись с Шестой бригадой у китайской границы, я не оставил попыток найти настоящего шамана. Хотя я считал, что шаманизм в его изначальном виде давно канул в историю, вера в духов, населяющих землю, небо, горы, ручьи, леса и ветра, и общение с ними были широко распространены в Монголии до прихода к власти коммунистов. Я уделял внимание даже самым неправдоподобным слухам. Мне казалось, что если шаманы все-таки существуют, они должны быть последними реликтами мира, каким тот был во времена Чингисхана.

Шаманизм лежал в основе монгольской экспансии. Монголы утверждали, что Тенгри — верховное небесное божество — повелел Чингисхану покорить мир. По этой причине Чингисхана самого считали шаманом. К примеру, когда он узнал об уничтожении своего каравана в Отраре, то на три дня ушел в горы — типично шаманский прием для общения с духами. Будучи священниками, Карпини и Рубрук писали о множестве шаманов (правовещателей, как они их называли, хотя описывали как спиритистов и заклинателей), собравшихся при дворе и почитавших изображения предков повелителя. В частности, Рубрук описал, как работает шаман на стойбище:

Эти прорицатели находятся всегда пред двором самого Мангу и других богачей. Ибо у бедных их нет, за исключением принадлежащих к роду Чингиса. И, когда они должны ехать, эти прорицатели предшествуют им, как облачный столб сынам Израиля, и они выбирают место, где разбить лагерь, и затем первые снимают свои дома, а за ними весь двор. И затем, если

наступает праздничный день или первое число месяца, они извлекают вышеупомянутые изображения и ставят их в порядке вокруг в своем доме. Затем приходят сами Моалы и вступают в тот дом, кланяются этим изображениям и чтут их. И в этот дом нельзя входить ни одному чужестранцу. Один раз я хотел войти, но меня очень жестоко выбрали.

Благодаря своему любопытству, Рубрук оказался единственным европейцем, сколько-нибудь детально описавшим действия древних монгольских шаманов, и от его рассказов остается впечатление смеси оккультизма с шарлатанством. Главный шаман исполнял к тому же роль придворного астролога и предсказывал солнечные и лунные затмения. Во время самого затмения все население пряталось в горах и с помощью барабанов и различных инструментов производило ужасный грохот, предположительно отпугивая злых духов. Когда затмение заканчивалось, все вылезали наружу и устраивали грандиозный праздник. Когда кто-нибудь умирал, шаманы проводили церемонии очищения, пронося имущество умершего между двух огней, чтобы очистить его от зла. Они председательствовали на больших празднествах, особенно на великом празднике Молока Первой Кобылицы, который по сей день отмечают 9 мая. В этот день со всех табунов собирают белых кобыл, благословляют их и получают первый в сезоне айрак, который разбрызгивают в воздухе. Рубрук верил, что шаманы могут воздействовать на погоду, а если кто-нибудь заболел, с ними советовались как с целителями. Рубрук описывал один случай, который выглядит откровенным шарлатанством. Знатную монголку донимала стреляющая боль в разных частях тела. Вызвали прорицателей и они, сидя издалека,

приказывали одной из девушек положить руку на место боли и сорвать то, что она найдет. Тогда та вставала, делала так и находила у себя в руке кусок войлока или какую-нибудь другую вещь. Затем они приказывали положить это на землю; когда девушка полагала вещь, то та начинала ползти, словно какое-нибудь живое существо. Затем вещь клали в воду, и она будто бы превращалась в пиявку.

Рубрук также утверждал, что шаманы напрямую общаются с демонами. Он слышал рассказ о том, как «некоторые из прорицателей также призывают демонов и созывают тех, кто хочет иметь ответы от демонов, ночью к своему дому, полагая по середине дома вареное мясо; и тот хам, который призывает, начинает произносить свои заклинания и, держа барабан, ударяет им с силой о землю. Наконец он начинает бесноваться, и его начинают вязать. Тогда демон является во мраке, и хам дает ему есть мяса, а тот дает ответы». Сам Рубрук этой сцены не наблюдал, потому что если на встречу с демоном придет христианин, демон усядется на крыше жилища и примется кричать, что не может войти.

Хотя мы и держались от урианхаев на благоразумном расстоянии, опасаясь заразиться чумой, я надеялся, что в таком захолустье шаманизм мог сохраниться. Шаманы-правовещатели активно подвизались в начале XX столетия при дворе Пу И, последнего императора Китая. В Улан-Баторе я прослышал об одной женщине-шаманке, которая живет где-то на Алтае, в провинции Баян-Улгий. Она заслужила славу провидицы. Много лет назад (около двадцати) к ней приезжал известный монгольский поэт. Позже он написал о ее могуществе. Считается, что ей известны древние обряды, что она умеет предсказывать будущее и может лечить болезни. Но жива ли она еще и где ее искать, не мог сказать никто. Оставалась последняя надежда — расспросить местных жителей.

Первая ниточка, которая протянулась из города Улгий, ни к чему не привела. Это там мне говорили о Шестой бригаде, в которой якобы есть шаманы. Пусть эта информация и не подтвердилась, зато наша дорога пролегла через Ценгел — маленький поселок у подножия гор, где царила обстановка фронта Дикого Запада. В поселке мы увидели, конечно, не трапперов в оленьих шкурах, а седых казахов в отороченных мехом шапках розового атласа и длиннополых кафтанах, гулявших по «Мэйн-стрит» и ведущих в поводу своих пони, навьюченных перед походом в горы мешками с мукой и провизией. Здесь Док снова принялся расспрашивать о знаменитой шаманке, и первый же ответ его обескуражил. Да, была в этой местности шаманка, но очень старая, и давным-давно не то умерла, не то ушла в горы искать уединенного места, чтобы окончить свои дни. В любом случае нам ее не найти.

Однако один факт оказался полезным. Оказалось, что эта шаманка не казашка и не урианхайка — она принадлежала к народу тувинцев. Многие этнографы утверждают, что тувинцы и урианхай — один и тот же народ, просто в разных местах по-разному называется. Казахи и монголы так не считают. Они полагают двадцатипятипятитысячный народ урианхаев, живущий в Монголии и употребляющий множество монгольских слов, монголами. Название «тувинцы» для них связано с жителями Тувинской Автономной Социалистической республики, части СССР, говорящих на тувинском языке, который относится к тюркским. Как и в случае с казахами, у меня создалось впечатление, что тувинцы, искусственно изолированные в Монголии, лучше сохранили свои древние обычаи, чем их сородичи в Советском Союзе. В истории Тувы переплелись все три способа жизни, характерных для Средней Азии: выпасание в горах овец и крупного рогатого скота, выращивание проса в долинах верховий Енисея и, на

севере, выращивание оленей, на которых ездят, как на лошадях. Но меня больше всего заинтересовал тот факт, что Тувинский край с его сибирской тайгой считается сердцем азиатского шаманизма.

Нас предупредили, что баян-улгийские тувинцы — народ скрытный и чужаков не жалуют. Однако нашелся один тувинец по имени Магза, недавно уволившийся с правительственной службы, который в ответ на наши просьбы предложил нам помощь. К счастью, наш казахский шофер, который, казалось, знал в этом районе каждого, был с ним знаком и предложил отвезти нас с Полом и Доком к стойбищу в Долину Призраков.

Тувинцы заслужили репутацию людей скрытных. Проехав полдолины, мы остановились у тувинского шатра, чтобы спросить, где найти Магзу, отставного чиновника. Приняли нас холодно. Мужчин видно не было, у юрты стояла женщина и что-то полоскала в луженом тазу. Она коротко махнула нам, предлагая зайти в гыр. Еще минут десять она нас не замечала вовсе. Затем вошла и поставила перед нами миску с черствым хлебом и кислое молоко. После этого шагнула за дверь и вернулась к своей работе, перестав обращать на нас внимания. Проявив величайший такт, Док умудрился выпросить у нее направление.

Гыр Магзы стоял на пару миль дальше, на дальнем краю степной части долины, за линией казахских юрт, что вытянулись вдоль узкого ручейка. Внутри жилище казалось полумонгольским, полуказахским. Вышивки с фигурами зверей, висевшие по стенам, были по стилю монгольскими, но на полу лежали вышитые казахские войлоки. На низком столике разложили казахский хлеб и казахский сушеный сыр, похожий на желтую пемзу, а также типично монгольский набор из кускового сахара, бисквитов и топлёных сливок. Сам Магза был скорее отстраненно-вежлив, чем приветлив. Свое отношение он объяснил так: ему надоело, что его с семьей вечно

просят надеть национальные костюмы и позировать перед объективом. Оказалось, этот малый народ за последний год попал в поле внимания прессы. Недавно в долину приезжали монгольские и японские журналисты и телевизионщики, брали интервью и всячески вступали в их жизнь. Думаю, Магза подозревал, что его народ рассматривают как диковинку, и это его возмущало.

Решив исправить такое дурное начало, я попросил Дока объяснить, что мы приехали в поисках традиций, которые сохранились со времен Чингисхана, что мы в наших поисках уже проскакали Хэнтэй и Хангай вместе с табунщиками. Кажется, это подействовало, и разговор пошел лучше.

Когда Магза рассказывал о тувинцах, мне показалось, что этот народ сохранил больше древних традиций, чем любой другой, живущий в Монголии. Например, когда Магза был ребенком, в его семье почитали священный огонь очага. Огонь был одним из самых важных явлений в жизни и пользовался особым уважением. Мусор в нем сжигать не дозволялось, а если такое случайно происходило, считалось, что проклятие может пасть на весь дом. Магза рассказал о тувинском поверье, что если в очаге сжечь старую луковую шелуху, то хозяин дома вскоре ослепнет. Также считалось очень дурной приметой оставлять у огня нож. Еще семь веков назад Карпини заметил: «Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками. Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня».

Раз в году семья Магзы проводила обряд возобновления и освящения огня в главном очаге гыра. В этот день мазали маслом жаровню, а ножки украшали красными лентами. Затем на угли бросали фимиам, жаровню выносили из гыра, через дым проводили скот, чтобы очистить его и уберечь от болезней, потому что этот огонь имел волшебное свойство изгонять зло. В точности такой же обряд очищения описывал Карпини, его самого подвергли такому же очищению, когда он прибыл ко двору хана Батыя. Когда он подошел к шатру хана, его заставили пройти между двух огней. А когда он спросил, зачем это нужно, стражник ответил: «Идите спокойно, так как мы заставляем вас пройти между двух огней не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно приносите яд, огонь унес все зло». Переводчика Карпини заставили положить оружие у порога императорского шатра. Тувинский этикет, по словам Магзы, до сих пор предусматривает подозрительное отношение к посетителям. Считается хорошим тоном спешиться на почтительном расстоянии от гыра, даже если вы прибыли по приглашению, и ждать, пока хозяин не выйдет вас приветствовать. Если у посетителя есть ружье, его нужно оставить на расстоянии от двери, а нож нужно снять с пояса и заткнуть за голенище левого сапога так, чтобы он был хорошо виден. Затем гость входит в гыр с правой стороны, открывает дверь правой рукой и садится справа.

Наконец я спросил Магзу, знает ли он шаманов, и он воспринял мой вопрос совершенно нормально, как если бы я попросил порекомендовать мне хорошего терапевта или дантиста. Он ответил, что знает двух шаманов, и оба они — женщины. Правда, одна из них недавно переехала в другой аймак вместе со своей семьей, и с тех пор он о ней ничего не слышал. Но

другая шаманка живет неподалеку и трудится. Она очень стара, ей осталось недолго. Очень немногие знают ее настоящее имя. Ее называют просто Самга — Старуха. Когда она умрет, это будет большой потерей для людей, потому что многие казахи и тувинцы ходят к ней за советом о женитьбе, деньгах, с личными проблемами, а кроме того, она и от болезней лечит. Я спросил, а вдруг она последняя тувинская шаманка? Магза беззаботно пожал плечами. Может быть, потому что он не знает ни одного молодого шамана. Но почти всегда шаманство — занятие семейное, волшебная сила передается по наследству, так что однажды обязательно родится новый шаман, может быть, даже спустя поколение. Когда это случится, власть шамана опять возродится в мужчине или женщине, потому что пол в этом смысле значения не имеет.

Старуха со своей семьей не ушла в горы, как нам говорили в Ценгеле. Возможно, она была слишком слаба, чтобы предпринять путешествие по горным кручам, поэтому поселилась в зимнем доме, возле города. Прежде чем уехать, я спросил Магзу, почему Долина Призраков так называется. С тем же спокойствием он ответил, что долина так называется потому, что если в определенное время посмотреть на нее сверху, она кажется озером, по которому бегут волны.

Мы поблагодарили Магзу и отправились вниз по склону, как вдруг нас остановила стайка детишек, прибежавших от казахских юрт. Пожалуйста, нельзя ли на минутку остановиться? Их родители никогда не видели европейцев и хотели бы знать, как те выглядят. Толпа взрослых казахов вышла из юрт и, окружив джип, разглядывала нас. Док фыркнул: «Они очень разочарованы. Говорят, что вы выглядите в точности как русские».

Во времена Чингисхана шаманы обладали огромной властью и пользовались всеобщим уважением. Помимо

того, что они служили посредниками между простыми монголами и 99 великими духами, управляющими небесами, шаманы почитались за прорицателей и даже были политическими советниками. Самый амбициозный из них, главный шаман по имени Теб-Тенгри, забрал такую силу, что Чингисхан увидел в нем соперника и подстроил его убийство. Теб-Тенгри обманули, трое силачей сломали ему хребет. Затем его тело положили в маленьком гыре, закрыли дверь и караулили у входа. Через три ночи, согласно «Сокровенному сказанию монголов», тело и дух Теб-Тенгри вылетели из гыра через дымоход. Когда двери открыли, тела внутри не было, и это еще одно доказательство того, что даже мертвый шаман способен летать, подниматься в вечное голубое небо и беседовать с богами.

Когда мне рассказали эту красочную историю, я подумал, на самом ли деле я хочу найти Самгу? А вдруг она окажется обманщицей и жестоко разочарует меня, наивного, мечтающего отыскать настоящую шаманку в современной Монголии? Может, не стоит рушить красивую легенду?

Наш первый визит к Самге увеличил мои сомнения. Мы нашли ее пристанище в виде четырех скромных юрт неподалеку от Ценгела. В дверях одной из юрт показался тридцатилетний, изящно одетый тувинец и сказал, что сожалеет, но Самга нездорова и не может нас принять. Этим утром к ней приходили советоваться посетители. Сейчас она отдыхает от трудов. «Самга — моя бабушка, — прямо сказал молодой человек. — Сейчас у нее тяжелое похмелье. Люди принесли ей в подарок архи, а она любит выпить, иногда пьет до двух литров в день. Это помогает ей работать. Обычно, чтобы восстановиться, ей требуется целый день. Хорошо бы вы пришли завтра. Я скажу бабушке, что вы придете, и постараюсь, чтобы к вашему приходу все было готово».

Конечно, пьянство Самги вполне объяснимо. Шаманы всегда использовали стимуляторы и одурманивающие средства, чтобы войти в транс. Они поедали галлюциногенные растения, вдыхали их дым, подвергали себя воздействию жары или холода, изнуряли себя голодом, пили спиртное. Еще они многократно твердили заклинания и выбивали ритмы на барабанах и бубнах, вводя себя в гипнотическое состояние.

На следующее утро мы вернулись к гыру шаманки, по-прежнему зная о ней лишь то, что она очень стара и подвержена зеленому змию. Выдался один из тех ясных дней, когда на небе ни облачка и голубой небосвод кажется вымытым, а горы на далеком горизонте едва заметны. Шаманские гыры выглядели вполне обыкновенно. Войлочные шатры стояли на голой земле, где-то на миле от границы города, на небольшом возвышении, откуда открывался вид на Ценгел. В этом месте речка протекала мимо рощицы высоких деревьев, придававших голому степному пейзажу непривычные темно-зеленые тона. За самым маленьким из гыров находился овечий загончик, но он пустовал, вообще никого не было видно, кроме двух малышей и одной вполне обыденного вида женщины в лиловом дээле, чистившей большой котел. Я взглянул на нее, подумал было, что это и есть знаменитая шаманка, но тут же оставил эту мысль. Она выглядела не слишком старой и слишком повседневной, если угодно, поглощенной мирскими заботами. Она беззубо улыбнулась мне в ответ, медленно распрямилась и захромала в маленький невзрачный гыр.

Док разыскал давешнего внука, который теперь был одет в разноцветный национальный тувинский костюм. Оказывается, он работал учителем в высшей школе, где учат тувинский и русский языки. Если мы хотим взять интервью у его бабушки, он с радостью станет нашим

переводчиком, потому что она говорит только по-тувински и не знает ни монгольского, ни казахского. Его предложение было тем более ценно, что он был человеком образованным, а мне хотелось, чтобы мои вопросы переводили как следует. Я совершенно не ожидал, что все окажется настолько обыденно. Не было никакого ощущения чуда или колдовства. Просто Самга была шаманкой, все признавали этот факт, а мы пришли ее провести.

И все же я колебался. Слишком необычно задавать вопросы старухе, которой, возможно, манипулирует ее семейство. И еще я боялся, что мое любопытство сочтут за навязчивость, а если я буду настроен скептически, то меня воспримут в штыки. Мое беспокойство росло по мере того, как я видел, как гордится семья своей Старухой. Я уже почти отказался от попытки взять интервью в этой убогой палатке, где таинственности не больше, чем в свидании на углу. Но многочисленное семейство Самги показалось из гыров. Там была ее беременная дочь, пара внучатых племянников и стайка хихикающих ребятишек. Большинство потрудились надеть народные костюмы, как на праздник. Нам, очевидно, были рады. Нас живо проводили к маленькому гыру, мы вошли и обнаружили, что женщина, чистившая котел, была и в самом деле Самгой. Она сидела на кровати, сложив руки на коленях, и выжидательно смотрела на нас. В это время дети рассаживались кружком вдоль стенок гыра. Они глазели на нас с любопытством. Очевидно, в этих краях бледнолицые чужаки были большей диковинкой, чем их бабка-колдунья.

Самга оказалась достаточно древней, хотя и не выглядела на свои 86 лет. Она сутулилась, лицо бороздили глубокие морщины, в широком рту оставался один последний зуб, торчавший сверху, как клык у ведьмы из детских сказок. Ряд пустых бутылок из-под

архи в дешевом буфете свидетельствовал о пьянстве. Были и еще кое-какие признаки того, что она выпивает лишнего. Глаза ее слезились, руки тряслись, она постоянно брала большие понюшки табака из синего кисета. Понятно, что, рассказав о нашем желании встретиться с нею, семья постаралась ее протрезвить и дождалась, пока пройдет похмелье. Старуха оказалась вдобавок тугой на ухо, и внук занял место на полу, возле ее колен, и стал громко кричать, переводя наши вопросы. В таких условиях заниматься обманом было бы просто неудобно, и когда Самга заговорила, глядя на меня насмешливо, почти весело, я почувствовал, как мои опасения рассеиваются.

Чтобы завязать разговор, я начал расспрашивать о ее семье, и, как любая нормальная бабушка, она с удовольствием перечислила всех родственников и достоинства каждого. Она дала жизнь пятнадцати собственным детям, а шестнадцатого приняла в семью. Из них только двое оказались сыновьями и лишь семеро были до сих пор живы. Ей очень льстило, что один из них был избран народным депутатом хурала (монгольский парламент), а другой стал Героем труда. Так вот шаманка со своим средневековых масштабов потомством вносила вклад в коммунистический режим современной Монголии. Дальше нас ожидали новые сюрпризы. Я спросил, сколько у нее внуков и правнуков. «По меньшей мере, шестьдесят или семьдесят, — сказала она, моргая, — но я давно сбилась со счета».

Направляя разговор к ее детским воспоминаниям, я спросил, когда и как она впервые получила шаманскую силу. Это ключевой вопрос, потому что все авторитеты в вопросах шаманизма утверждают, что начинающих шаманов обучают старшие, которые умеют открыть и развить дар своих учеников.

Старуха начала с рассказа, что училась у двух великих тувинских шаманов, и даже назвала их имена:

Шенгелай и Магнай. Эти двое учили ее, как и отец, которого звали Дорж. Он тоже был шаманом, но главную роль в обучении девочки сыграл не он. От Доржа она унаследовала саму силу, а два других шамана научили ее применять. Я спросил, как они учили, но ответ был неясным. «Они называли мне волшебные слова и заклинания и ободряли меня», — сказала Старуха. Сколько ей было лет, когда она поняла, что обладает силой шамана, и как она об этом узнала? «Тринадцать», — ответила она. Внезапно она встала с кровати, сделала пару-тройку двойных прыжков в своих тяжелых валенках. Видя, что я озадачен, она рассмеялась клокочущим смехом и пояснила: «Это сила в моем теле. Я не могла сидеть смиренно, как обычный ребенок. По ночам я не спала. Мне нужно было бегать. Меня запирали в гыре на ночь, но я вылезала в дымоход и бегала, бегала. Я любила бегать по ночам, лазить на деревья, изображать сову. Никто не мог меня поймать, так быстро я бегала. Иногда, чтобы меня выловить, спускали собак, но поймать все равно не могли».

Врач сказал бы, что это пример гиперактивного поведения, но Самга считала это характерной особенностью шамана, хотя тогда она еще не знала всех подробностей. Для шаманов типичны безумная энергия и страсть к лазанью. Кульминацией в обряде посвящения в шаманы обычно служит залезание на шест. Это символизирует способность подниматься для беседы к небесным духам. Входить в гыр и выходить из него через дымоход тоже весьма свойственно шаманам. В «Сокровенном сказании» упоминается не только дух Теб-Тенгри, покинувший жилище таким образом. Один из предков Чингисхана был отпрыском волшебного золотого луча, который проник в гыр через дымоход и вошел в чрево женщины. В литературе встречается множество рассказов о шаманах, которые умели летать, но Самга была неграмотна, а язык ее народа не имел

письменности. Может быть, она почерпнула часть сведений из разговоров с более образованными тувинцами, но это кажется маловероятным. Ее объяснения и способ выражать мысли выглядели аутентичными, без обмана.

Дочка Самги протянула матери стаканчик архи. Старуха с жадностью схватила его и опрокинула в рот. Потом снова начала вспоминать свое детство и юность. «Был еще один шаман, Кужук, он тоже меня учил. Он говорил, что у меня странные способности, и учил правильно их использовать. Когда я начала „видеть“, мне этого не хотелось. Но ничего нельзя было поделать. Я должна была летать, я должна была падать со скал. Странное детство, очень трудное».

И она протянула руку за следующим стаканом архи.

— Мой отец меня любил и баловал. У него было два коня. Один белый, другой соловый. Как я любила скакать на них! Как я любила быструю скачку! Никто не мог остановить меня, если я ехала верхом. Однажды к моему отцу явился старик с двумя мехами архи у седла. Он спросил меня, не стану ли я ему невесткой. Я сбежала, но пришел усатый мужчина и взял меня в свой дом. Мой муж был великим охотником. Он был караванщиком и возил из заморских краев красную соль.

Тут Док шепнул мне, что Самга, вероятно, имеет в виду караваны, возившие соль из Китая, вокруг гор Тянь-Шаня. Самга не обратила на это внимания и продолжала свой монолог, пока Док вдруг не вмешался в ее рассказ, чтобы дать собственные комментарии.

— Прямо посреди рассказа она сменила тему. Она только что сказала мне, что у меня дома лежит пара очков, а я не знаю, кто их носит. Потом она вернулась к рассказам о своем детстве.

Я знал, чему удивился Док. Десять дней назад, раскладывая наши экспедиционные вещи в его улан-баторской квартире, я нашел очки. Я протянул их Доку,

который всегда ходил в очках. Но он вернул их, сказав, что это не его очки. Он думал, что это мои или Пола. Хозяин не нашелся, и загадочные очки пришлось отложить, хотя в такой бедной стране, как Монголия, человек, потерявший очки, наверняка постарался бы их вернуть. Как Самга могла узнать о таком происшествии, оставалось тайной. Конечно, это еще ни о чем не говорило. Совпадение или ловкий трюк... Я тактично удержался от просьбы продемонстрировать способности Самги, а сама она не обратила внимания на собственную ремарку. Просто констатировала, что есть такие очки.

Ее гыр выглядел очень скромно, без претензий. Никаких особых шаманских приспособлений. Обставлен бедно. Потолочное колесо поддерживалось одним-единственным столбом, вбитым в землю. Ничего необычного, оккультного в этом месте не было. Самый обычный жилой гыр, наполненный тувинскими детьми, которые смотрели на все удивленно, а также близкими родственниками Самги. Внук-учитель хотел удостовериться, что мы оценили таланты его бабушки. «Она видит будущее, — сказал он и тут же принялся расхваливать ее умение готовить. — Она предсказала смерть Брежнева за десять дней до того, как это случилось, а еще она знает, когда к ней должны прийти, и говорит нам заранее. Она может указать направление на то место, где случилось важное событие, и рассказывает, что происходит в других районах, хотя сама из дома не выходит».

— Можешь ли ты предсказать что-нибудь для своей семьи? — спросил я. Я не стал спрашивать, знала ли она о нашем посещении, чтобы мое интервью не походило на перекрестный допрос.

— Нет, — ответила Самга. — Единственное, что я смогла предсказать, — смерть моей матери.

Архи давало о себе знать, старуха становилась все более разговорчивой, перескакивала с одного предмета

на другой.

— Никогда я не желала таких способностей, я и теперь с удовольствием отказалась бы от них и умерла. Но люди не дают мне уйти. Они держат меня здесь, я им нужна. Когда кто-то измучен, как брошенный пес, я могу слетать к нему и помочь. Когда мой дух крепок, я могу летать через всю долину, помогаю тем, кто в нужде или в беде.

— В какое время сила проявляется больше?

— На девятый день каждого месяца и на Новый год.

Тут в разговор вмешался внук. Он спросил, не хотим ли мы посмотреть, как Самга проводит шаманский обряд, пока она еще не слишком устала. «Только если она сама этого хочет, — ответил я. — Если она устала, то не нужно. Может быть, время или место для этого не подходят».

Но Самга нетерпеливо отмахнулась. Ей хотелось показать, как она работает.

— Вот только яркий электрический свет мне мешает, при нем мне трудно сосредоточиться. И жаль, что у меня нет всей утвари. Шаманский бубен, который я унаследовала от отца, давно износился, и мне не заменить его другим. Когда-то у меня была особая шаманская одежда, но и она изорвалась в клочья, а я слишком стара, чтобы шить себе другую. Я могу работать и без этого. У меня остались шапка и жезл.

Она поднялась на ноги, и дочь помогла ей надеть головной убор. Это было нечто среднее между головным платком и обтягивающим капюшоном. По шее свисал длинный хвост, а на макушке был пришит ряд перламутровых пуговиц. Выделялась грубая черная бахрома, свисавшая на лоб, как плохой парик, зачесанный сзади наперед. Эффект был такой, будто домашняя бабушка вдруг обернулась страшной ведьмой, сошедшей со страниц сказок братьев Гримм.

Однако тувинские дети нисколько не испугались. Они знали, что их прабабушка проделывает такое регулярно. Они ожидали начала сеанса. Самга принялась ритмично бормотать и припевать, покачиваясь взад и вперед. Потом проковыляла в другой конец гыра и опустилась на колени. Сидя на коленях, она продолжала раскачиваться, при этом ее голова болталась из стороны в сторону. В руках она держала маленький жезл, длиной около фута. К его концу крепились короткие белые тряпичные ленты. К рукояти, со стороны лент, был приделан хрустальный (или стеклянный) шарик. Напевая, Самга ритмично размахивала жезлом. Иногда она останавливалась и переводила дыхание, чтобы тут же опять затянуть свой напев. Внезапно она остановилась, и дочь тут же оказалась позади матери. Не поднимаясь с колен, Самга завела руку себе за спину, и дочь вложила в нее зажженную трубку. Самга затянулась, набрала полный рот дыма и выдула его в угол. Затем властным движением протянула трубку обратно за спину. Медленно и мучительно Старуха поднималась на ноги, потом приняла от дочери ковшик с молоком и выплеснула его содержимое в воздух, как подношение. Она повторила это трижды, плеща молоко в каждый угол. Затем снова опустилась на кровать, и пару секунд ее трясло и колотило, словно в приступе. Я не мог понять, была ли эта дрожь вызвана усталостью или имела какое-то значение.

Неожиданно Старуха снова встала и направилась к двери, шагнула наружу, прямо под свет дня, хотя и говорила, что яркий свет мешает ей сосредоточиться. Ярдах в пяти от двери стояла дымящаяся жаровня. Самга встала перед ней на колени, согнулась так, что лицом почти коснулось коленей, и снова затянула свой напев, продолжая размахивать жезлом. Подошла дочь и брызнула на угли благовониями, затем налила

кобылье молоко из чайника в стакан и тоже брызнула духам неба и домашнего очага. Самга поднялась и проковыляла назад в гыр. Дочь несла за нею дымящую жаровню. Наконец Самга сделала еще один круг по дому, останавливаясь перед каждым взрослым, поднося благовония к его носу и махая перед его лицом жезлом. Зарывшись лицом в тряпичные полоски, она вдохнула с хрюкающим звуком, словно высасывая воздух из жезла. И, совсем измученная, вернулась в первоначальное положение на кровати.

Я увидел достаточно, чтобы решить, что если Самга и не совсем умелая шаманка, то она, во всяком случае, не обманщица, по-писанному изображающая движения шамана. Она выходила из гыра и входила обратно, как настоящая шаманка. Каждый раз, открывая дверь, она разворачивалась и пятилась. Когда мы впервые увидели ее за чистой котла, она входила в дом нормально, вперед лицом. Когда же находилась в роли колдуньи, она ходила через дверь задом наперед. В меньшей степени это поведение проявлялось, когда она брала трубку из-за спины, вместо того чтобы развернуться лицом к дающему. Действия, выполненные наоборот, веками характеризовали шаманские обряды. Шаманы живут отчасти на этом свете, отчасти на том. Когда они на том свете, то общаются с духами. С нашей точки зрения, на том свете все задом наперед и наизнанку. Некоторые шаманы даже выворачивают свою одежду и рукавицы. Вероятно, лохмы, свисающие с шапки на лоб шаманки, должны изображать волосы, которые растут наоборот.

Я решил, что ничего больше не добыю от Старухи, не злоупотребляя гостеприимством ее семьи и не рискуя показаться назойливым. Рассказ Самги о том, как она стала шаманкой, звучал очень правдоподобно. Ее юность проходила в то время, когда шаманизм в Монголии был делом обычным, и она обучалась у

шаманов старшего поколения. Базовый ритуал, который она показала, по всей видимости, был аутентичным.

Больше я не размышлял над нашим странным приключением до тех пор, пока, через два месяца, не вернулся домой. Перед началом сеанса Старуха говорила, что власти шамана мешают яркий свет и электричество. Когда мы толпились в тесном гыре, я заснял шаманский обряд на пленку. Хотя в шатре царил полумрак, у меня не было переносного освещения, так что ни свет, ни электричество не вторгались в священнодействие. Но электричество в камере все-таки использовалось, о чем я Самге не сказал. Камера питалась от шести пальчиковых батареек и имела небольшой дефект в электрической схеме, о чем я не знал. У нее сел конденсатор, и моторчик давал искру, которая записывала на звуковую дорожку треск, похожий на шкворчание сала на сковородке. Когда я стал смотреть запись, то обнаружил, что треск присутствует на записях до обряда и после него, но само камлание, когда шаманка находилась перед камерой, записалось с совершенно другим звуком. Треск тоже был, но едва слышный. Я, конечно, списал это на совпадение, как и историю с очками в квартире Дока; все проще, чем предположить, что нелюбовь шаманки к электричеству позволяет ей подавлять электрические разряды.

Но все это уже позднейшие размышления. Я не совершал повторного визита к Самге, чтобы проверить ее волшебную силу. Напротив, я считал такую проверку недопустимой. Зато мне посчастливилось увидеть то, что составляло главную цель моего путешествия — сохранившийся кусочек мира Чингисхана. Не забудем и тот факт, что семья Старухи всерьез считает ее шаманкой. Ценность «правовещателя» для общины в том, что он (или она) обладает особой силой, ему можно доверять, с ним можно советоваться. В случае Самги все

обстояло именно так. Поистине вера окружения делала Самгу хранительницей шаманских традиций, уходящих корнями ко временам Чингисхана.

Семья не отпускала нас до тех пор, пока Пол не сделал снимки. Все расположились перед объективом. Самга надела тувинский национальный костюм и взяла на руки спеленатого младенца. Пол, которого, как и меня, впечатлила чистосердечность Самги, задал ей под конец вопрос, какой совет она дала бы молодому поколению? Старуха ответила, не задумываясь. «Я сказала бы: „Уважайте природу, которая есть все, что вас окружает! Берегите реки и ручьи, потому что они дают вам воду для питья! Берегите небо и воздух, которые вас согревают! И берегите землю, потому что она кормит вас!“» Что ж, мудрость тувинской шаманки — истинная мудрость на все времена.

Глава 16. Вечный образ

Главная цель моей поездки в Монголию заключалась в том, чтобы изучить, насколько сохранился в стране традиционный уклад жизни. Поездка меня не разочаровала. Прошел почти месяц с тех пор, как мы с Полом выехали за ворота монастыря Эрдени-Дзу в сопровождении наших монгольских спутников и табуна запасных лошадей и объехали каменную черепаху Каракорума — памятник империи Чингисхана. За это время мы повидали горы Хангая в пору весеннего цветения. Полной противоположностью им предстал выстуженный Хэнтэй. Мы повстречали казахов, которые охотились с орлами, побеседовали с шаманкой, счастливо избежали соприкосновения с Черной Смертью и стали свидетелями того, как возрождается буддийская вера под руководством семидесятилетних лам, избежавших «большой чистки» тридцатых годов.

После беседы с Самгой я вернулся в Улан-Батор вместе с Полом и Доком. Там мы поинтересовались, как идут дела у Ариунболда, Байяра и Делгера. Но новостей не было. Никто ничего не слышал. Им предстояло добираться до Баян-Улгия по засушливым равнинам, и, кажется, путь занял больше времени, чем предполагалось изначально. Только в январе следующего года Док написал мне, что всадники в сентябре добрались до Баян-Улгия. Точной даты он не знал, поскольку видел Ариунболда лишь мельком, но порадовался, что хотя бы три человека проявили достаточно упорства, чтобы пройти маршрут до конца. Я согласился с ним. Это была великолепная попытка. Однако средняя скорость всадников составила две трети от той, над которой спорили Ариунболд и Герел. Я надеюсь, что если амбициозный план по конному

путешествию на Запад все же воплотят в жизнь, этот факт примут к сведению.

Сам Ариунболд прислал мне вежливое поздравление с Новым годом, но не упомянул ни о результатах поездки, ни о том, когда состоится великий трансконтинентальный поход. Немного больше информации я получил из фильма, который снял и прислал мне Байяр. Там была сцена, когда пришлось подковывать лошадей. Это не входило в первоначальный замысел, и проделали работу довольно небрежно. Лошадей повалили на землю, и какой-то местный «умелец» приколотил самодельные подковы обычными гвоздями. Я решил, что копыта монгольских лошадей достаточно крепкие, чтобы разок-другой выдержать такую процедуру, но если повторять ее многократно, то долгого пути они не выдержат.

Из письма Дока я узнал также, что дареных коней оставили зимовать в Баян-Улгие. Кажется, путешественникам все же удалось справиться с предубеждением против казахов-коноедов, поскольку монгольского табунщика они там не нашли. Хотя бы один урок из этой экспедиции извлечен — теперь они будут доверять доброй воле тех, кто им встречается на пути, и сотрудничать с ними. Но Док не знал, вернулся ли Герел в состав группы и продолжат ли Байяр и Делгер в следующем году путь через Алтай и Казахстан — следующий этап пути к Франции. Со стороны это предприятие кажется весьма сомнительным. На территории Советского Союза царит гражданский и экономический хаос. Трудно поверить, что правительства советских республик станут тратить время и силы на кучку монгольских всадников.

Да и в самой Монголии появилось немало проблем. Страна ощутила дуновение ветра перемен. То лето, когда мы с Полом путешествовали верхом, оказалось последним для старых порядков Монгольской Народной

Республики. Кончилось спокойное время, когда СССР оказывал помощь и давал указания. С монгольской земли выводили не только советские войска и военные базы. Иссякала советская экономическая помощь — правительство находило другие объекты вложения средств, поважнее. На душу населения Монголии перечислялось значительно меньше помощи, чем Кубе — любимому чаду Восточного блока.

Еще хуже стало, когда советское правительство потребовало вернуть часть помощи, которая составляла государственный долг Монголии. Это требование Монголия выполнить не смогла, и наказанием явилось прекращение поставок дешевого топлива, от которого зависело монгольское хозяйство. Встала транспортная система, замерла система распределения ресурсов. Создалась нелепая ситуация: в стране, где чрезвычайно велико поголовье скота, будь то овцы, лошади, коровы или козы, столицу не могли обеспечить мясом. Овощам тем более неоткуда было взяться.

Док написал мне, что в Улан-Баторе ввели питание по карточкам. Зимой из государственных продуктовых магазинов исчезла баранина, на черном рынке изредка можно было достать верблюжатину. Мука стала редкостью, ею торговали из-под полы. В западной прессе появились статьи о том, что домохозяйки Улан-Батора выметают пыль из кладовок вместе с просыпанной мукой, а потом говорят, что купили ее на черном рынке.

Страна, которая до этого экспортировала излишки продуктов, столкнулась с угрозой голода. Правительство обратилось за гуманитарной помощью к Японии и получила вместо пищи подачку в виде архи в бутылках. Печальные сообщения о жизни в столице побудили нашего знакомого господина Гомбо обратиться с призывом к аратам, чтобы те налаживали жизнь в своих

сомонах, а не ехали в голодный и перенаселенный Улан-Батор.

Если обратиться к истории, можно узнать, что всякий раз монгольский народ, переживая жестокие потрясения, начинал вспоминать Чингисхана. В 70-х годах XIX века Пржевальский упоминал слух о том, что спустя века китайского владычества во Внутренней Монголии Чингисхан вернется. Считалось, что Чингисхан в своей могиле в Ордосе лежит «просто во сне, чего не дано никому другому из смертных». В 1911 году во Внешней Монголии поднялось восстание против власти китайцев, и снова монголы надеялись, что Чингисхан придет к ним на помощь. В смутные времена имя Чингисхана подхватили чужеземцы. Когда «Безумный барон» Унгерн провозгласил себя воплощением Чингисхана, пусть он был белокожим прибалтом, его поддержали многие ламы, управлявшие в то время Ургой.

За поколение до этого во Франции вышел исторический роман некоего Шаюна под названием «Голубое знамя». Эта книга населяет мир Чингисхана благородными рыцарями и дамами, монголы в ней совершают безумные подвиги и наделяются сверхчеловеческими способностями. Вся книга является чистой воды романтикой, написанной чужеземцем, но ее перевели на монгольский язык, и она стала очень популярна среди монголов, которые до сих пор очень любят сказки и притчи о деяниях Чингисхана.

После того как я провел много времени с табунщиками в скитаниях по стране, мне гораздо понятнее настроения аратов, почитающих память Чингисхана. Их жизнь столь сурова, что они радуются любой яркой краске. Немаловажно еще их представление о жизни «настоящего» монгола. «Настоящий» монгол не живет в Улан-Баторе, — только

на воле, с табунами. Где бы мы не проезжали, в Хэнтэе или Хангае, в краю пастухов или погонщиков верблюдов, всюду аратам была близка и понятна идея нашего путешествия — проехать по стране дорогами Чингисхана и вспомнить традиции средневековой почты.

Интересно, что тех же самых аратов гораздо меньше увлекала мысль о путешествии за пределы Монголии, в Европу. Они куда больше интересовались нашим маршрутом в Монголии, как мы добираемся от одного аймака до другого, что нам встречается по пути. Это любопытство навело меня на мысль, что хотя араты и ведут полукочевой образ жизни, жизнь эта весьма ограничена. Даже по Монголии они путешествуют немного, стремясь оставаться в пределах своего сомона или аймака, и лишь изредка ездят в столицу. Они мало знают собственную страну, такую разнообразную. Все их познания ограничиваются тем, что показывают по телевизору. Возможно, ностальгия по Чингисхану связана с желанием осознать себя монголами, ощутить духовное единство с соотечественниками из тех краев, о которых араты ничего не знают.

Подобно древним героям других народов, Чингисхан стал символом славного прошлого монголов. Но, думаю, особым своим статусом он обязан и культуре почитания предков, такому же древнему, как сама Монголия. Рубрук встречал его повсюду, где проезжал. Почитание предков напрямую связано с идеей перерождения — одним из основополагающих принципов буддизма. О возможности возвращения вождя рассуждали всерьез еще в начале XX века. Когда умер восьмой Хутухта, Монгольская народно-революционная партия заявила, что цепь перерождений Хутухты подошла к концу. Чтобы убедить народ, они создали легенду, подтверждающую, что восьмой Хутухта был последним.

Легенды о Чингисхане, напротив, не иссякают, скорее наоборот. Хотя почитание хана как Великого

Предка официально осуждалось, его продолжали почитать по всей стране. Из всех жителей Монголии лишь китайцы жалеют, что хан вообще появился на свет. Но те же китайцы, когда Чингисхан их покорил, сумели использовать завоевание в собственных интересах, отвратив монголов от прежних обычаев. В 1939 году гоминьданское правительство вскрыло предполагаемую могилу Чингисхана в Ордосе и перенесло останки в провинцию Ганьсу, а десять лет спустя прах переправили еще дальше на запад. Наконец, когда останки попали в руки коммунистов, те публично вернули их в усыпальницу Чингисхана и решили построить мемориальный комплекс для жителей Внутренней Монголии. Как ни странно, именно китайцы, при жизни не дававшие покоя Чингисхану, сейчас уделяют наибольшее внимание культу Великого Предка.

Об устойчивости культа Чингисхана говорит хотя бы тот факт, что культ пережил семьдесят лет официальных преследований за время коммунистического правления. Государственная пропаганда старалась всячески уничтожить память о хане, приуменьшить его роль, хотя он преобразовал социальную и экономическую жизнь страны, причем далеко не всегда в худшую сторону. Путешествуя по Монголии в поисках культурного наследия, я часто наблюдал губительные последствия советского влияния. Пострадали язык, традиционное искусство, специализация регионов, ремесла и древние верования. Упадок свидетельствовал о силе советского влияния. Советские технологии, советские методы обучения, советские советники изменили страну, которую описывали Пржевальский и Беатрис Балстрод. К примеру, Балстрод считала, что монголы редко моются, потому что верят: если слишком много возиться с водой, в следующей жизни родишься рыбой. Но сейчас вряд ли

найдешь тех «грязных монголов», чье пренебрежение правилами гигиены было когда-то общеизвестным.

Мы с Полом отмечали нечистоплотность монголов в повседневной жизни, особенно во время еды. Но в такой окружающей обстановке это неизбежно. Трудно остаться чистым, если живешь в степи и день за днем ухаживаешь за лошадьми. Случаи нищеты из-за лени и пьянства на слуху по причине их относительной редкости среди аратов, чего не скажешь о жизни в городе. Примечательно, что едва мы разбивали лагерь у озера или речки, пастухи, ехавшие с нами, по окончании дневной работы мыли голову с мылом и вытирались полотенцем.

В то же время советское влияние обеспечило исключительные результаты в других сферах жизни. Сифилис, которым страдало в конце XIX века 90 % населения Монголии, удалось искоренить почти полностью благодаря советской медицинской помощи, хотя туберкулез еще оставался проблемой. Народ стал грамотным. В 1928 году только 9 % мужского и менее процента женского населения Монголии умели писать. Книги, учителя, методики и материалы для обучения поставлялись исключительно из Советского Союза. Сейчас в стране грамотность всеобщая. По сравнению с успехами в медицине и образовании пренебрежимым кажется обеднение языка и почти полная потеря исконной письменности, которую ныне пытаются восстановить. За десятилетия советского правления отступила волна безысходности и апатии, которая веками затапливала Монголию и, по словам историка Чарльза Боудена, «низвела монголов до уровня бушменов Южной Африки — любопытных остатков древней цивилизации, но не более».

Но самым значительным последствием советского влияния стало географическое выделение «Внешней Монголии». Задолго до путешествия Чан Чуня

естественным повелителем Монголии был Китай с его развитой промышленностью и растущим населением. Пекин гораздо ближе к Улан-Батору, чем Москва. Именно китайская армия разрушила Каракорум, именно управлявшая Китаем Маньчжурская династия низвела монгольскую аристократию — нойонов — до положения вассалов. В последние 50 лет Китай не мог обойтись с Монголией, как с Тибетом, из-за присутствия в стране советских войск. Вопреки всем этническим и культурным законам в Монголии стала доминировать Россия, а не Китай, но, несмотря на все противоречия, Монголия выжила, немного обрусела, зато стала свободнее дышать.

Напротив, китайская часть страны древних монголов, известная как Монгольская Автономная область, она же Внутренняя Монголия, автономии сохранила немного. Уже в 1954 году число китайских переселенцев превысило число коренных жителей в соотношении 3:1, и приток продолжается и поныне. Китайские переселенцы занимают орошаемые территории, распахивают и застраивают пастбища, так что монгольские араты превращаются в фермеров. По поводу культуры монголы с тоской расскажут, что во Внутренней Монголии сохранилось многое из того, что в их родной стране утрачено — язык, фольклор, обычаи. Но эта сохранность вызвана пренебрежительным отношением китайских властей, не готовых платить за собственное влияние тем же объемом ресурсов, что и русские.

Внутренняя Монголия находится под куда большим давлением, чем соплеменники по другую сторону границы. Конечно, многие из них мечтают перебраться в Монголию и эмигрируют. Это та же тоска, о которой писал Пржевальский в связи с упоминанием имени Чингсхана.

Однако реальной ценой советского патронажа над Монголией стало выхолащивание монгольского руководства. Как монгольские князья во времена Маньчжурской династии подчинялись Пекину, платили дань, обучались при дворе китайским законам и влезали в долги к китайским торговцам, так последние три поколения монгольских лидеров обучались при советском «дворе». В Москве, иногда в Иркутске, избранные монголы заканчивали университет, после чего, как лунатики, шли за советской мечтой.

Бросается в глаза параллель между недовольством чужеземцев, видевших правление лам в конце XIX века, и ситуацией, которая сложилась, когда первые европейцы начали посещать социалистическую Монголию. Первые визитеры отмечали, что буддизм — религия привнесенная, как и советский коммунизм — изолирует народ, лишает его чувства реальности. Правление лам, как и их коммунистических наследников, противостояло либеральным принципам и новым научным направлениям. Ламы учили, что земля плоская, а в 1990-х годах партийные теоретики Улан-Батора все еще восхваляли «всепобеждающую теорию марксизма-ленинизма», если цитировать конституцию страны. За тридцать лет председатель президиума Монгольской компартии с его культом личности и претензией на непогрешимость политического мышления сделался чрезвычайно схожим с древним царем-жрецом. Он окружил себя громоздкой системой государственной иерархии и расходовал народные средства на помпезные монументы. Потратить четверть миллиона рублей на новый храм в благодарность за то, что ему вылечили зрение — само по себе нелепо.

Ностальгия по Чингисхану в ответ на подобное если и выглядит протестом, то безобидным. Наиболее образованные из монголов знают, что для окружающего мира образ Чингисхана является символом жестокости и

разрушения. Популярный идол Монголии для остального мира служит жупелом, и мудрые монголы объясняют, что роль Чингисхана как реформатора превышает его славу великого воителя. Они прославляют его государственный ум, дальновидность, законы, которые он придумал, народную смекалку. Его деяния за пределами Монголии упоминаются крайне редко, если упоминаются вообще. Но Чингисхана-воителя очень трудно отделить от Чингисхана-правителя и законодателя, и его завоеваниям тяжело уделить меньше внимания, чем действиям вождя племени, объединившего монгольский народ, но еще не поведшего монголов по Средней Азии, чтобы сделать ту своим домом.

Понадобилось много времени, чтобы стада и табуны Монголии достигли той же численности, что при Чингисхане. Сперва маньчжурские власти повелели монгольским князьям не выпускать людей за границы определенных областей. Затем монастыри потребовали для себя значительную часть земель и стад, так что кочевать стало невозможно, даже освободись араты от зависимости от тех же монастырей. И во времена Чингисхана масштабные миграции на большие расстояния были явлением исключительным. В таких районах Монголии, как Хэнтэй или Хангай, пастухам не приходилось перегонять стада к летним или зимним пастбищам на более далекие расстояния, чем нынешним аратам. Сегодняшние монголы дважды в год перевозят свои гыры в места, где ставили кочевья их деды и прадеды. И по всей стране жизнь аратов сохраняет кочевой характер: отсутствие постоянного дома, немудреное, переносимое имущество, личное благосостояние, выраженное почти исключительно в поголовье скота, приверженность пастушеской жизни и чувство свободы, ответственность за себя самого и самообеспеченность семьи.

В аратах я нашел те качества, которых ожидал: твердость, выносливость и гостеприимство. Обычный монгольский пастух живет в жестких условиях, к нему предъявляются высокие требования — выносливость и запас жизненных сил. Взамен ему дается немного. Много лет лучшим в Европе знатоком Монголии был ученый и путешественник Оуэн Латтимор, который писал: «Настоящий кочевник — бедный кочевник». Это относится и к современным аратам. «Мертвое сердце Азии» слишком бедно, чтобы выйти на уровень оседлости, и пример аратов демонстрирует один из вариантов средневекового образа жизни. Ныне кочевник и его семья носят одежду, обувь и рукавицы, изготовленные промышленно, едят из дешевой импортной посуды, часто используют пластиковые изделия. Но их одежда и посуда мало отличаются от того фарфора и платья, которые поставлялись караванами из Китая. А войлочные шатры, седла, сыромятные ремни и веревки из скрученного конского волоса, грубые железные удила делаются кустарно и мало отличаются от средневековых образцов. Главные драгоценности кочевника — жадеитовая табакерка с розовой крышкой, нож с узорами на рукояти и лезвии, куртка, украшенная парчой — до сих пор везут из Китая, как было всегда.

Окружающая среда заключает кочевника в мире, представить который стороннему наблюдателю почти невозможно. Чарльз Боуден цитирует мемуары правительственного чиновника «Рассказы старого секретаря», изданные в Улан-Баторе в 1956 году. В них автор вспоминал, как юношей повидал дзуд — так монголы называют зимнюю бескормицу, когда из-за слишком долгой зимы умирает скот. Когда автору было 13 лет, его послали смотреть за семейным табуном. Вдруг начался снегопад. Вскоре снег пошел так густо, что

стало темно, как ночью. Я словно ослеп, не мог разглядеть даже головы моего коня, не говоря уже о тех лошадях, которых должен был пасти... Ледышки звенели о кожу моего коня. Он не мог удержаться от дрожи и жалобно ржал. Снег и лед покрыли мою одежду, и я даже не пытался отряхнуться. Рот и нос онемели от холода, а руки и ноги почти отваливались. И хотя на мне был теплый кафтан из козьей шкуры с мехом, я не мог согреться. Мне оставалось только выживать. Я спрятался в яму, мечтая пережить этот снегопад и снова увидеть мою дорогую маму. Меня колотило и трясло...

Молодой человек выжил, но на всю жизнь запомнил страдания детства. Как запомнил их и Чойбалсан, недоброй памяти монгольский диктатор. Его семья была настолько нищей, что отдала мальчика в монастырь, а там с ним так плохо обращались, что он сбежал и предпочел жизнь бродяги на грязных улицах Урги.

Я не сомневался, что увижу среди монголов мастеров обращаться с лошадьми, ведь это мастерство сделало монгольскую средневековую конницу лучшей в мире. Арат в этом действительно искусен, но в манере, которая шокирует западного пуриста. Он ведет себя с лошадьми бесцеремонно, потому что живет с ними бок о бок, пьет их молоко, от них зависят все его передвижения. Тощая монгольская лошадка — неотъемлемая часть его жизни, и сантиментам он подвержен не больше, чем фермер-коровник. Эти ездовые лошади славятся резвостью и выносливостью. Победителем Надама, скачек на длинную дистанцию, восторгаются, другие участники завязывают хвост и гриву коня индейским хохолком, что придает коню умильно-жизнерадостный вид. Китайский автор XVI века Сяо Тахэн писал, что монголы «из всех зверей

любят хорошего коня. Если они увидят хорошего коня, то рады предложить за него трех или четырех коней. Если он им достанется, они его холят».

Но время знаменитых монгольских лошадей минуло вместе с традиционной культурой монголов. По сравнению с международными скачками Надам не отличается высоким уровнем. Давно выведены другие, более резвые и выносливые породы. Только в своем упрямстве монгольская лошадь не имеет равных. Она выживает там, где другие гибнут, но, подобно культуре Внутренней Монголии, эти кони могут перенести бескормицу и отсутствие внимания, но не неволю. Когда большие табуны попадают в руки частных владельцев, те пытаются заниматься скрещиванием и улучшением породы. Когда табун общественный, эта цель теряется. Сейчас считается, что у каждого табунщика должны быть свои лошади. Предлагается норма в 75 голов на семью, а для улучшения породы создано Монгольское конное общество.

Только две загадки я не смог разгадать. Я часто думал, как могли люди, настолько подверженные действию алкоголя, достичь столь многого? Даже в годы высшей своей славы монголы были известными пьяницами. Казалось, Каракорум просто купался в винных парах. После известного богословского спора между ламами и несторианами Рубрук наблюдал, как священники обеих конфессий устроили совместную попойку, которая продолжалась остаток дня. От беседы с великим ханом Мунке у Рубрука осталось впечатление, что повелитель был пьян. Несмотря на это, монгольская средневековая политическая машина отлично работала, хотя даже сейчас заметно, что алкоголизм — одна из главных проблем страны.

Вторая загадка — когда и где сменился монгольский характер? Слово «маргааш», которое в монгольском языке означает «завтра», имеет и значение «не

дождетесь». Жалобы на «маргаашизм» часто встречаются в отчетах советских работников о трудностях работы в современной Монголии. А ведь одной из характерных черт Монгольской империи была эффективность и надежность подданных. Монгольское войско выступало в поход точно в тот день, который был назначен за полгода до этого. Почтовая служба с миллионом запасных лошадей могла работать, только если все было подготовлено в срок.

Пожалуй, единственный ответ на эти загадки может крыться, опять-таки, в личности Чингисхана. Упорство, выносливость и искусство обращаться с лошадьми сами по себе не объясняют феномен Монгольской империи. И нельзя успехи монгольской армии списать на слабость соседей. Китай и великий Хорезм были сильными противниками. Успех Монгольской империи можно объяснить талантами Чингисхана, причем не только стратегическими. Во многих смыслах хан остается загадкой, несмотря на такой неоценимый источник, как «Сокровенное сказание монголов». Он был одним из величайших вождей мира. В 42 года он провозгласил себя вождем «всех, кто живет за войлочными стенами». Его детство было исполнено бед, а его союзники оказались настолько слабыми, что половину своей взрослой жизни он потратил на объединение ряда сравнительно крупных племен. Почти все события древней монгольской истории обусловлены решениями необразованного племенного вождя — он набирал себе помощников, создавал военную систему, гвардию, профессиональную конницу, личную стражу. На этом фундаменте он всего за двадцать лет построил здание империи.

Его талант полководца очевиден. О кампании против шаха Хорезма Лиддел Гарт писал:

В этих безукоризненно проведенных операциях мы видим все принципы ведения войны — целеустремленность, мобильность, надежность, концентрация и внезапность, — сплетенными в сеть Немезиды, в которую угодили обреченные войска шаха.

В вопросах гражданских построением огромной Монгольской империи занимались прямые наследники Чингисхана — его сыновья Угэдэй и Мунке. Но они основывались на принципах, которые заложил их отец, чьи изречения свели в сборники биликов, афоризмов. Этими максимами руководствовались каганы, 150 лет правившие Китаем, почти пятьсот лет Персией и два-три столетия — русскими степями. Это замечательные поучения вождя маленького племени, который, говорят, любил одеваться, как простой пастух.

Когда Рубрук находился в Каракоруме, Чингисхана уже почитали за бога. Францисканцы сочли богохульным письмо, которое передал хан Мунке для Людовика Французского и которое начиналось словами: «Это повеление Вечного Бога. Есть лишь один Бог на небе, есть лишь один повелитель на земле, Чингисхан. Это слово сына Божьего».

Семь с половиной столетий спустя священный ореол все еще окружает Отца Народа, освещая современный культ. В то лето, когда мы ехали через Хэнтэй и Хангай, собралась крупная конференция по толкованию спорных моментов «Сокровенного сказания». Для профессоров и знатных монголоведов, прибывших в Улан-Батор из Японии, Китая, Советского Союза, Соединенных Штатов и Европы, это была возможность обменяться соображениями о тонкостях языка, фольклора, этимологиях и толкованиях. Но для многих простых монголов конференция значила гораздо больше. Они увидели, что их герой, которым столь долго

пренебрегали, получил международное признание и заслуженное место в истории. Среди прочих церемоний состоялось открытие каменного столпа, воздвигнутого на том месте, где неизвестный автор «Сказания» окончил свое повествование. Некоторые встреченные нами художники резали этот камень, ко времени нашего похода еще не законченный. Люди так радовались этому событию, что власти запретили проход к памятнику без особого разрешения. Запрет нарушали тысячи. У столпа собирались толпы многочисленнее, чем на государственных праздниках. Они в восторге окружали камень и обходили его по часовой стрелке, как обходят обо. На следующее утро они возвращались поодиночке, по двое или по трое и открыто молились изображению на колонне.

Это отличное доказательство чувств народа. А если бы нашли истинную могилу Чингисхана? Как народ повел бы себя? С одной стороны, есть ответ, основанный на советском образовании и стремлении Монголии приблизиться к цивилизованному миру. Пожалуй, начались бы археологические раскопки с составлением необходимой документации и тщательным изучением находок.

С другой стороны, реакция могла бы быть и мистической, если угодно, наподобие той, какой встретили японо-монгольскую археологическую экспедицию «Трех рек». Ученые пообещали не вести раскопок, исследовать только то, что на поверхности. Но что, если их сенсоры и локаторы нащупают подземную камеру с останками Чингисхана? Позволят ли монголы извлечь тело бога? Если да, это сделают они сами, и никто другой. И уважат ли современные монголы пожелание Отца Народа, позволят ли ему упокоиться на горе Бурхан-Халдун, как он сам того хотел? Поскитавшись вместе с аратами и ощутив ностальгию по Чингисхану, я уверен, что даже если могилу найдут и

раскопают, это лишь добавит таинственности образу того, кто навсегда останется Великим Предком.

Фотографии

Великий праздник в честь восьмисотлетия со дня рождения Чингисхана на главной площади Улан-Батора

Поездка на вершину горы Бурхан-Халдун, которую Чингисхан дал обет почитать всю свою жизнь

Делгер Сайхан, конюх экспедиции

Ариунболд и Тим Северин (в кепке с козырьком) выезжают из главных ворот Эрдени-Дзу в начале экспедиции

Ламы дуют в раковины, призывая к молитве в Эрдени-Дзу

Лама перед монастырем Эрдени-Дзу, с недавнего времени снова действующим

Пожилые ламы, которым в 1930-е годы довелось пережить массовые антирелигиозные кампании, благословляют отправление экспедиции от их монастыря Эрдени-Дзу, старейшего в Монголии

Юный участник празднования в традиционном костюме на Великом дне рождения Чингисхана

Олзвой, заместитель министра иностранных дел Монголии, вручает Тиму Северину памятную медаль на церемонии отправления в монастыре Эрдени-Дзу

Поклонение изображению Чингисхана на каменной колонне, воздвигнутой в память о «Сокровенном сказании монголов»

Всадники, участвующие в Надомских скачках, должны проскакать расстояние, составляющее от восьми до шестнадцати километров

Герел и Ариунболд скачут вдоль стен Эрдени-Дзу

Скачем по просторам Хэнтэя в мае, направляясь к Бурхан-Халдун, где скрывался преследуемый соплеменниками Чингисхан

Дампилдорж соскребает мясо с обугленной головы овцы, чтобы позавтракать

Самга, шаманка или «старуха» в своем ритуальном облачении, обращающаяся с мольбой и вызывающая духов ветра, небес, воды и камня

Казахский охотник с орлом. Обычно вес взрослого орла составляет 13-14 фунтов

***Тим Северин с аратом (пастухом), ставшим
проводником экспедиции***

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее цитаты из «Описания мира» в переводе И. П. Минаева. — *Здесь и далее примеч. ред.*

2

Браунинг Р. Токката Галуппи. Перевод В. Топорова.

З

«Здесь был дом Марко Поло, который путешествовал по отдаленнейшим странам Азии и описал их. Постановлено установить табличку декретом общины в 1881 году» (ит.).

4

В византийскую эпоху город назывался Теодосиополис. Арабы и турки дали городу название Арз-ар-Рум — «земля римлян».

5

Т. е. нефти.

6

Имеется в виду Восточный Азербайджан в Иране.

7

Стратиграфия — раздел геологии, изучающий формы и условия залегания горных пород.

Вади — арабское название сухих русел рек или речных долин, во время сильных ливней заполняющихся водой. Вади достигают многих сотен километров длины.

Рудбарг что означает «множество ручьев», — довольно распространенное название. Например долину ассасинов, образованную реками Шахруд и Аламут и расположенную на север от Тегерана, также называют Рудбар.

10

«Раз, два, три... о, Аллах!» (араб.)

В книге «Современная история Монголии» Боуден пишет: «Возможно, во всей истории цивилизованного мира белых страниц меньше, чем в истории Монголии XIX века». — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примечания автора.*

Здесь и далее цитируется по изданию: *Плано Карпини. История монгалов, именуемых нами татарами.* Перевод А. И. Малеина. — *Примеч. ред.*

13

По площади Монголия несколько больше (на 3 %), чем Аляска, а плотность населения в ней такая же, как в штате Невада.

Здесь и далее цитируется по изданию: *Н. Пржевальский*. Монголия и страна тангутов. Первое путешествие в Центральной Азии 1870-1873 гг. — *Примеч. ред.*

Некоторое представление о ее характере можно получить на основе того факта, что первое свое путешествие она совершала одна, а во втором ее сопровождал мистер Эдуард Галл, сотрудник китайской морской таможни, которого она называла «вспыльчивым человечком». Она вышла за него замуж.

Здесь и далее цитируется по изданию: Сокровенное сказание монголов (Монгольский обыденный сборник). Перевод С. А. Козина. — *Примеч. ред.*

Два венецианца, Никколо и Маттео Поло, добравшиеся сушей ко двору Хубилая, внука Чингисхана, получили золотую пайцзу, которая должна была помочь им вернуться на родину. Они снова воспользовались пайцзой, когда отправились к Хубилаю во второй раз; в этом путешествии их сопровождал сын Никколо — Марко.

18

Оскорбление величия (*фр.*).

Здесь и далее цитируется по изданию: *Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А. И. Малеина. — Примеч. ред.*